

БИБЛИОТЕКА КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Г. С. ГОЦ
Л. П. ДЕЛЮСИН
Д. Ф. МАМЛЕЕВ
Т. П. РЕДЬКО
Б. Л. РИФТИН
Е. А. СЕРЕБРЯКОВ
В. Ф. СОРОКИН
М. Л. ТИТАРЕНКО
Н. Т. ФЕДОРЕНКО
Л. Е. ЧЕРКАССКИЙ

Москва
«Художественная литература»
1987

ИЗ КНИГ
МУДРЕЦОВ

Проза
Древнего
Китая,

*Перевод
с китайского*

Москва
«Художественная литература»
1987

ББК 84.5Кит
ИЗ2

Составление,
вступительная статья,
статьи об авторах и комментарии
И. ЛИСЕВИЧА

Оформление художника
Ю. КОПЫЛОВА

И 4703000000-273 203-87
028(01)-87

© Состав, вступ. статья, статьи об авторах, переводы, оформление. Издательство «Художественная литература», 1987 г.

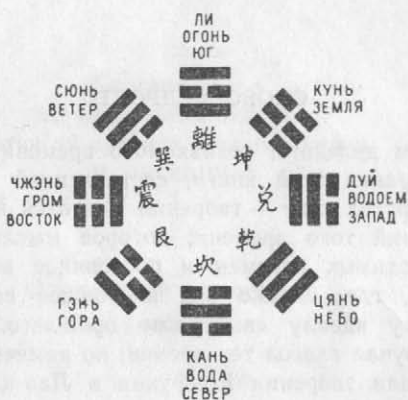
СЛОВО МУДРОСТИ

Дыханием далекого, незнакомого времени повеет на читателя со страниц этой книги, составленной из фрагментов семнадцати других книг — творений Учителей китайской древности. Творений того времени, которое мыслилось ими как поток неотвратимых перемен и постоянное возвращение на «круги своя», где, однако же, настоящее всегда уступало недостижимому идеалу «высокого» прошлого. Не металлом чаще всего звучал глагол тех времен, но камнем: на каменных стелах высекали творения Конфуция и Лао-цзы, на них же отмечали успехи ученых, продвинувшихся в науках, гудели каменные колокола и на подворьях «храмов литературы». Глубокий, ни с чем не сравнимый звук исторгает такой колокол, вытесанный в виде крыла летучей мыши, под ударами деревянного бѣла. Так же непривычно звучит поначалу и древняя китайская словесность — порождение мира, словно повернутого к нам какой-то неведомой, но значительной своей стороной. Причудливая вязь иероглифов сохранила для нас его слово, на которое сами древние смотрели как на порождение сокровенных глубин мироздания, веря, что оно не только меняет к лучшему человека, но и приносит гармонию во Вселенную.

Собранные в нашем сборнике тексты старая традиция заносила либо в раздел канонов — тех нитей основы, что стягивали воедино всю ткань китайской культуры, либо в разряд творений историографов, равно наблюдавших мир людей и знаменья небес, либо в разряд писаний тех, кого, собственно, и называли Учителями, ибо они пытались указать человеку Путь Истины. Для нас же все это философская проза, впрочем близко соседствующая с поэзией, поскольку порой к ее ритмическому складу добавляется рифма.

Истоки своей философской мысли китайская традиция относила ко временам легендарным, когда письменный знак

и философская абстракция были порождены гением совершенно-мудрого государя древности Фу Си, современника строительства Великих египетских пирамид. Подъемя взор к небесам и любясь узором созвездий, читая на земле строчки следов животных и птиц, мудрец создал восемь знаков-триграмм — комбинаций сплошных и прерывистых черт, воплотивших в себе основные образы мира, а в них — движение Пути Вселенной, неизреченного Великого Дао. Почти полторы тысячи лет спустя к будущему

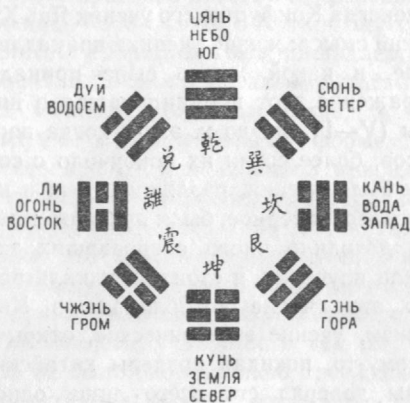

основателю Чжоуской дёржавы Вэнь-вану в подземной темнице, куда он был брошен тираном Чжоу Синем, «пришло озарение», и, записав все возможные сочетания триграмм, он создал шестьдесят четыре гексаграммы — основу будущей «Книги Перемен». По представлению китайцев, гексаграммы исчерпывали все возможные для человека и космоса ситуации, порождаемые различным соотношением Мужского и Женского начал в мире, его темных и светлых космических сил Инь и Ян, — так что «Книга Перемен» всегда могла сказать, что происходит с человеком в данный момент и что ждет его в следующий. Постепенно основной корпус книги обрастал комментариями, и, хотя гексаграммы по-прежнему служили предсказанию будущего, «Книга» все больше становилась произведением философского плана — предание утверждает, что «Десять крыльев», поддерживающих ее корпус, написаны уже Конфуцием (551—479 гг. до н. э.).

Китайская философская проза, собственно, и начинается со времени Конфуция и его современников. Это была поистине удивительная эпоха, когда, служившее достоянием лишь немногих избранных, потаенное знание внезапно выплеснулось наружу, рождая новые учения и религии, когда словно великое

озарение коснулось лучших умов человечества, и, сделавшись Учителями, они повели за собой других. Пифагор в греческих полисах Италии, Буддѣ и Махавира в Индии, Лао-цзы и Конфуций в Китае — все они провозгласили тогда учения, просуществовавшие тысячелетия и во многом определившие будущую историю человечества.

В Китае имена Конфуция и Лао-цзы открывают эпоху Классической древности, когда, подобно расцветавшим один

за другим цветом, множились и соперничали между собой философские школы, а истерзанный междоусобными войнами Китай с надеждой внимал слову мудрости. Мыслившие себя дотолѣ единым и неразрывным целым с родичами, юноши совершали вдруг отчаянный по тем временам шаг, порывая с родными местами и отправляясь на поиски Учителя... Впрочем, философская школа в Китае с самого начала именовалась «семьей» и заменяла ее; Учитель же считался в ней как бы сыном — старшим среди множества младших братьев. Скромность этого звания может ввести в заблуждение, если не вспомнить, что «сыном» назывался также император, титул которого, правда, всегда уточнялся, как «Сын Неба». Мыслились ли подобные космические параллели в отношении основоположника учения — сейчас трудно сказать, хотя кое-какие фрагменты из «Даодэцзина» — «Книги Пути и Благодати» — дают для этого основания.

Так или иначе, авторитет Учителя стоял очень высоко — ему служили не как старшему брату, но как отцу. Почтение к Учителю, так же как почтение к родителям, пронизывало всю жизнь Древнего Китая, и не было звания выше, чем наставник государя — один он не склонял пред ним колен.

Ведь наставник накладывал на чистую, как лист бумаги, духовную основу человека тот узор совершенства, который отличал его от других: так отличают барса и тигра от множества жалких тварей затейливые письмена на шкуре. «Когда благородный муж идет по дороге, по его виду сразу можно узнать, есть ли у него отец или наставник, — заметил как-то конфуцианец Цзэн-цзы (V в. до н. э.), — ведь духовная основа такого человека преображена». Потому-то не было долга священнее, чем долг перед отцом и Учителем. «Как смел бы я умереть, если Вы живы!» — сказал некогда Конфуцию его ученик Янь Хуэй, и в словах этих был глубокий смысл: жизнь ученика принадлежала учителю в той же мере, в какой жизнь сына принадлежала отцу. Наивысшее выражение этот принцип нашел в школе последователей Мо-цзы (V—IV вв. до н. э.) — когда погиб последний патриарх моистов, более сотни их покончили с собой.

Различными были учения, различным был и круг учеников. Всех многочисленнее, наверное, были приверженцы Конфуция — до трех тысяч доходило число следовавших за ним мужей, которые жаждали поучения, и стоит ли удивляться, что в конце концов именно это учение возобладало в Китае?! Совсем иным был даосизм, учение эзотерическое, открытое далеко не для всех — потому-то, покидая пределы китайских Средних царств, Лао-цзы доверил его всего лишь одному человеку, написав для него пять тысяч слов «Книги Пути и Благодати». Между двумя этими полюсами располагались остальные школы. Круг их адептов не был постоянным — то и дело к дому Учителя являлись неопиты в надежде обрести здесь свой «путь», — и пусть кто-то уходил прочь, разочаровавшись и не выдержав искуса, всегда оставалось некое ядро, следовавшее за Учителем при всех превратностях судьбы: у Конфуция таких учеников насчитывалось семьдесят два. Древний мыслитель беседовал со своими учениками на подворье и в ожидании аудиенции у государя, сидя в экипаже и готовясь отойти ко сну, толпы слушателей собирались вокруг него под старым тенистым платаном, под широкими сводами городских ворот — и в беседах этих постепенно рождались и шлифовались те жемчужины слова, те яркие и неожиданные образы, которые ныне украшают страницы старинных китайских книг.

Во времена Конфуция не столько писали, сколько записывали. По традиции, во дворцах во время приемов всегда присутствовали писцы. Сидящий слева записывал речи, являвшиеся непосредственным выражением духовного начала; сидящий справа записывал деяния — опосредованное проявление духа. Предание гласит, что одно время таким «писцом у колонны» был сам великий Лао-цзы. Потом уже из этих записей состав-

лялись летописи, собрания речей. В «Лунные» — «Суждениях и беседах» Конфуция мы найдем упоминание о том, что полюбившееся изречение Учителя ученик «записал на пояс». Собрав впоследствии все записанное и сохраненное в памяти ученики составили книгу «Суждений...» — основной источник, по которому мы ныне судим о величии мысли Конфуция. Считается, что сам он написал лишь «Весны и осени» — летопись родного ему царства Лу, где, назвав все вещи «правильными именами», произнес приговор истории неправедным правителям. Второе исключение — это «Книга о Пути и Благодати» Лао-цзы, которая, как считает традиция, тоже принадлежит кисти самого патриарха даосизма. Все же остальные древние тексты, как правило, плод коллективного творчества, и мысль Учителя предстает в них уже в опосредованной форме, донесенная так, как запомнил ее слушатель и исправил прилежный редактор. В трудах их не было небрежения или стремления следовать собственному разумению. «Передаю, но не творю!» — говорил Конфуций, и завет этот блюли его преемники. Ученик не отделял свою мысль от мысли Учителя, и даже нечто новое искренне и почтительно приписывал наставнику. Личность в философской школе уступала авторитету общности так же, как и в семье, собственное «я» не было окончательно отчуждено от множества других — потому-то мыслитель древности так легко мог расширить свое сознание до границ Вселенной и, напротив, — увидеть весь мир внутри самого себя.

Борение мысли шло в Китае до тех пор, пока власть была слабой, страна раздробленной, а Учителя оставались надеждой Поднебесной. Но вот минуло несколько веков — и кровавые войны, вероломство послов, жестокие казни заложников и страдания миллионов людей принесли свои плоды. Китай стал единым, хотя и не таким, каким его мечтал видеть Конфуций: на руинах шести низвергнутых царств поднялась первая Империя во главе с печально прославившим себя в истории Цинь Ши-хуаном.

Столетиями жизнь его родного царства Цинь была подчинена идее завоевания Поднебесной, и, чтобы заставить «черноголовых» лучше сражаться, нужны были награды и наказания, но отнюдь не мысли. «Опустошать головы и наполнять желудки» — вот над чем трудились предшественники будущего императора, и тут он, безусловно, шел дорогою предков. В каком-то смысле Цинь Ши-хуан создал идеально отлаженное государство. Прорезав горы и реки, соединили столицу с окраинами прекрасные прямые дороги, по осевой части которых, приподнятой над двумя другими полосами, могли передвигаться только император и его гонцы. Более миллиона человек всех сословий

работали на границе, возводя Великую китайскую стену, что должна была отгородить Китай от «варварского» мира, — они гибли там без счета, так что «кости умерших не давали друг другу упасть!». Еще семьсот тысяч трудились над возведением дворца императора и его подземной гробницы, являвшей в миниатюре Небо и Землю. Творения Учителей оказались не нужны императору — они могли лишь соблазнить подданных на ненужное умствование. И вот в 213 году до н. э. особым указом владыка повелел всем подданным в месячный срок сдать гражданским или военным властям хранившиеся дома книги, «дабы собрать там их в кучу и сжечь». Исключение было сделано только для книг «практического» направления — по медицине, гаданиям, сельскому хозяйству. Высочайше повелевалось всех, осмелившихся рассуждать о древних канонах, казнить на базарной площади: «тех, кто, указуя на прошлое, станет порицать настоящее, казнить вместе со всем их родом; должностных лиц, что знали, но не донесли, — казнить точно так же».

И запылали гигантские костры хорошо просушенных бамбуковых планок, на которых писались книги — мысль и знание гибли, уступая место слепому подчинению. Разумеется, что-то осталось в специальных хранилищах, и избранные ученые получали к ним доступ; но философия по особому разрешению — уже не философия. Впрочем, немалое подозрение возбуждали у правителя и сами головы, в которых все еще гнездились гонимые идеи. Уже в следующем году среди столичных ученых-конфуцианцев было проведено по указу Цинь Ши-хуана дознание: четыреста шестьдесят человек в назидание прочим живыми закопали в землю, большинство остальных сослали на принудительные работы.

К даосам поначалу отношение было иное — очень привлекала императора их идея поисков бессмертия, поскольку неумолимое время отсчитывало всесильному властителю Поднебесной последние годы. Жизнь была полна до краев, и так не хотелось оставлять эту чашу другому — ради нее император готов был даже на исполненное гордыни смирение. «Я столь почитаю праведных, что отныне буду именовать себя просто «праведником», не говоря о себе «Мы»! — обещал он наставлявшему его даосу Лушэну. Поставив другого даоса, Сюй Фу, во главе гигантской экспедиции, насчитывавшей несколько тысяч отроков и девиц, император послал его в Восточное море, к островам блаженных, за эликсиром бессмертия; однако Сюй Фу предусмотрительно не вернулся, обосновавшись вместе со спутниками на берегах будущей Японии. Другие даосы, которых в то время было не так уж много и которые всегда тяготели

к отшельничеству, бежали в горы и пустоши, не желая служить человеку, доверявшему разве что тюремщикам.

Больше всего по душе повелителю пришлось не знавшее сантиментов, туманных высоких материй и прельщавшее завидной простотой концепции «наград и наказаний» учение школы «законников». Тут владыка оказался прилежным учеником: потрясшее Поднебесную, вошедшее в мировую историю сожжение книг не было чем-то новым — оно стало лишь грандиозным повторением книжного аутодафе, некогда устроенного в масштабах его собственного царства по приказу основателя этой школы, Шан Яна. Но и законникам порой грозила опасность, ибо страшно даже благоволение деспота. Прочитав как-то творение Хань Фэй-цзы, восхищенный император воскликнул: «Мне бы, сирому, повстречаться с подобным человеком и насладиться его беседой, а после — хоть умереть!» Однако, когда Хань Фэй-цзы прибыл к его двору, врожденная подозрительность и наговоры приближенных взяли верх. И хотя в последний момент император все же отменил свой приказ о казни, оказалось поздно — отчаявшийся Хань Фэй-цзы воспользовался ядом, предусмотрительно посланным в темницу его недоброжелателем.

Все казалось выверенным в государственной машине Цинь Ши-хуана — наказания страшили нерадивых, возможность выдвинуться подстегивала тщеславных; но, как сказал когда-то Лао-цзы, «кто владеет — потеряет». Не так много защитников династии осталось после смерти Цинь Ши-хуана — его преемник казнил даже членов собственного клана и сподвижников отца. Тяжко размышлял перед тем, как принять яд, знаменитый полководец Мэн Тянь, строитель Великой стены, недоумевая, чем он, верный слуга династии, прогневал Небо, — и решил, что, строя десятитысячеверстную стену, он, конечно же, где-то перерезал вены Земли. Но действительность была много проще и прозаичнее — гигантская машина подавления, расширившаяся до возможных пределов, начала пожирать самое себя... Империя рухнула, оставив после себя горы трупов, миллионы калек и всеобщее разоренье. Подтвердилась древнеримская мудрость, гласившая, что род тирана не царствует дольше второго колена. В огне пожарищ в столичных книгохранилищах погибли последние экземпляры многих творений древних мыслителей...

Чтобы понять, чем для китайца тех времен было падение одной династии и воцарение другой, надобно знать, каким представлял он свое место в этом мире. А место это было великим — в одном ряду с Небом и Землей стоял Человек, призванный самим своим существованием преодолеть двойственность космоса, расколотого на Тьму и Свет — Инь и Ян. Человек

соединял в себе и темное и светлое, он был миниатюрным подобием Вселенной, микрокосмом, испытывавшим влияние и влиявшим на макрокосм. Вверху у него была круглая голова, подобная бесконечной окружности Неба, внизу — прямоугольные ступни, напоминающие прямоугольные поля Земли — Великого Квадрата, ограниченного двумя измерениями. Двенадцать каналов человеческого тела, проводящих живительный небесный эфир, включались попеременно вслед за появлением зодиакальных созвездий. Левый глаз, средоточие силы Ян, мыслился подобием Солнца; правый глаз, где проявлялась сила Инь — подобием Луны. Кости скелета, внутренние органы и органы чувств — все находило свое соответствие в Небесах. Даже поле изобретенных человеком магических шахмат делилось надвое Небесной Рекой — Млечным Путем; даже железный черпак изобретенного им древнего компаса был точным подобием Небесного Ковша — созвездия Большой Медведицы — и указывал своей ручкой в ту же сторону. Предваряя события в мире человека, Небо являло знаменья — образы Будущего, а воля и дела людей способны были вызвать отклик в самых отдаленных пределах Вселенной. Потому-то воцарение новой династии означало изменение поистине космического порядка.

Изменилась воля Неба, Небесный мандат, и высшая благодать — энергия движения Дао поступала ныне в мир через династию Хань. Космос словно слегка продвинулся в своем вращательном движении в пространстве и во времени, новая мировая стихия стала дозвездь во Вселенной, а с нею вместе — новый цвет, новая мировая зверь, мировой владыка, направление в пространстве... Впрочем, справедливости ради следует сказать, что взгляд этот возобладал не сразу — смущало то, что династия Цинь процарствовала считанные годы (по космическим масштабам, явно недостаточно), и в начале новой династии все еще считали, что в мире продолжает главенствовать стихия Воды. Лишь по мере возрастания могущества нового царствующего дома все менее престижным становилось для него пребывание под сенью стихии предшественника — и в царствие «Воинственного владыки» У-ди (140—86 гг. до н. э.) официально было провозглашено, что в мире возобладала стихия Земли; черный цвет официальных одежд был заменен на желтый, а Новый год в новом календаре перенесен с октября на январь...

Империя Хань во многом повторяла свою предшественницу — да и где она могла бы черпать иные образцы?! Иногда ее называют «бюрократической деспотией»; во всяком случае, изощренность ее государственной машины поражает. Нескончаемым потоком шли сверху на места распоряжения, предписания и запросы, а навстречу им поднималось столь же мощное

половодье входящих бумаг или, точнее, бамбуковых планок. История сообщает нам, что обладавший незаурядной работоспособностью Цинь Ши-хуан лично просматривал за день по 30 килограммов официальной документации; но хотя его ханьские преемники уже не отличались таким прилежанием, их чиновникам немало приходилось трудиться. Писались объяснительные записки, составлялись характеристики на должностных лиц с их стандартной формулой: «Обучен грамоте и счету, искусен в управлении, сведущ в законах». Императорский чиновник почитался «отцом и матерью» народа, что же до самого Сына Неба, то его милосердие «орошало все в Поднебесной, вплоть до животных и трав».

Поначалу объединение Поднебесной, внутренний мир и уменьшение повинностей оказались столь благотворными, что возросшее могущество поставило Китай в один ряд с двумя другими мировыми державами того времени — Парфией и Римом. Уже при первых ханьских императорах зарегистрированное население исчислялось почти шестьюдесятью миллионами — гигантская цифра для древнего мира! В оазисах Центральной Азии китайские гарнизоны взяли под свой контроль Великий шелковый путь, севернее Великой китайской стены китайские войска успешно сражались с племенным союзом гуннов (сюнну), пока те окончательно не были разбиты и не оказались вынужденными обратить свои взоры на западные земли. Росла торговля с далекими странами, росли геометрически правильные кварталы столицы и этажи ее дворцов, расцветали литература и искусство.

Надо сказать, что сильная централизованная власть не нуждалась в многоголосье мнений. В этом отношении Ханьская империя мало чем отличалась от своей недолговечной предшественницы, империи Цинь. Различие состояло только в выборе методов управления и, в соответствии с этим, в выборе философской школы, которой отдавалось предпочтение. Поскольку жесткая политика принуждения, основанная на учении законников-легистов, не оправдала себя, ханьские императоры обратились к учению Конфуция — отныне на протяжении двух тысяч лет оно будет определять лицо императорского Китая. Поворот этот произошел во II в. до н. э., в царствование императора У-ди, когда при дворе была создана своеобразная академия и учреждены должности «мужей обширных знаний» знатоков конфуцианского канона.

«Ныне наставники придерживаются разных путей, и люди судят различно; сто школ далеко отстоят одна от другой и мыслят неодинаково; высочайшему владыке не на что опереться, чтоб поддержать единство,— докладывал императору идеолог хань-

ского конфуцианства Дун Чжуншу (179—104 гг до н. э.).— Ваш подданный, по глупому разумению своему, полагает, что все, чего нет в учении Конфуция о шести искусствах, следует искоренить и не допускать, дабы пресечь дыхание лукавых речей!» Сами еще недавно казнимые и гонимые, конфуцианцы готовы были с корнем выкорчевать ростки всех «ста школ», чтобы взрастить в обширном имперском саду плоды собственной мудрости — и, разумеется, вкусить от этих плодов. Впрочем, последние приверженцы учения Мо-цзы исчезли за сто лет до упомянутого доклада, иные школы ослабли, уступив место даосизму, которому вместе с конфуцианством было суждено формировать китайскую культуру два следующих тысячелетия. Оба учения удивительно дополняли друг друга: они касались двух разных сфер и потому равно были необходимы жителю старого Китая.

Выросшие на почве единой традиции, конфуцианство и даосизм признавали высшую ценность Дао-Пути и благодатной энергии Дэ, преклонялись пред волей Неба, обращали свои взоры к «Книге Перемен». Однако если конфуцианство объектом своего внимания избрало в первую очередь человека общественного и подробнейшим образом регламентировало всю тактику и стратегию его поведения в мире себе подобных, то в центре внимания даосизма стояли человек естественный и проблемы его взаимоотношений со Вселенной. Конфуций избегал затрагивать в своих рассуждениях то, что выходило за пределы некоего нормативного мира обыденности: он «не говорил о необычном и о насилии, о смутах и о духах», он не рассуждал о смысле смерти, ибо «мы не знаем даже, что такое жизнь», все свое внимание он сосредоточил на взаимоотношениях людей которые должны быть «правильными». Но именно то, о чем не говорил Конфуций, занимало умы даосов и всех других, не желавших ограничиться строгими рамками конфуцианства. Все, что выходило за грани повседневности, все сверхъестественное стало прерогативой даосизма.

Конфуцианцы спорили и писали о ритуале, вносящем в человеческое общество иерархичность; о музыке, духовно объединяющей людей без различия званий и сословий; о почитании старшего — той основе, на которой зиждилось все древнее общество; о высочайшей внутренней гуманности, единственно способной сделать человека Человеком и потому стоящей превыше всех установлений и форм; наконец, о преданности, верности и долге. Даосы же призывали человека обратить свой взор, затуманенный многоцветьем внешнего мира, внутрь себя, к первооснове бытия. Они полагали, что лишь возвращение к младенческому «неразумию», очищение

сердца от желаний и надеяние, то есть отказ от всяких попыток насильственно переделать что-либо в этом мире, дают человеку возможность приобщения к Пути Вселенной — Великому Дао, возможность погружения в его невидимый океан, где человек, сливаясь с мирозданием, делается ему равновеликим. И, конечно же, даосы испытывали живейший интерес ко всему необычному и удивительному, ибо только в необыкновенном проявляет себя с наибольшей силой сущность. На жизнь они смотрели как на сон души — прекрасной, радужной бабочки, до времени заключенной в серую куколку тела; на смерть — как на великое пробуждение. Они пестовали и концентрировали свой жизненный эфир, перегоняя его по ретортам своего тела, дабы выплавить нетленный дух и обрести бессмертие. В конце концов даосы так увлеклись этой идеей, что наука обретения «долгой жизни» стала своего рода синонимом даосизма, а многократное соединение мужского и женского начал — непременным условием достижения этой цели.

Конфуцианские ученые-книжники были солью земли Империи, ибо они оказались ее совестью: в своей борьбе за идеалы «гуманного правления» они не щадили себя и порой высказывали свое неодобрение даже Сыну Неба. Они жаждали найти применение своим талантам — но не любой ценой; делать карьеру при дурном правителе считалось недостойным «благородного мужа». Даосизм же давал выход тому, для кого тесной становилась даже регламентированная добродетель конфуцианства, — отшельники и аскеты, алхимики и оккультисты, даосы не только культивировали в себе сверхъестественные способности, но и не чуждались «смуты»: в гигантских крестьянских войнах, приведших сначала к падению Ранней Ханьской династии (II—I вв. до н. э.), а затем и Поздней (I—II вв.), они принимали самое активное участие.

В эпоху Хань даосизм разделился на несколько направлений, порой откровенно религиозных и мистических; конфуцианство же, напротив, унифицировалось. Однако не будет ошибкой сказать, что эпоха эта благоприятствовала обоим учениям. Ее не случайно сравнивают с периодом эллинизма в греческом мире: как и там, это было временем возрождения стоявшего на грани гибели классического наследия. Извлекали замурованные в стенах домов, спасенные от сожжения старинные книги; на вес золота скупали недостающие главы, случайно сбереженные в отдаленных селениях; записывали тексты, сохраненные памятью древних стариков. А после, в гигантских императорских книгохранилищах, снова сличали версии, исправляли и редактировали тексты — ведь со временем истлевали даже кожаные ремешки, соединявшие дощечки в связки.

«Легионы писаний» прошли через руки императорского библиотекаря Лю Сяна (77—6 гг. до н. э.) и его сына Лю Синя (53—23 гг. до н. э.), положивших жизнь свою на приведение в порядок древних рукописей. И не только мысль древних авторов сохранили они — исполнен глубокого смысла был их труд. Обретал свое место узор письмен — и ему откликался космический узор гор, рек и созвездий, в соответствие со словами приходила обозначенная ими сущность. Вселенная следовала за делами людей, подобное исцелялось подобным.

Странным предстает нашему взгляду этот мир, столь далекий от нас в пространстве и времени: он словно слегка повернут в другую сторону. Мы «правши» не только по привычке, но и по убеждению: для нас слово «правое» синоним «правильного». Однако для старого Китая превосходство правой стороны было вовсе не так безусловно — скорее наоборот. Как писал когда-то Лао-цзы, «древние почитали левое», и «левый министр», подобно другим чиновникам, считался по званию старше «правого»: левая сторона была «мужской», «небесной», все благовещие признаки появлялись слева, и слева садились мужчины за обеденный стол. Китайский компас, оказавшись в Европе, стал показывать на север — однако в Китае он вполне справедливо именовался «иглой, указывающей на юг». Древний китаец мыслил свой мир как бы обращенным к солнцу — оттого так трудно бывает непривычному человеку разобраться в старинных китайских картах, повернутых, по сравнению с нашими, на сто восемьдесят градусов, ибо древние смотрели на юг, а не на север.

Все самое важное — Бытие и Небытие, Жизнь и Смерть, Добро и Зло, Дух и Вещь, Тьму и Свет — древний китаец воспринимал несколько по-иному, ибо все в его мире порождалось Единым и тяготело к нему. Для нас окружающее бытие — единственная и наивысшая реальность, оно — ориентир и точка отсчета для любых умозрительных построений; «войти в мир» — говорим мы о родившемся ребенке, потому что мы — здесь и он приходит к нам. Но в Древнем Китае слово «войти» равнозначно было выражению «покинуть мир», ибо основой и точкой отсчета являлось всепорождающее небытие: младенец «выходил» на короткий срок в мир цвета, звука и форм, а затем «входил» обратно в пустоту небытия, куда возвращалось все сущее. «Из ничего не выйдет ничего!» — воскликнул Шекспир устами одного из героев «Короля Лира», очень по-европейски формулируя житейский взгляд на отношение бытия и небытия. В глазах же древнего китайца ничто рождало все, ибо смерть и пустота были не столько «ничем», сколько инобытием мира, где образы и духовные зерна жизни находили свое успокоение,

растворяясь в Едином и вновь возникая из него, когда приходил срок. Сосредоточив свой внутренний взор, мудрец мог преодолеть непроглядность небытия, прозреть уход ныне существующего и нарожение нового, сокрытого во тьме времен.

Дойдя до пределов пустот,
Сосредоточусь в недвижности и покое.
Там сотворяются купно мириады вещей,
И я наблюдаю за их возвращением.
Вот вещи роятся —
И каждая снова вернется к корням.
Возвращение к корню — успокоенье,
В успокоении — обретение новой судьбы,—

так живописал Лао-цзы этот процесс медитативного прозрения, приобщения к току «Пути Вселенной» — Великому Дао, пребывающему в Небытии. Подобно вселенскому Плавильщику или Гончару, Дао создавало в огне мировых сил бесчисленные и многообразные сосуды — людей, но когда они приходили в негодность, оно переплавляло их все в новые и новые формы. Мог ли гневаться утлый сосуд на своего создателя, придавшего ему те или иные очертания на колесе бесчисленных превращений, или роптать на свою судьбу? — ведь вечен плавильщик и вечен его материал и то, что нынче зовется человеком, может стать завтра крылом цикады или стеблем тростника; смерти нет, существуют лишь превращения...

И было еще одно, что снимало трагедию смерти, — иное отношение к себе и другим. Нам, единственным или почти единственным детям, трудно представить, как относились друг к другу члены большой семьи, почти невозможно увидеть мир глазами члена гигантского клана, где счет родных велся на тысячи. Границы личности оказывались как бы размытыми, человек еще не мыслил себя в отрыве от других, он был частью клана, составляя вместе с родными как бы единое тело. Потому-то, покидая солнечный земной мир, он не покидал его целиком. Восседая на резном лакированном кресле в поминальной табличке, заменяющей брентную плоть, земная душа умершего принимала жертвы в родовом храме. Ей докладывали обо всем, что случилось значительного в семье, у нее почтительно испрашивали совета, сюда сходились все потомки пировать вместе с предками многих поколений. Европейские путешественники поражались, случайно узнав, что в семье их хозяев-крестьян есть родословная книга с именами всех предков, порой за тысячу лет — их знали и помнили. А духи предков хранили живых, и связи с миром духов не рвались никогда — пока оставался на земле хоть один ~~мужчина~~ из рода. То,

ради чего египтяне строили пирамиды и потайные гробницы, вручая судьбу своих душ мертвому камню, в Китае хранилось потомками. Свергая лишённую благоволения неба династию, гуманные государи древности сохраняли ее храмы предков и даже жаловали им в кормление удел, а жестокие владыки, напротив, сжигали храмы — и не было для потомков горшего несчастья! Но чтобы быть спокойным за посмертную судьбу своей души, нужны были наследники, сыновья, потому-то, как гласила «Книга сыновней почительности», из всех видов непочитания родителей «наихудший — не иметь потомства». Китаец всегда жаждал иметь как можно больше сыновей — столько, сколько зерен в плоде граната; ничего прекрасней нельзя было ему пожелать: дети были залогом бессмертия и довольства души.

Надо, однако, сказать, что умы мудрецов Древнего Китая, так много говоривших о человеческих взаимоотношениях, совершенно не занимало чувство любви. Конечно, каждому категоричное утверждение в такой сложной проблеме неизбежно станет натяжкой, однако бесспорно, что в Китае человек вовсе не должен был любить бога или своего ближнего: он обязан был лишь неукоснительно исполнять ритуал, который больше известен нам под именем «китайских церемоний», а применительно к ближним соблюдать «пять отношений», то есть проявлять почительность к вышестоящим и старшим, милосердие к нижестоящим и младшим, достойное отношение к равным. Слова любви... как много значили они для человека во все времена! «Бог есть любовь», — провозглашала христианская традиция, и о возвышенной, жертвенной любви к нему и ближнему своему люди повторяли из века в век. Что осталось бы от европейской литературы, если бы мы изъяли из нее тему любви? — поистине, совсем немного! Однако в Китае проповедь «всеобщей любви», прозвучавшая в последние века до н. э. в речах Мо-цзы и его последователей, очень скоро заглохла и уже больше не возрождалась, оставшись за пределами главных путей развития философской мысли.

Одними из самых фундаментальных понятий европейской, да и не только европейской, культуры являются категории добра и зла, к которым могут быть сведены многие другие. Знакомясь с творениями китайских мудрецов, читатель без труда убедится, что понятия «добро» и «зло» не противопоставлены в них решительно друг другу, ибо, в сознании древнего китайца, противоположности всегда тесно связаны между собой и взаимно порождаются.

Вообще европейскому уму свойственно более категорично разделять мир на полярные противоположности, нежели это

делали мыслители Древнего Китая. Вспомним шутовской и, вместе с тем, зловещий образ Коровьева в романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»: в «ночь, когда сводятся все счеты», таинственный и омерзительный фигляр преобразается — «на месте того, кто в драной цирковой одежде покинул Воробьевы горы под именем Коровьева-Фагота, теперь скакал, тихо звеня золотой цепью повода, темно-фиолетовый рыцарь с мрачайшим и никогда не улыбающимся лицом. Он уперся подбородком в грудь, он не глядел на луну, он не интересовался землей под собою, он думал о чем-то своем, летя рядом с Воландом.

— Почему он так изменился? — спросила тихо Маргарита под свист ветра у Воланда

— Рыцарь этот когда-то неудачно пошутил,— ответил Воланд, поворачивая к Маргарите свое лицо, с тихо горящим глазом,— его каламбур, который он сочинил, разговаривая о свете и тьме, был не совсем хорош. И рыцарю пришлось после этого прошутить немного больше и дольше, нежели он предполагал.

Читающий роман никогда не узнает, что хотел этим сказать Воланд. И лишь тому, кому исследования помогут проникнуть в тайнопись Булгакова, откроется прототип героя романа — альбигойского еретика, провансальского рыцаря-трубадура, сложившего некогда стихи на смерть гонителя альбигойцев, свирепого герцога де Монфора. Поистине неудачны и святотатственны оказались его восторженные слова: «из тьмы сотворился свет», ибо они оскорбили и силы Света, и силы Тьмы, между которыми не может быть примирения и тем более взаимопревращения. «Бог есть Свет и нет в нем никакой Тьмы,— читаем мы в «Деяниях Апостолов»,— ему же противостоит Князь Тьмы, Дьявол» Абсолютный Свет и Абсолютная Тьма — между ними только борьба, которая неизбежно должна закончиться победой светлых сил и поражением темных.

Не так в Китае. Взгляните на знаменитую эмблему Великого Предела (стр. 5), где, словно два эмбриона, слились символы Темного начала — Инь и Светлого — Ян. Как мягко, как постепенно убывает одно и возрастает другое: они не борются, но, дополняя друг друга, образуют гармонию Единого. И даже там, где одно из начал достигает апогея развития, на темном поле Инь мы видим маленькую светлую точку Ян, и наоборот: на светлом поле Ян — темную точку Инь, ибо нет абсолютных света и тьмы, но каждое из начал несет внутри себя потенцию второго. Их разделение, с точки зрения китайца, противоестественно, и если оно все же произошло, тогда небеса

сотрясает гром и землю увлажняют дожди, восстанавливающие утраченную мировую Гармонию.

Если европейская традиция начинает свою оппозицию с понятия Света, то китайские мыслители первым членом двойцы всегда ставят Темное начало Инь, которое символизирует также Покой и Небытие. «То Инь, то Ян — таков Путь Вселенной», — читаем мы в знаменитой «Книге Перемен», и постоянный этот круговорот, включающий в себя великие и малые, но подобные друг другу циклы, вполне заменяет китайскому мыслителю идею поступательного движения человечества. Надо сказать, что концепция прогресса вообще чужда старой китайской философии — более того, она подчас заботится о том, чтобы предотвратить самую возможность такого прогресса, оборвать еще только намечающиеся социальные связи и претворения идей. Замкнутые сообщества не развиваются — и Лао-цзы призывает лишь слушать лай собак и пение петухов в соседних царствах, никогда с ними не общаясь и не пускаясь в дальние путешествия, ибо познать Небесный Путь можно и не выходя со двора. Прошлое особенно драгоценно, оно безусловно, его невозможно отнять — и потому ориентироваться нужно именно на прошлое, видя в будущем в лучшем случае его повторение. «Назад и выше!» — так мог бы сформулировать кредо старого Китая любитель парадоксов, ибо ушедшее в его глазах почти всегда как бы возвышается над сегодняшним днем, и там, где для нас привычно сочетание «старина глубокая», китаец говорил «высокая старина». Старый Китай всегда поклонялся традиции — и она стала той силой, которая уберегла его от исчезновения, в отличие от Римской империи. Разумеется, и в старом Китае были поклонники новизны, но им всегда приходилось выступать против презумпции традиции.

Но было и другое — общее для всего древнего мира, общее для человечества вообще: сквозь даосскую проповедь об избавлении от желаний и боязнь конфуцианца «потерять лицо» в творениях древних проступают лики ненависти и нежности, боль страдания и торжество властолюбия, суровая жертвенность и мучительность сомнений. Ничто человеческое не чуждо людям Древнего Китая: его история и философская мысль чаще всего лишь по-своему расставляют акценты. Особенное проступает на фоне общечеловеческого — именно поэтому китайские мыслители вызвали столь живой интерес у Льва Толстого и Германа Гессе, Бертольта Брехта и Джерома Д. Сэлинджера, а «Даодэцзин» вошел ныне в число наиболее часто переводимых в мире книг.

Тождество хода мысли претворялось в тождество образов, и порой сквозь чуждые реалии мы узнаем в притчах китайских

Учителей знакомые сюжетные коллизии и знакомых героев. Вот мы читаем у Ян Сюна (I в. до н. э.— I в. н. э.) об овце, напялившей тигровую шкуру, но сохранившей старые привычки — тянуться к сочной траве и бояться барсов; вот в «Замыслах враждующих царств» встречаем рассказ о простодушном тигре, который, идучи вослед за лисой, думал, что все бегут именно от нее — и невольно вспоминаем басни Эзопа... В тех же Эзоповых баснях мы находим историю пастушка, который так часто подшучивал над односельчанами, крича: «Волк!», что никто не пришел его спасать в минуту смертельной опасности, а у Хань Фэй-цзы — притчу о царе Ли-ване, ставшем, потехи ради, бить в сигнальные барабаны и устроившем ложную тревогу, — но все с тем же печальным концом... А в «Веснах и осенях Люй Бувэя» перед нами предстает фрагмент, воскрешающий в памяти уже библейский сюжет: матери древнего героя И Иня было видение покинуть родные места и, не оборачиваясь, идти на восток, как только из ямы, где толкут зерно, покажется вода. Пройдя десять ли, она все-таки обернулась и, остолбенев от ужаса, превратилась в тутовое дерево, — как тут не вспомнить жену Лота, в аналогичной ситуации обратившуюся в соляной столб! Закончить этот краткий перечень можно образом лягушки, всю жизнь проведенной в старом колодце и потому не способной судить о величии Океана — его мы обнаружим не только у Чжуан-цзы, но и в индийских «Упанишадах». Что же до общности моральных концепций, то, вслед за Львом Толстым, отметим хотя бы универсальный принцип «не делать другому того, чего себе не желаешь» — эти слова читатель прочтет в «Суждениях и беседах».

Китайская философская проза поражает своей парадоксальностью и лаконизмом, ее творения вели счет не страницам — их ведь и не было, а знакам: сюжет древней притчи мог быть развит всего в каких-то тридцати—сорока иероглифах. Легенда утверждает, что законченный текст «Весен и осеней Люй Бувэя» был вывешен у городских ворот с обещанием тысячи золотых тому, кто исправит хотя бы один иероглиф; но награда так и не была востребована.

Празда, невзирая на такую отточенность древнего текста, мы не заметим в нем привычной нам логической организованности: порой он может показаться нам просто хаотичным собранием мало связанных друг с другом высказываний и притч, иероглифической регистрацией «потока сознания». Случайными кажутся названия отдельных разделов, иногда обозначенных просто начальными иероглифами текста. «Учиться и...» называется первая глава конфуцианского канона «Суждений и бесед», поскольку она открывается словами Конфуция: «Учиться

и постоянно повторять — разве это не прекрасно?» Впрочем, именно в этих словах, быть может, скрыта разгадка отношения человека древности к книге. Повторять — не только для того, чтобы логически осмыслить и заучить или приобрести определённое знание, но чтобы снова и снова пройти своей мыслью путь, пройденный мыслью Учителя. Идти его путем, отождествляя себя с ним, и тем самым приобщаться к обретенной им благодати — вот смысл подобного чтения, являвшегося еще и своеобразной медитацией, погружением в сокровенное. И когда дети хором повторяли текст, подчас еще не понимая его смысла — внешняя эта бессмысленность искупалась общением со словом на уровне более глубоком. Потому-то так высоко ценились в древней литературе иносказание, мысль, «не исчерпываемая словами», образ, способный пробудить в душе далеко идущие ассоциации.

Построение древней книги порой напоминало «облачную перспективу» китайского пейзажа, где за слоями облаков вставали все новые и новые горные вершины: профан, читавший даосские рассуждения о методах покорения Поднебесной, мог не пойти дальше этого, но посвященный понимал, что речь идет об овладении сокровенными тайнами Вселенной... Принципы композиционной организации текстов также не лежали на поверхности. По-видимому, не последнюю роль здесь играла магия чисел. Не случайно «Книга Пути и Благодати» имеет восемьдесят один раздел — цифра, постоянно встречающаяся в китайской культуре в самых различных сочетаниях и выражающая предельное совершенство: девятка, помноженная на девятку, триада, возведенная в степень. Ученые полагают, что девятиричное членение вообще свойственно китайскому канону — не только даосскому...

Как далеко простирается во времени Древний Мир и где кончается древнекитайская литература — об этом среди ученых нет единого мнения. Чаще всего закат древности в Китае отождествляют с падением Поздней Ханьской династии (начало III в.), когда великая мировая держава делится на три царства и медленно изменявшиеся ранее отношения зависимости между людьми обретают новые формы. Китай впервые утрачивает свою относительную отгороженность от внешнего мира: его Север постепенно захватывают орды кочевников-тюрок, создающих свои династии и «империи», а в сфере идеологии утверждает себя пришедший из Центральной Азии буддизм, который встает в один ряд с исконно китайскими учениями — даосизмом и конфуцианством.

Правда, «буддийское завоевание» Китая отнюдь не означает отрицания всей предшествующей традиции, как это произошло

в Римской империи с победой христианства: напротив, мы найдем немало книг, утверждающих, что «у трех учений — один исток» и они просто дополняют друг друга. И тем не менее, все очень заметно меняется в Китае эпохи Шести династий (III—VI вв.); по сравнению с древней эпохой Хань — даже чисто этнически китаец не остается прежним. Трансформируется география: центр культуры с Севера, из долины реки Хуанхэ, перемещается на некогда полудикий Юг, в долину Янцзы. Претерпевают трансформацию конфуцианство и даосизм. Первое становится все более официозным: это не «религия ученых», как его иногда называют, а скорее учение чиновников, обязательное прежде всего для публичной деятельности, служебной карьеры и регуляции взаимоотношений в «маленьком государстве» — большой семье. Даосизм же все более начинает тяготеть к мистике, к поискам эликсира бессмертия, к «чистым беседам», уводящим от официальной суеты; все больше людей, симпатизирующих даосизму, отдают себя «ветру и потоку» естественного бытия.

В страшную пору крушения Древнего Мира скрытое вдруг обнажилось, передававшееся от Учителя к ученику знание во времена упадка учения было доверено страницам книг. В чем-то даосизм стал смыкаться с буддизмом, а одно из его ответвлений обрело собственную церковную организацию, во главе которой стали «небесные наставники» — «даосские папы», как их иногда называют, потомки вождя народного восстания «желтых повязок» Чжан Цзюэ (? — 184 г.). И хотя в нашем сборнике не представлены китайские буддийские памятники, ибо те целиком лежат уже за пределами Древнего Китая, продолжение даосской традиции читатель может проследить по текстам «Бао Пу-цзы» и «Гуань Инь-цзы».

На рубеже II и III веков наступил момент, когда Древний Китай начал разрушаться катастрофически быстро — и в этом его крушении заметно пугающее сходство с крушением Древнего Мира на Западе. Нет, полной синхронности не было: гунны взяли столицу Китая приступом в 311 году, а вестготы Рим — только в 410 году; три императора появились в Римской империи на рубеже III и IV вв., когда Китаем уже несколько десятилетий правили три «Сына Неба», а страшное чумное поветрие, опустошившее Рим в 167 году, пришло в столицу Китая только через пятьдесят лет. Но общая картина повторяется так, будто незримая стрелка исторических часов подходит вдруг к роковой черте, и организм империи, утратив жизненную силу, сморщивается и начинает опадать на глазах... Словно бы в Поднебесной иссякает запас «небесной благодати» или, говоря более современным языком, некий энергетический потенциал Дэ, питаемый незримым механизмом Дао — так, во всяком

случае, представляли себе этот процесс древние. Старому «синему небу пришел конец», — публично провозгласили даосские вожди крестьянского восстания «желтых повязок», обещая приход нового «неба», нового мира. И действительно, им суждено было сообщить старому миру тот последний толчок, который увлек его в пропасть небытия, освободив место для нового мира, условно называемого китайским средневековьем. А от древности до нас дошли сокровища ее культуры и книги ее мыслителей, которые не оставляют читателя равнодушным даже по прошествии почти двух тысяч лет.

В русском переводе такая древняя книга начинает жить новой жизнью — жизнью для нас, и, конечно же, за переходом ее в иное пространственное и временное измерение следуют какие-то потери. Текст утрачивает известную живописность, ибо читатель лишается неразрывности восприятия мысли и образности иероглифа. О скрытой стройности текста он может только догадываться, тем более что наш сборник состоит из фрагментов. Однако сохраняется главное: творческая неповторимость, сила и глубина мысли, воплощенная в точно выбранном слове, величие человеческого гения.

И. С. Лисевич

ИЗ КНИГ
МУДРЕЦОВ
КОНФУЦИАНСКОЙ
ШКОЛЫ

ИЗ „ЛУНЬЮЯ”

«Луньюй» — «Суждения и беседы» — один из самых древних, известных и почитаемых канонов конфуцианства. Вместе с «Мэн-цзы», а также с двумя небольшими произведениями, первоначально входившими в «Лицзи» («Книгу Ритуала»), он составил знаменитое конфуцианское четверокнижие («Сышу») — основу обучения в старом Китае. Это была одна из первых книг, которую выучивал наизусть в школе каждый образованный китаец и с которой он всю жизнь сверял свои слова и поступки.

«Луньюй» содержит высказывания Конфуция, записанные его учениками. Русский перевод названия — «Суждения и беседы», не совсем точен, однако он правильно передает содержание памятника и звучит много лучше буквального перевода: «Обсужденные изречения». «Обсужденные» потому, что, собравшись вместе, ученики сообща создавали эту книгу, тщательно обговаривая и сверяя все то, что сохранилось в записях и в памяти каждого. Созданная в V в. до н. э., она пережила книжные костры Цинь Ши-хуана и дошла к эпохе Хань в трех редакциях: в «краткой», сохранившейся в родном царстве Конфуция — Лу (20 глав или свитков), в «пространной», бытовавшей в приморском царстве Ци (22 главы), и в «древней», якобы замурованной в стене дома Конфуция и затем, при перестройке, обнаруженной одним из его потомков. Сейчас трудно сказать, какая из них послужила основой современного текста — скорее всего, все они, поскольку в эпоху Хань текст редактировался и унифицировался.

Выбранные фрагменты дают довольно полное представление об этико-политических взглядах Конфуция, который рассматривал государство как подобие большой семьи и во главу угла ставил нравственное совершенствование человека. Если же мы подойдем к «Суждениям и беседам» с литературной точки зрения, то обнаружим в них удивительно яркий образ самого Учителя, ведущего учеников не к накоплению суммы знаний, но к познанию Истины.

Высказывания Конфуция порой вызывали у европейцев недоумение, их называли «банальными», а великий Гегель как-то заметил, что для славы Конфуция было бы лучше, если бы его высказывания никогда не были переведены. Надо сказать, что с непониманием Конфуций сталкивался и при жизни. Как-то, прибыв в старый храм в столице древних правителей Китая, Учитель стал почтительно расспрашивать о церемониале. Слышавшие это были удивлены: «Какой же он мудрец, если даже церемониала не знает!» — «Но в этом-то и состоит церемониал!» — ответил им Конфуций, никогда не забывавший о скромности.

Правители с недоверием относились к странному человеку в непривычно простом платье, который пытался наставлять их в делах государственного управления. Простые люди ждали от его знаний сиюминутной пользы и недоумевали, если он не мог дать дельного совета, как сажать капусту, или спрашивал, где брод на реке, — какой же он после этого мудрец! Его готовность склонить голову перед образцами мудрости и добродетели умаляла его в глазах многих современников, а потомкам казались смешными и вредными его старания приблизиться к сущности через внешнее.

Однако удивительным образом этот человек оказался за пределами привычной связи времен. Все время обращенный мысленным взором в сторону глубочайшей древности, он оставался сугубо современным в каждую новую эпоху, и даже в двадцатом веке его имя вызывало самое бурное кипение страстей. Не слишком продвинувшийся при жизни в табели о рангах, после смерти он был удостоен титула вана, принадлежавшего в его время только царям. И хотя большинству оказались доступны лишь самые простые истины его учения, оно оказало глубочайшее влияние на становление всей традиционной китайской культуры, обусловив многие ее достоинства — и многие недостатки.

На русский язык «Суждения и беседы» переводились несколько раз: полностью — известным русским китаеведом П. С. Поповым в 1910 году, частично — акад. В. М. Алексеевым, акад. Н. И. Конрадом и другими.

ИЗ ГЛАВЫ I

1. Учитель говорил:

— Учиться и постоянно повторять усвоенное — разве это не прекрасно! А если издалека придет друг — разве это не радостно! Его не понимают, а он не огорчается — разве это не достойный муж!

3. Учитель говорил:

— Те, что ловки в речах и приятны обличьем, редко бывают подлинно человеческими.

4. Цзэн-цзы говорил:

— Я каждодневно, по несколько раз, проверяю себя — до конца ли я искренен в своих советах? Вполне ли предан друзьям? Осуществляю ли заветы Учителя?

14. Учитель говорил:

— Достойный муж в еде не ищет сытости, в жилье не ищет удобства. Он усерден в делах и сдержан в речах. Общаясь с людьми добродетельными, себя по ним исправляет — вот о ком можно сказать, что он ревностен в учении!

16. Учитель говорил:

— Не огорчаюсь, если люди меня не понимают, — огорчаюсь, если я не понимаю людей.

ИЗ ГЛАВЫ II

1. Учитель говорил:

— Правление, исходящее из благодати, подобно Полярной звезде: она стоит на своем месте, а все прочие звезды вращаются вокруг.

4. Учитель говорил:

— В пятнадцать лет я устремился к знаниям. В тридцать — установился. В сорок — перестал сомневаться. В пятьдесят — познал волю Неба. В шестьдесят — мой слух стал мне послушен. В семьдесят — следую желаниям сердца, не преступая меры.

5. Мэн И-цзы спросил, в чем состоит сыновний долг. Учитель сказал:

— Не нарушать положенного.

Фань Чи правил колесницей, и Учитель поведал ему:

— Мэн Сунь спросил у меня — в чем состоит сыновний долг. Я ему ответил: не нарушать положенного.

— А что это значит? — спросил Фань Чи.

И Учитель сказал:

— Пока родители живы — служить им, как положено. Когда умрут — похоронить, как положено, и приносить положенные жертвы.

6. Мэн Убо спросил, что такое почтительный сын. Учитель сказал:

— Тот, кто способен огорчить отца и мать лишь своей болезнью.

7. Цзюю спросил, что такое почтительный сын. Учитель ответил:

— Нынче почтительным сыном называют того, кто в силах прокормить отца и мать. Но ведь собак и лошадей тоже кормят. Если нет уважения к родителям — то в чем же разница?

11. Учитель говорил:

— Тот, кто усвоил старое и способен понимать новое, может быть наставником.

13. Цзыгун спросил, каков должен быть достойный муж.

— Сперва исполняет задуманное, — сказал Учитель, — и лишь потом об этом говорит.

15. Учитель говорил:

— Если учиться и не думать — запутаешься. Если думать и не учиться — впадешь в сомнения.

17. Учитель сказал:

— Ю! Научить тебя, что такое знание? Если что знаешь — считай, что знаешь. Если чего не знаешь — считай, что не знаешь. Вот это и есть знание¹.

19. Князь Ай-гун спросил:

¹ Возможен и такой перевод: «Знать, что ты знаешь, и знать, чего ты еще не знаешь, — вот это и значит — знать».

— Как заставить народ повиноваться?

Учитель Кун ответил ему так:

— Если возвышать честных над бесчестными, народ будет повиноваться. А если возвышать бесчестных над честными, народ повиноваться не будет.

ИЗ ГЛАВЫ III

3. Учитель говорил:

— Если человек не человечен, что он поймет в обрядах? Если человек не человечен, что он поймет в музыке?

ИЗ ГЛАВЫ IV

3. Учитель говорил:

— Лишь истинно человеческий человек способен любить и способен ненавидеть.

8. Учитель говорил:

— Если утром постиг истину — можешь умирать хоть в тот же вечер!

9. Учитель говорил:

— Если ученый муж стремится к истине, но при этом стыдится бедной одежды и грубой пищи, то с ним и говорить не стоит.

14. Учитель говорил:

— Не тревожьтесь о том, что нет у вас должности, а тревожьтесь о том, как быть ее достойным. Не тревожьтесь о том, что никто вас не знает, а старайтесь заслужить, чтоб узнали.

16. Учитель говорил:

— Достойный муж сведущ в том, что должно. Мелкий человек сведущ в том, что выгодно.

17. Учитель говорил:

— Увидишь мудреца — подумай о том, как с ним сравняться. Увидишь глупца — загляни в самого себя.

18. Учитель говорил:

— Ухаживая за отцом и матерью, увещивайте их мягко. Если видите, что они не хотят следовать вашим желаниям, все равно будьте почтительны и не

нарушайте правил приличия. Даже если скорбите в душе, не выражайте досады.

19. Учитель говорил:

— Пока родители живы, не уезжайте далеко. А уж если поедете, так чтоб они знали — куда.

21. Учитель говорил:

— Годы отца и матери нельзя не помнить: и радуешься их долголетию, и страшишься за них.

22. Учитель говорил:

— В древности высказывались мало — боялись не успеть за собственными словами.

23. Учитель говорил:

— Осмотрительные редко ошибаются.

24. Учитель говорил:

— Достойному мужу подобает быть неторопливым в словах и скорым в делах.

25. Учитель говорил:

— Добродетельный человек не одинок — непременно найдутся единомышленники.

26. Цзью говорил:

— Будешь назойлив в служении государю — навлечешь на себя бесчестье. Будешь назойлив в дружбе — отдалешь от себя друзей.

ИЗ ГЛАВЫ V

2. Учитель сказал о Нань Жуне:

— Когда в государстве была справедливость — не был отвергнут. Когда справедливости не стало — сумел избежать казни и срама.

И отдал за него племянницу.

5. Кто-то сказал:

— Жань Юн человечен, но не красноречив.

— А на что ему красноречие? — возразил Учитель.— Подавлять людей многословием, вызывая в них раздражение... Не знаю, насколько он человечен. Но на что ему красноречие?

10. Цзай Юй спал днем.

— Трухлявое дерево, — сказал Учитель, — не годится для поделок. Стена из навоза не годится для побелки. Так стоит ли упрекать Юя?

И добавил:

— Прежде я верил людям на слово: если сказали — значит, так и сделают. Теперь же я слушаю, что они скажут, и смотрю, что станут делать. Я переменялся к ним из-за Юя.

12. Цзыгун сказал:

— Не хочу, чтоб меня обижали. И сам никого не хочу обижать.

Этого, Сы, тебе не добиться,— сказал Учитель.

15. Цзыгун спросил:

Отчего Кун Вэнь-цзы, «Просвещенный», получил такое прозвание?

— Он был умен и любознателен,— ответил Учитель,— и не стыдился спрашивать у низших. Оттого и назвали его «Просвещенным».

19. Цзычжан сказал:

— Чуский Цзывэнь трижды становился первым министром — и на лице его не было радости. Трижды получал отставку — и на лице не было досады. Оставляя свой пост, непременно знакомил преемника со всеми делами. Что можно сказать о таком человеке?

— Что он истинно предан,— ответил Учитель.

— А был ли он истинно человеческим? — спросил Цзычжан.

— Не знаю,— сказал Учитель.— Да и можно ли это считать проявлением истинной человечности?

Цзычжан продолжал:

— Когда циский Цуй-цзы убил своего государя, у Чэнь Вэнь-цзы было десять конных упряжек,— он бросил их все и бежал. А прибыв в другую страну, заявил: «Здесь правитель — совсем как наш Цуй-цзы». И снова бежал. Прибыл еще в одну страну и опять заявил: «Здесь правитель — совсем как наш Цуй-цзы». И снова бежал. Что можно сказать о таком человеке?

— Что он истинно честен,— ответил Учитель.

— А был ли он истинно человеческим? — спросил Цзычжан.

— Не знаю,— сказал Учитель.— Да и можно ли это считать проявлением истинной человечности?

20. Цзи Вэнь-цзы, прежде чем взяться за дело, обдумывал его трижды. Учитель, услышав об этом, сказал:

— Дважды обдумать — уже достаточно.

21. Учитель говорил:

— Пока в государстве была справедливость, Нин У-цзы был рассудителен. Когда справедливости не

стало — прикинулся дураком. Быть, как он, рассудительным — и другому под силу. А вот взять да, подобно ему, прикинуться дураком — другому уже не под силу

26. Янь Юань и Цзылу стояли подле Учителя.

— Расскажите-ка мне,— сказал Учитель,— чего бы вы оба хотели?

— Я бы хотел,— ответил Цзылу,— делить и повозку, и платье с друзьями. А если сломают, изнасят — не досадовать.

— А я бы хотел,— сказал Янь Юань,— не кичиться достоинствами, не выставлять напоказ заслуги.

А Цзылу добавил:

— Хотелось бы услышать и о желаниях Учителя.

И Учитель ответил им так:

— Чтобы старики жили в покое, чтобы друзья были верными, а молодые — заботливыми.

28. Учитель говорил:

— Даже в деревушке с десятком дворов непременно найдется человек столь же верный и преданный, как я. Но не найдется столь же ревностного в учении.

ИЗ ГЛАВЫ VI

3. Князь Ай-гун спросил:

— Кто из ваших учеников более прочих прилежен в учении?

Учитель Кун ему ответил:

— Был такой Янь Хуэй — вот он был прилежен. Гнев на других не срывал, ошибок не повторял. К несчастью, мало прожил и умер. А ныне таких уж и нет: я даже и не слышал, чтобы кто-нибудь был так же прилежен

11. Учитель говорил:

— До чего же мудр Хуэй! Корзиночка риса, ковшик воды... Ютится в нищем закоулке... Другой бы не вынес такого. А Хуэй всегда весел. До чего же он мудр!

12. Жань Цю сказал:

— Не то чтоб я не оценил вашего учения — просто сил не хватает.

— Если б не хватало сил,— сказал Учитель, ты изнемог бы где-нибудь на полдороге. А ты и не начинал шагать.

18. Учитель говорил:

— Если естество в человеке одолеет культуру — получится дикарь. Если культура одолеет естество — получится книжник. Лишь тот, в ком естество и культура уравновешены, может стать достойным мужем.

22. Фань Чи спросил, что следует считать разумным.

— Служить народу, как подобает, — ответил Учитель, — почитать духов и богов, но держаться от них подальше — вот что можно назвать разумным.

Фань Чи спросил, что следует считать истинной человечностью.

— Тот, кто истинно человечен, — сказал Учитель, — всего добивается собственными усилиями — вот что можно назвать истинной человечностью.

ИЗ ГЛАВЫ VII

8. Учитель говорил:

— Того, в ком нет стремления к знаниям, не стоит направлять. Тому, кто не затрудняется в выражении мыслей, не стоит помогать. Того, кто не способен по одному углу квадрата представить себе остальные три, не стоит обучать.

9. Если за трапезой рядом с Учителем был человек в трауре, Учитель никогда не ел досыта.

10. Если Учителю случалось заплакать, в тот день он уже не пел.

13. Учитель был особенно осмотрителен во всем, что касалось поста, войны и болезней.

14. Когда Учитель был в Ци, он услышал там мелодию «Шао», после чего три месяца не знал, каков вкус мяса. И сказал так:

— Даже не думал, что из-за музыки дойду до этого!

16. Учитель говорил:

— Есть грубую пищу, запивая ее водой, спать, положив в изголовье собственный локоть, — во всем этом есть своя радость. А богатство и знатность, нажитые нечестно, для меня — что плывущие облака!

19. Правитель области Шэ спросил у Цзылу, каков Учитель Кун как человек. Тот не сумел ответить.

— Отчего же ты не ответил ему так, — сказал Учи-

тель: — В трудах забывает о пище, в радости забывает о горе и совсем не думает о наступающей старости. Вот и все.

22. Учитель говорил:

— Даже если мне встретятся три человека — и у них непременно найдётся чему поучиться. Возьму то, что есть в них хорошего, и буду этому следовать. А на том, что есть в них дурного, постараюсь себя исправить.

30. Учитель говорил:

— Разве истинная человечность где-то далеко? Мне стоит только захотеть стать человечным — и она уже здесь.

ИЗ ГЛАВЫ VIII

2. Учитель говорил:

— Почитание без знания приличий переходит в назойливость. Осторожность без знания приличий переходит в трусость. Смелость без знания приличий переходит в бунтарство. Прямота без знания приличий переходит в грубость. Если правитель чтит своих родных — и народ становится человечнее. Если он не забывает старых друзей — и народ не будет бездушным.

5. Цзэн-цзы говорил:

— Был способным, а спрашивал у неспособных. Много знал, а спрашивал у малознающих. Имел много достоинств, а казался нищим. Был переполнен, а казался пустым. На обиды не обращал внимания. Был у меня когда-то друг, который только так и поступал.

7. Цзэн-цзы говорил:

— Ученый муж не может не быть тверд и решителен, ибо ноша его тяжела, а путь далек. Сделать своей ношей человечность — это ли не тяжело! Завершить свой труд лишь со смертью — это ли не дальний путь!

11. Учитель говорил:

— Да будь у человека способности хоть самого Чжоугуна, — если он чванлив и жаден, на прочее не стоит и смотреть.

13. Учитель говорил:

— Будьте тверды в своей верности и усердны в учении, до конца держитесь истинного пути. В страну, где беспокойно, не ходите. В стране, где смута, не живите. Когда в Поднебесной царит справедливость, будьте на

виду. Когда справедливости нет, уйдите от мира. Когда в стране справедливость, стыдно быть бедным и ничтожным. Когда справедливости нет, стыдно быть богатым и знатным.

ИЗ ГЛАВЫ IX

14. Учитель пожелал поселиться среди варваров. Кто-то сказал ему:

— Как вы сможете жить в таком захолустье?

— Если там поселится благородный муж, — ответил Учитель, — то какое же это захолустье?

18. Учитель говорил:

— Мне еще не доводилось встречать человека, который любил бы добродетель так, как любят плотскую прелесть.

20. Учитель говорил:

— Говоришь с ним, а он никогда не ленится слушать — таким, пожалуй, был только один Янь Хуэй!

21. Учитель говорил о Янь Юане:

— Как жаль, что его уже нет! Я видел только, как он всегда идет вперед — никогда не видал, чтоб он стоял на месте.

ИЗ ГЛАВЫ X

17. Как-то раз загорелась конюшня. Учитель, вернувшись с государева двора, осведомился только:

— Люди не пострадали?

А про коней даже не спросил.

ИЗ ГЛАВЫ XI

10. Когда умер Янь Юань, Учитель, оплакивая его, тяжело убивался. Кто-то из спутников сказал ему:

— Слишком уж вы убиваетесь!

— Слишком убиваюсь? — возразил Учитель. — Если не убиваться по таким, как он, то по кому же?

11 Цзылу спросил, как подобает служить душам и духам.

— Живым не умеем служить, — ответил Учитель, — как же мы можем служить душам?

— Тогда, — сказал Цзылу, — осмелюсь у вас спросить — что такое смерть?

— Не знаем, что такое жизнь, — ответил Учитель, — как же можем знать, что такое смерть?

26. Цзылу, Цзэн Си, Жань Ю и Гунси Хуа сидели подле Учителя. И Учитель сказал:

— Я чуть постарше вас и потому не в счет. Вот вы все говорите: «про меня не знают!» Ну, а если бы кто узнал и взял на службу, что бы вы стали делать?

Цзылу ответил не задумываясь:

— Пусть это будет государство лишь в тысячу боевых колесниц. Его теснят большие государства, их войска угрожают вторжением, а тут еще неурожай и голод... Я же, взявшись за дело, берусь за каких-нибудь три года вселить в людей отвагу и указать им верный путь.

Учитель улыбнулся.

— А ты что скажешь, Цю?

Тот ответил так:

— Пусть это будет небольшое государство — ли в шестьдесят-семьдесят или даже в пятьдесят. Если возьмусь за управление, то года за три сумею сделать народ богатым. Что же до обрядов и музыки, то здесь уж придется подождать мужа высоких достоинств.

— А ты что скажешь, Чи?

Тот ответил так:

— Не скажу, что уже справился бы, но хочется поучиться... Я бы желал, облачившись в парадное платье, быть младшим распорядителем при жертвоприношениях в храме предков или при встрече союзных князей.

— А ты что скажешь, Дянь?

Тот перестал играть на гусях-сэ и, с легким звоном отложив их прочь, поднялся и ответил:

— А я хочу совсем не того, что эти трое.

— Что за беда! — сказал Учитель. — Ведь каждый может высказать свое желание.

И Цзэн Си сказал так:

— Поздней весной, когда все ходят в весенних одеждах, взять пять-шесть юношей, из тех, что уж носят шапки для взрослых, и шесть-семь подростков, омыться с ними в водах И, обсохнуть на ветру у алтаря Дождя и под песни вернуться домой.

Учитель, глубоко вздохнув, сказал:

— Я разделяю желание Дяня.

Трое учеников удалились. А Цзэн Си, оставшись, спросил:

— Что вы скажете об их словах?

— Каждый высказал свое желание,— сказал Учитель,— только и всего.

— Почему же вы, Учитель, улыбнулись, когда его высказал Ю?

— Страной управляют с помощью обрядов,— сказал Учитель,— его же слова нескромны. Поэтому и улыбнулся.

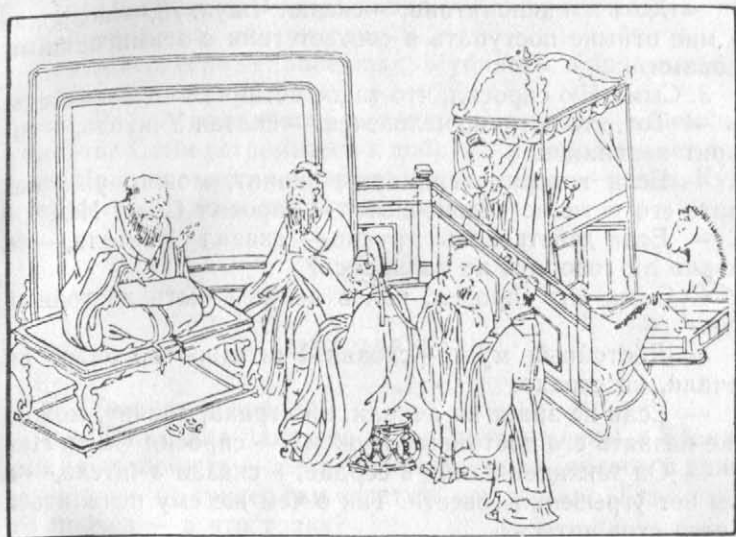
— А можно ли то, о чем говорил Цю, считать государством?

— Отчего же страну в шестьдесят—семьдесят ли или даже в пятьдесят не считать государством?

— А то, о чем говорил Чи,— можно ли это считать государством?

— Если есть там храм предков и союзы с князьями — значит, есть и свой князь. И если уж такой человек, как Чи, будет там только младшим распорядителем — то кто же тогда способен быть старшим?!

ИЗ ГЛАВЫ XII

1. Янь Юань спросил, что такое истинная человечность.

— Сдерживать себя и поступать сообразно приличиям,— ответил Учитель,— вот что такое истинная человечность. Стоит однажды сдержать себя и поступить сообразно приличиям — и вся Поднебесная назовет тебя человеком. Быть человеком или не быть зависит лишь от самого себя — разве может это зависеть от других?

— Позвольте узнать, как этого добиться? — спросил Янь Юань.

И Учитель сказал так:

— Не смотреть на то, что противно приличиям. Не слушать того, что противно приличиям. Не говорить того, что противно приличиям. Не делать того, что противно приличиям.

— Хоть я и непонятлив,— сказал Янь Юань,— позвольте мне отныне поступать в соответствии с этими вашими словами.

2. Чжунгун спросил, что такое истинная человечность.

— Выходя из ворот,— сказал Учитель,— держи себя так, будто встречаешь дорогих гостей. Обходишься с людьми так, будто творишь вместе с ними великий обряд. Чего себе не хочешь — не делай и другим. Не будет тогда недовольства ни в государстве, ни в семье.

— Хотя я и непонятлив, — сказал Чжунгун, — позвольте мне отныне поступать в соответствии с этими вашими словами.

3. Сыма Ню спросил, что такое истинная человечность.

— Тот, кто истинно человечен, — сказал Учитель, — говорит запинаясь.

— Если говорит запинаясь, значит, можно уже назвать его истинно человечным? — спросил Сыма Ню.

— Если действовать трудно, — сказал Учитель, — то можно ли говорить не запинаясь?

4. Сыма Ню спросил, каков должен быть достойный муж.

— Достойный муж, — сказал Учитель, — не знает ни печали, ни страха.

— Если не знает ни печали, ни страха, значит, можно уже назвать его достойным мужем? — спросил Сыма Ню.

— Он заглянет к себе в сердце, — сказал Учитель, — а там нет угрызений совести. Так о чем же ему печалиться и чего страшиться?

7. Цыгун спросил, как нужно управлять государством.

— Обеспечить в достатке пищей, — ответил Учитель, — обеспечить в достатке оружием и чтобы народ тебе доверял.

— А если бы, — спросил Цыгун, — пришлось вдруг от чего-то отказаться, так от чего в первую очередь?

— От оружия, — сказал Учитель.

— А если бы, — спросил Цыгун, — пришлось вдруг еще от чего-то отказаться, так от чего в первую очередь?

— От пищи, — сказал Учитель. — Ведь издревле повелось, что люди так и так умирают. А вот когда народ не доверяет — государству не устоять.

16. Учитель говорил:

— Достойный муж содействует людям в их добрых делах и не содействует в дурных. Мелкий человек — наоборот.

17. Цзи Кан-цзы спросил у Конфуция, как нужно управлять.

— Управлять — значит действовать правильно. Если будете правильно руководить, кто посмеет неправильно поступать?

18. Цзи Кан-цзы, пострадав от грабителей, обратился к Конфуцию за советом. Учитель ответил так:

— Если б вы сами не воцарились богатства, они бы не стали вас грабить — даже посули им за это награду.

19. Цзи Кан-цзы, спрашивая у Конфуция совета, как надо управлять, сказал так:

— А что, если неправедных — убивать, а праведных — приближать?

— Если управляете, — ответил Учитель, — зачем же убивать? Сами устремитесь к добру — и народ станет добрым. Нрав правителя — ветер, нрав народа — трава. Куда дует ветер, туда и клонится трава.

ИЗ ГЛАВЫ XIII

5. Учитель говорил:

— Затвердил наизусть все «Триста песен», а назначь его на должность — не справится, отправь послом в чужое царство — не сумеет там ответить как должно. Хоть и много прочел — а что толку?

6. Учитель говорил:

— Если сам прям, то и без приказа — исполнят. Если же сам не прям, то хоть и прикажи — не подчинятся.

9. Учитель отправился в Вэй, и Жань Ю правил повозкой.

— Как здесь многолюдно! — сказал Учитель.

— А если их много, — сказал Жань Ю, — то что еще следует сделать для этих людей?

— Дать им разбогатеть, — сказал Учитель.

— А когда разбогатеют, — сказал Жань Ю, — то что бы еще для них сделать?

— Воспитать их, — сказал Учитель.

13. Учитель говорил:

— Если исправишь сам себя, управлять будет нетрудно. А не сумеешь сам себя исправить, как сможешь исправлять других?

17. Цзыся, став правителем в Цзюйфу, спросил Учителя, как надо управлять.

— Не спеши, — сказал Учитель, — и не гонись за мелочами. Поспешишь — не достигнешь цели. Погонишься за мелочами — упустишь большое дело.

19. Фань Чи спросил, каков должен быть тот, кто истинно человечен. Учитель ответил так:

— Обликом строг, в делах серьезен, с людьми искренен. И даже если едет к варварам, не должен про все это забывать.

24. Цзыгун спросил:

— Что можно сказать о человеке, если вся деревня его любит?

— Никчемный человек, — сказал Учитель.

— А что сказать о человеке, если вся деревня его ненавидит?

— Никчемный человек, — сказал Учитель. — Было бы куда лучше, если б хорошие люди из этой деревни любили его, а дурные — ненавидели.

27. Учитель говорил:

— Если человек тверд, решителен, прямодушен и скуп на слова, он близок к истинной человечности.

ИЗ ГЛАВЫ XIV

23. Учитель говорил:

— Достойный муж сведущ в возвышенном. Мелкий человек сведущ в низменном.

24. Учитель говорил:

— В древности учились для себя самих, нынче — чтоб похвалиться перед другими.

27. Учитель говорил:

— Достойный муж стыдится, если его дела отстают от его слов.

30. Учитель говорил:

— Не огорчаюсь, что люди меня не знают, — огорчаюсь, что малоталантлив.

34. Кто-то спросил:

— Возможно ли на зло отвечать добром?

— А чем же тогда отвечать на добро? — в свою очередь спросил Учитель. — На зло следует отвечать справедливостью, а на добро — добром.

ИЗ ГЛАВЫ XV

1. Вэйский князь Лин-гун спросил у Конфуция, как следует правильно располагать войска. Учитель ответил так:

— О том, что относится к жертвенной утвари, слышать доводилось. А военными делами отродясь не занимался.

И на другой же день уехал.

2. Когда Конфуций был в княжестве Чэнь, у него кончились припасы. Спутники слегли от голода, ни один не мог подняться. Цзылу, увидев Учителя, сказал ему с горечью:

— Выходит, и достойному мужу случается бедствовать?

— Достойный муж,— сказал Учитель,— переносит бедствия с твердостью. А вот мелкий человек, попав в беду, распускается.

3. Учитель сказал:

— Сы, ты ведь считаешь меня многоученым и оттого многознающим?

— Да,— ответил тот.— Разве это не так?

— Нет,— сказал Учитель.— Я все нанизываю на одну единственную мысль.

8. Учитель говорил:

— Не поговорить с человеком, с которым стоит поговорить,— значит потерять человека. А говорить с человеком, с которым говорить не стоит,— значит терять слова. Мудрец не теряет людей и не теряет слов.

12. Учитель говорил:

— Человека, который не загадывает далеко, непременно ждут близкие беды.

15. Учитель говорил:

Побольше укоряйте самих себя и поменьше — других. Этим отдалите от себя людскую неприязнь.

16. Учитель говорил:

— С теми, кто не спрашивает, что нужно делать, и мне делать нечего.

21. Учитель говорил:

— Достойный муж спрашивает с самого себя, мелкий человек спрашивает с других.

22. Учитель говорил:

— Достойный муж держится степенно и избегает спора. С людьми ладит, но в сговор не вступает.

24. Цзыгун спросил:

— Существует ли одна-единственная заповедь, которой можно следовать всю жизнь?

— Будь великодушен,— сказал Учитель.— Не делай другим того, чего себе не желаешь.

28. Учитель говорил:

— Если все кого-то ненавидят, непременно разберитесь — за что. Если все кого-то любят, непременно разберитесь — за что.

30. Учитель говорил:

— Ошибся и не исправил ошибки — значит, ошибся по-настоящему.

41. Учитель говорил:

Если слова передают мысль, этого достаточно

ИЗ ГЛАВЫ XVI

7. Конфуций говорил:

— Достойный муж должен остерегаться трех вещей: в юности, когда жизненные силы еще не утихли, — остерегаться чувственности; в зрелые годы, когда жизненные силы окрепли, — остерегаться раздоров; в старости, когда жизненные силы ослабли, — остерегаться скупости.

12. Циский царь Цзин-гун владел тысячей конных упряжек, — а в день его смерти народ не нашел в нем ни одной добродетели, достойной похвалы. Бои и Шуци умерли с голоду под горой Шоуян, а народ и поныне их славит

ИЗ ГЛАВЫ XVII

2. Учитель говорил.

— Природа сближает людей, привычки — отдаляют

3. Учитель говорил:

— Только высшая мудрость и предельная глупость — неизменны.

4. Учитель, приехав в Учэн, услышал там звуки струн и песен. И сказал, рассмеявшись:

— Если надо зарезать курицу — к чему бычий нож?

На что Цзыю ответил так:

— Когда-то я слышал слова Учителя: «если правитель воспитан, он любит людей; если народ воспитан, им легко управлять».

— Ученики! — сказал Учитель, — Янь прав. А то, что я сейчас сказал, — только шутка.

12. Учитель говорил:

— На вид суров, а в душе робок — такой подобен мелкому человеку: ни дать ни взять — вор, пробравшийся через лазейку в чужой дом!

19. Учитель сказал:

— Я не хочу больше говорить.

— Если Учитель не будет говорить,— возразил Цзыгун,— что же мы передадим другим?

— А разве Небо говорит? — сказал Учитель.— Но четыре поры сменяют одна другую, и все живое рождается и растет. А разве Небо говорит?

21. Цзай Во сказал:

— Трехлетний траур по родителям — срок слишком долгий. Если достойный муж три года не будет совершать обрядов — они непременно придут в расстройство. Если он три года не будет заниматься музыкой,— она непременно придет в упадок. Для того, чтобы кончился старый хлеб и народился новый, а деревья для добывания огня поочередно сменили друг друга, довольно и года.

— Разве тебе уже приятно есть рис и одеваться в парчу? — спросил Учитель.

— Приятно,— ответил Цзай Во.

— Ну, если приятно, то так и поступай! Ведь когда достойный муж находится в трауре — даже вкусные яства ему не вкусны, музыка не радует слуха, а привычное жилье не кажется уютным. Потому он от всего и отказывается. Если же тебе все это приятно, то поступай как поступаешь!

Цзай Во удалился. А Учитель сказал так:

— Юй лишен истинной человечности! Ведь родители нянчатся с ребенком целых три года — вот почему трехлетний траур по ним общепринят в Поднебесной. Неужели же Юй за три года младенчества так и не видел родительской ласки?!

23. Цзылу спросил:

— Ценит ли достойный муж отвагу?

— Достойный муж,— ответил Учитель,— превыше всего почитает долг. Ибо достойный муж, наделенный отвагой, но лишенный чувства долга, способен впасть в мятеж. А мелкий человек, наделенный отвагой, но лишенный чувства долга, может дойти до разбоя.

25. Учитель говорил:

— Общаться трудно только с женщиной и с мелким человеком. Сблизись с ними — станут развязными, удалишь от себя — возненавидят.

2. Когда Люся Хуэй был судебным инспектором, его трижды отрешали от должности. Кто-то сказал ему:

— Разве вы не можете уехать в другое царство?

— Если служить честно, — ответил Люся Хуэй, — то, куда бы я ни уехал, всюду будет то же самое. А если служить нечестно — стоит ли покидать родину?

ИЗ ГЛАВЫ XIX

3. Ученики Цзыся спросили у Цзычжана, с кем следует дружиться.

— А что говорил об этом Цзыся? — спросил Цзычжан.

— Он говорил: со стоящими людьми дружите, с несостоящими — рвите отношения.

— А вот мне, — сказал Цзычжан, — довелось слышать другое: достойный муж почитает выдающихся, но сходится и с заурядными, поощряет способных, но жалеет и бесталанных. И, если, положим, я очень умен, с кем я тогда не сумею поладить? А если, допустим, я глуп, так не я порву дружбу с другими, а другие — со мной!

9. Цзыся говорил:

— У достойного мужа — троякий образ: посмотришь на него издали — важен и величав; подойдешь поближе — мягок и добр; услышишь его речи — неукоснительно строг.

21. Цзыгун говорил:

— Промах достойного мужа подобен затмению солнца или луны: когда совершается — все его видят, когда исправляется — все благоговеют.

23. Шусунь Ушу говорил при дворе сановникам:

— Цзыгун мудрей Чжунни.

Цзыфу Цзинбо передал эти слова Цзыгуну. И Цзыгун сказал так:

— Возьмем для сравнения стену, что окружает дом и двор. Моя стена — людям по плечо, и всякий может увидеть, хорош ли мой дом. А стена Учителя — высотой в несколько сажень, и тот, кто не нашел ворот, чтобы войти, не увидит ни величавости храма предков, ни разнообразия прочих строений. А таких, кто отыскал бы эти ворота, пока что немного. Так что слова достопочтенного господина можно понять.

24. Шусунь Ушу бранил Чжунни.

— Не делайте этого! — сказал Цзыгун. — Чжунни очернить невозможно. Мудрость других — это холмы и горы, их можно преодолеть. А Чжунни — как солнце и луна, через которые не переступишь! А если бы кто и пожелал отвергнуть солнце и луну — какая им от этого беда? Он только показал бы, что не умеет соразмерять силы.

ИЗ ГЛАВЫ XX

3. Конфуций говорил:

— Не уразумев велений судьбы, не станешь достойным мужем. Не усвоив приличий, не утвердишься. Не понимая слов, не узнаешь людей.

ИЗ „МЭН-ЦЗЫ”

Эта книга названа по имени одного из последователей Конфуция, философа Мэн Кэ (или Мэн-цзы; ок. 372-289 гг. до н.э.), чьи высказывания собраны в ней скорее всего его учениками. Мэн-цзы родился на окраине того же царства Лу, где когда-то жил Конфуций, учился у его внука Цзы Сы и продолжал развивать его учение. Как и Конфуций, он немало странствовал по Поднебесной и точно так же ему лишь на короткий срок удалось найти практическое применение своим талантам на царской службе.

За свои восемьдесят с лишним лет Мэн-цзы посетил целый ряд царств, довольно долго жил в богатом и процветающем приморском государстве Ци, у столичных «ворот Ци», где образовалась своеобразная Академия — собрание блестящих умов той эпохи. Последние же два десятилетия он целиком посвятил ученикам, вознаградившим его память этой книгой.

Мэн-цзы отделяло от Конфуция около столетия — и он сам с горечью говорил о безжалостности этого столь короткого времени. Мир древности, кажущийся нам сейчас в исторической перспективе почти недвижимым, для современников менялся разительно быстро, и, несмотря на тоску конфуцианцев по «золотому веку» прошлого, в чем-то менялся к лучшему. Кто-то уже не испытывал прежнего трепета перед знатностью рода, а для кого-то стали равны даже владыка царства с его десятью тысячами боевых колесниц и простой человек в его ветхой хижине. Люди высоких устремлений ощутили вдруг самоценность своих идей, «благородные мужи» осмеливались говорить в лицо государям такие вещи, которые прежде сочли бы неслыханной дерзостью. «Как следует поступить с чиновником, что не в состоянии править подчиненными? — спросил однажды Мэн-цзы царя, и тот охотно ответил. «Уволить!» — «А как быть, ежели все царство не управляется, как должно?!» — продолжил философ; царь глянул на окружающих и перевел разговор на другое

Понятие «долга» или «должного» вместе с понятием «гуман-

ности» или «человеколюбия» стало краеугольным камнем учения Мэн-цзы. Пробудить в человеке Человека, обратить его мысленный взор в сторону вечных истин — вот что было его задачей в суровый век, когда жестокость власти казалась чем-то естественным. «В ком нет чувства сострадания — тот не человек, в ком нет чувства стыда — тот не человек», — утверждал Мэн-цзы, и никакие звания, идущие от людей, не искупают отсутствия этих качеств, не заменяют звания человека, даруемого Небом. В отличие от некоторых других философов Древнего Китая, Мэн-цзы верил, что природа человека изначально добра, и старался убедить правителей следовать путем гуманности. «Берегитесь, о, берегитесь! Что исходит от вас, к вам же и вернется!» — предостерегал он возгордившихся и забывших о народе.

Надо сказать, что Мэн-цзы был искусным полемистом; его построения привлекают стройностью, а мысли содержат немало нового по сравнению с предшественниками. Появление книги «Мэн-цзы» знаменовало собой определенный этап в развитии древнего конфуцианства — оно содействовало его превращению в стройную, целостную систему взглядов на человека, государство и общество. Правда, всеобщее признание это произведение получило не сразу. Только с включением его в знаменитое кэн-фуцианское «Четверокнижье» уже при династии Сун (X—XIII вв.) оно обрело авторитет канона и стало обязательным предметом обучения, книгой, которую знал наизусть каждый образованный человек в Китае.

Ныне «Мэн-цзы» состоит из семи глав (каждая из двух частей), но есть сведения, что в древности книга была объемнее. На русский язык она была переведена полностью П. С. Поповым в 1904 г., позднее же публиковались лишь отрывки из нее в переводах ряда китаеведов.

ИЗ ГЛАВЫ I, ЧАСТЬ 2

2. Циский царь Сюань-ван спросил:

— Правда ли, что у Вэнь-вана был парк — в целых семьдесят ли?

— Так сказано в преданиях, — ответил Мэн-цзы.

— Такой громадный? — воскликнул царь.

— А народу он казался маленьким, — сказал Мэн-цзы.

— Мой парк, — сказал царь, — простирается всего на сорок ли, а народу кажется большим. Отчего же это так?

— Парк Вэнь-вана, — сказал Мэн-цзы, — простирался на семьдесят ли. Но люди ходили туда за сеном и хворостом, охотились на зайцев и фазанов. Царь пользовался своим парком вместе с народом — и людям казалось, что парк маловат. И разве не прав был народ? Когда я, ваш слуга, впервые приблизился к вашим границам, я первым делом осведомился: на что в вашем царстве наложен строжайший запрет, — и лишь после этого решился вступить в его пределы. Тогда-то я и услышал, что есть в предместье парк, что простирается на целых сорок ли. Того, кто убьет в этом парке оленя, преследуют так же, как если бы он убил человека. Иными словами, эти сорок квадратных ли стали сущей западней посреди государства. Так разве не прав народ, если ваш парк кажется ему слишком большим?

4. Циский царь Сюань-ван, принимая Мэн-цзы в своем Снежном дворце, спросил его:

— Знакомы ли и мудрецам подобные увеселения?

— Знакомы, — ответил Мэн-цзы. — Но когда люди вовсе их не знают, они порицают за это своих правителей. Конечно же, в этом они неправы. Но неправы и те правители, что не хотят разделить своих радостей с народом. Ведь если кто радуется радостями народа — то и народ радуется его радостями. Если кто скорбит скорбями наро-

да — то и народ скорбит его скорбями. А если он и радуется, и скорбит за всю Поднебесную — такой человек не может не стать царем!

6. Мэн-цзы сказал царю Сюань-вану:

— Допустим, что некий ваш подданный оставил жену и детей на попечение друга, а сам отправился в Чу. И вот, вернувшись, обнаружил, что тот содержал жену его и детей в холоде и в голоде. Как должен этот человек поступить?

— Порвать с ним дружбу, — сказал царь.

— А если, — продолжал Мэн-цзы, — судебный чиновник не может управиться с подчиненными, как следует с ним поступить?

— Прогнать со службы, — сказал царь.

— А если, — сказал Мэн-цзы, — нет порядка во всем государстве, то как тогда быть?

Царь покосился на приближенных — и заговорил о другом.

8. Циский царь Сюань-ван спросил:

— Правда ли это, что Тан изгнал Цзе, а У-ван покарал Чжоу?

— Так сказано в преданиях, — ответил Мэн-цзы.

— А разве допустимо, — сказал царь, — чтобы подданный убивал государя?

— Того, кто надругался над человечностью, — сказал Мэн-цзы, — называют преступником. Того, кто надругался над долгом, называют злодеем. А злодеев и преступников именуют изгоями. Я слышал о казни изгоя Чжоу, но не слышал об убийстве государя!

12. Между Цзоу и Лу случилась распря. И цзоуский князь Му-гун сказал так:

— Из моих военачальников погибло тридцать три человека — и никто из простолюдинов не пошел ради них на смерть. Как же теперь с ними быть? Казнить? Так всех переказнишь. Не казнить? Но ведь они, злорадствуя, смотрели, как гибнут их начальники, и не спасли их от смерти.

— В годы неурожая и голода, — отвечал ему Мэн-цзы, — те из ваших людей, кто был стар и немощен, валялись по рвам и канавам, кто же был еще в силах — разбредались на все четыре стороны. И таких были тысячи. А ведь ваши амбары были полны и житницы ломились от зерна. Но никто из ваших чинов не донес вам о бедствиях. И все оттого, что были нерадивы и не ведали жалости к низшим. А ведь еще Цзэн-цзы когда-то говорил: «Береги-

тесь! Берегитесь! Что исходит от вас — к вам же и вернется!» Вот народ теперь с ними и расквитался. Не вините его, государь. Ведь если вы будете править гуманно, народ возлюбит своих правителей и жизнь отдаст за начальников!

ИЗ ГЛАВЫ II, часть 1

2. Некий сунец горевал, что всходы на его поле не растут, и принялся вытягивать их руками. Вернулся с поля усталый и доложил домоладцам:

— Ну и устал же я сегодня: помогал всходам расти!

Сын его побежал поглядеть — а всходы уже завяли.

Мало кто в Поднебесной не помогает вот так же расти своим всходам!

7. Мэн-цзы говорил:

— Тот, кто делает стрелы, далеко не столь человечен, как тот, кто делает латы. Первый боится лишь одного — что стрелы его не поранят человека. Второй же боится — как бы человека не поранили!

ИЗ ГЛАВЫ III, ЧАСТЬ I

4. Некий Сюй Син, что исповедовал учение Шэнь Нуна, явившись из Чу в Тэнское государство, подошел к воротам дворца и сказал князю Вэнь-гуну:

— Я из дальних мест. Наслышан, что вы, государь, ввели у себя гуманное правление. Хотел бы найти здесь пристанище и стать вашим подданным.

Вэнь-гун указал ему — где поселиться.

Ученики Сюй Сина, числом в несколько десятков, все как один ходили в сермягах, плели простую обувь и циновки — и тем кормились.

Чэнь Сян, что был учеником Чэнь Ляна, и брат его Синь, взвалив на плечи сохи, явились в Тэн из Сунского царства и сказали:

— Прослышали мы, что вы, государь, ввели у себя правление мудрецов и что и сами вы — мудрец. Хотели бы стать вашими подданными.

Чэнь Сян повстречался с Сюй Сином и испытал великую радость. Он вовсе забросил прежнее свое учение и стал учиться у Сюй Сина. А повстречавшись как-то с Мэн-цзы, пересказал ему речи Сюй Сина:

— Тэнский государь и впрямь мудр. И все же еще не постиг истинного пути. Мудрец пашет землю вместе с народом — и этим кормится. Сам готовит себе еду — и правит. У тэнского же государя есть и житницы, и амбары — это значит, что он, чтоб себя прокормить, обирает народ. Может ли мудрый так поступать?

— А ваш учитель Сюй,— сказал Мэн-цзы,— конечно же, ест просо, которое посеял сам?

— Да,— сказал Чэнь Сян.

— И, разумеется, носит платье из ткани, которую сам же и выткал?

— Нет,— сказал Чэнь Сян,— учитель Сюй ходит в сермяге.

— А носит ли он шапку?

— Носит.

— Какую же?

— Из грубой ткани.

— Он сам ее ткал?

— Нет, выменял на просо.

— Отчего же учитель не соткал ее сам?

— Это помешало бы ему пахать.

— А пищу себе учитель Сюй варит в котлах и в горшках? И пашет железным плугом?

— Да,— сказал Чэнь Сян.

— И сам же все это изготавливает?

— Нет, выменивает на просо.

— Но ведь, меняя свое просо на утварь и орудия, разве не обирает он тем самым гончаров и литейщиков? А гончар и литейщик, меняя утварь на просо, не обирают тем самым крестьянина?! Так отчего бы учителю Сюю не стать самому гончаром и литейщиком и брать все, что нужно, в собственном доме? Почему он выменивает у ремесленников то одно, то другое? На что ему эта морока?

— Но нельзя же заниматься и землепашеством, и множеством ремесел! — сказал Чэнь Сян.

— Стало быть, с землепашеством возможно сочетать одно лишь управление Поднебесной?! Но ведь есть же свои дела у больших людей и свои дела — у малых. Если каждому придется самолично изготавливать для своих нужд то, что делают сто ремесленников, в Поднебесной начнется неразбериха. Поэтому и говорят: одни напрягают

ум, другие напрягают мышцы. Те, что напрягают ум, управляют людьми, а те, что напрягают мышцы, людьми управляются. Управляемые кормят других, а управляющие — от других кормятся. Таков всеобщий закон Поднебесной.

ИЗ ГЛАВЫ III, ЧАСТЬ 2

1. Некогда чжаоский царь Цзянь-цзы повелел Ван Ляну быть при Би Си возницей во время охоты. Тому за целый день не удалось подстрелить ни одной птицы, и он доложил царю:

— Это самый скверный возница в Поднебесной!

Кто-то передал его слова Ван Ляну, и тот сказал:

— Позвольте повторить нашу поездку.

Би Си согласился с большой неохотой. И за одно лишь утро убил десяток птиц. После чего доложил:

— Это лучший возница в Поднебесной!

— Я велю ему быть твоим главным возницей, — сказал царь и повелел позвать Ван Ляна. Но тот наотрез отказался от назначения, сказав при этом так:

— Я правил лошадьми как подобает — и он за целый день не подстрелил ни одной птицы. Когда же я стал ради него хитрить и жульничать, подкрадываясь к птицам не по правилам, он за одно лишь утро настрелял их десятков. В «Песнях» сказано: «не погрешай против езды — и стрелы лягут точно в цель». Я не привык ездить с низкими людьми. И потому прошу меня уволить.

2. Живя в просторном храме Поднебесной, он следует по великому ее пути. Достигнув желанной цели, разделяет ее с народом, а не достигнув, — один продолжает путь. Богатство и знатность не могут его совратить, бедность и унижения не заставят свернуть в сторону, угроза и сила не заставят склониться. Вот что такое великий муж!

ИЗ ГЛАВЫ IV, ЧАСТЬ 1

8. Человека бесчестят — если он уже сам себя обесчестил. Семью разбивают, если она сама уже разбилась. Государство разрушают, если оно само уже разру-

шилось. Именно это имел в виду Тайцзя, когда говорил:

— Если беду насылает Небо, от нее еще можно спастись. Если беда в нас самих, от нее не спасешься!

10. Человечность — это мирная обитель человека, а долг — его истинный путь. И как жаль, когда эта мирная обитель пустует и в ней не живут, когда истинный путь заброшен и по нему не идут!

11. Мэн-цзы говорил:

— Путь истины — рядом, а ищут его — далеко. Служение — просто, а ищут его — в сложном. Пусть каждый любит своих близких и чтит своих старших — и в Поднебесной настанет мир.

26. Мэн-цзы говорил:

— Есть три вида сыновней непочтительности. Не иметь потомства — наихудший из них.

ИЗ ГЛАВЫ IV, ЧАСТЬ 2

2. Цзычань в бытность свою правителем в царстве Чжэн переправил на своей колеснице людей через реки Вэй и Чжэнь. По этому поводу Мэн-цзы сказал так:

— Жалостлив был, а управлять не умел. Если бы к одиннадцатой луне готовы были мостки для пешеходов, а к двенадцатой — мосты для колесниц, народ не страдал бы на переправах. Когда благородный муж правит по справедливости, при проезде его можно и посторониться. Да разве в силах он перевезти всех и каждого? Ведь если станет он угождать каждому в отдельности — ему и времени не хватит!

5. Мэн-цзы говорил:

— Когда государь человечен, все человечны. Когда государь справедлив — все справедливы.

12. Мэн-цзы говорил:

— Великий муж — это тот, кто не утратил своего младенческого сердца.

26. Небо высоко, а звезды далеки. Но если доискаться до их причин, можно, не сходя с места, вычислить дни солнцестояния хоть за тысячу лет.

28. Мэн-цзы говорил:

— Чем благородный муж отличается от других? Тем, что он хранит у себя в сердце. А хранит он в своем

сердце человечность и знание приличий. Будучи человеком, он любит людей, зная приличия, относится к ним с уважением. А того, кто любит людей, и люди всегда любят. Того, кто относится к ним с уважением, и люди всегда уважают. Но вот перед ним человек, который к нему относится дурно. Тогда благородный муж непременно обратится к себе самому и скажет так: «Видно, я сам не человек и сам не знаю приличий, иначе зачем бы он так ко мне относился?» И постарается стать еще человечней и еще обходительней. А тот по-прежнему обходится с ним дурно. И вновь благородный муж непременно обратится к себе самому и скажет так: «Видно, я не вполне был искренен в своей человечности и в своей обходительности». И постарается стать еще более искренним. Тот же продолжает безобразничать. И тогда благородный муж скажет так: «Да это просто безумец! А если так — чем отличается он от животных? И можно ли обижаться на животных?!»

33. У некоего жителя Ци были жена и наложница, с коими и проживал он в одном доме. И вот этот их муж, выходя со двора, всякий раз возвращался обратно и сыт и пьян. А когда жена его спрашивала, с кем это он ест и пьет, то оказывалось, что были это сплошь богачи и знать.

И жена сказала наложнице:

— Муж наш, выходя со двора, всякий раз возвращается обратно и сытый, и пьяный. А спросишь его, с кем он ест и пьет, — так это, оказывается, все богачи да знать. Но ведь никто из почтенных людей ни разу у нас не бывал. Хочу поглядеть, куда это ходит наш муженек.

Наутро, поднявшись спозаранку, она окольными путями отправилась вслед за мужем. И вот, во всем городе не нашлось никого, кто остановился бы и заговорил с ним. Под конец пришел он на кладбище, что было в восточном предместье, и стал там подходить к приносящим жертвы, выпрашивая у них объедки. А если ему казалось мало, глядел по сторонам и подходил к другим. Вот так он и насыщался.

Вернувшись домой, жена обо всем поведала наложнице и сказала так:

— Мы-то с тобой всегда смотрели на нашего мужа снизу вверх. А он вот каков!

И обе, тут же на дворе, принялись одна перед другой лить слезы и поносить своего мужа.

А муж их, ничего о том не зная, вернулся с улицы

преисполненный самодовольства и обошелся с женой и наложницей с обычной надменностью.

На взгляд благородного мужа, редко бывает так, чтоб женам и наложницам не доводилось проливать слезы стыда из-за того, какими путями домогаются их мужья чинов и богатства, успехов и выгод!

ИЗ ГЛАВЫ VI, ЧАСТЬ I

1. Гао-цзы сказал:

— Человеческая природа подобна иве, а чувство долга подобно деревянной чаше. Воспитать в человеке человечность и долг — все равно что вырезать чашу из ивы.

— Но разве вы сможете вырезать чашу, не насилуя природы ивы? — возразил Мэн-цзы. — Ведь чтобы вырезать чашу, нужно прежде искалечить иву. Стало быть, изувечив дерево, вы смастерите из него чашу, а изувечив человека, сделаете его человечным и справедливым? Если вся Поднебесная станет отныне считать человечность и долг злом, то виною тому — только ваши речи!

2. Гао-цзы сказал:

— Человеческая природа подобна стремительному потоку: пустите его на восток — потечет на восток, пустите на запад — потечет на запад. Ей безразличны добро и зло, как воде безразличны восток или запад.

— Воде и впрямь безразлично — восток или запад, — сказал Мэн-цзы. — Но разве безразличны ей верх и низ? Человек по природе стремится к добру, так же как вода устремляется вниз. И нет среди людей таких, что были бы несклонны к добру, как нет воды, которая бы не текла вниз. Вот перед вами вода: если хлопнуть по ней ладонью, заставив взметнуться, она подпрыгнет выше лба; если ее, взволновав, привести в движение, она подыметя в горы. Но разве такова ее природа? Только сила понуждает ее так поступать. И когда человека заставляют творить зло, с его природой поступают подобным же образом.

10. Корзинка риса, миска похлебки: получишь — будешь жить, не получишь — умрешь. Но предложи их с грубым окриком — и не возьмет даже бродяга. А предложи их, пнув ногою, — откажется и нищий!

11 Мэн-цзы говорил:

— Человечность — это сердце человека. Долг — это путь человека. Как жаль, когда люди бросают свой путь и не идут по нему, теряют свое сердце и не знают, как отыскать! Когда теряют кур или собак, знают, как их отыскать, а когда сердце теряют, не знают! Смысл учения — только в том, чтоб отыскать свое потерянное сердце.

12. Мэн-цзы говорил:

— Вот безымянный палец — он согнут и не разгибается. Боли это не причиняет, работать не мешает. А ведь найдись где-нибудь человек, способный разогнуть вам этот палец, и даже путь от Цинь до Чу не показался бы далеким. А все лишь оттого, что палец не как у людей. Когда палец не как у людей, — на это досадают. А вот если сердце не как у людей — это досады не вызывает! Стало быть, не понимают, что важнее.

ИЗ ГЛАВЫ VI, ЧАСТЬ 2

13. Луский царь пожелал поручить Юэ Чжэн-цзы дела правления. И Мэн-цзы сказал так:

— Когда я услышал об этом, не мог заснуть от радости!

— Он что же, ревностен в делах? — спросил Гунсунь Чоу.

— Нет, — ответил Мэн-цзы.

— Рассудителен?

— Нет, — ответил Мэн-цзы.

— Многознающ?

— Нет, — ответил Мэн-цзы.

— Так почему же тогда вы не могли заснуть от радости?

— Он любит добро, — сказал Мэн-цзы.

— А разве этого достаточно — любить добро?

— Этого более чем достаточно даже для Поднебесной, — сказал Мэн-цзы, — не говоря уже о царстве Лу. Ведь если правитель любит добро, то все, кто живут среди четырех морей, не посчитаются и с тысячею ли — лишь бы прийти к нему и поделиться благими замыслами. Если же правитель не любит добра, то люди скажут: «он высокомерен и думает, что все уже знает». Его

самодовольный голос и надменный вид заставят людей держаться от него за тысячу ли. Если же люди благомысленные будут держаться от него за тысячу ли, то явятся к нему те, что чернят за глаза и льстят в глаза. А живя с клеветниками и угодниками, разве наведешь порядок в государстве, даже если захочешь?

15. Мэн-цзы говорил:

— Шунь вышел из земледельцев. Фу Юэ поднялся из тех, что возводят стены. Цзяо Гэ возвысился из торгующих рыбой и солью. Гуань Иу выдвинулся из тюремных смотрителей. Суньшу Ао был призван к власти из приморского захолустья. Байли Си — взят на службу с городского рынка. Ибо Небо, вознамерившись возложить на этих людей великое бремя, всякий раз поначалу терзало их сердце и волю, изнуряло в трудах их жилы и кости, томило голодом их плоть, иссушало их тело нуждой, вносило расстройство и беспорядок во все их дела — порождая тем самым в сердцах их тревогу, приучая к терпению и научая превозмогать самих себя.

Обычно люди сперва совершают ошибки, а уж после научаются их исправлять, терзаются сердцем в тяжких раздумьях, а после, воспрянув, действуют. Они выдают свои чувства выражением лица, звуками голоса, — и другие научаются их понимать.

Когда в государстве нет верных слуг, стоящих на страже закона, а за пределами его — враждебных держав и внешних напастей, такое государство обычно гибнет. Из этого мы познаем, что жизнь — от забот и страданий, а смерть — от довольства и радостей.

16. Мэн-цзы говорил:

— Есть много способов наставлять. Если я отказал в наставлении недостойному — этим я тоже его наставил.

ИЗ ГЛАВЫ VII, ЧАСТЬ 2

10. Мэн-цзы говорил:

— Того, кто сполна запасся добром, и голодный год не погубит. Того, кто сполна запасся добродетелью, и порочный век не развратит.

14. Мэн-цзы говорил:

— Народ — дороже всего. Следом за ним — духи земли и злаков. А уж после них — государь.

28. Мэн-цзы говорил:

— У князя три сокровища — земля, народ и власть. Тот же, кто ценит лишь жемчуга и камни, непременно накличет на себя беду.

35. Мэн-цзы говорил:

— Чтоб воспитать свое сердце, лучше всего иметь мало желаний. Бывает, что тот, у кого мало желаний, что-то от этого и теряет, но таких мало. Бывает, что тот, у кого много желаний, что-то от этого и приобретает, но таких тоже мало.

ИЗ „ЛИЦЗИ”

獨在異鄉為異客
每逢佳節倍思親
登高處遍插茱萸
少一人

二張九日陰山中兄弟作
此詩
八
年
老
寫
之
清
山
填

ИЗ КНИГ МУДРЕЦОВ

«Лицзи» — «Записи Ритуала», «Книга Установлений», «Книга Обрядов» и т. д. — важная составная часть конфуцианского канона, трактующая самые разные вопросы поведения человека в древнем обществе; ее главы писались разными людьми и в разное время, вплоть до эпохи Хань. Немалую роль в ней играют высказывания Конфуция.

Однажды Конфуций проезжал неподалеку от горы Тайшань. Какая-то женщина в голос рыдала над могилой. Склонившись, в знак почтения, на передок колесницы, Учитель слушал ее рыдания. А затем послал к той женщине Цылу, и тот спросил ее:

— Вы так убиваетесь — похоже, что скорбите не впервой?

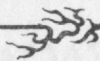
— Так оно и есть, — ответила женщина. — Когда-то от когтей тигра погиб мой свекор. После от них же погиб мой муж. А теперь вот от них погиб и мой сын.

— Отчего же не покинете эти места? — спросил Учитель.

— Здесь нет жестоких властей, — ответила женщина.

— Запомни это, ученик, — сказал Учитель. — Жестокая власть — свирепей тигра!

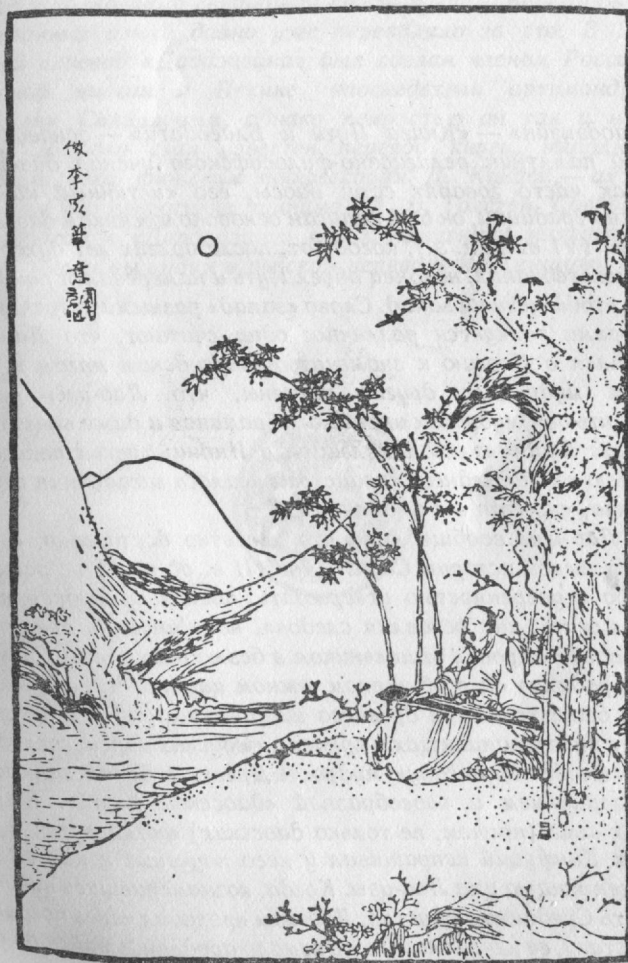
ИЗ КНИГ
МУДРЕЦОВ
ДАОССКОЙ
ШКОЛЫ

老 子

ИЗ „ДАОДЭЦЗИНА”

«Даодэцзин» — «Книга Пути и Благодати» — основополагающий памятник религиозно-философского учения даосизма или, как часто говорят сами даосы, его «истинный канон». Согласно традиции, он был написан основоположником даосизма Лао-цзы (VI в. до н. э.), когда тот, после долгих лет духовного совершенствования, наконец обрел Путь и намеревался покинуть Китай, чтобы уйти на запад. Слово «запад» разными источниками и авторами толкуется различно: одни считают, что Лао-цзы отправился в Персию к знаменитым персидским магам и халдейским мудрецам; другие уверены, что Лао-цзы решил приобщиться к мудрости индийских браминов и даже связывают рождение Будды с его появлением в Индии; третьи полагают, что целью его последнего странствия явилась загадочная страна Шамбала, скрытая в Гималаях.

О Лао-цзы вообще мало что известно достоверно, и уже отец китайской истории Сыма Цянь (II в. до н. э.) не решался что-либо с уверенностью утверждать, поскольку мудрец предпочитал жить, «не оставляя следов», не единожды менял имя и многие годы провел отшельником в безлюдных горах. Считается, что родился он в обширном южном царстве Чу, где весьма сильны были традиции древнего шаманизма, ряд лет посвятил работе в книгохранилищах и архивах чжоуских царей, сосредоточивших в себе всю писаную мудрость Древнего Китая, занимался самосозерцанием и своеобразной «даосской йогой». В ряде древних книг (причем, не только даосских) упоминается о том, как сам Конфуций испрашивал у него поучения и как он был восхищен мощью ума Лао-цзы. Когда, вознамерившись навсегда покинуть Срединные царства, Лао-цзы проходил через пограничную заставу, ее начальник, тоже немало продвинувшийся по пути духовного самосовершенствования, умолил его оставить частицу своей мудрости Китаю — так, согласно преданию, и появилась на свет эта книга, насчитывающая всего пять тысяч знаков,

но вмещающая все самое важное, что должен был знать человек о Пути Вселенной — Дао и его манифестации в мире форм — Дэ.

Самый ранний известный науке список «Даодэцзина» относится уже к Ханьской эпохе (II в. до н. э.) — он был найден при раскопках одного из княжеских захоронений на юге Китая и несколько отличается от традиционного, с которого сделан настоящий перевод. Традиционный же текст комментировался и переводился на различные языки бесчисленное количество раз: долгая история Китая породила буквально тысячи комментариев и толкований священной книги, а число переводов ее на иностранные языки давно уже перевалило за сто. В России первый перевод «Даодэцзина» был сделан членом Российской духовной миссии в Пекине, впоследствии архимандритом, Даниилом Сивилловым, однако полностью он так и не был издан. Широко стал известен перевод книги, выполненный в начале века японским профессором Д. Кониси, — активное участие в его подготовке принимал Л. Н. Толстой. Совершенно иной подход к «Даодэцзину» как к памятнику материалистической мысли мы видим в русском переводе Ян Хиншуна, изданном в 1950 году.

ИЗ ГЛАВЫ 2

Когда все в Поднебесной узнали, что красота — это красота, появилось и уродство. Когда узнали, что добро — это добро, появилось и зло. Ибо бытие и небытие друг друга порождают, трудное и легкое друг друга создают, короткое и длинное друг другом измеряются, высокое и низкое друг к другу тянутся, звуки и голоса друг другу вторят, *до* и *после* друг за другом следуют. Вот почему мудрец действует надеянием и учит молчанием...

ГЛАВА 3

Если не превозносить способных — люди не будут соперничать. Если не ценить редкие вещи — не станут красть. Если не показывать людям того, что возбуждает желания, их сердца не будут волноваться. Поэтому, когда правит мудрец, он делает так, чтоб сердца их были пустыми, а желудки — полными, ослабляет их волю — и укрепляет кости. Он постоянно стремится к тому, чтоб у народа не было знаний и желаний и чтобы те, кто знает, не смели действовать. Он действует надеянием — и управляет всем.

ГЛАВА 9

Полный сосуд трудней удержать в руках, чем пустой. Лезвие, заточенное слишком остро, служит недолго. Хоромы, полные золота и яшмы, никто не устережет. Похваляясь богатством и знатностью, накличешь на себя беду. Добившись успеха, следует отступить — таков путь Неба.

ГЛАВА 11

Три десятка спиц сходятся в одной втулке: от пустоты ее зависит применение колеса. Формуя глину, делают сосуд: от пустоты его зависит его применение. Прорубая двери и окна, строят дом: от пустоты их зависит использование дома. Ибо выгода зависит от наличия, а применение — от пустоты.

ГЛАВА 12

От пяти цветов слепнут глаза, от пяти звуков глохнут уши, от пяти вкусов тупеет язык. Скачка и охота доводят до неистовства, редкостные вещи толкают на преступления. Поэтому мудрец заботится о желудке и не заботится о глазах: принимает первое и отвергает второе.

ИЗ ГЛАВЫ 17

Наивысший правитель тот, о ком подчиненные знают одно — что он существует. За ним следует тот, кого любят и превозносят. За этим следует тот, кого боятся. А за тем следует тот, кого презирают...

ГЛАВА 18

Когда Великий Путь утрачен — появляются «человечность» и «долг». Вместе с остротой ума рождается и великое коварство. Когда шесть родичей не ладят — появляются «сыновняя почтительность» и «родительская любовь». Когда в государстве смута — возникают «верноподданные».

ГЛАВА 43

Самое мягкое в мире одолевает самое твердое. То, у чего нет бытия, проникнет и туда, где нет щелей. Поэтому я понял пользу недеяния. Ничто в мире не сравнится с учением без слов и с пользой от недеяния.

ГЛАВА 44

Что ближе — слава или жизнь? Что дороже — жизнь или богатство? Что тяжелей — иметь или терять? Вот почему кто многого хочет, тот и много тратит, кто много копит, много и теряет. Тому, кто знает меру, не придется стыдиться, кто умеет остановиться, не устанет. Он может прожить долго.

ГЛАВА 45

Великое совершенство похоже на изъясн, а в применении — безупречно. Великая полнота похожа на ущерб, а в применении — неисчерпаема. Великая прямота похожа на кривизну. Великое мастерство похоже на неумение. Великое красноречие похоже на косноязычие. Движение побеждает холод. Покой побеждает жару. Тишина и покой — основа Поднебесной.

ГЛАВА 46

Когда Поднебесная следует Пути — коней отправляют унавоживать поля. Когда Поднебесная не следует Пути — боевые кони пасутся в предместьях. Нет пущей беды, чем не знать меры. Нет пущего зла, чем любостяжание. Поэтому умеющий довольствоваться в меру всегда доволен.

ГЛАВА 47

Не выходя со двора, можно познать мир. Не выглядывая из окна, можно увидеть путь Неба. Чем дальше уйдешь — тем меньше узнаешь. Поэтому мудрец не ходит — а знает, не показывается — а обретает славу, не действует — а достигает совершенства.

ГЛАВА 48

Отдавшись учению, что ни день обретают. Следуя Пути, что ни день теряют. А теряя все больше и больше, доходят до недеяния: не действуют — и все совершается. Поднебесной всегда овладевают посредством недеяния — тот, кто действует, не сможет овладеть Поднебесной.

ГЛАВА 57

Страна управляется справедливостью, война ведется хитростью, Поднебесная добывается недеянием. Откуда я знаю, что это так? А вот откуда. Чем больше в Поднебесной запретов — тем беднее народ. Чем больше у народа оружия — тем сильнее смута в государстве. Чем больше среди людей умельцев и искусников — тем больше диковинных вещей. Чем больше законов и указов — тем чаще бесчинства и грабежи. Поэтому мудрец говорит: я ничего не делаю — и народ сам по себе совершенствует-

ся; люблю покой — и народ сам по себе исправляется; не занимаюсь делами — и народ сам по себе богатеет; не знаю желаний — и народ сам по себе опрощается.

ГЛАВА 63

Осуществляйте недеяние, не занимайтесь делами, вкушайте безвкусное. Велики они или малы, много их или мало — за обиды платите добром. Беритесь за трудное там, где легко. Беритесь за большое, пока еще оно мало. Все трудные дела в мире всегда возникают из легких. Все большие дела в мире всегда возникают из малых. Вот почему мудрец никогда не берется за большое — а потому и способен вершить большие дела. Тому, кто легко обещает, мало верят. Там, где много легкого, всегда много и трудного. Вот почему мудрец все считает трудным — а потому и нет для него ничего трудного.

ГЛАВА 64

Малоподвижное — легко удержать в руках. Еще не проявившееся — легко направить. Хрупкое — легко разбить. Мелкое — легко рассеять. Действовать надо там, где ничего еще нет. Наводить порядок надо тогда, когда еще нет смуты. Дерево в обхват рождается из крошечного ростка, башня в девять ярусов поднимается из кучки земли, путь в тысячу ли начинается под ногами.

Кто действует — проигрывает, кто имеет — теряет. Поэтому мудрец не действует — и не проигрывает, не имеет — и не теряет. Затевая дела, люди часто терпят неудачу при их завершении. Тот, кто кончает так же осмотрительно, как начал, неудачи не потерпит. Поэтому мудрец стремится к бесстрастию, не ценит редкие вещи, учится у неученых и вновь проходит путь, пройденный другими. Он следует естественности всего сущего и не смеет действовать.

В древности те, кто умел следовать Пути, не просвещали народ, а оставляли его в невежестве. Когда народ много знает, им трудно управлять. Поэтому тот, кто правя страной, мудрствует,— действует ей во вред; тот же, кто правит не мудрствуя,— действует ей на пользу. Постигший эти две вещи будет примером для всех...

ГЛАВА 66

Моря и реки потому могут властвовать над долинами, что способны быть ниже их,— потому и могут над ними властвовать. Поэтому тот, кто хочет подняться над людьми, должен поставить себя ниже их. Тот, кто хочет встать впереди их, должен быть позади. Вот почему мудрец стоит высоко, а людям не в тягость, стоит впереди, а люди ему не завидуют. Оттого и Поднебесная не устает охотно его выдвигать. Он ни с кем не тягается — и потому никто в мире не может с ним соперничать.

ГЛАВА 68

Умелый полководец не драчлив. Тот, кто умеет сражаться, не дает волю ярости. Тот, кто умеет побеждать врага, не вступает с ним в схватку. Тот, кто умеет использовать других, ставит себя ниже их. Это называется добродетелью, избегающей борьбы. Это называется способностью использовать других. Это называется — следовать Небу и древнему началу.

ГЛАВА 76

Человек при рождении — нежен и слаб, а когда умирает — тверд и крепок. Все существа, и трава, и деревья при рождении — нежны и мягки, а когда гибнут —

сухи и ломки. Ибо твердость и крепость — спутники смерти, а нежность и слабость — спутники жизни. Вот почему сильное войско не побеждает, а крепкое дерево гибнет. Большое и крепкое оказывается внизу, а нежное и слабое — наверху.

ГЛАВА 78

Нет ничего в мире мягче и слабей воды, но в борьбе с твердым и крепким ничто не в силах ее превзойти и ничто ее не заменит. Все в мире знают, что слабость побеждает силу, а мягкость побеждает твердость, но никто не может это осуществить. Поэтому мудрец и говорит: «Кто примет на себя унижение страны — станет государем. Кто примет на себя несчастья страны — станет владыкой Поднебесной».

Слова истины похожи на свою противоположность.

ГЛАВА 81

Верные слова не изящны, изящные слова не верны. Добрый не красноречив, красноречивый не добр. Мудрый не многознающ, многознающий не мудр. Совершенно-мудрый не копит: чем больше делает для людей — тем больше сам имеет, чем больше отдает людям — тем больше у него остается. Путь Неба — приносить пользу и не причинять вреда. Путь совершенномудрого — деяние без борьбы.

ИЗ „ЧЖУАН-ЦЗЫ”

Книга названа по имени древнего даосского философа Чжуан Чжоу (или Чжуан-цзы), жившего в конце IV — начале III вв. до н. э., и, по-видимому, составлена его учениками. О реальном Чжуан-цзы известно очень мало. Так же как и некоторые другие великие умы древнего Китая, он происходил из небольшого государства Сун, где на рубеже I—II тысячелетий до н. э. были поселены победителями наследники поверженной древней цивилизации Инь. К жителям этого царства остальной Китай относился с легким пренебрежением, о них, как о пошехонцах, рассказывали немислимые истории, однако, быть может, именно более древняя и чуждая культурная традиция, еще теплившаяся в этих местах, была причиной подобной неприязни. Судя по всему, Чжуан-цзы был отпрыском очень знатного, но поверженного в междоусобной борьбе и обедневшего рода. Не желая обременять себя «царской службой», он покидает должность смотрителя плантации лаковых деревьев и живет в бедности, наслаждаясь «естественным существованием» и полной свободой. Обладая колоссальными знаниями, которые могли бы обеспечить ему завидную должность при дворе, он тем не менее сам плетет себе сандали и видит в том не беду, но счастье. Он предпочитает, подобно живой черепахе, «влачить свой хвост по земле», вместо того чтобы снискать почести и богатство ценой отказа от «истинной жизни». Впрочем, это уже из самой Книги — там о Чжуан-цзы рассказано немало, но литературный герой всегда несколько отличается от своего прототипа, и насколько велики отличия — в данном случае мы не знаем.

Книга Чжуан-цзы поражает своей парадоксальностью, шокирует совмещением несовместимого, зачаровывает мощью образов и неординарностью мышления. Она всегда влекла к себе мистиков и поэтов, и ее влияние больше всего сказывалось в литературе и искусстве — тут трудно найти другую книгу, равную ей по силе воздействия. Чжуан-цзы учил раскованности

мысли и действия, сокрушал догмы и звал к естественности. «В невнятных речах, сумасбродных словах, дерзновенных и необъятных выражениях он давал себе волю, ничем не ограничивая себя... Он скитался вместе с духом Неба и Земли, но не смотрел свысока на тьму вещей... В основе своей он необъятно широк и непосредствен. В истоке своем он бездонно глубок и раскован: можно сказать, все охватил и достиг совершенства!» (пер. В. В. Малявина) — так характеризует его кто-то из учеников в своей интерполяции в последней главе книги. Однако Чжуан-цзы принадлежит не только прошлому: «Придя к нам из неведомой дали времен, наследие Чжуан-цзы служит открытию неведомого в нас» (Малявин В. В. Чжуан-цзы. М., Наука, 1983). Во всяком случае, в последние годы интерес к этой книге постоянно растет. К сожалению, ее полный перевод, опубликованный Л. Д. Позднеевой (Атеисты, материалисты, диалектики Древнего Китая. М., Наука, 1967), хотя и не лишенный определенных недостатков, давно стал библиографической редкостью.

ИЗ ГЛАВЫ II

Полутень спросила у Тени:

— То пойдешь, то остановишься, то сядешь, то встанешь — отчего ты так непостоянна?

— Может, я от чего-то завишу? — ответила Тень. — А то, от чего я завишу, тоже от чего-нибудь зависит? Может, я завишу от чешуек на змеином брюхе или от крылышек цикады? Как узнать, что это так? И как узнать, что это не так?

Однажды Чжуан Чжоу приснилось, будто он бабочка: он беззаботно порхал, ликовал от восторга и не знал, что он — Чжоу. А когда вдруг проснулся, то даже удивился, что он — Чжоу. И не знал уже: Чжоу ли снилось, будто он бабочка, или бабочке снится, будто она — Чжоу. Но ведь между Чжоу и бабочкой, несомненно, есть разница. Значит, то было превращение.

ИЗ ГЛАВЫ III

Повар вэйского царя Хуэй-вана разделявал быка для царского стола: хватаясь рукой, нажимая плечом, упираясь ногой, подпирая коленом, со стуком и хрустом работал ножом — и все это в такт и в лад, словно в ритме старинных напевов и плясок.

— До чего же все ловко! — воскликнул царь. — Как ты достиг подобного умения?

Повар, отложив свой нож, ответил так:

— Ваш слуга дорожит сутью — это важнее умения. Поначалу, когда я только приступал к разделыванию бычьих туш, я одну только целую тушу и видел. Через три года я перестал ее замечать. А ныне гляжу на быка не глазами — умом, не столько пользуюсь зрением — сколько действую разумом. Сообразуясь с бычьим естеством, следуя его природному строению, ввожу свой нож в пространные полости, режу там, где большие пустоты, — никогда не пытаюсь разрезать скопление сухожилий, тем более — разрубить крупную кость! Умелый повар меняет нож раз в год — оттого, что режет. Посредственный повар меняет нож раз в месяц — оттого, что рубит. А моему ножу — уже девятнадцать лет. Я разделал им тысячи бычьих туш, а лезвие — будто только сошло с точильного камня. Между суставами есть щели, а у лезвия — нет толщины. Если же то, что не имеет толщины, взять и ввести туда, где щель, всегда в избытке будет места, где погулять ножу. Оттого-то ножу уж девятнадцать лет, а лезвие — будто только-только сошло с оселка. И все же, хоть оно и так, всякий раз как подхожу к сплетению жил и вижу, как трудно с ним сладить, я весь напрягаюсь и настораживаюсь, не свожу с него глаз, работаю медленно-медленно, едва шевеля ножом... И вдруг — хрясь! — и разрезал: будто рассыпал ком земли. И вот стою с ножом, и с гордостью гляжу по сторонам, исполненный довольства, а после вытираю нож и прячу.

— Превосходно! — воскликнул царь. — Услышав рассказ моего повара, я понял теперь, как достичь долголетия!

Болотный фазан через десять шагов поклюет, через сотню — напьется, а в клетке жить не хочет: хотя и сыт — а все не то!

Когда скончался Лао Дань, Цинь И, соболезнуя о нем, трижды простонал — и вышел вон. Ученики спросили:

— Разве вы не были другом Учителя?

— Был, — ответил Цинь И.

— А если так, то можно ли оплакивать его подобным образом?

— Можно, — сказал Цинь И. — Я было думал, что вы и впрямь его ученики, теперь же вижу, что — нет. Когда я пришел сюда с соболезнованием, то увидел,

что старики оплакивают его, как оплакивали бы сына, а молодые плачут по нем, как плакали бы по матери. Собравшись здесь вместе, они, если б даже того и хотели, уже не могли удержаться от слез и стонаний. Но это ведь значит — противиться Небу, отойти от Истины, забыть о своем предназначении: в старину это называли «грехом непослушания». Пришла пора прийти — Учитель родился; пришла пора уйти — Учитель покорился. Если смириться со своей участью и покориться неизбежному, к вам не найдут доступа ни радость, ни печаль: в старину это называли «избавлением от пут».

ИЗ ГЛАВЫ VI

Цзысы, Цзыюй, Цзыли и Цзылай, беседуя вчетвером, сказали так:

— Мы подружились бы с тем, кто способен постичь, что небытие — это голова, жизнь — позвоночник, а смерть — крестец, с тем, кому ведомо, что жизнь и смерть, существование и погибель — одно единое тело.

И тут все четверо взглянули друг на друга и рассмеялись. Никто из них не воспротивился в душе — и они подружились...

И вдруг заболел Цзылай. Он тяжело дышал и был при смерти, а жена и дети, обступив его, плакали над ним. Цзыли, что пришел его навестить, прикрикнул на них:

— Ступайте прочь! Не тревожьте того, кто превращается!

И, прислонясь к дверям, повел беседу с умирающим:

— О как велик творец! Во что же еще он тебя превратит? Куда еще тебя отправит? Может, он превратит тебя в печень крысы? Или в лапку козявки?

— Куда бы отец с матерью ни послали сына, — сказал Цзылай, — на восток или на запад, на юг или на север — сын исполнит их повеление. А разве силы Тьмы и Света не больше для человека, чем отец и мать? Если они понуждают меня умереть, а я ослушаюсь — то окажусь строптивцем. И в чем их можно упрекнуть? Ведь Великая Глыба обременила меня телом, истомила жизнью, успокоила старостью и упокоит смертью. И тот, кто умел устроить мою жизнь, сумеет устроить и мою смерть.

Вот, допустим, литейщик плавит металл, а тот бурлит и плещет, и говорит: «Я должен стать мечом Мо Е!» Литейщик, конечно же, сочтет его дурным металлом. Или же тот, кого однажды вылепили в виде человека, вдруг станет повторять: «Хочу опять быть человеком!» Ведь творец превращений, конечно же, сочтет его дурным человеком. Так вот, Небо и Земля — это великая плавильня, а творец превращений — литейщик. И чего только он не сможет еще со мной сотворить! Ведь жизнь — это сон. А смерть — пробуждение.

ГЛАВА IX

У коня есть копыта — чтобы ступать по снегу и мерзлой земле, шерсть — чтоб уберечься от ветра и стужи; он щиплет траву и пьет воду, встает на дыбы и скачет — в этом истинная природа коня. Не нужны ему ни высокие башни, ни богатые хоромы.

Но вот появился Бо Лэ и сказал:

— Я знаю, как надо укрощать коней.

И принялся клеймить их и подпаливать, треножить и взнуздывать, подстригать им гриву и подрезать копыта, приучать к стойлам и яслям. Из десяти коней подыхало два-три. А он морил их голодом и жаждой, гонял то рысью, то галопом, учил держать строй и равнение, терзал их удилами спереди, грозил кнутом и плетью сзади — и коней стало подыхать больше половины.

— А я,— сказал Гончар,— знаю, как обращаться с глиной: круги делаю — строго по циркулю, квадраты — по угломеру.

— А я,— сказал Плотник,— знаю, как управляться с деревом: кривое — подгоняю по крюку, прямое — выравниваю по отвесу.

Но разве природа дерева и глины — в том, чтобы подчиняться крюку и отвесу, угломеру и циркулю! Однако умельцев славил из века в век, не уставая повторять:

— Бо Лэ умел укрощать коней, а Гончар и Плотник знали, как управляться с глиной и с деревом.

Такую же ошибку совершают и те, кто правит Поднебесной. Думаю, что те, кто умел ею править, поступали не так.

Природа людей постоянна: они ткут и одеваются, пашут и едят — это можно назвать общими их свойствами. Единство и равенство — естественное их состояние. Вот почему во времена высшей добродетели их поступь была степенна, а взгляд — сосредоточен. В те времена в горах не было троп и дорог, на реках — лодок и мостов; все живое держалось вместе, не ведая меж и границ; птицы и звери бродили стадами, деревья и травы росли как хотели. И птицу, и зверя можно было водить на веревочке; можно было, взобравшись на дерево, заглянуть в сорочье гнездо. Люди жили тогда вместе с птицами и зверьми и были родней всему живому — где уж им было знать о «подлых» и о «благородных»! Все были равно невежественны — и добродетель их не оставляла; в равной мере не знали желаний — и были просты и естественны. Так, живя в простоте и естественности, народ сохранял свою природу.

Но вот явились мудрецы, выдавая потуги свои за «человечность», ухищрения свои — за «долг» — и в Поднебесной родились сомнения. Беспутство и бесчинство стали выдавать за «музыку», а мелочность и педантизм — за «обряды», — и в Поднебесной начались раздоры. Разве можно вырезать жертвенный кубок — не калеча дерева? Разве можно выточить скипетр и жезл — не губя белой яшмы? Как научить «человечности» и «долгу» — не отрешившись от Пути и Благодати? Как научить «обрядам» и «музыке» — не поступившись естественными чувствами? Разве возможно создать узор — не перемешав пяти цветов? Разве возможно построить шесть ладов — не смешав пяти звуков? Когда ради утвари калечат дерево — в этом повинен плотник. Когда ради «человечности» и «долга» забывают о Пути и Благодати — в этом повинны мудрецы.

Живя на воле, кони щипали траву и пили воду. Радуюсь — ласкались, сплетаясь шеями; осерчав — лягались, повернувшись задом. Только это они и умели. Когда же надели на них хомут да нацепили им на морду полумесяц — тут-то и выучились они увертываться и злобно коситься, грызть удила и рвать поводья. Это Бо Лэ обучил их разбойничьим повадкам — и в этом его преступление.

В Хэсюевы времена народ жил, не ведая, чем ему заняться, ходил, не зная, куда ему пойти: с полным ртом, с тугим животом гулял себе да радовался. Только это он и умел! Но вот явились мудрецы и принялись

насаждать свои обряды и музыку — дабы с их помощью исправить Поднебесную, стали превозносить «человечность» и «долг» — дабы умиротворить сердца в Поднебесной. С тех-то пор народ и бросился без удержу за знаниями да за наживой — и в этом вина мудрецов!

ГЛАВА X

Желая уберечься от воров, что взламывают сундуки, шарят в мешках, вскрывают лари, — все это обвязывают крепко-накрепко ремнями и веревками, укрепляют замками и скрепами. И все считают это разумным. Но вот приходит Большой вор: взваливает себе на плечи сундук, подхватывает ларь, закидывает на спину мешки и убегает прочь, опасаясь лишь одного — как бы все эти веревки и ремни, замки и скрепы не оказались недостаточно крепкими. Но коли оно так, то что же тогда делают эти самые умники, если не собирают добро для Больших воров?

Попробуем разобраться, есть ли среди этих так называемых умников такие, что не собирали бы добра для Больших воров? А среди тех, кого именуют мудрецами, такие, что не охраняли бы Больших воров?

Как доказать, что это именно так?

В старину в царстве Ци на протяжении двух с лишком тысяч квадратных ли жители соседних селений видели друг друга и слышали крик соседских петухов и лай собак, расставляли силки и сети, обрабатывали землю сохой и мотыгой. И что бы ни совершалось ими в пределах четырех границ — будь то постройка храма предков или алтаря духам земли и злаков, будь то управление уделами и уездами, волостями и округами, вплоть до самых захолустных, — во всем они слушались мудрецов! Но вот однажды Тянь Чэн-цзы убил циского государя и присвоил себе его царство. Но разве одно только царство? Ведь он украл его вместе со всеми его премудрыми порядками. Вот почему этот Тянь Чэн-цзы, прославивший воров и разбойником, жил себе в мире и спокойствии, как Яо и Шунь. Малые царства не смели его порицать, большие — не смели его покарать, и вот уже двенадцать поколений его потомков владеют царством Ци. Не значит ли все это, что, присвоив царство Ци, а заодно — премудрые

его законы, он только поддержал и укрепил свое разбойничье существование?

А теперь попробуем разобраться: есть ли среди тех, кого именуют наиразумнейшими, такие, что не собирали бы добра для Больших воров? А среди тех, кого именуют наимудрейшими, такие, что не охраняли бы Больших воров?

Как доказать, что это именно так?

В давние времена Лун Фэн был обезглавлен, у Би Ганя вынули из груди сердце, Чан Хуну выпустили кишки, тело Цзысюя бросили в реку. Все четверо были мудрецами — и не смогли избежать казни.

В связи с этим некий разбойник спросил своего сообщника Чжи:

— А что, у разбойников тоже есть своя наука?

— А как же? Без науки нельзя,— ответил Чжи.— Чтоб угадать по смутным слухам, есть ли в доме добыча,— нужна мудрость. Чтоб рассудить, стоит ли идти на дело,— нужен разум. Чтобы первым проникнуть в дом — нужна смелость. Чтоб уйти оттуда последним — надо обладать чувством долга. А чтобы разделить добычу поровну — требуется чувство справедливости. Не бывало еще в Поднебесной большого разбойника, который не обладал бы сполна всеми этими качествами.

Отсюда и видим: без науки мудрецов трудно стать хорошим человеком — но без нее же не обойтись и разбойнику Чжи. Однако хороших людей в Поднебесной мало, а дурных — множество, потому и пользы от мудрецов для Поднебесной немного, а вред — велик. Вот почему и говорят: «раздвинешь губы, а застынут зубы», «дрянным оказалось вино из Лу, а осаде подвергли Ханьдань», «стоит родиться мудрецу — тут же явится и великий разбойник». А потому надо бить по мудрецам, а воров оставить в покое — вот тогда-то в Поднебесной и будет порядок!

Ведь стоит иссякнуть реке — опустеет и долина, стоит срыть гору — и заполнится пропасть. Перемерут мудрецы — пропадут и большие разбойники, и в Поднебесной настанет вечный мир. А не перемерут мудрецы — не переведутся и большие разбойники! И чем больше в делах управления Поднебесной будут чтить мудрецов — тем больше выгоды разбойнику Чжи. Ведь когда придумали меры и четверти, чтобы мерить,— красть стали вместе с мерами и четвертями. Когда понаделали гирь и весов, чтобы взвешивать,— красть стали с гирями и весами. Когда понаделали верительных бирок и царских печатей,

чтоб больше было доверия, — красть стали вместе с бирками и печатями. Когда выдумали «человечность» и «долг», дабы исправить нравы, — красть стали вместе с «человечностью» и «долгом».

Как доказать, что это именно так?

Украдешь крючок — угодишь на плаху, украдешь царство — станешь государем. А где царские врата — тут же рядом и «человечность» с «долгом». Не означает ли это, что «человечность» и «долг», мудрость и разум тоже крадут? Вот все и пустились вслед за большими грабителями присваивать царства и красть «человечность» и «долг» — а заодно и прибыль от мер и четвертей, гирь и весов, печатей и бирок. И не удержишь от этого ни колесницей и шапкой сановника, ни угрозой секиры и топора. И вся эта выгода для разбойника Чжи, и эта невозможность удержать от краж — все по вине мудрецов! Потому и говорят: «рыбе не следует покидать омута, а острого оружия, какое есть в стране, не следует показывать людям». Ведь мудрецы — это острое оружие Поднебесной, потому-то и нельзя их ей показывать.

Поэтому избавьтесь от мудрецов, прогоните знающих — и тогда исчезнут большие разбойники; выбросьте яшму, разбейте жемчуг — и переведутся мелкие воры; разбейте печати, сожгите верительные бирки — и народ станет простым и безыскусственным; разбейте меры, сломайте весы — и в народе прекратятся тяжбы; истребите без остатка все премудрые законы в Поднебесной — и с народом можно будет рассуждать об истине. Перемешайте шесть ладов, переломайте гусли и свирели, заткните уши слепцу Куану — и люди в Поднебесной обретут чуткий слух. Уничтожьте узоры и украшения, разделите пять красок, залепите глаза Ли Чжу — и люди в Поднебесной обретут ясное зрение. Сломайте крюки, порвите отвесы, сожгите и выкиньте циркули и угломеры, переломайте пальцы Гун Чую — и люди в Поднебесной обретут мастерство! Потому-то и говорят: великое мастерство похоже на неумение. Отбросьте деяния Цзэна и Ши Ю, заткните рот Яну и Мо, выкиньте прочь «человечность» и «долг» — и добродетель в Поднебесной обретет изначальное единство.

Если каждый сохранит ясное зрение, Поднебесная не утратит своих очертаний. Если каждый сохранит чуткий слух, в Поднебесной не будет недоразумений. Если каждый сохранит собственный разум, в Поднебесной не будет заблуждений. Если каждый сохранит свою добродетель,

в Поднебесной не будет разврата. Цзэн и Ши, Ян и Мо, Ши Куан, Гун Чуй и Ли Чжу выставляли свои добродетели напоказ — и тем вносили смуту в Поднебесную. Не стоит им подражать.

Разве не слышали вы о временах высшей добродетели — временах Жунчэна и Датина, Бохуана и Чжунъюна, Лилу и Лисюя, Сюаньюаня и Хэсюя, Цзуньлу и Чжююна, Фу Си и Шэнь Нуна? В ту пору народ завязывал узелки на веревках, пользуясь ими вместо письма, ел вкусную пищу, ходил в красивом платье, имел приятные обычаи и удобное жилье. Соседние царства глядели одно на другое, слышали крики чужих петухов и лай чужих собак — а люди до конца своих дней не навещали друг друга. Тогда-то и был наивысший порядок!

А нынче дошло до того, что в нетерпении вытягивают шею, встают на цыпочки, чтоб только сообщить друг другу:

— Там-то объявился мудрец.

И, запасшись продовольствием, спешат к нему, бросая и родителей, и службу государю. Пешие следы тянутся от границы к границе, от царства к царству, следы от повозок протянулись на тысячи ли. И виною тому — пристрастие правителей к знаниям. Пристрастившись к знаниям, забыли о Пути — и началась в Поднебесной великая смута!

Как доказать, что это именно так?

Когда множатся знания о луках и самострелах, о стрелах на шнурке и о силках, о спусковых приспособлениях и каменных наконечниках — приходят в смятение птицы в небе. Когда множатся знания о крючках и наживке, о сетях и бреднях, вершах и неводах — приходит в смятение рыба в воде. Когда множатся знания о ножах и рогатинах, о путах и силках, ловушках и капканах — приходит в смятение зверье на болотах. Когда множатся хитрости и коварства, обманы и козни, словесные выверты о «твердом и белом», о «тождестве и различии» — в спорах развращаются нравы. Оттого и родилась в Поднебесной великая смута и неразбериха, и виною тому — пристрастие к знаниям. Ибо все в Поднебесной привыкли стремиться к неизведанному — и никто не привык осуждать то, что считается дурным, — и никто не привык осуждать то, что считается хорошим, — оттого и великая смута. Оттого-то в небесах помрачается свет солнца и луны, на земле истощается сила гор и рек, а посреди их пришло в расстройство

движение времен года. Даже среди ползучих гадов и разной летучей мелюзги нет никого, кто не утратил бы своей природы. Вот сколь велика смута в Поднебесной из-за пристрастия к знаниям! И так повелось со времен Трех династий. Пренебрегли простым народом — и увлеклись хитроумными краснобаями; отвергли надеяние и покой — и пристрастились к назойливым поучениям. А от этих-то поучений и настала смута в Поднебесной!

ИЗ ГЛАВЫ XII

Хуан-ди, гуляя неподалеку от Красных вод, поднялся на вершину Куньлуня. И на обратном пути на юг потерял свою Черную Жемчужину. Послал на ее розыски Мудрость, но та не нашла ее. Послал на розыски зоркого Ли Чжу — и тот не нашел ее. Послал горластого Чи Гоу — и тот не нашел ее. Тогда послал Подобного Небытию — и тот отыскал ее.

— Как странно! — воскликнул Хуан-ди. — Только Подобный Небытию сумел отыскать ее!

ИЗ ГЛАВЫ XIII

Хуань-гун, пребывая в своих покоях, читал нараспев старинную книгу. А колесник Бянь обтесывал неподалеку колесо. И вот, отложив долото и молот, он поднялся в покой и осведомился у князя:

— Осмелюсь спросить, что за слова читает государь?

— Это речи мудрецов, — ответил князь.

— А мудрецы эти живы? — спросил колесник.

— Умерли, — ответил князь.

— В таком случае то, что вы, государь, читаете, — это лишь винный отстой, что остался от древних.

— Я, князь, читаю книгу, — сказал Хуань-гун, — а о ней смеет рассуждать какой-то колесник?! Если есть что сказать — говори, если нет — умрешь!

И колесник Бянь сказал так:

— Я, ваш слуга, гляжу на это с точки зрения своего ремесла. Когда обтесываешь колесо не спеша — работает -

ся легко, но колесо выходит непрочным. Когда же поспешишь — и работается трудно, и колесо не прилаживается. Умением не спешить и не медлить владеют мои руки, а сердце только откликается. Словами этого не передашь — ведь тайна ремесла осталась где-то между ними. Я неспособен даже намекнуть на нее сыновьям, а сыновья неспособны ее от меня воспринять. И вот в свои семьдесят лет я продолжаю обтесывать колеса. А уж древние тем более не в силах передать свое учение — потому что умерли. Стало быть, то, что вы, государь, читаете, — лишь оставшийся после них отстой!

ИЗ ГЛАВЫ XIV

У Си Ши было больное сердце, и она часто морщилась от боли в присутствии односельчан. Некая уродина из той же деревни увидела, как это красиво. И вот, по дороге домой, она тоже принялась хвататься за сердце и гримасничать перед односельчанами. Завидев ее, богачи крепко-накрепко запирали ворота и не показывались. А бедняки разбегались кто куда вместе с женами и детьми.

Уродина эта уразумела, что и гримасы могут быть красивы, только не сообразила — почему.

ИЗ ГЛАВЫ XVII

Одноногое Чудище позавидовало Многоножке, Многоножка позавидовала Змее, Змея позавидовала Ветру, Ветер позавидовал Глазу, Глаз позавидовал Сердцу.

И Чудище сказало Многоножке:

— Я скачу на одной ноге, а за тобой не поспеваю. Ты же управляешься с десятком тысяч ног — и как только в них не запутаешься?

— Еще чего! — сказала Многоножка. — Ты что, не видело, как плюются? Брызгам, крупным, как жемчуг, и мелким, как туман, и счета нет — но все, смешавшись, падают на землю. Вот и я двигаюсь с помощью своего естественного устройства, а почему так получается — не знаю.

И Многоножка сказала Змее:

— Столько у меня ног, а не могу догнать тебя, безногую. Почему бы это?

— Мною движет естественное устройство,— ответила Змея.— Разве можно его изменить? Да и что бы я стала делать с ногами?

И Змея сказала Ветру:

— Я шевелю позвонками и ребрами — и передвигаюсь, как если бы у меня были ноги. Ты же с ревом взмываешь над Северным морем и с ревом бушуешь над Южным — а тебя вроде бы и нет. Как же это у тебя получается?

— Да, это так,— ответил Ветер.— Я с ревом взмываю над Северным морем и с ревом бушую над Южным. Но ткни в меня пальцем — и меня одолеешь, наступи на меня — и меня победишь. И все же только я один могу валить огромные деревья и сокрушать большие здания. Ибо из многих мелких неудач творю великую победу. А одержать великую победу способен лишь мудрец.

Чжуан-цзы удил рыбу в реке Пушуй. И вот от чуского царя явились к нему два знатных мужа и сказали:

— Государь пожелал обременить вас службой в своем царстве!

Не выпуская из рук удочки и даже не обернувшись, Чжуан-цзы ответил им так:

— Слышал я, что есть у вас в Чу священная черепаха: уж три тысячи лет как издохла, а цари берегут ее останки в храме предков, в ларце, под покрывалом. Так что же лучше для черепахи: издохнуть и удостоиться почестей? Или жить, волоча хвост по грязи?

— Лучше жить, волоча хвост по грязи,— ответили сановники.

— Тогда ступайте прочь,— сказал Чжуан-цзы.— Я тоже предпочитаю волочить хвост по грязи!

Хуэй-цзы был первым министром в лянском царстве, и Чжуан-цзы собрался однажды его навестить. И вот кто-то донес министру:

— Сюда направляется Чжуан-цзы — хочет сесть на ваше место.

Хуэй-цзы, перепугавшись, повелел разыскивать Чжуан-цзы по всему царству — и его искали три дня и три ночи.

А Чжуан-цзы, явившись к нему, сказал так:

— Слышал ты про Феникса, что обитает на юге? Когда он, взмыв над Южным морем, устремляется к Северному, то отдыхает только на платанах, вкушает одни лишь плоды бамбука, а пьет — из чистейших источников. И вот какая-то сова, разжившись дохлой мышью, подняла голову и, увидав пролетавшего Феникса, угрожающе ухнула. Уж не хочешь ли и ты отпугнуть меня от своего лянского царства?!

Чжуан-цзы и Хуэй-цзы прогуливались как-то по мосту над рекой Хао. И Чжуан-цзы сказал:

— До чего же привольно резвятся ельцы — какая это для них радость!

— Ты же не рыба, — возразил Хуэй-цзы, — откуда тебе известно, в чем ее радость?

— Ты же не я, — сказал Чжуан-цзы, — откуда же тебе известно, что я не знаю, в чем радость для рыбы?

— Да, я не ты, — сказал Хуэй-цзы, — и, конечно же, тебя не знаю. Но ты-то уж, точно, не рыба и уж никак не можешь знать, в чем ее радость.

— Позволь вернуться к началу, — сказал Чжуан-цзы. — Ты ведь сказал так: «Откуда тебе известно, в чем радость для рыбы?» Значит, ты уже знал, что это мне известно, — потому так и спросил. Я же про это узнал, прогуливаясь по мосту над Хао.

ИЗ ГЛАВЫ XVIII

У Чжуан-цзы умерла жена, и Хуэй-цзы пришел ее оплакать. А Чжуан-цзы, сидя на корточках, стучал по глиняной корчаге и распевал песни.

— Ты прожил с нею жизнь, — сказал Хуэй-цзы, — нажил детей. А теперь, когда она, состарившись, умерла, не только не плачешь — а еще и колотишь в посудину, распеваешь песни. Это уж слишком!

— Нет, ты не прав, — сказал Чжуан-цзы. — Когда она умерла и я остался один — мог ли я не печалиться? Но вот я задумался над ее началом — когда она еще не родилась; не только не родилась — еще не обладала телом; не только телом — но и эфиром-ци. Растворенная

в мутном Хаосе, она стала преобразаться — и обрела ци; ци преобразилось — и возникло тело; тело преобразилось — и возникла жизнь. А ныне вновь преобразование — и смерть. Все это следует одно за другим, как времена года: за весною — лето, за осенью — зима. Так зачем же теперь, когда она покоится в Мироздании, провожать ее плачем и воплями? Ведь это значит — не понимать велений Судьбы. Вот я и перестал плакать.

Чжилишу и Хуацзешу обзрели холм Темного брата в пустынях Куньлуня — место упокоения Хуан-ди. И вдруг на левом локте у Хуацзешу выросла опухоль — и он, от отвращения, содрогнулся.

— Что, страшно? — спросил Чжилишу.

— Нет, — ответил Хуацзешу, — чего мне страшиться? Ведь жизнь дается нам взаймы — берем ее в долг и живем. Жизнь — это прах и грязь, а жизнь и смерть — что ночь и день. Мы только что навели того, кто уже превратился. А теперь превращение коснулось меня самого. Так чего же мне страшиться?

Чжуан-цзы по дороге в Чу наткнулся на пустой череп — совсем иссохший, но еще целый — и, постучав по нему кнутовищем, спросил:

— Отчего же ты стал таким? Оттого ли, что был ненасытен в желаниях и преступил закон? Или погиб под секирой на плахе, служа обреченному царству? Или зачах от стыда, опозорив дурными делами отца и мать, жену и детей? Или не вынес мук голода и холода? Или просто скончался от старости?

И, прекратив на том расспросы, положил череп себе в изголовье и улегся спать.

Ночью череп явился ему во сне и сказал:

— По речам твоим видно, что ты искусный краснобай. Но все, о чем ты расспрашивал, заботит только живых, а мертвецы и знать этого не знают. Хочешь — я расскажу тебе о мертвых?

— Хочу, — сказал Чжуан-цзы.

— У мертвых, — сказал череп, — нет ни государя наверху, ни подданных внизу; не знают они и забот, что приносят четыре времени года. Беспечные и вольные, они так же вечны, как небо и земля, и даже утехи царей, что восседают, обратясь ликом к югу, не сравнятся с их блаженством.

Чжуан-цзы усомнился и спросил:

— А хочешь, я попрошу Владыку Судеб возродить твоё тело, отдать тебе кости, кожу и плоть, вернуть отца и мать, жену и детей, друзей и соседей?

Но череп ответил, сурово насупившись:

— Неужто же я променяю царские улады на людские муки?!

ИЗ ГЛАВЫ XIX

Конфуций направлялся в Чу. И вот, выйдя из леса, он увидал, как некий горбун ловил цикад на кончик палки, смазанный клеем, да так ловко, будто собирал их руками.

— До чего же ты ловок! — сказал Конфуций. — Видно, владеешь каким-то секретом?

— Да, есть один, — ответил горбун. — В пятую и шестую луну кладу на кончик палки пару бусин и осторожно поднимаю: если не скатятся, то из цикад от меня удирают немногие; если не скатятся три — удирает одна из десятка; а уж если не скатятся пять — тогда будто руками собираю. Стою — как пень, руку тяну — как высохшую ветку. И пусть огромны небо и земля и много в мире всякой твари — у меня на уме только крылышки цикады. Не отступлю, не отклонюсь, на целый мир их не променяю — как же после этого да не поймать!

Конфуций взглянул на учеников и сказал:

— «Если волю не рассеивать — она сгустится в душе» — да это же сказано прямо про нашего горбуна!

Янь Юань сказал Конфуцию:

— Когда я переправлялся через пучину Шаншэнь, перевозчик правил лодкой как некий бог. Я спросил у него: «Можно ли научиться так править?» И он ответил: «Можно. Хороший пловец выучится этому за несколько раз. Нырять же справится с лодкой, даже если он прежде и в глаза ее не видел». Я стал его расспрашивать, но больше он ничего не сказал. Осмелюсь вас спросить — как надо понимать его слова?

И Конфуций ответил так:

— «Хороший пловец выучится этому за несколько раз» — потому что забывает про воду. «Нырять же

справится с лодкой, даже если он прежде и в глаза ее не видел» — оттого что пучина для него — та же суша, а опрокинутая лодка — подобна повозке, что катится вспять. И если даже перед ним вся тьма вещей перевернется и покатится назад — он не обратит внимания: с любой поездкой справится шутя.

Тот, кто искусен в игре со ставкой на черепицу, волнуется, играя на застежку, и вовсе дуреет, играя на золото. Умение — то же самое, но стоит появиться чему-то ценному — и все внимание уже на внешнем. А сосредоточившись на внешнем, теряешь внимание к внутреннему.

Тянь Кайчжи встретился с чжоуским царем Вэй-гуном.

— Слышал я, — сказал царь, — будто Чжу Шэнь учил, как надобно продлевать жизнь. Вы, Учитель, с ним общались — что же вы от него слышали?

— Я лишь стоял с метлой в руках у его ворот, — ответил Тянь Кайчжи. — Что я мог услышать от Учителя?

— Не отнекивайтесь, — сказал царь, — я хочу это услышать.

— Я слышал однажды, — сказал Тянь Кайчжи, — как Учитель сказал: «Тот, кто умеет продлевать жизнь, похож на пастуха — глядит, какая из овец отстаёт, и подгоняет ее плетью».

— А что это значит? — спросил царь.

— Был в княжестве Лу, — сказал Тянь Кайчжи, — некий Шань Бао. Жил отшельником, пил одну воду, с людьми не общался. Дожил до семидесяти лет, а цвет лица — как у младенца. На свою беду, повстречался с голодным тигром — и тот убил его и сожрал. А еще был некий Чжан И: этот не пропускал ни хором с высокими воротами, ни лагун с занавесками вместо дверей. Прожил лишь сорок лет — и умер от внутреннего жара. Шань Бао пекся о внутреннем — а тигр сожрал его внешнее. Чжан И заботился о внешнем — а недуг одолел его внутреннее. Ни тот, ни другой не подгонял того, что у него отставало.

Жрец, совершавший жертвоприношения, явился как-то в хлев в парадном платье и шапке и стал уговаривать кабана:

— Ну, чего ты боишься смерти? Ведь я целых три

месяца буду тебя откармливать, десять дней соблюдать воздержание, три дня поститься. А потом подстелю подстилку из белого камыша и возложу твои лопатки и крестец на резной жертвенный стол. Ну как, согласен?

Тот, что ухаживал за кабаном, сказал на это так:

— Уж лучше ему кормиться помоями и отрубями — да только оставаться в хлеву!

А вот те, что себя ублажают, при жизни предпочитают носить шапку сановника и разъезжать в парадной колеснице, а после смерти — возлежать в богатом гробу на изукрашенных дрогах. Они согласны на то, от чего отказался и скотник, ухаживавший за кабаном, — чем же они отличаются от кабана?!

Цзи Син-цзы взялся обучить для царя бойцового петуха. Через десять дней царь спросил:

— Ну как, готов петух?

— Нет еще, — ответил Цзи Син-цзы, — чванлив, кичится попусту.

Через десять дней царь спросил его о том же.

— Пока еще нет, — ответил Цзи Син-цзы, — откликается на каждый звук, кидается на каждую тень.

Через десять дней царь вновь спросил его о том же.

— Все еще нет, — ответил Цзи Син-цзы, — смотрит злобно, так весь и пышет яростью.

Через десять дней царь снова повторил вопрос.

— Вот теперь почти готов, — ответил Цзи Син-цзы. — Услышит другого петуха — даже не шелохнется. Посмотришь на него — как деревянный. Достоинства его достигли полноты. Ни один петух не решится откликнуться на его вызов — повернется и сбежит.

Плотник Цин вырезал из дерева колокол. Когда работа была готова, все, кто видел, поразились: казалось, это сделали духи или боги.

Увидел колокол луский князь и спросил мастера:

— Каким искусством ты этого добился?

— Я всего лишь ремесленник, — ответил плотник, — какое у меня может быть искусство? А впрочем, был один секрет. Замыслив выточить колокол, я не решился тратить понапрасну свое ци и должен был поститься сердцем —

чтоб обрести покой. После трех дней поста уже не смел помышлять о почестях или наградах; о жалованье и чинах. После пяти — не смел и думать о хвале или хуле, удаче или неудаче. После семи — в оцепенении перестал ощущать собственное тело, забыл о руках и ногах. И не стало для меня ни князя, ни его двора; все, что извне волнует душу, исчезло, и всё мое умение сосредоточилось на одном. И тогда я отправился в горы и стал присматриваться к природным свойствам деревьев. И только мысленно увидев в наилучшем из стволов уже готовый колокол, я принялся за дело — а иначе не стоило и браться. Так мое естество сочеталось с естеством дерева — потому и работа кажется волшебной.

ИЗ ГЛАВЫ XX

Чжуан-цзы, странствуя в горах, заметил там большое дерево с густыми ветвями и пышной листвой. Однако дровосек, что остановился возле дерева, его не тронул. Чжуан-цзы спросил о причине.

— Оно ни на что не пригодно, — ответил дровосек. И Чжуан-цзы сказал:

— Из-за своей непригодности дерево это сможет прожить столько, сколько ему отпущено от природы.

Спустившись с горы, Учитель остановился на ночлег в доме старого друга. А тот, на радостях, приказал мальчишке-прислужнику зарезать и сварить гуся.

— Один наш гусь умеет гоготать, — сказал прислужник, — а другой не умеет. Которого прикажете зарезать?

— Того, который не умеет, — сказал хозяин.

На другой день ученики обратились к Чжуан-цзы с вопросом:

— Вчера вы сказали: то дерево в горах из-за непригодности своей сможет прожить столько, сколько ему отпущено от природы. А теперь вот хозяйский гусь погиб из-за своего неумения. Уж если выбирать между пригодностью и непригодностью, умением и неумением — то что бы вы, Учитель, предпочли для себя?

И Чжуан-цзы, рассмеявшись, ответил:

— Я бы разместился где-нибудь посередке!

Линь Хуэй бросил драгоценную яшму, что стояла тысячу золотых, и, посадив на спину сына-младенца, бежал из страны. Кто-то спросил его:

— Разве младенец дорого стоит?

— Он ничего не стоит, — ответил Линь.

— Или с ним меньше хлопот?

— С ним много хлопот, — ответил Линь.

— Так зачем же тогда, бросив бесценную яшму, вы бежали с младенцем?

— Одно связано с выгодой, — ответил Линь Хуэй, — а другое — с естественными узами. То, что связано с выгодой, в беде и в несчастье бросают. А то, что связано с естественными узами, в беде и в несчастье уносят с собой. Ибо слишком уж разнится то, что бросают, и то, что уносят!

Ян-цзы, приехав в Сун, заночевал на постоялом дворе. У хозяина были две наложницы: одна — красивая, другая — уродливая. Уродливую хозяин ценил, а красивой — пренебрегал. Ян-цзы спросил его о причине, и тот ответил так:

— Красавица сама собой любит — и я не вижу, в чем ее красота. Уродина сама собой гнушается — и я не вижу, в чем ее уродство.

— Запомните это, ученики, — сказал Ян-цзы. — Совершая добрые поступки, избегайте самолюбования — и вас полюбят всюду, куда ни придете.

ИЗ ГЛАВЫ XXI

Чжуан-цзы встретился с луским царем Ай-гуном, и тот сказал ему:

— В Лу много конфуцианцев, а вот ваших последователей мало.

— В Лу мало конфуцианцев, — сказал Чжуан-цзы.

— Да здесь полно людей в конфуцианских одеяниях, — возразил Ай-гун. — Как же можно говорить, что их мало?

— Слыхал я, — сказал Чжуан-цзы, — что конфуцианцы носят круглые шапки, — в знак того, что познали небесное время, и квадратную обувь — в знак того, что им ведома форма земли. А на поясе носят нефритовые под-

вески на пестрых шнурках — в знак того, что скоры в принятии важных решений. Однако достойные мужи, сведущие в учении, навряд ли ходят в таких одеяниях, а те, что носят эти одеяния, навряд ли сведущи в учении. Вы, государь, конечно, с этим несогласны. Так почему бы вам не объявить по всему царству: те, кто, не зная учения, ходят в таких одеяниях, — караются смертью.

И вот Ай-гун повелел, чтобы этот указ оглашали в течение пяти дней, — и в луском царстве не стало таких, кто бы осмелился ходить в конфуцианском платье. И лишь один-единственный муж в конфуцианском одеянии предстал пред царскими воротами. Царь тут же повелел позвать его к себе и стал расспрашивать о государственных делах. И тот оказался просто неистощим на всевозможные повороты и изгибы мысли.

И Чжуан-цзы сказал:

— На все-то царство только и нашелся один конфуцианец. Разве это много!

Ле Юйкоу в присутствии Бохунь Чжэня стрелял из лука: поставив на локоть чашу с водой, натягивал тетиву до отказа, пустив стрелу, посылал вдогонку другую — и чаша оставалась неподвижной, а сам стрелок казался истуканом.

— Это всего лишь мастерство при стрельбе, — сказал Бохунь Чжэнь, — а не мастерство без стрельбы. А ну, взойдем-ка с тобой на высокую гору да встанем на обрывистый утес, что рядом с пропастью в сто жэней глубиной, — сумеешь ли ты стрелять оттуда?

И Чжэнь поднялся на гору, взобрался на утес у края пропасти в сто жэней; встав к ней спиной, придвинулся к самому обрыву — так что ступни его наполовину свесились над бездной, и поманил к себе Юйкоу. А тот, пав ниц на землю, облился потом с головы до пят.

— Человек высших достоинств, — сказал Бохунь Чжэнь, — поднявшись ввысь, взглянет на синее небо, спустившись вниз — нырнет в Желтый источник. Он способен добраться до восьми оконечностей мира — и дух его не дрогнет. А ты готов зажмуриться от страха: опасность гибели таится в тебе самом!

ИЗ ГЛАВЫ XXII

Свет спросил у Небытия:

— Вы, Учитель, существуете? Или вас нет?

И, не получив ответа, стал вглядываться в вид его и облик: что-то темное, пустое; хоть целый день гляди — не углядишь, слушай — не услышишь, дотрагивайся — не дотронешься.

— Да это просто совершенство! — воскликнул Свет. — Кто еще на такое способен? Я могу лишь присутствовать или отсутствовать — но не могу совсем не быть. Я дошел лишь до отсутствия — а как же стать таким, как вы?!

Горы и леса, луга и пашни радуют нас и веселят. Но не успели мы нарадоваться — а уж печаль тут как тут. Когда печаль или радость приходят — мы не в силах их предотвратить, а когда уходят — не в силах удержать. Увы! Ведь человек в этом мире — лишь постоянный двор для вещей. Знает лишь то, с чем встречался, не знает того, чего не встречал. Знает, что может лишь то, что может, и не может того, чего не может. Незнания и немощи ему не избежать — и не печально ли пытаться избежать неизбежного!

Высшие слова избегают слов. Высшие деяния избегают деяний. Общедоступное знание — поверхностно.

ИЗ ГЛАВЫ XXIV

Чжуан-цзы был на похоронах. И, проходя мимо могилы Хуэй-цзы, он обернулся к спутникам и сказал так:

— Однажды некий инец запачкал белой глиной кончик носа: пятнышко было — с мушиное крылышко. Он приказал плотнику Ши стесать его. А тот так заиграл топором — аж ветер поднялся: лишь выслушал приказ — и тут же все стесал. Снял дочиста всю глину, не задев носа. А инец — и бровью не повел. Сунский государь Юань-гун, прослышав об этом, позвал к себе плотника и сказал ему:

— Попробуй сделать это же самое и для меня.

А плотник ответил:

— Когда-то я сумел это сделать — да только нет уже в живых того материала!

Вот так и у меня не стало материала: с тех пор как умер Учитель, мне больше не с кем спорить.

ИЗ ГЛАВЫ XXV

На левом рожке улитки находится царство — зовется царством Бодливых. А на правом рожке есть другое — зовется царством Отчаянных. Царства эти беспрестанно дерутся друг с другом за землю. Убитых валяются — десятки тысяч, а разбитого врага преследуют целых пятнадцать дней — лишь после этого поворачивают вспять.

Бо Цзюй учился у Лао Даня. И как-то раз сказал ему: — Позвольте отправиться в странствие по Поднебесной.

— Оставь, — сказал Лао Дань. — Поднебесная всюду одинакова.

Тот снова стал проситься.

— Ну, и с чего же ты начнешь? — спросил Лао Дань.

— Начну я с Ци, — сказал Бо Цзюй. — Приду туда, увижу там казненного, уложу его тело на землю, сниму с себя парадную одежду и накрою его. А потом, возопив к Небу, стану его оплакивать: «Сын мой! Сын мой! По всей Поднебесной большая резня — и разве ты первый! Вот говорят: «Не будь грабителем, не будь убийцей». Но с той поры, как появились слава и позор, люди лишились покоя. С той поры, как начали копить богатства и сокровища, начались и тяжбы. И вот нынче делают так, что люди не знают покоя, и копят то, из-за чего ведутся тяжбы. Нужда изнуряет людей, не дает продохнуть — так как же им не дойти до преступлений! Древние государи все удачи относили на счет народа — а в неудачах винили себя, всякую правду относили на счет народа — а в кривде винили себя. Потому-то один человек брал на себя всю вину и, сам себя осуждая, удалялся от дел. А нынче не так. Дела вершат втихомолку — а тех, кто этих дел не знает, объявляют глупцами. Нагромождают трудности — и осуждают тех, кто не решился их преодолеть. Утяжеляют повинности —

и наказывают тех, кто с ними не справляется. осылают окольной дорогой — и карают за опоздание! А люди, зная, что силы у них на исходе, возмещают их убыль притворством. С каждым днем его больше и больше — да и как же народу и чиновным не притворяться? Ведь когда не хватает сил — притворяются, когда не хватает знаний — обманывают, когда не хватает богатства — грабят. Так кого же винить за кражи и грабежи?!»

ИЗ ГЛАВЫ XXVI

Семья Чжуан Чжоу бедствовала, и он пошел к смотрителю реки, чтоб одолжить у него зерна.

— Ну конечно, конечно,— сказал смотритель.— Вот получу подати с моих владений и ссужу вам триста монет — этого хватит?

Чжуан-цзы даже побледнел от негодования и сказал ему так:

— Шел я вчера по дороге и вдруг слышу — кто-то меня зовет. Оглянулся — и вижу в колее карася. Откуда ты, спрашиваю, и что здесь делаешь? А он мне в ответ: «Я ведаю волнами в Восточном море. Не найдется ли у вас хоть ковша воды — чтоб спасти мне жизнь?» Я ему говорю: «Ну конечно, конечно. Я как раз собираюсь на юг — к царям У и Юэ. Вот взволную там воды Западной реки и пригоню их сюда — этого хватит?» А карась аж побелел от гнева и сказал мне так: «Я в беде, у меня нет пристанища. От ковша воды я бы ожил... Чем говорить мне такое — лучше уж сразу ищите меня в лавке, где торгуют сушеной рыбой!»

Верша нужна — чтоб поймать рыбу: когда рыба поймана, про вершу забывают. Ловушка нужна — чтоб поймать зайца: когда заяц пойман, про ловушку забывают. Слова нужны — чтоб поймать мысль: когда мысль поймана, про слова забывают. Как бы мне разыскать человека, что забыл про слова,— и поговорить с ним!

Царства Хань и Вэй враждовали друг с другом из-за земли. И вот как-то раз учитель Хуа-цзы явился к ханьскому царю Чжаоси. Вид у государя был опечаленный.

— Предположим, — сказал Хуа-цзы, — что перед вами, государь, скрижаль с записанным на ней преданием Поднебесной, которое гласит: «Возьмешь левой рукой — правую потеряешь. Возьмешь правой рукой — левую потеряешь! Но уж если возьмешь — завладеешь Поднебесной». Вы бы, государь, взяли?

— Я бы не взял, — сказал царь.

— Вот и отлично! — сказал Хуа-цзы. — Отсюда мы видим, что две руки куда важнее Поднебесной. А тело еще важнее, чем руки. А ведь царству Хань — куда как далеко до Поднебесной! А земле, о которой вы нынче спорите, — и вовсе далеко до царства Хань. Вы же, государь, в тоске изнуряете тело и губите жизнь — и все лишь оттого, что не владеете этой землей.

— Превосходно! — воскликнул царь. — Многие меня наставляли, но таких слов слышать не доводилось. Можно сказать, что вы, Учитель, умеете отличать важное от неважного!

Учитель Ле-цзы, впав в нужду, отощал от голода. Некий гость, поведав о том Цзыяну, что был правителем в Чжэн, сказал ему так:

— Ле Юйкоу, муж, постигший учение, живет в вашем царстве и терпит нужду. Не прослывете ли вы врагом праведников?

Цзыян тотчас повелел чиновнику одарить Ле-цзы зерном. Учитель же, встретив посланца, дважды ему поклонился, но дара не принял. Посланец удалился, и Ле-цзы вернулся в дом. При виде его жена стала бить себя в грудь со словами:

— Слышала я, что жены и дети праведных мужей обретают покой и радость. Мы же отощали от голода. И вот правитель, услышав о том, жалуется вам пропитанием, а вы от него отказались. Разве это не злая судьба!

А Ле-цзы, усмехнувшись, ответил ей так:

— Ведь правитель меня не знает и зерно мне послал с чужих слов. Так же, с чужих слов, обвинит и в преступлении. Поэтому я и отказался.

Когда чуский Чжао-ван лишился своего царства, бежал вслед за ним из столицы и мясник Шо. Вернувшись на царство, Чжао-ван пожелал вознаградить всех, кто не оставил его в беде. Дошла очередь и до мясника.

— Великий государь лишился своего царства, — сказал мясник, — а я — своей скотобойни. Ныне государь вернул себе царство, а я получил обратно скотобойню. Я сполна восстановил и чин свой, и доходы — о какой еще награде может быть речь?

— Силой заставьте его принять награду, — повелел царь.

— В том, что великий государь лишился царства, — сказал мясник, — не было моей вины — потому не смею принять от него казнь. А в том, что государь вернулся на царство, не было моей заслуги — потому не смею принять и награды.

— Приведите его ко мне, — приказал царь.

— По законам чуского царства, — сказал мясник, — предстать пред государем может лишь тот, кто удостоился награды за важные заслуги. У меня же не хватит ума, чтобы уберечь страну, и не хватит храбрости, чтобы пасть в бою с ее врагами. Когда войска царства У вступили в нашу столицу, я бежал от врага, убоявшись бедствий, — а не то чтобы намеренно последовал за государем. Ныне же великий государь желает меня принять — да о подобном нарушении законов и договоров в Поднебесной мне и слышать не доводилось!

И тогда царь сказал своему конюшему Цзыци:

— Этот мясник Шо состоит в низком звании, а суждения его весьма высоки. Предложи ему от меня пост одного из трех высших сановников.

— Стать одним из трех высших сановников... — сказал мясник. — Знаю, что это почетней, чем торговать в мясной лавке. И жалованье в десять тысяч чжунов... Знаю, это побольше, чем барыши мясника. Но посмею ли я, кормясь от такого чина и жалованья, навлечь на государя славу безрассудного расточителя?! Уж лучше мне вернуться в мою мясную лавку.

И так и не принял награды!

Юань Сянь жил в Лу, у земляного вала, в нищей, поросшей травой лачуге из двух комнатенок. Убогая дверь из полыни держалась на туговых петлях, горло кувшина служило окошком, простая сермяга — затычкой... Сверху

текло, внизу было сыро... А хозяин сидел, гордо выпрямив спину, и пел, бряцая на струнах.

И вот Цзыгун, восседая в коляске, что не вмещалась в узком переулке, приехал однажды его навестить. Он был в белом платье с пурпурной подкладкой, и везли его рослые кони. Юань Сянь, в шапке из бересты, в шлепанцах без задников и с посохом из стебля лебеды, встретил его у дверей.

— Да вы никак больны! — воскликнул Цзыгун.

— А я вот слыхал, — сказал Юань Сянь, — что если нет богатства — то это называют бедностью, а если не сумел осуществить свое учение — это называется болезнью. Я же не болен, а только беден.

Цзыгун покраснел и замаялся. А Юань Сянь, усмехнувшись, добавил:

— Жить с оглядкой на мирскую суету, дружить с кем попало, учиться напоказ, а других поучать ради денег... Прикрывшись человечностью и долгом, разъезжать в разукрашенных колясках... Вот чего не терплю!

Цзэн-цзы жил в Вэй. Разгуливал в ветхом халате без верха, с опухшим лицом, руки-ноги — в мозолях. По три дня не разводил огня, по десять лет не шил себе одежды. Шапку поправит — рвутся завязки, схватится за ворот — вылезут локти, натянет шлепанцы — торчат наружу пятки. А он ковылял в своих шлепанцах и распевал шанские гимны. И голос его, подобный звону камня и металла, наполнял небо и землю. Сын Неба не обрел в нем верноподданного, князья не обрели друга. Ибо тот, кто растит свою волю, — забывает о теле. А тот, кто растит свое тело, — забывает о выгоде. Тот же, кто обрел Путь, — забывает о собственном сердце!

Конфуций сказал Янь Хуэю:

— Хуэй! Семья твоя бедствует, жилье у тебя убогое — почему же ты не служишь?

— А я не хочу служить, — ответил Янь Хуэй. — За городской стеной есть у меня поле в пять десятков му — этого хватит на кашу. И есть в предместье поле в десять му — и мне хватает шелка и пеньки. А еще я играю на цине — этого довольно, чтобы развлечься, и постигаю ваше учение — этого довольно, чтоб обрести радость. А служить я не хочу.

Конфуций от волнения даже изменился в лице. И сказал так:

— Как прекрасны твои устремления! Я слышал: кто знает меру — не обременяет себя корыстью, кто довольствуется тем, что имеет, — не боится его потерять, кто совершенствует в себе внутреннее — не стыдится остаться без службы. Я всегда это восхвалял — а ныне увидел в тебе. Это для меня подарок!

Царевич Моу, владетель Чжуншаня, спросил у Чжань-цзы:

— Как мне быть? Телом пребываю у рек и морей, а сердцем живу — у вэйских дворцовых ворот.

— Чти жизнь, — ответил Чжань-цзы. — Кто чтит жизнь — презирает корысть.

— Знаю, — сказал царевич, — да не могу с собой совладать.

— А не можешь с собой совладать — тогда повинуйся желаниям. Душе это не повредит. Ведь если того, кто не может с собой совладать, еще и понуждать не следовать желаниям — нанесешь ему двойную рану. А человек с двойною раной не достигнет долголетия.

Вэйский царевич Моу был сыном царя, владевшего тьмой колесниц. Жить отшельником в горных пещерах было ему тяжелей, чем простолюдину в сермяге. И хотя не постиг он Пути — но, можно сказать, имел к этому устремление.

Шунь хотел уступить Поднебесную другу своему Бэйжэнь Уцзэ.

— Станный ты человек, государь! — сказал Бэйжэнь. — Жил среди полей и арыков, а слонялся у ворот Яо. Мало того — еще и меня хочешь замарать своими позорными делами. Мне стыдно на это смотреть!

И бросился в цинлинскую пучину.

ГЛАВА XXX

Некогда чжаоский царь Вэнь-ван пристрастился к фехтованию. Фехтовальщики осаждали его ворота, и гостило их у него по три тысячи с лишком. Дни и ночи сража-

лись они перед царем: убитых и раненых за год набира-лось больше сотни. Царь же был ненасытен в своем увлечении.

Так минуло три года. Царство стало клониться к упадку, а другие цари принялись строить козни. Куй, наследник престола, опечаленный этим, созвал приближенных и сказал им:

— Тысячу золотых пожалую тому, кто сумеет отвратить государя от его страсти и убедит расстаться с фехтовальщиками!

— Такое под силу только Чжуан-цзы,— сказали приближенные.

И наследник отправил посланцев с золотом, дабы вручить его Чжуан-цзы. Но Чжуан-цзы отказался от подношения. Он отправился в путь вместе с посланцами и, представ перед наследником, спросил:

— Что повелит мне наследник, жалуя тысячу золотых?

— Прослышав о мудрости и проницательности Учителя,— ответил наследник,— я с почтением преподнес тысячу золотых на дары вашей свите. Но вы не приняли подношения — о чем же я теперь посмею вас просить?

— Слышал я,— сказал Чжуан-цзы,— что наследник хотел бы с моей помощью отвратить царя от его пристрастия. Но если я, увещевая великого царя, пойду наперекор царской воле, а в то же время не сумею угодить и вам, меня ожидают казнь и гибель. На что тогда мне деньги? Если же мне удастся уговорить великого царя, а тем самым угодить и вам — царство Чжао даст мне все, чего ни пожелаю.

— Все это так,— сказал наследник.— Но государь наш допускает к себе одних лишь фехтовальщиков.

— Вот и отлично,— сказал Чжуан-цзы.— Я неплохо фехтую.

— Так-то оно так,— сказал наследник,— а только у всех фехтовальщиков, которых принимает у себя наш государь, волосы взлохмачены, торчат куда попало, шлемы сдвинуты набекрень, завязки на шлемах — из грубого шелка, без всяких узоров, полы одежды подвернуты сзади, взгляд злобен, речь косноязычна. А царю как раз такие-то и нравятся. Если Учитель предстанет пред государем в одеянии ученого, это только погубит все дело.

— Тогда позвольте, я изготовлю себе платье фехтовальщика,— сказал Чжуан-цзы.

Три дня он мастерил себе платье, после чего явился к наследнику, а тот отправился с ним к царю. Царь ждал их с обнаженным мечом.

Чжуан-цзы вошел в двери царских покоев не спеша, увидев царя — не поклонился.

— Чему же ты хочешь меня научить? — спросил царь. — Покажи это прежде наследнику.

— Слышал я, — сказал Чжуан-цзы, — что великий государь увлекается фехтованием, — потому и явился к вам.

— А хорошо ли владеешь мечом? — спросил царь.

— Могу через каждый десяток шагов убить по человеку, — ответил Чжуан-цзы, — и через тысячу ли — на мече ни единой царапины.

— Да тебе нет равного в Поднебесной! — воскликнул восхищенный царь.

— Когда сражаюсь, — сказал Чжуан-цзы, — кажусь уступчивым — но жду удобного момента, отстаю в выпаде — зато опережаю в ударе. Хотел бы с кем-нибудь помериться силами.

— Вы, Учитель, пока отдохните, — сказал царь. — Ступайте в свои покои и ждите моего повеления. А я прикажу устроить состязание и приглашу вас.

И царь принялся отбирать фехтовальщиков. За семь дней убитых и раненых набралось более шести десятков. Отобрав пять-шесть человек, царь тут же, перед дворцом, повелел вручить им мечи и послал за Чжуан-цзы.

— Сегодня же испытаем — кто лучше владеет мечом, — сказал царь.

— Давно этого жду, — ответил Чжуан-цзы.

— Какой длины меч вас устроит? — спросил царь.

— Любой сгодится, какой ни дадите, — ответил Чжуан-цзы. — Но у меня уже есть три меча — пусть государь сам выберет один из них. Позвольте лишь прежде о них рассказать, а уж после испробуем.

— Охотно послушаю, — сказал царь.

— Первый из них, — сказал Чжуан-цзы, — меч Сына Неба, другой — княжеский меч, а третий — меч простолюдина.

— Каков же меч Сына Неба? — спросил царь.

И Чжуан-цзы сказал так:

— Мечу Сына Неба лезвием служат долина Яньси и горы Шичэн, а острием — гора Тайшань, что в Ци. Цзинь и Вэй — его ребра и грани, Хань и Вэй — рукоять, Сун и Чжоу — кольцо на эфесе. Его портупея — Бохайский залив, подвески на поясе — горы Чаншань. Варва-

ры служат ножами ему, четыре сезона — оберткой. Он укрощает пять стихий, распределяет наказания и награды и разделяет Тьму и Свет, его питают лето и весна, а осень и зима — пускают в ход. Направишь этот меч вперед — никто перед тобой не устоит. Подымешь вверх — ничто не уцелеет наверху. Опустить вниз — ничто внизу не уцелеет. Взмахнешь мечом — и рядом никого. Вверху отсекает плывущие тучи, внизу сокрушает земные устои. Пусти его в ход — и князей усмиришь, и вся Поднебесная будет твоей. Вот каков меч Сына Неба!

— А каков же княжеский меч? — спросил ошеломленный царь.

— Лезвие княжеского меча, — сказал Чжуан-цзы, — мужи рассудка и отваги. Его острие — мужи чести и бескорыстия. Его ребра и грани — мужи достойные и благородные. Его рукоять — храбрецы и герои, а кольцо на эфесе — мужи мудрые и преданные. Направишь этот меч вперед — и тут никто перед тобой не устоит. Подымешь вверх — ничто не уцелеет наверху. Опустить вниз — ничто внизу не уцелеет. Взмахнешь мечом — и рядом никого. Вверху — он подобен округлому небу и тем приводит к послушанию три разновидности светил, внизу — подражает квадратной земле, и послушны ему все четыре сезона; посреди согласуется с волей народа и умиротворяет соседей. Пусти его в ход — и будто прогремят раскаты грома, и в четырех пределах все покорны и повинуются велениям государя. Вот каков княжеский меч!

— Каков же меч простолюдина? — спросил царь.

— Мечом простолюдина, — сказал Чжуан-цзы, — владеют те, у кого волосы взлохмачены, торчат куда попало, шлемы сдвинуты набекрень, завязки на шлемах — из грубого шелка, без всяких узоров, полы одежды подвернуты сзади, взгляд злобен, речь косноязычна. Они сражаются друг с другом перед вами. Вверху — пережуют горло и шею, внизу — искромсают печенку и легкие. Таков меч простолюдина, чье искусство ничем не отличается от драк бойцовых петухов. В любой день жизнь его может прерваться — без всякой пользы для государства. Ныне же вы, великий государь, занимая место Сына Неба, увлеклись мечом простолюдина. По моему ничтожному суждению, вам следует им пренебречь.

Царь повел Чжуан-цзы в пиршественный зал. Стольник подавал кушанья — но царь, не притрагиваясь к ним, трижды отсылал их дальше.

— Успокойтесь, государь, — сказал Чжуан-цзы, — придите в себя: ведь я уже все рассказал о мечах.

После этого Вэнь-ван целых три месяца не выходил из дворца. А фехтовальщики — все, кто где был — покончили с собой!

ИЗ ГЛАВЫ XXXII

Чжу Пинмань обучался у Чжили И искусству убивать драконов. Истратил на это тысячу золотых, разорил семью — и за три года овладел мастерством в совершенстве. Да только вот не на чем было показать свое умение!

Жил среди сунцев некий Цао Шан. Как-то раз отправил его сунский царь послом в Цинь и дал в дорогу несколько повозок. А циньский царь в знак своего к нему благоволения пожаловал еще сотню.

Вернувшись в Сунское царство, Цао Шан повстречал Чжуан-цзы и стал перед ним похваляться:

— Жить в нищей деревушке, в убогом закоулке, плести от нужды сандалии, ходить, как ты, с иссохшей шеей, с пожелтевшим лицом... — нет, это все не по мне. Зато стоило мне вразумить советом владыку десятка тысяч колесниц — и я тут же получил их сотню. Вот на что я горазд!

— Поди прочь! — сказал Чжуан-цзы. — Когда-то циньский царь, захворав, пригласил к себе лекарей. Тот, что вскрыл ему чирей и выдавил прыщ, получил за свой труд повозку. Тот же, кто вылизал геморрой, получил целых пять. Чем гаже лечение — тем выше награда! Так неужто и ты излечил его от геморроя — если заработал столько повозок?!

Некий человек, удостоившись приема у сунского царя, был пожалован десятком колесниц. И стал хвастаться ими перед Чжуан-цзы. А тот ответил ему так:

— Жила когда-то у реки бедная семья, что плела из полыни циновки и тем кормилась. И вот однажды сын, нырнув в пучину, вынес оттуда жемчужину ценою в тысячу золотых. Отец сказал ему: «Разбей ее камнем! Ведь жемчужина подобной цены, конечно же, покоилась на дне

девятислойной пучины, под самой челюстью у Черного дракона. И ты сумел ее достать лишь потому, что дракон в это время спал. А когда он проснется — сожрет тебя без остатка!»

Пучины Сунского царства — поглубже девятислойной пучины. А ярость сунского царя — страшнее ярости Черного дракона. Ты заполучил эти колесницы лишь потому, что царь дремал. А проснувшись, он тебя уничтожит!

Некто звал Чжуан-цзы к себе на службу. Чжуан-цзы так ответил посланцу:

— Видали вы когда-нибудь жертвенного быка? Обряжают его в расшитые, узорчатые ткани, откармливают сеном и бобами. А потом волокут на веревке в храм предков. Он и рад бы тогда снова стать простым теленком — да не тут-то было!

Чжуан-цзы лежал при смерти, и ученики задумали устроить ему пышные похороны.

— К чему это? — сказал Чжуан-цзы. — Гробом мне станет земля, а домовиной — небо, нефритовыми бляхами — солнце и луна, жемчужинами — звезды, а все живое — погребальным шествием. Разве не все уж готово для моих похорон?

— Мы боимся, — отвечали ученики, — чтоб вас, Учитель, не расклевали вороны и коршуны.

— На земле, — сказал Чжуан-цзы, — расклюют вороны и коршуны, под землю — сгрызут муравьи и медведки. Так стоит ли отнимать у одних, чтоб отдать другим?!

ИЗ „ЛЕ-ЦЗЫ”

傲
李昭道筆意

Эта книга, составленная последователями даосского мыслителя Ле Юйкоу (или Ле-цзы), жившего, по-видимому, в V в. до н. э., принадлежит к числу наиболее ярких произведений древней китайской прозы. Имя самого Ле-цзы окружено легендами, но мы почти ничего не знаем о нем, кроме того, что рассказано в книге. Историки не оставили его жизнеописаний — ведь Ле-цзы принадлежал к «скрывающимся от мира мужам» и жил отшельником, пестуя свою жизненную силу вдали от людей. В древнем предисловии к его книге (I в. до н. э.) сказано, что он, подобно другим даосам, устремившись в сущность, «овладел основой», что он избрал своим уделом «чистоту, пустоту и недеяние», что научился, ни с кем не соперничая, «управлять своим телом и вступать в контакт с вещами». Легенды называют Ле-цзы «оседлавшим ветер», ибо для него якобы не было преград; познав сокровенное, он обрел сверхъестественные способности.

В «Ле-цзы» читатель прочтет немало необыкновенного: о полетах без крыльев и наяву, о хождении по огню и под водой, о сверхчувственном восприятии мира и постижении языка зверей; он найдет в ней описания удивительных заморских стран и мысли о строении Космоса, весьма созвучные нашим теперешним представлениям о Вселенной... Полет фантазии Ле-цзы поистине безудержен, а глубина мысли соперничает с силой воображения. Аналог книги «Ле-цзы» в китайской литературе трудно найти, хотя обычно Ле-цзы сопоставляют с Чжуан-цзы и сам Чжуан-цзы использует некоторые его сюжеты и образы.

Ле-цзы родился в маленьком царстве Чжэн, песни которого Конфуций некогда назвал «безнравственными» — обычай этих мест, по-видимому, были не слишком скованы ограничениями Ритуала. Как и многие даосы, Ле-цзы имел семью, но не желал служить и уклонялся от милостей «сильных

мира сего». Он жил много раньше Чжуан-цзы, но в нашем сборнике его книга идет второй, поскольку до сих пор не стихли споры о ее аутентичности. Еще в средние века многие считали «Ле-цзы» подделкой эпохи Цзинь, то есть IV в. н. э., а в наши дни лингвистический анализ показал, что текст «Ле-цзы» действительно несет следы сравнительно поздних эпох. И все-таки, думается, сомнения могут касаться записи, но не содержания, иными словами, речь может идти о переписке, вольном редактировании традиционного текста — не более. К сожалению, историю текста проследить очень трудно, поскольку подобные книги зачастую хранились в тайне и порой надолго исчезали из поля зрения старых библиографов и историков.

Текст «Ле-цзы» неоднороден: если мы возьмем предпоследнюю главу трактата, то обнаружим там высказывания не Ле-цзы, а Ян Чжу, древнего философа-скептика, труды которого отдельно не сохранились. По-видимому, Ян Чжу был близок даосам — в противном случае его высказывания не включили бы в «Ле-цзы», но, если не считать этих фрагментов и разбросанных по древней литературе адресованных ему упреков в «себялюбии», мы знаем о нем очень мало.

Для настоящего издания перевод выполнен В. Т. Сухоруковым; часть главы VII — от фрагмента «Путешествия по Лу...» и до конца — дается в переводе С. Кучеры.

Полный перевод «Ле-цзы» читатель найдет в книге Л. Д. Позднеевой «Атеисты, материалисты, диалектики Древнего Китая» (М., Наука, 1967).

ИЗ ГЛАВЫ I

Конфуций, странствуя в окрестностях горы Тайшань, повстречал там Жун Цици, который бродил по чэнским полям. Накинув на себя оленью шкуру, подпоясавшись веревкой, он играл на цине и пел.

— Чему вы так радуетесь? — спросил его Конфуций.

— Я многому радуюсь, — ответил Жун. — Небо породило тьму тварей, и драгоценнейшая из них — человек. А мне довелось родиться человеком: вот первая радость. Между мужчиной и женщиной есть различие: мужчину — почитают, женщиной — небрегут, поэтому мужчина выше ценится. Мне же довелось родиться мужчиной: это вторая радость. Бывает, человек не успевает прожить дня или месяца, умирает, не выбравшись из пеленок — а я дожил до девяноста лет. Это третья радость. Бедность — обычная участь мужа, а смерть — конец человека. Испытав обычную участь, я обрету свой конец — так о чем же мне печалиться?

— Как прекрасно вы умеете себя утешить! — сказал Конфуций.

Цзыгун, изнуренный учением, сказал Конфуцию:

— Я хочу отдохнуть.

— В жизни нет места отдыху, — сказал Конфуций.

— Значит, мне и отдохнуть негде? — спросил Цзыгун.

— Есть где, — ответил Конфуций. — Взгляни на тот пустырь — тогда и поймешь, где отдых: и простор, и могилы, и жертвоприношения, и жертвенная утварь!

— Как величава смерть! — воскликнул Цыгун. — Достойный муж находит в ней успокоение, а заурядный человек — просто ложится в землю.

— Теперь ты это понял, Сы,— сказал Конфуций. — Всем понятна радость жизни, но не всем — ее горечь. Всем понятна усталость старости, но не всем — ее свобода. Всем понятен страх смерти, но не всем — ее покой.

Некий цисец все тревожился о том, как бы небо не рухнуло, а земля не развалилась: оттого не находил себе места, не мог ни спать, ни есть. И вот другой человек, опечаленный этими страхами, явился к нему, чтобы все разъяснить, и сказал ему так:

— Небо — это всего лишь скопление воздуха, и нет такого места, где бы воздуха не было: ты и двигаешься, и дышишь, и пребываешь в небе все свои дни. Так чего же беспокоиться, что оно рухнет?

— Если небо и впрямь только скопление воздуха,— возразил цисец,— не упадут ли в таком случае солнце, луна и звезды?

— Солнце, луна и звезды,— ответил ему разъясняющий,— это тоже скопления воздуха — только такие, что блестят. Если и упадут — не причинят никакого вреда.

— А как же быть,— спросил цисец,— если земля развалится?

— Земля,— объяснил разъясняющий,— это только скопление твердых тел. Они заполняют все пустоты, и нет такого места, где бы их не было: ты их топчешь, ступаешь по ним и шагаешь и проводишь на земле все свои дни. Так чего же тревожиться, что земля развалится?

У цисца отлегло от сердца, и он повеселел.

Успокоился и тот, кто разъяснял, и тоже повеселел.

А Чан Лу-цзы, услышав о том, усмехнулся и сказал так:

— Радуги и зарницы, облака и туман, ветер и дождь и четыре времени года — все это образуется в небесах скоплением воздуха. Горы и утесы, реки и моря, металл и камень, огонь и дерево — все это образуется на земле скоплением тел. А коль скоро известно, что это скопление воздуха и скопление тел,— как же можно гово-

ритель, что они не разрушатся? В пустом пространстве небо и земля — вещи ничтожно малые, но в мире сущего — самые громадные. Их трудно объять и постичь до конца — это несомненно. Их трудно измерить и трудно познать — и это несомненно. Те, кто боится их разрушения, по правде сказать, слишком уж забегают вперед. Но неправы и те, кто утверждает, что они не разрушатся. И если небо и земля не могут не рухнуть, то когда-нибудь они и рухнут. Так отчего же не тревожиться в ожидании той поры, когда это случится?

Услыхал об этом учитель Ле-цзы и, усмехнувшись, сказал так:

— Заблуждаются и те, кто утверждает, что небо и земля рухнут, и те, кто утверждает, что они не рухнут. Рухнут или не рухнут — откуда нам знать? И все же одни говорят так, другие — этак. Но ведь живые не знают мертвых, а мертвые — живых, пришедшие не знают ушедших, а ушедшие — пришедших. Так стоит ли о том думать — рухнут или не рухнут?!

ИЗ ГЛАВЫ II

У Фаня был сын, звали которого Цзыхуа. Он любил содержать при себе странствующих молодцов, и все царство было у него в подчинении. Пребывая в милости у цзиньского государя, он, нигде не служа, занимал место справа от трех высших сановников. Стоило ему, бывало, на кого благосклонно взглянуть — и уже государь жаловал того человека титулом. Стоило о ком дурно отозваться — и государь прогонял того человека прочь. Пребывать при дворе Цзыхуа было то же, что состоять при дворе государя. Он понуждал своих молодцов состязаться в смекалке и мериться силой, и хотя они порой ранили и калечили друг друга у него на глазах, он не обращал на это внимания, продолжая развлекаться дни и ночи напролет, и подобные забавы вошли в обычай по всему царству.

И вот Хэ Шэн и Цзы-бо, почетные гости семейства Фаней, отправившись однажды за город, остановились на ночлег в лачуге селянина Шанцю Кая. И, беседа

ночью друг с другом, говорили о том, как славен и могуществен Цзыхуа: ведь он живого может погубить, а погибшего — оживить, богача превратить в бедняка, а бедняка — в богача.

Шанцю Кай, прозябавший тогда в нужде и лишениях, подслушал их, укрывшись под окном. И вот, одолжив на дорогу зерна и взвалив корзину на плечо, он отправился во дворец Цзыхуа. А приближенные Цзыхуа были сплошь из знатных семейств: одевались в белые шелка, разъезжали в парадных колясках, ступали горделиво, смотрели свысока... Увидав, что Шанцю Кай стар и слаб, черен лицом и одет не по моде, они прониклись к нему презрением и принялись шпынять его и обижать, глумиться над ним и насмешничать, награждать тычками и тумаками — словом, потешались как могли.

А Шанцю Кай никогда на них не обижался. И вот удалцы, исчерпав все насмешки и не зная уже, что бы такое еще придумать, поднялись как-то раз вместе с Шанцю Каем на высокую башню и объявили при всех:

— Тот, кто способен броситься вниз — получит в награду сотню золотых.

Все так и кинулись наперебой притворно изъявлять согласие. А Шанцю Кай решил, что все это по правде — и поспешил броситься первым. И, воспарив как птица, опустился на землю целым и невредимым.

Приятели Фаня посчитали это случайностью — и даже не очень удивились.

И вот еще как-то раз показали они Шанцю Каю глубокий омут в речной излучине и сказали:

— На дне его таится дорогая жемчужина. Если нырнуть — можно ее отыскать.

И опять Шанцю Кай послушался их и нырнул. Когда же выбрался на берег — в руке у него и впрямь была жемчужина! Вот тут-то все и призадумались. А Цзыхуа повелел зачислить его в разряд тех, кого кормили мясом и одевали в шелка.

А еще как-то раз в сокровищнице Фаня вдруг случился большой пожар. И Цзыхуа сказал Шанцю Каю:

— Если сумеешь броситься в огонь и вынести оттуда дорогие ткани — все, что ни вынесешь, будет твое!

Шанцю Кай, не колеблясь, бросился к сокровищнице, кинулся в самый огонь и выбрался обратно — даже не обжегшись и не закоптившись сажей.

И вот тогда-то все Фаневы приспешники, решив, что Шанцю Кай владеет неким секретом, стали дружно просить у него прощения:

— Мы ведь не знали, что у вас есть секрет,— и дурачили вас, не знали, что вы святой,— и над вами глумились. Считайте нас теперь глупцами, считайте нас глухими и слепыми — но все же осмелимся спросить — каков же ваш секрет?

— Да нет у меня никакого секрета,— ответил Шанцю Кай.— Сам не знаю, почему так получалось. А впрочем, что-то все же было — попробую вам это разъяснить. Когда-то двое из вас заночевали у меня в лачуге, и я услышал, как восхваляли они могущество Фаня: как может он живого погубить, а погибшего — оживить, богача превратить в бедняка, а бедняка — в богача. Я поверил в это всем сердцем — и, не посчитавшись с расстоянием, тут же отправился в путь. А когда пришел сюда, верил каждому вашему слову — боялся лишь оказаться нерадивым и недостаточно преданным. Не думал о собственном теле — что на пользу ему, что во вред — только верил всем сердцем — и ничто не могло меня удержать. Вот и все. И лишь теперь, узнав, как вы меня дурачили, я преисполнился сомнений и боюсь доверять даже зрению и слуху. И только вспомню, что мне лишь чудом довелось не утонуть и не сгореть — как страх обдаёт меня внутренним жаром, я весь дрожу и трепещу. Да разве решусь я теперь хоть однажды приблизиться к воде или огню?!

С той поры друзья Фаня, повстречав на дороге нищего или, положим, коновала, не смели больше его обижать, но всякий раз, сойдя с колесницы, кланялись. Цзай Во, прослышав о том, рассказал обо всем Чжунни. А тот сказал так:

— Неужели ты не знаешь? Человек, исполненный веры, способен разжалобить вещи, подвигнуть небо и землю, растрогать духов и богов. Он может из конца в конец пройти Вселенную, и ничто его не остановит — а не то что там пропасть, вода или пламя... Ведь Шанцю Кай поверил лжи — и все же ничто не смогло его удержать. А уж если бы не был обманут — тогда тем паче! Запомни это, ученик!

У чжоуского Сюань-вана смотрителем зверинца был некий раб по имени Лян Ян. Он умел обходиться с дикими зверями и птицами и сам их кормил во дворе и в саду. Его слушались даже тигры и волки, орлы и скопы. Самцы и самки спаривались при нем и размножались, образуя целые стаи, и разные твари жили все вместе, не дрались и не кусались.

Царь, опасаясь, что искусство Лян Яна вместе с ним и умрет, повелел Мао Цююаню, пока еще не поздно, его перенять. И Лян Ян сказал ему так:

— Я всего лишь ничтожный раб — какое же искусство смогу тебе передать? Но боюсь, как бы царь не сказал, что я от тебя что-то скрываю — потому расскажу тебе вкратце, как я кормлю тигров. Всякий радуется, когда ему угодяют, и раздражается, когда перечат. Такова уж природа всех, в ком есть кровь и дыхание. Так что радость и раздражение проявляются неслучайно, и раздражение возникает, когда идешь кому наперекор. Когда я кормлю тигра, не смею предлагать ему живую тварь — чтобы он, убивая ее, не впал в ярость. Не смею давать и целую тушу — чтобы он не впал в ярость, разрывая ее на части. Примечаю, когда он голоден и когда сыт, и стремлюсь постичь причины его раздражения. Тигр и человек — две разные породы, но оба ласковы — когда им угодяешь, и способны убить — если их разозлишь. А коли так, разве посмею я, перечат тигру, приводить его в ярость? Но избегаю также, угождая ему, излишне ему потакать: ведь радость его непременно обратится в ярость, как и ярость перейдет после в радость. И в том и в другом нет середины. Вот и стремлюсь не угождать и не перечить — оттого-то и птицы, и звери считают меня своим. Вот почему они разгуливают в моем саду, не помышляя ни о горных лесах, ни о пространных болотах, и спят у меня во дворе, не стремясь ни в далекие горы, ни в укромные долины: сами законы природы понуждают их так поступать.

Некий приморский житель любил чаек. Каждое утро шел к морю и плавал там вместе с чайками — а те слетались к нему сотнями.

И вот сказал ему отец:

— Слыхал я, все чайки к тебе подплывают. Поймал бы мне какую — позабавиться.

На другой день пошел он к морю — а чайки только кружились над ним, но не спускались.

Потому-то и говорят: «Высшие слова избегают слов. Высшее деяние — недеяние. Общедоступное знание — поверхностно».

Жил в Сунском царстве человек по прозвищу Обезьяний царь. Он любил обезьян и кормил их целую стаю, умел понимать их желания — и обезьяны его понимали. Дабы ублажить их, он даже обирал своих домашних.

И вот, прожившись на своих обезьянах, он принужден был ограничить их в пище. Опасаясь, как бы они не перестали его слушаться, решил он поначалу схитрить и сказал им так:

— Хватит ли вам, если утром буду давать вам по три каштана, а вечером — по четыре?

Вся стая поднялась в негодовании. А он тут же переспросил:

— А хватит ли вам, если утром буду давать по четыре каштана, а вечером — по три?

И вся стая улеглась, довольная.

Вот так-то хитрость торжествует над тупостью. Мудрец, опираясь на разум, способен перехитрить толпу глупцов — так же как Обезьяний царь перехитрил с его помощью обезьянью стаю: не поступившись ни названием, ни сутью, заставил обезьян то злиться, то радоваться!

ИЗ ГЛАВЫ III

Некий Инь управлял в Чжоуском царстве обширным хозяйством, и рабы, что были под его началом, не знали отдыха с рассвета дотемна. У одного старого раба силы уже иссякли — Инь же и его понуждал трудиться сверх меры. И днем этот раб, тяжело стеною, работал; ночью же, изнуренный усталостью, засыпал как убитый. Душа его освобождалась, и каждую ночь видел он себя во сне царем: он пребывал над всеми

и вершил дела целого царства, развлекался и пировал во дворцах и теремах и делал все, что только ему вздумается. Радость его была безмерной. А проснувшись, он вновь принимался за труд.

Кто-то хотел утешить его в его горестях. Раб же сказал ему:

— Человеческий век — сотня лет. И делятся они поровну на дни и ночи. Днем я раб — и тяжко мучаюсь. А ночью царь — и радость моя безмерна. Так на что же мне роптать?!

Инь же весь отдавался делам, унаследованным от предков, и заботам о доме, уставая душой и телом. И засыпая по ночам, изнуренный заботами, каждую ночь видел себя во сне рабом: его погоняли и загружали всевозможной работой, и не было такой ругани и побоев, каких бы он не снес. Во сне он бредил и стонал — лишь под утро обретая покой.

Удрученный этим, Инь решил посоветоваться с другом. Друг же сказал ему:

— Ты занимаешь положение, достаточное, чтобы прославиться; богатства у тебя в избытке — намного больше, чем у прочих. А ночью, во сне, видишь себя рабом. Чередование покоя и страданий — закон судьбы. Разве можно и во сне и наяву обладать чем желаешь?

Услыхав слова друга, Инь облегчил бремя своих рабов, а заодно уменьшил груз и собственных забот. И болезнь его пошла на убыль.

Некий чжэнец, собирая в лесу хворост, повстречал там испуганного оленя и, выскочив ему наперерез, ударил его и убил. Боясь, как бы оленя не обнаружил кто другой, он поспешил спрятать его в канаве и забросал валежником. А потом вдруг, на радостях, забыл — куда его упрятал. И решил, что все это ему приснилось.

По дороге домой стал рассказывать всем про свой сон. Услыхал его один прохожий, отправился в лес, отыскал там оленя и забрал себе. А придя домой, рассказал жене:

— Тут один дровосек убил во сне оленя — да забыл, куда спрятал. А я его отыскал. Сон дровосека оказался воистину вещим!

— Да это тебе, никак, самому приснилось, будто дровосек убил оленя, — сказала ему жена. — При чем тут

дровосек? А ныне ты добыл оленя наяву — это твой сон был вещим!

— Раз уж я его добыл, — сказал муж, — так какая разница, кому приснилось — дровосеку или мне?

Дровосек же, вернувшись домой, все никак не мог смириться с тем, что потерял оленя. И в ту же ночь увидел в вещем сне то место, куда он его спрятал, и человека, который его нашел. На рассвете он разыскал человека, что приснился ему во сне, и оба отправились в суд — судиться из-за оленя. Направили их к судье, и судья сказал дровосеку:

— Сперва ты убил оленя наяву — но опрометчиво назвал это сном. Потом и впрямь увидел сон, будто нашел оленя — и опрометчиво называешь это явью. Прохожий наяву забрал твоего оленя и теперь судится с тобой из-за него. Жена же его утверждает, что он узнал про чужого оленя во сне — и тогда, выходит, никто из вас наяву его не добывал. Но раз уж олень перед вами — так разделите его между собой!

Чжэнский государь, прослышав о том, сказал:

— Уж не приснилось ли и судье, будто он делит чужого оленя?

И решил спросить совета у первого министра. Тот же сказал так:

— Сон то был или не сон — судить не берусь. Только Хуан-ди и Конфуций могли разобраться, где сон, а где явь. Но нету в живых ни того, ни другого — кто же теперь разберется? Так что, полагаю, судья рассудил правильно.

Сунский Хуа-цзы из Янли, уже достигнув зрелых лет, впал в беспамятство: утром возьмет — к вечеру забудет, вечером отдаст — к утру забудет; в пути забывал, что надо идти, дома забывал, что надо присесть; нынче не помнил, что было прежде, после не помнил, что было нынче. Весь дом был этим удручен. Пригласили гадальщика, устроил тот гадание — и ничего не распознал. Пригласили колдуна, произнес он заклинание — и не сумел прогнать болезнь. Пригласили лекаря, пробовал тот лечить его — и не сумел излечить.

А в Лу проживал конфуцианец, который сам вызвался исцелить больного. Жена и дети Хуа-цзы предложили ему полдома и половину имущества — лишь бы дал нужный рецепт.

— Эту болезнь, — сказал конфуцианец, — конечно же, не прогнать ворожкой, не усмирить заклинаниями, не излечить иглами и лекарствами. Попытаюсь изменить его душу, переменить его мысли — тогда он, надеюсь, поправится.

И вот попробовал раздеть больного — и тот попросил одежду. Оставил без пищи — и тот попросил есть. Поместил в темную комнату — и тот попросил света. И конфуцианец радостно объявил детям Хуа-цзы:

— Болезнь излечима! Однако умение мое тайно передается от поколения к поколению, и посторонних в него не посвящают. Попробуйте загородить нас справа и слева и дней на семь оставить с больным наедине.

Его послушались — и никто из родни так и не узнал, как он лечил больного. А застарелая болезнь бесследно прошла за одно утро.

Но Хуа-цзы, очнувшись, впал в ярость: выгнал вон жену, избил детей и, схватив копьё, погнался за конфуцианцем.

Соседи сумели его удержать и спросили, в чем дело.

— Утратив память, — сказал Хуа-цзы, я был безгранично свободен: не знал даже — есть ли, нет ли небо и земля. Теперь же обрел ее снова — и вновь передо мной предстала вся тьма тревог, что пережил за несколько десятков лет: жизнь и смерть, приобретения и утраты, печали и радости, любовь и ненависть... Боюсь, что и предстоящие жизнь и смерть, приобретения и утраты, печали и радости, любовь и ненависть будут так же тревожить сердце. Сумею ли еще, хоть на миг, обрести забвение?

Цзыгун, услышав о том, был поражен и поведал обо всем Конфуцию. Тот же сказал ему:

— Тебе этого не понять.

И, обратясь к Янь Хуэю, велел ему все это записать.

У некоего Пана, что из царства Цинь, был сын. С детства рос смышленным, а возмужав — впал в помешательство: пение принимал за плач, белое — за черное, благоухание — за зловоние, сладкое — за горькое, кривду — за правду. О чем, бывало, ни помыслит — будь то небо или земля, четыре страны света, вода

или огонь, холод или жар — все у него выходило наоборот.

Некий Ян сказал его отцу:

— Совершенные мужи из Лу многосведущи и многоискусны — быть может, они сумеют его исцелить? Отчего бы тебе не спросить у них совета?

И отец отправился в Лу. Проезжая через Чэнь, он повстречал там Лао Даня и поведал ему о приметах сыновней болезни. Тот же на это сказал так:

— С чего ты взял, что сын твой помешался? Все нынче в Поднебесной сомневаются, где правда, а где кривда, никто не знает толком, где польза, а где вред. Людей с такой болезнью — великое множество. Никто, конечно, этого не осознает. Ведь помешательства одного человека мало, чтоб сокрушить семью. Помешательства одной семьи мало, чтоб сокрушить общину. Помешательства одной общины мало, чтоб сокрушить царство, а помешательства одного царства мало, чтоб сокрушить Поднебесную. Да если бы даже помешались и все в Поднебесной — разве возможно ее сокрушить? А если бы все в Поднебесной рассуждали, как твой сын, — тогда, наоборот, ты бы считался помешанным. Печали и радости, звуки и цвета, вонь и аромат, правда и кривда — кто в состоянии определить их правильно? Ведь и мои слова вполне могут быть заблуждением — а что же тогда говорить о совершенных мужах из Лу! И как могут те, что заблуждаются еще больше, избавить других от заблуждений? Так что, уж чем тратить понапрасну провиант, возвращайся-ка поскорей восвояси!

Некий янец, родившись в Яньском царстве, вырос в Чу. И на старости лет решил вернуться в родное царство. Когда проезжал он через Цзинь, попутчик его задумал над ним подшутить. Указал на стену и сказал:

— Это стена Яньского царства. —

И янец побледнел от печали.

Указал на алтарь земли и сказал:

— Это алтарь твоего селения. —

И янец испустил глубокий вздох.

Указал на хижину и сказал:

— Это жилище твоих предков. —

И янец залился слезами.

Указал на могильные холмы и сказал:

— Это могилы твоих предков.—

И янец зарыдал неудержимо.

Попутчик же его расхохотался и сказал:

— Я тебя обманул — это царство Цзинь! —

И янец не знал, куда деваться от стыда.

Когда же приехал он в Янь и увидел там настоящие яньские стены и настоящий алтарь, настоящую хижину предков и подлинные их могилы — печаль его была уже не столь сильна.

ИЗ ГЛАВЫ IV

Цзыся спросил у Конфуция:

— Что вы скажете о Янь Хуэе как о человеке?

— Хуэй превосходит меня в человечности,— ответил Учитель.

— А что вы скажете о Цзыгуне?

— Сы превосходит меня в красноречии,— ответил Учитель.

— А что вы скажете о Цзылу?

— Ю превосходит меня в смелости,— ответил Учитель.

— А что вы скажете о Цзычжане?

— Ши превосходит меня в твердости,— ответил Учитель.

— Если так, почему же все они служат вам, Учитель? — спросил Цзыся, поднявшись с циновки.

— Сядь,— сказал Конфуций.— Я расскажу тебе. Хуэй может быть человечным — но не умеет возражать. Сы может быть красноречивым — но не умеет запинаться. Ю может быть смелым — но не умеет робеть. Ши может быть твердым — но не умеет уступать. Я не согласился бы обменять все их достоинства на свои. Вот почему они и служат мне беспрекословно.

Учитель Ле-цзы стал учиться — и после рассказывал об этом так:

— Через три года сердце не смело помышлять об истинном и ложном, уста не смели говорить о пользе и вреде — лишь тогда Лао Шан впервые взглянул

на меня краем глаза. Через пять лет сердце стало поновому мыслить об истинном и ложном, уста — поновому глаголить о пользе и вреде: лишь тогда Лао Шан удостоил меня улыбки. Через семь лет, дав волю сердцу, я вновь уже не помышлял об истинном и ложном, дав волю словам, вновь не говорил о пользе и вреде. Лишь тогда Учитель впервые позволил мне сесть рядом. Через девять лет, как бы ни понуждал я сердце думать и уста говорить — не знал уже, что для меня истинно, а что ложно, что полезно, а что вредно, и не знал уже, что для других истинно, а что ложно, что полезно, а что вредно. Внешнее и внутреннее слилось — и вот, зрение мое уподобилось слуху, а слух уподобился обонянию, обоняние — вкусу, а для вкуса все стало единым. Дух мой сгустился, а тело — расслабилось, плоть и кости — размякли, и я перестал ощущать — на что опирается тело и на что ступает нога, о чем помышляет сердце и что таится в словах. И лишь когда до этого дошел — не стало для меня ничего сокровенного.

Учитель Ле-цзы любил поначалу странствовать. И Ху Цю-цзы спросил его:

— Вот ты, Юйкоу, любишь странствия — а за что же ты их любишь?

— Прелесть их в том, — ответил Ле-цзы, — что развлекаешься непривычным. Другие странствуют, чтобы увидеть то, что у них перед глазами. Я же странствую — чтобы увидеть изменения. Так что есть странствия и странствия — и никто еще прежде не умел их различать.

— Твои, Юйкоу, странствия, — сказал Ху Цю-цзы, — конечно, такие же, как и у прочих — хоть ты и утверждаешь, что они совершенно другие. Ведь когда на что смотрят — видят всегда и перемены. Ты же развлекаешься непривычностью вещей, не ведая, что и сам ты непривычен. Стремись странствовать во внешнем, не ведая, что стремиться надо заглянуть в самого себя. Тот, кто странствует во внешнем, ищет совершенства в вещах. Тот, кто заглянул в себя, находит удовлетворение в себе самом. Найти удовлетворение в себе самом — вот высшее в странствиях. А искать совершенства в вещах — нечто второстепенное.

После этого Ле-цзы никогда уже не пускался в путь, полагая, что не знает еще, что это такое — странствовать.

А Ху Цю-цзы сказал так:

— Высшее странствие! Тот, кто его совершает — не знает, куда направляется, а тот, кто предается высшему созерцанию — не знает, на что смотрит. Он странствует среди всего и видит все — вот что я называю странствием, вот что я называю созерцанием. А потому и говорю: стремись к высшему странствию, стремись к высшему созерцанию!

Лун Шу сказал Вэнь Чжи:

— Ты владеешь тонким искусством. Сможешь ли излечить мою болезнь?

— Только прикажите, — сказал Вэнь Чжи. — Но скажите прежде — каковы ее признаки.

— Когда вся деревня меня хвалит, — сказал Лун Шу, — не считаю это славой. Когда хулит целое царство — не считаю это позором. Когда обретаю — не радуюсь. Когда теряю — не печалюсь. На жизнь гляжу как на смерть, на богатство — как на бедность. На человека — как на свинью, на себя — как на чужого. В собственном доме живу как на постоялом дворе, а на родную деревню гляжу как на царства каких-нибудь жунов и маней. И от всей этой кучи недугов не в силах меня избавить ни соблазны чинов и наград, ни угрозы кар и казней, ни потрясения от расцвета и упадка, прибылей и убытков, ни волнения от радостей и печалей. Оттого не могу служить государю, общаться с родней и друзьями, управляться с женой и детьми, распоряжаться рабами и слугами. Что же это за болезнь? И какими средствами возможно ее излечить?

Вэнь Чжи велел Лун Шу повернуться и принялся его рассматривать на свет. А рассмотрев, сказал так:

— Ох, разглядел я ваше сердце, — оно пусто на целый квадратный вершок! Вы же почти мудрец: в вашем сердце шесть отверстий открыты и лишь одно закупорено. Оттого, вероятно, и сочли свою мудрость — болезнью. Но от этого жалким моим искусством не излечить!

Гунъи Бо прославился среди князей своей силой. Танци Гун поведал о том чжоускому Сюань-вану, и царь, приготовив дары, пригласил удальца к себе. Когда тот явился, Сюань-ван оглядел его: вид немощный, щедушный... И царь, усомнившись в душе, недоверчиво спросил:

— Какова же твоя сила?

— Силы моей, — отвечал Гунъи Бо, — довольно, чтоб переломить ножку весеннему кузнечнику или оторвать крылышко осенней цикаде.

И тогда царь сказал, побагровев от гнева:

— У моих силачей хватит силы, чтоб разодрать шкуру носорога и утащить за хвост девятерых быков — и все же я в досаде на их слабость... Как же это ты, способный лишь переломить ножку кузнечнику да оторвать крылышко цикаде, ухитрился прославиться силой на всю Поднебесную?!

Гунъи Бо, глубоко вздохнув, поднялся с циновки и сказал:

— Как хорошо вы спросили, государь! Осмелюсь вам ответить по всей правде. Наставником моим был некий Шан Цю-цзы. Во всей Поднебесной не было равного ему в силе, а ближайшие его родичи об этом и не подозревали. А все оттого, что он никогда не пускал свою силу в ход. Мне довелось однажды услужить ему, рискуя жизнью, и он мне поведал:

— Все стремятся увидеть невиданное — а ты гляди на то, на что никто не смотрит. Все стремятся овладеть недоступным — а ты займись тем, чем все пренебрегают... Поэтому-то те, что учатся видеть, начинают с того, что смотрят на воз с дровами. А те, что учатся слышать, начинают с колокольного звона. Ведь если кому легко внутри — нет для того и внешних трудностей. Если же нет внешних трудностей — тогда и слава не выйдет за пределы семьи.

Ныне же слава обо мне разошлась среди князей: стало быть, я, обнаружив свои способности, нарушил завет учителя. И все же слава моя — не в похвальбе своей силой, а лишь в том, что способен ее проявить. Разве это не лучше, чем бахвалиться силой?!

Горы Тайхан и Ванъу, в семьсот ли окружностью, в десяток тысяч жэней высотой, помещались поначалу южнее Цзичжоу и севернее Хэяна.

Простак с Северной горы жил там же, напротив. А было ему уже под девяносто. Устав карабкаться по горным перевалам и делать всякий раз крюки и обходы, собрал он однажды своих домашних и стал совещаться:

— А что, если приналечь да скрыть эти горы до основания, чтобы открылась прямая дорога на юг Юйчжоу — аж до самой реки Ханьшуй?

Все дружно согласились — только жена Простака усомнилась:

— С твоими силами не одолеть и холмика Куйфу — тебе ли сладить с такими горами? Да и куда девать землю и камни?

— Будем сбрасывать в залив Бохай — севернее от-мели! — ответили ей остальные.

И, взяв с собою троих сыновей и внуков, что покрепче, Простак принялся крушить скалы, рыть землю и перетаскивать ее в корзинах к заливу Бохай. У соседки-вдовы из семейства Цзинчэн был сын, едва успевший сменить молочные зубы, — и он прибежал помогать. Зима сменилась летом, а обернуться до залива и обратно успели только один раз.

Умник с Речной излучины, подсмеиваясь, принялся отговаривать Простака:

— Ну и дурень же ты! В твои-то годы да с твоими силенками — да ты в горах песчинки не сдвинешь с места, не говоря уж о земле и о камнях!

Простак вздохнул:

— А ты так туп, что разумеешь хуже малого ребенка — мальчонка-сирота и тот умней тебя. Я умру, а сыновья останутся, и у сыновей еще народятся внуки, у внуков тоже будут сыновья, а у тех — свои сыновья и внуки. Так и пойдут — сыновья за сыновьями, внуки за внуками — и не будет им конца и переводу. А горам-то уже не вырасти — так чего же горевать, что я не успею их скрыть?

Умник так и не нашелся, что ответить.

Горный дух, начальник над змеями, прослышав об этом, испугался, что старик не отступится, и доложил обо всем Небесному Владыке. А тот, тронутый простодушием старика, повелел двум духам из рода Муравьев-

Великанов перетащить обе горы на себе: одну — на северо-восток, другую — на юг Юнчжоу. И с той поры от мест, что южнее Цзичжоу, и до самой реки Ханьшуй не стало больше горных преград.

Конфуций, странствуя на востоке, повстречал двух подростков, о чем-то жаростно споривших, и спросил, о чем у них спор.

— Я считаю,— сказал один,— что солнце к нам ближе, когда только-только восходит, а в полдень оно от нас дальше. А он, наоборот, считает, что на восходе солнце от нас дальше, а в полдень — ближе.

И добавил:

— Когда солнце восходит — оно большое, как зонтик над колесницей, а в полдень оно — как блюдце. Разве это не значит: чем оно дальше — тем кажется меньше, а чем оно ближе — тем кажется больше?

— Когда солнце восходит,— сказал второй,— от него веет прохладой. А в полдень — оно обжигает, как кипяток. Разве это не значит: чем оно ближе — тем горячее, а чем дальше — тем холоднее?

Конфуций так и не мог решить — кто прав. А подростки сказали с насмешкой:

— И кто это только выдумал, будто ты много знаешь?!

Гун Ху из Лу и Ци Ин из Чжао однажды за-немогли и обратились к Бянь Цюэ с просьбой их исцелить. Тот принялся их лечить. Когда оба выздоровели, он сказал им так:

— Недавняя ваша болезнь проникла в ваши внутренности со стороны. Ее удалось излечить обычными снадобьями. Но есть у каждого из вас врожденная болезнь, которая продолжает расти вместе с вами. Что, если я попытаюсь теперь, ради вашего блага, ее исцелить?

— Хотелось бы прежде услышать о признаках этой болезни,— ответили оба.

И Бянь Цюэ сказал Гун Ху:

— Воля у тебя крепкая, а жизненная сила — слаба. Вот почему ты достаточно силен в замыслах, но слаб в их исполнении. У Ци Ина же слабая воля, а жизненная сила — крепка. Поэтому он мало размышляет и

губит себя опрометчивостью. Стоит вам обменяться сердцами — и достоинства ваши уравняются.

И вот он напоил их отравленным вином — и оба на целых три дня погрузились в смертное забытьё. А лекарь тем временем вскрыл каждому из них грудь, нащупал там сердце и заменил другим. После чего применил чудодейственное зелье, и когда оба очнулись — все было как прежде. Распроставшись, тот и другой отправились по домам.

Гун Ху отправился в дом Ци Ина, где были жена и дети Ци Ина, — и те отказались его признать. А Ци Ин отправился в дом Гун Ху, где были жена и дети Гун Ху, — и те тоже отказались его признать. Из-за этого между двумя домами началась тяжба, и они обратились к Бянь Цюэ с просьбой их рассудить. Тот разъяснил, в чем дело, — и тяжба прекратилась.

Боя превосходно играл на цине, а Чжун Цзыци умел превосходно слушать. Вот Боя, заиграв, устремился душой в высокие горы — и Чжун Цзыци воскликнул: — Как прекрасно! Высоко, величаво — как Тайшань!

Боя, продолжая играть, устремился душой к текучим водам — а Чжун Цзыци воскликнул:

— Как прекрасно! Широко, полноводно — как реки!

И о чем бы ни думал, играя, Боя — Чжун Цзыци всегда постигал его мысль.

Однажды, странствуя по северному склону горы Тайшань, они попали под внезапный ливень и укрылись под скалой. Боя, загрустив, взял в руки цинь и стал играть. Начал с мелодии ливня, потом заиграл про обвал в горах. Какую бы мелодию ни исполнял — Чжун Цзыци до конца постигал ее смысл. И Боя, отложив свой цинь, сказал, вздыхая:

— Как это прекрасно! Ты слышишь мои устремления, угадываешь образы — словно в груди у тебя мое сердце. Разве смогу я укрыться от тебя в звуках?!

Чжоуский царь Му-ван, объезжая владения подвластных ему западных князей, перевалил через Куньлунь и, не доехав до горы Яньшань, повернул обратно.

Еще не достиг Срединного царства, когда на дороге предстал перед ним некий умелец, по имени мастер Янь. Му-ван, повелев ему приблизиться, спросил:

— В чем же ты искусен?

— Прошу назначить вашему слуге любое испытание, — ответил мастер. — Только прежде хотел бы, чтобы царь посмотрел на то, что я уже сделал.

— Приноси завтра, — сказал Му-ван, — вместе и посмотрим.

На другой день мастер Янь снова явился к царю. Царь повелев ему приблизиться и спросил:

— А кто это с тобой?

— А тот самый, которого я сделал, — ответил мастер. — Он может показывать разные штуки.

Му-ван с изумлением разглядывал куклу: ходит быстро, голову то опустит, то вскинет — ну совсем как живая. Тронет ее мастер за подбородок — и она запоет в тон и в лад, возьмет за руку — начинает отплясывать в такт. Делает тысячи движений и корчит тьму гримас — повинуюсь любому желанию. И царь решил, что это самый настоящий человек.

Зрелищем вместе с царем любовались Шэнцзи и другие наложницы, стоявшие рядом. В конце представления кукла им подмигнула — и поманила к себе. Царь пришел в ярость — и хотел тут же казнить мастера. А тот, перепугавшись, быстро разрезал куклу, разобрал на части и показал царю: все оказалось из кожи и дерева, клея и лака и было окрашено в белый и черный, красный и синий цвета. Царь все рассмотрел со вниманием: были там и печенка, и желчный пузырь, и сердце, и легкие, селезенка и почки, кишки и желудок; были также жилы и кости, хрящи и суставы, кожа, зубы и волосы — все самодельное и в полном наборе. Затем мастер собрал куклу — и она вновь приняла прежний вид. Царь попробовал вынуть из нее сердце — и уста куклы замолкли. Вынул печень — и глаза ее ослепли. Вынул почки — и ноги перестали двигаться. И тогда Му-ван повеселел и сказал, вздохнув от восхищения:

— Выходит, человеческое искусство способно сравниться с искусством Творца Превращений!

И он повелев пожаловать мастеру две колесницы и вместе с ним и его куклой вернулся в свое царство.

Бань Шу свою «заоблачную лестницу» и Мо Ди своего летающего коршуна сами называли пределом

человеческого умения. Когда же ученики их Дунмэнь Цзя и Цинь Гули, услышав про искусство мастера Яня, рассказали о том обоим наставникам, те уже до конца своих дней не смели больше говорить о мастерстве и держались лишь циркуля и наугольника.

Гань Ин в старину преуспел в стрельбе из лука: натянет, бывало, тетиву — и звери сами валятся наземь, а птицы падают с неба. Ученик, по прозванию Фэй Вэй, учился у него стрелять и в мастерстве превзошел наставника. А некий Цзи Чан хотел научиться стрелять у Фэй Вэя.

— Сперва научись не моргать, — сказал Фэй Вэй, — а там можно будет потолковать и о стрельбе.

Вернувшись домой, Цзи Чан улегся под жениным ткацким станком и стал провожать взглядом каждое его движение. Через два года не моргал — даже когда ему совали шило в глаз, и доложил о том Фэй Вэю.

— Это еще не все, — сказал Фэй Вэй. — Теперь научись смотреть — а там уж можно будет и стрелять. На малое смотри как на большое, на смутное — как на ясное. Потом доложишь мне.

Цзи Чан подвесил у себя в окне вошь на конском волосе и, обратясь лицом на юг, принялся ее разглядывать. Через десяток дней вошь расплылась, разбухла, а через три года казалась уже с тележное колесо. А прочие предметы, когда он на них глядел, величиной казались с холмы и горы. Тогда он взял лук из яньского рога и бамбуковую стрелу, спустил ее и поразил вошь прямо в сердце, не оборвав волоска.

Когда он доложил о том Фэй Вэю, тот высоко подпрыгнул, ударил себя в грудь и воскликнул:

— Вот теперь ты овладел мастерством!

А Цзи Чан, постигнув до конца искусство Фэй Вэя, решил, что теперь остался у него единственный соперник во всей Поднебесной. И замыслил Фэй Вэя убить.

И вот, встретившись в поле, они принялись осыпать друг друга стрелами. А те сшибались на полдороге наконечниками и падали наземь, не поднимая пыли. У Фэй Вэя раньше кончились стрелы, а у Цзи Чана осталась еще одна. Он ее выпустил — но Фэй Вэй отразил ее стрелой из колючки терновника, так и не уступив сопернику ни в чем.

И тогда они оба, рыдая, бросили свои луки и, поклонясь один другому до земли, попросили друг у друга согласия именоваться впредь отцом и сыном. И каждый, надрезав себе руку, кровью поклялся никому больше не разглашать тайн своего искусства.

ИЗ ГЛАВЫ VI

Был у Ян Чжу друг, которого звали Цзи Лян. И вот он заболел, а через семь дней болезнь его обострилась. Сыновья, обступив его ложе, рыдали над ним и просили позволения послать за врачом.

— До чего же бестолковые у меня сыновья! — сказал Цзи Лян и попросил Ян Чжу: — Спой-ка мне песню — чтоб их вразумить!

И Ян Чжу запел:

Если Небо не знает — где же знать человеку?
Коль несчастье — от Неба, как его избежишь?
Мы с тобою не знаем — как же знать может знахарь?
Мы с тобою не знаем — как же знать может врач?

Но сыновья его, так ничего и не поняв, пригласили-таки троих врачей: одного звали Цзяо, другого — Юй, а третьего — Лу. Они вникли в болезнь, и Цзяо сказал Цзи Ляну:

— Холод и жар в тебе — неумеренны, пустоты и плотности — несоразмерны. Болезнь эта — не от Неба и не от духов. Причины ее — недоедание, обжорство, похоть, заботы и праздность. Недуг твой серьезен — но излечим.

— Посредственный врач, — сказал Цзи Лян — и прогнал его прочь.

Юй сказал так:

— Еще во чреве матери тебе не хватало жизненных сил — а материнского молока ты получал в избытке. Болезнь твоя возникла не за утро и не за вечер — но развивалась постепенно. Она неизлечима.

— Хороший врач, — сказал Цзи Лян. И велел его накормить.

А Лу сказал так:

— Недуг твой — не от Неба, не от людей, не от духов. Еще при зачатии и образовании зародыша кто-то о нем уже знал и кто-то им управлял. Разве помогут тут иглы и снадобья?

— Чудесный врач! — сказал Цзи Лян — и отпустил его с богатыми дарами.

А болезнь вдруг прошла сама собой.

Циский царь Цзин-гун, гуляя по горе Ньюшань, приблизился с северной стороны к стенам своей столицы и, проливая слезы, воскликнул:

— Как прекрасно мое царство! Как пышны и роскошны деревья и травы! Как обильны потоки! Неужто я все это оставляю и умру? Ах, если бы люди не умирали издревле — разве покинул бы я эту землю, для того чтоб куда-то уйти?

Историограф Кун и Лянцю Цзюй, вторя ему, зарыдали в голос:

— Благодаря щедротам государя мы имеем возможность есть грубые овощи и жесткое мясо, можем ездить на норовистых конях, в тряских повозках — и то умирать неохота. А что же говорить о нашем государе!

И только Янь-цзы, стоя в сторонке, усмехнулся.

Государь вытер слезы и, обернувшись к нему, сказал:

— Нынче я, гуляя, опечалился, а Кун и Цзюй, вторя мне, разрыдались. Отчего же ты один смеешься?

— Если бы мудрецы всегда оставались на троне, — ответил ему Янь-цзы, — на нем навеки пребывали бы Тай-гун и Хуань-гун. Если бы храбрецы всегда оставались на троне — на нем навеки пребывали бы Чжуан-гун и Лин-гун. Эти монархи сидели бы на троне, а вы, мой государь, в плаще из соломы, в бамбуковой шляпе, стояли бы где-нибудь в поле. В изнуренье от тяжелых трудов, разве нашли бы вы время думать о смерти? Да и как бы вы, мой государь, обрели этот трон и утвердились на нем? Ведь он достался вам лишь потому, что те государи поочередно его занимали, поочередно его оставляли. И проливать из-за этого слезы — недостойно. Я увидел недостойного государя и его слуг — льстецов и угодников. И при виде того и другого позволил себе усмехнуться.

И тогда Цзин-гун, устыдившись, наказал сам себя штрафным кубком. А каждого из обоих приближенных — двумя.

Жил среди вэйцев некий Дунмэнь У. Умер у него сын — а он не печалился.

— Ведь вы любили сына, как никто в Поднебесной, — сказал ему тамошний первый министр. — Отчего же теперь, когда он умер, не печалитесь?

— Прежде у меня не было сына, — ответил Дунмэнь У, — и я не печалился. Теперь, когда он умер, у меня, как и прежде, нет сына. О чем же мне печалиться?

ИЗ ГЛАВЫ VII

Ян Чжу говорил:

— Сто лет жизни — большой срок. Прожить его не удается и одному из тысячи. А если и найдется такой — младенчество и старческая дряхлость отнимут у него едва ли не половину. Сонное забытие по ночам, растроченные зря часы дневного бдения отнимут почти половину того, что осталось. Страдания и недуги, скорби и горести, потери и утраты, печали и страхи еще отнимут почти половину того, что осталось. А из оставшихся десяти с чем-то лет не найдется и мига, когда бы человек вполне был счастлив, доволен и беззаботен. На что же тогда человеку жизнь? И какие от нее радости? Красота и яства? Музыка и любовь? Но красотой и яствами нельзя наслаждаться вечно — они приедаются. Музыкой и любовью тоже нельзя услаждаться вечно — и они приедаются. Сдерживаемые наказаниями и поощряемые наградами, подхлестываемые честолюбием и удерживаемые законами, в суете и тревоге соперничаем друг с другом за миг пустой славы и помогаемся посмертных почестей. Одинокие странники, боимся свериться тому, что видит глаз и слышит ухо, и не смеем отдаться желаниям — истинным или ложным. Понапрасну лишаем себя лучших радостей этих лет, ни на миг не даем себе воли — чем же мы отличаемся от колодника в путах и тяжких оковах?

Люди глубокой древности знали, что жизнь внезапно приходит, знали, что смерть внезапно уносит, —

и потому во всем, что ни делали, слушались сердца; не шли наперекор естественным стремлениям, не чурались житейских радостей — потому и слава их не прельщала. Развлекались, следуя природе, не противились естественным влечениям, не гнались за посмертной славой — потому и наказания их не достигали. Не размышляли они ни о прижизненной, ни о посмертной славе, ни о том — сколько лет проживут.

Ян Чжу говорил:

— Все сущее различается в жизни и уравнивается в смерти. Пока живем, есть среди нас мудрецы и глупцы, знатные и низкие — этим мы различаемся. А после смерти — смрад и гниль, распад и разложение, и это всех уравнивает. Однако быть мудрецом или глупцом, знатным или низким — не в нашей власти, как и не в нашей власти — смрад и гниль, распад и разложение. Ибо жизнь — не по воле живых, а смерть — не по воле мертвых; быть мудрецом — не в воле мудрого, а быть глупцом — не в воле глупого, быть знатным — не в воле знатного, а быть низким — не в воле низкого. Но если оно так — то все сущее равно и в жизни, и в смерти, и в мудрости, и в глупости, и в знатности, и в низком состоянии. Умирают и в десять лет, умирают и в сто. Умирают гуманный и мудрый, умирают злодей и глупец. При жизни — Яо и Шунь, после смерти — истлевшие кости. При жизни — Чжоу и Цзе, после смерти — истлевшие кости. Истлевшие кости — все одинаковы, и кто разберет — где чьи. А потому спешите жить — к чему тревожиться о том, что будет после смерти?

Мэисунь Ян спросил Ян-цзы:

— Вот перед нами человек — дорожит своей жизнью, бережет свое тело. Добьется ли он этим бессмертия?

— По законам естества нет бессмертия, — ответил Ян-цзы.

— А добьется ли он этим долголетия?

— По законам естества нет долголетия, — ответил Ян-цзы. — Жизнь не сохранишь, дорожа ею, тело не укрепить, даже если его бережешь. Да и на что она — долгая жизнь? То, к чему влекутся и от чего отвращаются пять чувств, и в древности было таким же, что

и ныне. Покой и беспокойство для четырех конечностей и в древности были те же, что и ныне. Муки и радости мирских деяний и в древности были те же, что и ныне. Превращения и перемены, порядок и смута и в древности были те же, что и ныне. Всё это уже слышали, всё это уже видали, всё это уже успытали. Этим пресытишься и за сто лет — а что же говорить о муках долгой жизни!

— Если так, — сказал Мэнсунь Ян, — то ранняя смерть лучше, чем долгая жизнь. Стоит лишь кинуться на меч или пику, броситься в кипяток или в огонь — и обретешь желаемое.

— Нет, — сказал Ян-цзы. — Уж если живешь, то отдайся жизни и претерпи ее, и в ожидании смерти изведай все ее желания. А придет время умирать — отдайся смерти и претерпи ее, изведай все ее пути и дай ей волю до конца. Всему отдайся и все претерпи — и не пытайся удлинить или укоротить жизненный срок.

Цинь-цзы спросил Ян Чжу:

— Если бы нужно было выдернуть у себя лишь один волосок, чтобы помочь целому миру, — вы бы это сделали?

— Миру одним волоском не поможешь, — ответил Ян Чжу.

— А если бы можно было помочь? — спросил Цинь-цзы. — Вы бы сделали это?

Ян Чжу ничего не ответил.

Цинь-цзы вышел и рассказал обо всем Мэнсунь Яну.

— Вы не постигли мысль Учителя, — сказал Мэнсунь Ян. — Позвольте, я вам ее поясню. Согласились бы вы поцарапать себе кожу — чтобы получить за это десять тысяч слитков золота?

— Согласился бы, — ответил Цинь-цзы.

— А вырезать себе сустав — чтоб получить за это царство?

Цинь-цзы промолчал.

— Волосок меньше кожи, — сказал Мэнсунь Ян, — а кусочек кожи меньше сустава — это ясно. Но ведь, по волоску собираясь, и образуется кожа, а кожа, собравшись, образует сустав. И пусть волосок всего лишь одна из десятка тысяч частиц, составляющих тело, — можно ли им пренебречь?

— Я не сумею вам ответить,— сказал Цинь-цзы.— Но если бы ваш вопрос задать Лао Даню и Гуань Иню — ваши слова показались бы им справедливыми. А если бы мой вопрос задать Великому Юю и Мо Ди — им показались бы справедливыми мои слова.

Мэнсунь Ян обернулся к своим ученикам — и заговорил о другом.

Ян Чжу, посетив лянского царя, сказал ему:

— Править Поднебесной — все равно что катать на ладони шарик.

— У вас есть жена и наложница,— сказал царь,— и вы не можете с ними управиться. Есть огород размером в каких-то три му — и вы не в силах его прополоть. Как же вы говорите, что править Поднебесной — все равно что катать на ладони шарик?

— Видали вы, как пасут овец? — спросил Ян Чжу.— Когда потребуется сотню овец собрать в стадо — пошлите к ним мальчонку-пастуха ростом в пять чи и с кнутом на плече: захочет, чтоб шли на восток,— пойдут на восток, захочет, чтоб шли на запад,— пойдут на запад. А прикажите-ка Яо протащить за собой на веревке хотя бы одну-единственную овцу да приставьте к ней Шуня с кнутом на плече — и овца не сдвинется с места. Слышал я, что рыба, глотающая корабли, не заплывает в протоки, а высоко воспаряющий лебедь не сядет на илистый пруд. Почему это так? Потому что предел их далек. Почему древний колокол не может вторить шумной пляске? Потому что звуки его размеренны и величавы. Ведь недаром говорят: кто справится с большим — не справится с малым, способный совершить великий подвиг — не совершит малого.

Ян Чжу говорил:

— Кто помнит деяния глубокой древности? Они исчезли. Деяния трех владык — то ли были они, то ли нет? Деяния пяти государей — наяву они были или во сне? Из тьмы деяний трех царей — скрытых или явных — не помним ни единого. Из деяний, совершенных при нашей жизни — слышали ль мы о них или видали — не помним и одного из десятка тысяч. Из нынешних деяний, оставшихся или уже забытых, не помним и одного из тысячи. А лет, протекших с давней древ-

ности до наших дней, и вовсе не счесть. Лишь со времен Фу Си минуло их уже триста с лишком тысяч... Мудрецы и глупцы, красавцы и уроды, победители и побежденные, правые и виноватые — все исчезли: кто — раньше, кто — позже. Принимать близко к сердцу мимолетную хулу или хвалу, томить и изнурять и дух, и плоть ради нескольких сот лет посмертной славы... Разве сможет она оживить иссохшие кости! Так в чем же тогда радость жизни?!

Путешествуя по Лу, Ян Чжу остановился как-то в доме семьи Мэн.

— Стоит ли добиваться славы, если достаточно просто быть человеком? — спросил его хозяин.

— Славу используют, чтоб стать богатым, — ответил Ян Чжу.

— Почему же, разбогатев, не останавливаются на этом?

— Стремятся стать знатными, — ответил Ян Чжу.

— Почему же, став знатными, не останавливаются на этом?

— Стремятся к почетной смерти.

— К чему же можно стремиться после кончины?

— Помочь сыновьям и внукам.

— Какую же пользу может принести им слава?

— Добивающийся славы изнуряет свое тело и испепеляет сердце; возможность же использовать его славу распространяется на весь его род, а выгода от славы — на всю его деревню! — ответил Ян Чжу.

— Но ведь все, кто добивается славы, должны быть бескорыстными, бескорыстие же ведет к бедности; все, кто добивается славы, должны быть уступчивыми, уступчивость же ведет к низкому положению!

— Когда Гуань Чжун был первым министром в Ци, его стремления совпадали со стремлениями правителя, а слова не расходились с его словами; правитель развратничал — и он развратничал; правитель расточительствовал — и он расточительствовал. В результате его учение было осуществлено и Ци добилось гегемонии над другими царствами; однако после его смерти ничего, кроме фамилии «Гуань», не осталось. Когда же первым министром в Ци был господин Тянь, его поведение было другим: правитель был высокомерным, он же — снисходительным; правитель обирал народ, он

же — раздавал зерно народу. Народ подчинился ему, и он смог завладеть царством Ци. Поэтому его сыновья и внуки наслаждаются властью в Ци вплоть до настоящего времени.

— Значит ли это, что настоящая слава ведет к бедности, а ложная — к богатству?

— Истинное не обладает славой, обладающее славой не обладает истиной. Все пользующиеся славой обманщики. В древности Яо и Шунь притворялись, что уступают Поднебесную Сюй Ю и Шань Цзюаню; однако они не только не потеряли Поднебесной, но и наслаждались счастьем еще сто лет. А Бои и Шуци действительно уступили престол правителей Гучжу и в конце концов не только потеряли свое царство, но и сами умерли от голода на горе Шоуян. Вот как обнаруживается различие между истинным и ложным.

Ян Чжу сказал: «Бои отнюдь не был лишен желаний. Однако, строго следуя чистоте, довел себя до голодной смерти. Чжань Ци отнюдь не был лишен страстей. Однако, кичась целомудрием, обрек себя на одиночество, не продлив своего рода. Вот как чистота и целомудрие ввели добрых людей в заблуждение».

Ян Чжу сказал: «Юань Сянь бедствовал в Лу; Цзыгун преуспевал в Вэй. Бедность Юань Сяня сократила его жизнь; богатство Цзыгуна стало для него обузой. Если и беднеть нельзя, и богатеть нельзя — что же тогда можно? Можно наслаждаться жизнью, можно не обременять себя заботами. Поэтому умеющий наслаждаться жизнью — не бедствует, а не обременяющий себя заботами — не богатеет».

Ян Чжу сказал: «В древней пословице говорится: «При жизни следует сочувствовать друг другу, после смерти следует покинуть друг друга». В пословице достигнут предел истины. Принцип «сочувствовать друг другу» касается не только чувств — он и в том, чтобы дать отдых усталому, досыта накормить голодного, согреть замерзшего. И принцип «покинуть друг друга»

отнюдь не означает, что никого не следует оплакивать. Не следует лишь класть покойнику в рот жемчуг и нефрит, облачать его в узорную парчу, приносить ему в жертву животных, ставить в могилу великолепную утварь...»

Ян Чжу сказал: «Человек подобен небу и земле и, как они, таит в себе природу пяти движущих начал. Человек — самое разумное среди всех существ, наделенных жизнью. И в то же время ногти и зубы человека недостаточно сильны, чтобы обеспечить ему охрану и защиту; мускулы и кожа недостаточно крепки, чтобы оборонять его и отражать удары; ноги недостаточно быстры, чтобы унести от опасности. У человека нет ни шерсти, ни перьев, защищающих его от холода и жары, и, чтобы прокормиться, он должен полагаться не на силу, а на разум. Поэтому человек высоко ценит разум и с пренебрежением относится к силе, ибо разум сохраняет его существование, а презренная сила вершит насилие над внешними вещами».

Ян Чжу сказал: «Существуют четыре причины, мешающие людям спокойно жить. Первая — желание долголетия; вторая — жажда славы; третья — стремление получить чиновничью должность; четвертая — жажда богатства. Из-за этих четырех страстей люди боятся власти и духов и опасаются людей и наказаний. Это называется бегством человека от его природы. Он может пасть убитым, может остаться в живых — его судьба не зависит от него.

Зачем долголетие тому, кто не идет против судьбы? Зачем слава тому, кто не ценит знатности? Зачем чиновничья должность тому, кто не стремится к власти? Зачем богатство тому, кто не алчет состояния? Это называется следованием человеческой природе. У такого человека нет соперников в Поднебесной. Поэтому его судьба зависит от него самого.

В чжоуской пословице говорится: «Хочешь убить земляпашца — заставь его сидеть сложа руки». Уходить с рассветом в поле и возвращаться затемно — этот удел он считает истинным для человека, а похлебку, бобы, коренья и ботву — наивкуснейшими яствами. Его кожа и мясо грубы и толсты, мускулы

и суставы натянуты и крепки. Проснись он однажды утром на мягком пуху и изведай изысканных яств из зерна и мяса — тотчас бы закралась в его сердце тоска, тело охватило бы беспокойство, а внутренний жар вызвал бы болезнь. И наоборот: если бы, подобно землепашцу, в поле поработали шанский или луский государи, не прошло бы и мгновения, как их охватила бы усталость. Вот почему в Поднебесной нет ничего выше того, в чем находит покой деревенский человек, как нет ничего выше того, в чем он находит красоту.

В давние времена в царстве Сун был некий землепашец. Зимой он носил старый халат, подбитый очесами конопли, когда же наступала весна и начинались весенние полевые работы, грелся на солнце. Так он и жил, не ведая о том, что в Поднебесной существуют просторные хоромы и нагретые покои, теплая одежда и пушистые меха. Как-то, поразмыслив, он сказал своей жене: «Никто не знает, как греет солнце, когда повернешься к нему спиной. Если я доложу об этом нашему государю, то получу большую награду».

Услышав это, один из богатых жителей его деревни сказал ему: «Когда-то был человек, который вкуснейшими из яств считал дикие стебли конопли, сельдерей и ряску. Однажды он стал расхваливать эти кушанья влиятельным жителям деревни. Те попробовали их — и рты у них обожгло, а желудки разболелись. Жители деревни стали насмехаться над этим человеком и презирать его; ему же стало очень стыдно. Ты тоже принадлежишь к этой породе людей».

Ян Чжу сказал: «Обладающему богатым домом, изящными одеждами, изысканными яствами и прекрасными женщинами — чего еще домогаться от внешнего мира? Обладать всем этим и еще чего-то домогаться — не значит ли это иметь ненасытный характер? Ненасытный же характер — это червь, съедающий жизненные силы человека».

Чтобы обеспечить спокойствие государя, недостаточно одной верности; однако ее достаточно, чтобы подвергнуть свое тело опасности; чтобы принести пользу другим людям, недостаточно одной справедливости;

однако ее достаточно, чтобы причинить вред собственной жизни. Обеспечить спокойствие государя и подданных, приносить пользу и себе, и другим — вот ученые людей древности...»

ИЗ ГЛАВЫ VIII

Ле-цзы учился стрелять. Попал в цель и попросил у Гуань Инь-цзы дальнейших указаний.

— Знаешь ли ты, почему попал в цель? — спросил Инь-цзы.

— Не знаю, — ответил Ле-цзы.

— Значит, еще не овладел мастерством.

Ле-цзы отправился восвояси и три года упражнялся в стрельбе. А затем явился с отчетом к Гуань Инь-цзы.

— Знаешь ли ты, почему попадаешь в цель? — спросил его Инь-цзы.

— Знаю, — ответил Ле-цзы.

— Вот теперь ты овладел мастерством. Храни его и не теряй. Оно пригодится не только в стрельбе, но и в управлении государством и самим собой. Ибо мудрец исследует не жизнь и смерть, — но их причины.

Ле-цзы говорил:

— Тот, кто в расцвете красоты, — заносчив, а тот, кто в расцвете сил, — необуздан. С такими нельзя говорить об Учении. Пока у них не появилась проседь, не стоит и толковать с ними об Учении и уж тем паче о том — как его применить. Ведь тому, кто необуздан, не станут подавать советов. А если не будут давать ему советов — он останется в одиночестве, без помощников. Умный же опирается на других, а потому, даже если и стар годами — не дряхлеет, даже если истощил свой разум — не путается. Трудность в управлении государством — не в том, чтоб самому быть умным, а в том, чтоб находить умных.

Некий сунец вырезал из нефрита древесный листок для своего государя. Трудился над ним три года — и был тот листок весь в жилках и волосках, со стебельком и с зубчиками. Если смешать с настоящими листьями — не отличишь. Сунское царство кормило этого человека за его мастерство.

Учитель Ле-цзы, услышав о том, сказал:

— Если бы небо и земля, порождая все вещи, по три года трудились над одним листочком — немного нашлось бы растений с листьями! Потому-то мудрец полагается не на знания и мастерство, а на естественные превращения.

У некоего Ши из Лу было два сына. Один любил науки, другой — военное искусство. Тот, что любил науки, решил послужить своими знаниями цискому царю. Царь взял его к себе на службу и назначил наставником при царевичах. А тот, что любил военное искусство, отправился в Чу и предложил свои услуги чускому царю. Он сумел угодить царю, и тот поставил его военачальником. Оба сына жалованьем обогатили семью, чинами прославили родителей.

У соседа Ши — некоего Мэна — тоже было двое сыновей: оба увлекались тем же, что и сыновья Ши, но прозябали в нищете. Завидуя богатству семьи Ши, они неотступно просили рассказать, как те сумели так быстро возвыситься. Сыновья Ши рассказали им все как есть.

И вот один из сыновей Мэна отправился в Цинь, желая послужить циньскому царю своей наукой. Но царь сказал ему:

— Ныне, когда все цари что есть мочи соперничают друг с другом, следует думать лишь об оружии и провианте. Если же управлять моим царством с помощью человечности и справедливости, это приведет его к гибели.

И, приказав оскопить пришельца, прогнал его прочь.

А другой сын отправился в Вэй, желая угодить вэйскому царю познаниями в военном деле.

— Царство у меня слабое, — сказал ему царь, — и сильные царства нас теснят. Безопасности ради стараюсь услужить крупным царствам и поддержать малые. Если же вздумаю положиться на военную силу —

нас постигнет гибель. Но если отпустить тебя целым и невредимым — ты пойдешь в другое царство и причинишь нам вред.

И, повелев отрубить ему ноги, отправил обратно в Лу.

Когда оба сына вернулись домой, и сами они, и отец их стали бить себя в грудь и поносить семейство Ши. А Ши сказал им так:

— Всякий, кто удачно выберет время, преуспеет. Всякий, кто его упустит, пропадет. Путь ваш тот же, что и у нас,— а итоги совсем другие. Не оттого, что действовали неверно,— а оттого лишь, что упустили время. Ведь нет среди законов Поднебесной таких, чтоб всегда были правильны, и нет среди ее деяний таких, чтоб всегда были ошибочны. То, что годилось прежде, нынче могут и отвергнуть. А то, что отвергли нынче, позже может и пригодиться. Для того, что пригодно, а что непригодно, нет точных правил. И нет рецептов — как пользоваться случаем, ловить момент и поступать по обстоятельствам. Это зависит от смекалки. А уж коли ее не хватает, то будь вы столь же многознающи, как сам Конфуций, и столь же искусны, как Люй Шан,— всюду, куда ни пойдете, попадете впросак.

Гнев Мэна и его сыновей утих, а с лиц их сошло выражение досады. И они сказали:

— Мы все поняли. Не стоит повторять.

Цзиньский царь Вэнь-гун выступил в поход, намереваясь вместе с другими напасть на Вэй. А царевич Чу взглянул на небо и рассмеялся.

— Чего смеешься? — спросил его царь.

— Да вот смеюсь над тем,— ответил царевич,— как один мой сосед, провожая жену к ее родителям, увидал по дороге женщину, что обрывала листья шелковицы. Она ему приглянулась, и он уж начал с ней заигрывать. Да только обернулся, поглядел вслед своей жене: глядь — уж и ее кто-то подманивает. Вот я и рассмеялся.

Царь, уразумев намек, тут же остановился и повернул войско обратно. Не успел дойти до дому, а уж кто-то напал на северные окраины царства!

Царство Цзинь страдало от разбойников. А некий Си Юн умел распознать разбойника по обличью: только взглянется, бывало, в выражение лица — и знает уже, что у того на уме. Цзиньский царь поручил ему опознание разбойников — и тот из сотен и тысяч не упускал ни единого. Царь в великой радости поведал о том Чжао Вэнь-цзы, сказав ему так:

— Нашел я одного человека — от него всем разбойникам в моем царстве скоро придет конец. На что мне теперь куча людей?

— Если вы, государь,— сказал Чжао Вэнь-цзы,— собираетесь переловить разбойников, полагаясь на слежку,— они не переведутся. А Си Юн, уж конечно, не умрет своей смертью.

И вот разбойники, собравшись на совет, решили:

— Это Си Юн довел нас до последней крайности!

И, набросившись на него все разом, растерзали в клочки.

Услыхав о том, цзиньский царь пришел в ужас. Он тут же призвал к себе Вэнь-цзы и сказал ему:

— А ведь и впрямь вышло по-твоему: сыщик-то мой погиб. Но как же я теперь выловлю разбойников?

— Чжоуская пословица гласит,— сказал Вэнь-цзы,— «не высматривай рыбу в омуте — накличешь беду, не выслеживай тех, кто прячется,— наживешь неприятности». Если государь желает избавиться от разбойников, то лучшее средство — приблизить к себе мудреца и довериться ему. Пусть он просветит тех, что наверху, и перевоспитает тех, что внизу. Если народ обретет стыд и совесть — к чему ему разбойничать?!

И царь поручил дела правления Суй Хуэю. А разбойничьи шайки поспешили удрать в Циньское царство!

Конфуций, возвращаясь из Вэй в Лу, остановил повозку у моста и загляделся на реку: водопад ниспадал с высоты в тридцать жэней, водоворот бурлил на девяносто ли — ни рыбе не проплыть, ни черепахе, ни кайману...

А некий человек собрался перейти его вброд. Конфуций послал к нему учеников, чтоб удержать его и сказать:

— Водопад ниспадает с высоты в тридцать жэней, водоворот бурлит на девяносто ли, ни рыбе не проплыть, ни черепахе, ни кайману... Тому, кто вздумает через него перебраться,— придется нелегко!

Но человек их не послушался: он перешел через поток и выбрался на другой берег.

— До чего же вы ловки! — воскликнул Конфуций. — У вас, видно, есть свой секрет? Как это вам удалось войти в такой водоворот и выбраться оттуда невредимым?

И человек ответил так:

— Как только вступаю в поток — весь отдаюсь ему и вверяюсь. Так, отдавшись и вверившись, следую за ним до конца. Отдавшись и вверившись, располагаю свое тело в волнах и течениях, не смея своевольничать. Вот почему могу войти в поток и снова выйти.

— Запомните это, ученики! — сказал Конфуций. — Воистину, даже с водой, отдавшись ей и вверившись, можно сродниться — а уж тем более с людьми!

Чжаоский государь Сян-цзы послал Синьчжи Муцзы в поход на варваров ди. Тот же, одолев их, взял города Цзожэнь и Чжунжэнь и отправил вестника с донесением.

Государь, сидевший за трапезой, опечалился.

— За одно лишь утро, — сказали ему приближенные, — пали два города: люди такому радуются. Отчего же у вас опечаленный вид?

— Половодье на реках, — ответил им царь, — длится не больше трех дней. Ураган и гроза не длятся весь день. Солнце в зените — один только миг. В роду Чжао немного было доблестных деяний — и вдруг два города за одно утро... Уж не грозит ли нам гибель?

Услышав о том, Конфуций сказал так:

— Вот почему процветает род Чжао! Печалится — оттого и процветает. А те, что радуются, — гибнут. Не так трудно одержать победу, как трудно ее удержать. Умный правитель стремится удержать победу — потому-то его успехи переходят и к потомкам. Царства Ци и Чу, У и Юэ все когда-то побеждали, но в конце концов от этого и гибли. Ибо не умели удержать победу. А способен ее удержать лишь правитель, постигший Учение.

У Конфуция достало бы силы поднять засов на воротах столицы, но он не хотел прославиться силой. Мо-цзы, готовясь отразить нападение, одолел Гуншу Баня, но он не хотел прослыть стратегом. Ибо тот, кто умеет удержать победу, силу считает слабостью.

В одной из сунских семей на протяжении трех поколений ревностно соблюдались заповеди человечности и справедливости. И вдруг их черная корова без всякой на то причины отелилась белым теленком. Спросили об этом Конфуция — а тот сказал:

— Это благое предзнаменование!

И посоветовал принести теленка в жертву Небесному Владыке. А через год отец из той семьи беспричинно ослеп.

И вот их корова опять отелилась белым теленком. И отец повелел сыну снова спросить совета у Конфуция.

— Чего еще спрашивать? — сказал сын. — Ведь спрашивали уже — а ты потерял зрение!

— Слова мудреца, — ответил ему отец, — бывает, сперва не сбываются, но сбудутся после. Пока дело не кончилось — спроси-ка его еще.

И сын опять спросил совета у Конфуция, а тот сказал:

— Благое предзнаменование!

И снова повелел принести теленка в жертву. Сын, вернувшись домой, передал указание отцу. А тот сказал:

— Исполни повеление Конфуция!

Через год и сын беспричинно ослеп. А потом чусцы напали на сунцев и осадили их город. Люди обменивались детьми и поедали их, раскалывали кости и варили. Все здоровые и сильные сражались на городской стене — и погибших было больше половины. А отец и сын — как увечные — этого избежали.

Когда же кончилась осада — оба выздоровели.

Циньский князь Му-гун сказал конюшему Бо Лэ:

— Ты уже стар годами. Нет ли кого в твоём роду, кто бы умел отбирать коней?

— Доброго коня, — ответил Бо Лэ, — можно узнать по стати, мускулам и костяку. Однако у Первого коня в Поднебесной все это — словно бы стерто и

смыто, скрыто и спрятано. Такой конь мчится не вздымая пыли, не оставляя следов. Сыновья же мои малоспособны: они смогут отыскать хорошего коня, но не сумеют найти Первого коня в Поднебесной. Когда-то я таскал вязанки дров и связки овощей совместно с неким Цюфан Гао. Он разбирался в лошадях не хуже вашего слуги. Пригласите его.

Князь принял Цюфан Гао и немедленно отправил его за конем. Через три месяца Цюфан Гао вернулся и доложил:

— Отыскал. В Песчаных холмах.

— А что за конь? — спросил Му-гун.

— Кобыла... буланая...

Послали за кобылой, а оказался — вороной жеребец.

Князь, опечалившись, позвал Бо Лэ и сказал ему:

— Ничего не вышло! Тот, кого ты прислал отбирать коней, даже в масти не способен разобраться, жеребца от кобылы отличить не может — какой уж из него лошатник!

— Неужто он этого достиг! — сказал Бо Лэ, вздохнув в глубоком восхищении. — Да после этого тысячи и тьмы таких, как я, — ничто в сравнении с ним. Ведь Гао видит природную суть. Отбирает зерно — отметая мякину, проникает вовнутрь — забывая о внешнем. Видит то, что нужно видеть, а ненужного — не замечает. Глядит на то, на что следует глядеть, пренебрегая тем, на что глядеть не стоит. Да такое умение — дороже любого коня!

Когда жеребца привели — это и впрямь оказался Первый конь в Поднебесной!

Чуский царь Чжуан-ван спросил Чжань Хэ:

— Как управлять царством?

Чжань Хэ ответил так:

— Я, ваш слуга, сведущ в том, как управлять собой, но не сведущ в том, как управлять царством.

— Я обрел право, — сказал Чжуан-ван, — приносить жертвы в храме Предков и на алтаре Земли и Злаков. Хочу научиться — как его за собой сохранить.

— Я никогда не слышал, — сказал Чжань Хэ, — о смуте в царстве у того, кто умеет управлять собой. Не слышал никогда и о том, чтоб был порядок в

царстве у того, кто собой управлять не умеет. Ибо корень — в самом себе, а за вершину отвечать не смею.

— Превосходно! — воскликнул чуский царь.

Старейшина с Лисьего холма спросил Суньшу Ао:

— Знаете ли вы о трех людских досадах?

— О каких же? — спросил Суньшу Ао.

— О зависти к высоким титулам. О неприязни государя к занимающим большую должность. О досаде на тех, что получают большое жалованье.

— Чем выше мой титул, — сказал Суньшу Ао, — тем скромней мои желания. Чем больше должность — тем смиренней мое сердце. Чем обильней жалованье — тем щедрей мои раздачи. Можно ли этим отворотить эти три досады?

Суньшу Ао занемог и был при смерти. И так наказывал сыну:

— Царь настойчиво жаловал меня землями — я же от них отказывался. Когда умру, царь будет жаловать и тебя. Ни за что не бери богатой земли. А вот есть на границе между Чу и Юэ холм Усопших. Земля там тощая и славу имеет недобрую: чусцы избегают ее из-за привидений, а юэсцы — из-за дурных примет. Только этой землей и можно владеть долго.

Когда Суньшу Ао умер, царь и впрямь стал предлагать его сыну тучные земли, но тот от них отказался, а попросил холм Усопших. Царь отдал ему эту землю — и потомки Суньшу Ао владеют ею и поныне.

Чжу Лишу служил у цзюйского князя Ао-гуна. Полагая, что князь его не ценит, он ушел от него и поселился у моря. Летом питался водяными орехами и зернами лотоса, зимой — каштанами и желудями. Когда же Ао-гун попал в беду, Чжу Лишу, решившись умереть за него, стал прощаться с друзьями.

— Ты же сам считаешь, что тебя не оценили, — сказали ему друзья, — и потому ушел. А ныне собрался умереть за князя. Стало быть, тебе безразлично — ценят тебя или нет?

— Нет, это не так, — сказал Чжу Лишу. — Считаю, что меня не оценили, — и потому ушел от князя. А нын-

че за него умру — значит, и впрямь не оценили. Смертью своей пристыжу всех последующих государей, что не будут ценить своих слуг. Кто будет ценить — за того и станут умирать, а за тех, что не будут ценить, — и умирать не станут: вот это и будет прямой путь.

Можно сказать: Чжу Лишу был в своем недовольстве упорен до самозабвения!

Как-то раз Ян Бу, младший брат Ян Чжу, вышел со двора в белом платье. Пошел дождь, и Ян Бу, сняв свое белое платье, переделался в черное и так вернулся домой. Собака не узнала его и встретила лаем. Ян Бу, рассердившись, хотел уже ее ударить, но Ян Чжу сказал ему:

— Не бей ее! Ведь ты и сам бы поступил подобным образом: ну разве не опешил бы ты, если б твоя собака, выбежав из дома белой, вернулась черной?!

Ян Чжу говорил:

— Добро творят не ради славы — но следом приходит и слава. Стремясь к славе, не ждут выгоды — но следом приходит и выгода. Стремясь к выгоде, не ожидают тяжбы — но следом приходит и тяжба. Вот почему достойный муж, творя добро, должен быть осмотрительным.

Жил в старину человек, учивший, как познать путь к бессмертию. Яньский государь послал за ним, но посланец его не спешил, и человек тот умер. Государь, в страшном гневе, хотел казнить посланца. Но любимый слуга государя, увещевая его, сказал ему так:

— Ничто не печалит людей так сильно, как смерть. И ничто не ценят они так высоко, как жизнь. А тот сам утратил жизнь — как же мог он, государь, научить вас бессмертию?!

И посланца помиловали.

Некий Ци-цзы тоже хотел познать путь к бессмертию и, услышав о смерти учителя, стал, с досады, бить себя в грудь. Фу-цзы, услышав о том, поднял его на смех:

— Хотел научиться бессмертию, а учитель сам умер.

И он еще досадует! Сам не знает, чему собирався учиться!

— Фу-цзы не прав,— сказал Ху-цзы.— Бывает, что человек и знает средство, да не может им воспользоваться. Бывает и так, что может воспользоваться, да не знает средства. Некий житель царства Вэй умел хорошо считать. Перед смертью он передал свой секрет сыну — в виде притчи. Притчу-то сын запомнил, а применить не сумел. Кто-то спросил его про секрет, и он передал тому человеку слова отца. А тот, что спросил, воспользовавшись этим, овладел искусством счета не хуже, чем покойный. Но если так, разве не мог умерший поведать и о тайне бессмертия?!

Жители Ханьданиа в день Нового года подносили государю своему Цзянь-цзы голубей, а тот за это, в великой радости, щедро всех одаривал.

— Зачем вы это делаете? — спросил его гость.

— Отпуская в день Нового года птиц на волю,— ответил Цзянь-цзы,— я проявляю милосердие.

— Всем известно,— сказал гость,— что вы отпускаете их на волю, оттого их и ловят наперебой, и птицы гибнут во множестве. Если хотите, чтоб они жили, не лучше ли вовсе запретить их ловить? Ведь если ловить их и выпускать, то никакое ваше милосердие не возместит причиняемого ущерба.

И Цзянь-цзы с ним согласился.

Тянь, родич государя Ци, принеся жертвы духам дороги, угощал у себя во дворце тысячу человек. Когда гостям, сидевшим посредине, подали рыбу и гусей, Тянь обозрел пирующих и сказал, умиленно вздыхая:

— Как щедро Небо к людям! Взрастило для них пять хлебов, размножило рыб и птиц.

И гости поддакивали ему, словно эхо.

Но тут вышел вперед мальчик лет двенадцати из семьи Бао, что был во втором ряду, и сказал так:

— Нет, господин, вы не правы. Небо и земля порождают все живое так же, как и нас. И нет среди тварей ни знатных, ни подлых: одни берут верх над другими лишь потому, что крупней их, умней и сильней, и пожирают других совсем не потому, что те

рождены быть пожранными. Разве Небо творит существа на потребу человеку? Он сам себе выбирает то, что годится ему в пищу. Комары и москиты впиваются нам в кожу, а тигры и волки пожирают нашу плоть. Так неужто же Небо создало человека для комаров и москитов, для тигров и волков?!

У одного человека засох платан, и старик сосед сказал ему, что засохший платан — не к добру. Тот человек, испугавшись, срубил его, а сосед попросил отдать ему срубленное дерево на дрова. И человек тот, опечалившись, сказал:

— Соседу моему нужны были только дрова — потому и подучил меня срубить дерево. Как можно быть таким коварным и поступить так не по-соседски!

Пропал у одного человека топор, и он подумал на соседского сына. Поглядит на походку — точь-в-точь как у вора! На выражение лица — точь-в-точь как у вора! И даже говорит — точь-в-точь как вор! Все движения, все повадки — точь-в-точь как у вора!

Стал рыть землю в ложбине — и вдруг нашел там свой топор. А на другой день снова увидел соседского сына: ни в движениях его, ни в повадках — ничего похожего на вора!

Как-то раз одному жителю Ци очень захотелось золота. Чуть свет оделся, надел шапку и отправился на рынок. Подошел к лавке, где торгуют золотом, схватил — и бежать. Рыночный стражник поймал его и спросил:

— Зачем схватил чужое золото, ведь кругом люди?

И человек тот ответил:

— Когда хватал, людей не видел, видел только золото!

ИЗ „ХУАЙНАНЬ-ЦЗЫ”

«Хуайнань-цзы» — «Учители из Южного заречья реки Хуай» — весьма обширное философское сочинение даосского толка, созданное при дворе удельного князя Лю Аня, жившего в 180(?)—122 гг. до н. э., в правление знаменитого ханьского императора У-ди.

При дворах различных правителей, вообще знатных людей, и ранее, еще в доимперский период, существовал институт, похожий на институт клиентелы в Древнем Риме. Здесь, в Китае, эти клиенты звались «гостями». То был многочисленный отряд, как мы бы теперь сказали, служилой интеллигенции: музыканты, художники, поэты, врачи, советники по политическим (гражданским и военным) делам, ораторы, дипломаты, танцовщики, и среди прочих — философы. Они служили хозяевам, давали им советы, просто развлекали и за это получали одежду, пищу и кров. В период Империи (с III в. до н. э.) число «гостей» при дворах достигало нескольких тысяч. В их среде создавались различные кружки, в частности поэтические и философские, во главе с меценатом, — именно такую роль играли здесь знатные хозяева, сами подчас являясь неординарными философами, поэтами, музыкантами. Хуайнаньский же князь Лю Ань известен, пожалуй, больше всех других меценатов Раннеханьской эпохи.

Лю Ань был личностью незаурядной. Внук легендарного основателя Ханьской династии, сын человека, который долгое время считал себя ровней императору и умер, не пережив позора, заточенный в железную клетку, Лю Ань получил в наследство богатейшие владения, завидное образование и немалые амбиции. Однако он был чужд забав, развлекавших прочих владетельных князей: не травил лесных зверей на охоте, не радовался музыке и танцам, пренебрегал гаремными красавицами. Видимо, и он, подобно своему отцу, лелеял честолюбивые замыслы. Во всяком случае, образованные люди и доблестные воины, привлеченные его радушным приемом, стекались к князю со всей Поднебесной. Скрывал он у себя и беглых. Популярности князя в народе немало способствовало его покровительство даосам, занятия тайными даосскими науками — ведь даосские общества, че-

рез сто лет начавшие гигантскую крестьянскую войну, уже тогда набирали силу. Громкая слава Лю Аня вызывала естественные подозрения; какое-то время император еще сдерживал свою раздражительность, ограничившись символической казнью кузена — у того отрубили мочки ушей, — но доносы продолжали поступать... И когда у княжеского дворца внезапно появились императорские чиновники, Лю Ань понял, что игра проиграна. Историки сообщают, что гордый князь покончил с собой, но народная фантазия распорядилась его судьбой иначе — она создала красочную легенду о его чудесном спасении. В своеобразном «житии» хуайнаньского князя, составленном автором «Бао Пу-цзы», Гэ Хуном, мы найдем рассказ о «восьми старцах», якобы руководивших князем в его исканиях, — они-де помогли ему создать эликсир бессмертия. Люди показывали камень, с которого будто бы в момент опасности вознесся ввысь Лю Ань, — на камне отпечатались его ступни и копыта его коня. А в земной юдоли остались: посрамленный Сын Неба, недруги, доносчики — и бессмертные «Учители из Южного заречья...».

Публикуемые здесь фрагменты из этой книги являются типичными образцами древнекитайской философской прозы, еще во многом сохраняющей черты устного выступления. Тогда писали во многом так, как говорили. Отсюда множество «общих мест», повторяющихся сюжетов из прошлой и недавней истории Китая, материал мифов и легенд, притчи, пословицы, поговорки. Частично философы сознательно имитируют формы и художественные средства устного народного творчества, частично находятся под их влиянием. Все это заключено в жанровую форму философского диалога, так что каждая глава представляет собой цепь диалогов, связанных между собой философской идеей. Древнему читателю были хорошо знакомы имена действующих лиц и связанные с ними исторические и бытовые эпизоды: главное было не в них, а в том контексте, который их окружал. Это была новая интерпретация старого материала, она-то и возбуждала интерес современников.

Лю Аню и его кружку, помимо «Хуайнань-цзы», приписывается целый ряд сочинений, в том числе поэтические сборники и трактаты по астрономии, астрологии и магии. К сожалению, из всего этого наследия до нас дошло лишь одно стихотворение — да и то подлинность его сомнительна.

С другими текстами из «Хуайнань-цзы» читатель может познакомиться в книге Л. Е. Померанцевой «Поздние даосы о природе, обществе и искусстве» (М., Изд-во МГУ, 1979). Настоящий перевод публикуется впервые.

ИЗ ГЛАВЫ «ОТЗВУКИ ДАО»

Бай-гун задал вопрос Конфуцию:

— Можно ли говорить намеками?

Конфуций молчал.

— Что будет, если камень бросить в воду? — продолжал Бай-гун.

— Ныряльщики из У и Юэ достанут его, — отвечал Конфуций.

— А если одну воду плеснуть в другую?

— Смешаешь воду из рек Цзы и Шэн — И Я все равно различит на вкус.

— Выходит — нельзя говорить намеками?

— Почему же нельзя? — отвечал Конфуций. — Кто знает, что значат слова? Тот же, кто знает, — говорит без слов.

Поэтому Лао-цзы говорит: «Слова имеют основу, дела — хозяина».

Хуэй-цзы разработал закон и представил его царю. Тот остался доволен и передал его на рассмотрение Ди Цзяню.

— Можно дать ему ход? — спросил у него царь.

— Нет, — ответил Ди Цзянь.

— Но если он хорош, почему же не дать ему ход?

— Когда поднимают большое дерево, — отвечал Ди Цзянь, — передние восклицают: «Юй-суй!», а задние вторят им. Почему же при этом не поют песен Чжэн и Вэй, не напевают быстрых мелодий Чу? Потому что они не годятся для этого дела. Так и хорошо управляемое государство — опирается на ритуал, а не на изощренное красноречие.

Поэтому Лао-цзы говорит: «Когда множатся законы и приказы, растет число воров и разбойников».

Тянь Пянь беседовал с циским ваном об искусстве Дао.

— Мои владения — царство Ци, — отвечал ван. — Искусство Дао мало пригодно для устранения бед, поэтому хотелось бы послушать об искусстве управления.

— Мои слова, — отвечал Тянь Пянь, — хотя и не об управлении, однако могут быть полезны и для него. Возьмем, к примеру, лес. Это не материал, но он может стать материалом. Вдумайтесь, господин, в то, что сказано, и сами выберите пригодное для управления. Хотя Дао и не устраняет бед, но его силою все переплавляется и преобразуется во Вселенной и в пределах шести сторон света. Зачем же спрашивать о делах правления в царстве Ци?!

Именно это имел в виду Лао Дань, когда говорил: «Форма без формы, образ без вещи». Ван спросил о царстве Ци, — Тянь Пянь ответил примером о древесном материале: материал — еще не лес; лес — еще не дождь; дождь — еще не Инь-Ян; Инь-Ян — еще не Гармония, а Гармония — еще не Дао.

Бай-гун завоевал Цзин и никак не мог решиться разделить имущество со складов и арсеналов среди своих людей. Прошло семь дней, и Ши Ци сказал ему:

— Неправедно добытое, да еще не розданное — приводит к беде. Не можешь отдать — лучше сожги, но не восстанавливай людей против себя.

Бай-гун не послушался, и через девять дней явился Е-гун. Он открыл большие склады и арсеналы и раздал товары и оружие народу, а затем напал на Бай-гуна и через девятнадцать дней пленил его.

Итак, царство не принадлежало ему, а он захотел владеть им — это можно назвать верхом алчности; не уметь принести пользу ни себе, ни людям — можно назвать верхом глупости.

Поэтому Лао-цзы говорит: «Чем переполнять сосуд — лучше его вовсе не наливать; как ни заостряй предмет при ковке — он скоро затупится».

Чжаоский Цзянь-цзы назначил Сян-цзы своим преемником. Узнав об этом, Дун Яньюй сказал ему:

— Усюй — из худого рода. Почему же вы сделали его своим наследником?

— Он из тех людей, что могут стерпеть позор ради родных алтарей.

Прошло время. Как-то Чжи-бо с Сян-цзы сидели на пиру, а Чжи-бо вдруг схватил Сян-цзы за голову. Дафу просили позволения убить его, но Сян-цзы остановил их.

— Когда прежний ван, — сказал он, — ставил меня на престол, он сказал: «Сян-цзы может ради родных алтарей стерпеть позор»; разве он сказал: «Сян-цзы может убить человека»?!

Через десять лун Чжи-бо окружил Сян-цзы в Цзинь-яне. Разделив свои отряды, Сян-цзы нанес Чжи-бо сокрушительное поражение, а из его головы сделал винную чашу.

Поэтому Лао-цзы говорит: «Знающий свою силу, умеющий быть слабым — для Поднебесной как горная долина».

...

Ду Хэ говорил с чжоуским правителем о том, как покоить Поднебесную в мире. Государь сказал:

— Хотел бы научиться тому, как покоить в мире Чжоу.

— Если мои слова не годны, то не сумеешь вам покоить Чжоу, — отвечал Ду Хэ, — а если годны — Чжоу само придет к миру и покою.

Это и называется «не приводя в покой, покоить». Поэтому Лао-цзы говорит: «Великий резчик не режет», «Высшее богатство — отсутствие богатства».

По законам царства Лу, пожелавший выкупить раба-лусца у чжухоу, мог взять деньги на это в казне. Цыгань выкупил одного лусца, а деньги брать отказался.

— Ты делаешь ошибку, — сказал Конфуций, узнав об этом. — Действия мудреца могут изменять обычаи и нравы, а его уроки — распространяться на последующие поколения, потому что они годны для всех. Ныне в царстве богачей мало, а бедняков много. И тем, и другим не жаль казенных денег. Если же лусцы не будут брать в казне — то не станут выкупать своих у чжухоу.

О Конфуции можно сказать, что он знал толк в ритуале. Поэтому Лао-цзы говорит: «Видеть значительное в малом — называется мудростью».

Вэйский У-хоу спросил у Ли Кэ:

— Отчего погибло царство У?

— Оттого, что много воевало и много побеждало.

— Но разве много воевать и много побеждать — не благо для государства?

— Когда много воюют — народ распускается, — отвечал Ли Кэ, — когда много побеждают — правители становятся высокомерны; а при высокомерных правителях и распушенном народе редко бывает, чтобы царство не погибло. Высокомерие ведет к произволу, произвол — к жестокости; распушенность порождает злобность, злоб-

ность — волнения. Правители и народ находились в таком напряжении, что гибель У даже поздно наступила!

Поэтому Лао-цзы говорит: «Небесное дао велит отступить, когда подвиг свершен и пришла слава».

Нин Юэ желал служить цискому Хуань-гуну, но был беден и выделиться ему было нечем. Тогда он нанялся к странствующим купцам грузить телеги. Пришли они в Ци и расположились на ночлег за городскими воротами. Ночью ворота открылись, и, тесня груженные телеги, с многочисленной свитой и огнями в город въехал Хуань-гун. Нин Юэ, который в это время кормил вола, увидел издали Хуань-гуна и загрустил. Ударяя в воловий рог, он запел песню купца. Хуань-гун услышал и, тронув своего возничего за руку, сказал:

— Это поет необыкновенный человек!

И приказал следующей за ним на колеснице свите пригласить певца во дворец. Поправив одежду и шапку, он принял Нин Юэ и заговорил с ним о делах Поднебесной. Довольный беседой, Хуань-гун решил взять гостя на службу. Однако его чиновники воспротивились:

— Гость — человек из Вэй, — сказали они. — Вэй не так далеко от Ци. Послали бы, государь, расспросить. Если и после этого гость окажется достойным, не поздно будет его принять.

— Нет, — отвечал Хуань-гун. — Начнем расспрашивать и вдруг, к несчастью, у него окажется какой-то недостаток. Из-за мелкого недостатка забудем о больших достоинствах. Именно так государи теряют настоящих мужей Поднебесной!

Чуский Чжуан-ван спросил Чжань Хэ:

— Как управлять государством?

— Умеешь управлять собой и не умеешь управлять государством?

— Я поставлен хранить храм предков и алтари и хотел бы знать, как их уберечь, — пояснил Чжуан-ван.

— Мне никогда не доводилось слышать, чтобы царство того, кто умеет управлять собой, было в смуте; или сам бы ван был в смуте, а царство его — упорядочено. Таким образом, корень в тебе самом. Не смею договаривать до конца.

Некогда Цзы Хань, управляющий строительными работами, был первым министром в Сун.

— Покой или непрочное положение государства, —

говорил он сунскому государю, — порядок или смута в народе зависят от государственной политики наград и наказаний. Народ любит чины, награды, пожалования — пусть государь дает им это; смертную же казнь, наказания и штрафы народ ненавидит, и поэтому, прошу вас, передайте их в мое ведение.

— Хорошо, — сказал государь. — Я возьму на себя то, что нравится им, а ты на себе испытываешь их ненависть.

С тех пор подданные в царстве знали, что убийства и казни дело рук Цзы Ханя; большие чиновники стремились приблизиться к нему, народ боялся его. И вот не прошло и месяца, как Цзы Хань, оттеснив сунского государя от управления, сосредоточил всю власть в своих руках.

Вот почему Лао-цзы говорит: «Нельзя рыбе покидать глубины, средства управления нельзя обнажать перед народом».

Ван Шоу перебросил через плечо котомку с книгами и отправился в путь. По дороге он встретил Сюй Фэна.

— События свершаются под воздействием перемен, — сказал тот, — а перемены происходят от времени. Поэтому тот, кому ведомо время, не имеет постоянных занятий. Книги — это произнесенные слова, слова произносятся знающими, а знающие — не хранят их в книгах.

Услышав это, Ван Шоу сжег книги и исполнил танец.

Вот почему Лао-цзы говорит: «Обильные слова легко исчерпываются, лучше держаться меры».

Первый министр Цзы Пэй пригласил на пир чужого Чжуан-вана. Чжуан-ван принял приглашение. Цзы Пэй ждал его на башне Цзинтай, а Чжуан-ван не пришел. На следующий день, сложив почтительно руки и обратившись лицом к северу, Цзы Пэй, босой, предстал пред государем в тронном зале.

— Ранее государь принял приглашение, а ныне не пришел. Думаю, в этом моя вина, — сказал он.

— Я слышал, что ты приготовил пир на башне Цзинтай, — отвечал государь. — На юг с нее открывается прекрасный вид на гору Ляошань и реку Фанхуан, слева течет Янцзы, справа — Хуай. Любоваться этим — такое наслаждение, что можно забыть о смерти. Я слаб и не могу позволить себе это удовольствие: боюсь, останусь там и не вернусь.

Поэтому Лао-цзы говорит: «Не смотри на вожденное, не приводи чувства в смятение».

Цзиньский царевич Чун Эр, спасаясь от преследования,

проходил через Цао. В Цао ему не отдали почестей. Жена Ли Фуцзи сказала своему мужу:

— Господин не отдал почестей цзиньскому царевичу. Между тем, я видела его свиту — все достойные люди, похожие на вас. Царевич вернется в Цзинь и непременно поднимет войска на Цао. Почему бы вам заранее не выказать ему доброе отношение?

Ли Фуцзи послал царевичу сосуд с едой и нефритовый круг. Чун Эр принял еду, а нефрит отослал обратно. Когда он вернулся в Цзинь, то поднял войска в поход на Цао и покорил его, приказав не вторгаться в деревню Ли Фуцзи.

Лао-цзы говорит: «Ущербное становится полным, кривое — прямым».

Чжаоский Цзянь-цзы умер, но еще не был похоронен, когда город Чжунмоу отделился и перешел к Ци. На пятый день после похорон Сян-цзы поднял войска и атаковал Чжунмоу. Однако не успел он сомкнуть кольцо, как стены сами рухнули на десять чжанов. Сян-цзы тотчас ударил в гонг и отступил. Тогда военачальники стали убеждать его:

— Государь наказал Чжунмоу за предательство, и стены сами рухнули. Если Небо помогает нам — зачем же уходить?!

— Я слышал, как Шу Сян говорил: «Благородный муж не пользуется чужой неудачей и не преследует того, кто в опасности». Пошлите починить стену. Когда стена будет готова — снова атакуем.

Услышав о справедливости Сян-цзы, жители Чжунмоу попросили позволения сдаться.

Вот почему Лао-цзы говорит: «С тем, кто не соперничает, в Поднебесной никто не может соперничать».

Цзинь пошло походом на Чу. Через три перехода, которые покрыли, не останавливаясь на привал, дафу испросили позволения начать штурм.

— Во времена прежнего государя Цзинь не ходило походом на Чу, — сказал чуский Чжуан-ван. — Когда же на престол сел я, сирота, оно пошло. Моя вина, позор мне!

— Во времена прежних слуг Цзинь не ходило походом на Чу, — сказали дафу. — Ныне же, когда мы служим, оно пошло. Это наша вина! Позвольте отразить удар.

Ван пал ниц и, оросив слезами полу халата, поднялся и поклонился дафу.

Узнав об этом, цзиньцы сказали:
— Государь и слуги спорят друг с другом — кто виноват! Не много славы добудем мы, победив таких слуг. — И ночью отвели войска.

Поэтому Лао-цзы говорит: «Ваном может называться лишь тот, кто способен принять позор страны на себя».

Некогда, будучи в Чжао, Гунсунь Лун сказал своим ученикам:

— С неспособными людьми я не странствую.

Вскоре в сермяге, подпоясанной веревкой, явился странник и, попросив его принять, сказал:

— Я умею кричать.

— Есть среди нас человек, умеющий кричать? — спросил Гунсунь Лун, обернувшись к ученикам.

— Нет, — был ответ.

— Тогда включите его в список учеников.

Через несколько дней Гунсунь Лун отправился на переговоры с яньским ваном. Подъехал к реке и увидел, что паром — на другом берегу. Велел новому ученику вызвать его. Тот крикнул — и паром пришел. Поистине: наличие мудреца не исключает присутствия умельца.

Лао-цзы говорит: «Человек не пренебрегает человеком, вещь — вещью; это и называется высшей мудростью».

Когда Цзы Фа атаковал Цай и одержал победу, Сюаньван выехал в предместье приветствовать победителя. Он отмерил ему во владение сто цинов земли и преподнес нефритовый скипетр. Но Цзы Фа не принял дары, сказав:

— Управлять страной, осуществлять правление и принимать послов от чжухоу — дело государя; издавать распоряжения, рассылать приказы, заботиться о том, чтобы противник бежал прежде, нежели войска сомкнут кольцо, — дело военачальника. Вступать же строем в бой и побеждать противника — дело простых людей. Воспользоваться заслуженной ими наградой и забрать положенные им титулы и жалованье — дело несправедливое и недостойное; поэтому отказываюсь и не принимаю.

Лао-цзы говорит: «Свершает подвиг и не заботится о славе; именно потому, что не заботится, слава не оставляет его».

Цзиньский Вэнь-гун напал на Юань. Для взятия его назначил трехдневный срок. Когда через три дня город еще не пал, приказал отвести войска. Дафу, увещевая, сказали:

— Еще день-два, и Юань будет повержен.

— Когда я назначал трехдневный срок,— отвечал Вэнь-гун,— я был уверен, что этого достаточно для взятия города. Но теперь, когда срок истек, не отвести войска — значит подорвать к себе доверие. Стоит ли того Юань?

Жители города, узнав об этом, сказали:

— Такому государю можно сдаться.

И сдались. Город Вэнь также попросил взять его под свою руку.

Лао-цзы говорит: «Прекрасные речи могут произвести впечатление, прекрасные же деяния поистине возвышают».

Первый министр царства Лу — Гунъи Сю, любил рыбу. Одно из царств поднесло ему рыбу, но он отказался принять. Ученики спросили:

— Учитель так любит рыбу, почему же не принял?

— Вот потому что люблю, и не принял,— отвечал Гунъи Сю.— Примешь — лишишься должности и вовсе останешься без рыбы. А если не примешь, то и должности не потеряешь, и рыбу всегда будешь иметь.

Это мудрость человека, знающего свою пользу.

Лао-цзы говорит: «Знай меру и не испытаешь позора».

Чуский полководец Цзы Фа любил отыскивать людей, сведущих в каком-либо искусстве. В Чу был один искусный вор. Прийдя к Цзы Фа, он сказал:

— Я слышал, господин ищет людей, сведущих в каком-либо искусстве. Я — рыночный вор. Хотел бы пополнить ряды ваших умельцев.

Услышав его слова, Цзы Фа, не подпоясав платья и не поправив шапку, поспешно вышел и встретил гостя согласно ритуалу.

— Вор — разбойник Поднебесной, к чему с ним разводить церемонии? — заметили его люди.

— Не ваше дело,— отвечал Цзы Фа.

Через некоторое время цисцы напали на Чу. Цзы Фа трижды выставлял против них войска, и трижды войска отступали. Вскоре лучшие люди в Чу исчерпали все планы обороны, а циские войска все наседали. Тогда перед Цзы Фа предстал рыночный вор и сказал:

— Искусство мое невелико, но я хотел бы употребить его для господина.

Цзы Фа ни о чем не спросил его и отпустил. Между тем вор снял с шатра полководца Ци полог и принес его Цзы

Фа. Цзы Фа приказал вернуть полог противнику со словами: «Солдат вышел за хворостом, а принес полог от шатра полководца. Отдайте распорядителю».

На следующее утро вор уже принес изголовье полководца. Цзы Фа опять послал человека вернуть его. Тогда вор принес булавку от головного убора военачальника. И вновь Цзы Фа велел вернуть украденное. Узнав об этом, цинские воины всполошились, а военачальник стал держать с чиновниками совет:

— Если нынче не уйдем — боюсь, унесут и мою голову.

И они отступили и отвели войска. Поэтому и говорится: правителю могут быть полезны и те, кто обладает небольшими талантами.

...
Циньский Му-гун поднял войска, собираясь напасть на Чжэн.

— Нельзя на них нападать, — сказал Цзянь Шу. — Я слышал, нападать можно на царство, отстоящее не более чем на сто ли — если ехать на повозках, и не более чем на тридцать ли — если идти пешком, дабы весть о походе не успела разнестись, латы не износились, оружие не притупилось, провиант не истощился, а люди не заболели и не разбежались. Ты же отправляешься в поход на тысячи ли и еще должен не раз пересечь земли чжухоу. Подумай, государь.

Му-гун не послушался, и Цзянь Шу провожал войска в траурном одеянии и с плачем. Когда, пройдя Чжоу, войска Му-гуна повернули на восток, чжэнский купец Сянь Гао преподнес им двенадцать волов. Военачальники встревожились:

— Мы прошли много тысяч ли, чтобы напасть на них, и еще не дошли, а они уже знают о нашем походе. Наверняка заранее приготовились — как теперь наносить удар? Лучше уж повернуть войска.

В это время как раз умер циньский Вэнь-гун, и Сянь Чжэн, с согласия Сян-гуна, поднял войска и, наголову разбив цинцев в сражении при Яо, взял в плен трех военачальников.

Вот почему Лао-цзы говорит: «Знать и думать, что не знаешь, — высшее; не знать, а думать, что знаешь, — ошибка».

...
Цзи Фуцзы правил в Даньфу уже три года, когда У Маци в простой одежде под видом простолюдина отправился посмотреть на его преобразования. Как-то ночью

он увидел, что рыбак поймал рыбу и отпустил ее. У Маци спросил:

— Рыбак должен ловить рыбу — зачем же ты ее отпустил?

— Цзи Фуцзы запрещает ловить маленькую рыбу, вот я ее и отпустил.

Вернувшись домой, У Маци доложил Конфуцию:

— Цзи Фуцзы обладает великой силой! Даже ночью его люди ведут себя так, словно им грозит суровая казнь. Как ему удалось достичь этого?

— Мне случалось спрашивать его об искусстве управления, — отвечал Конфуций, — и он говорил: «Предостерегай одних и наказывай других». Возможно, в этом все дело.

Поэтому Лао-цзы говорит: «Откажись от одного — возьми другое».

Полутень спросила у Тени:

— Белый свет — это божественный свет?

— Нет, — отвечала Тень.

— Откуда ты знаешь?

— Смена дня и ночи происходит на Фусане, — отвечала Тень. — Солнце освещает космос, лучи белого света заливают пространство меж четырех морей; но закрой дверь, прикрой окно — и они не проникнут. Божественный же свет льется со всех четырех сторон одновременно, и нет места, которого бы он не достигал: вверху граничит с небом, внизу доходит до земли. Поднимешь ли голову, опустишь ли — он везде. Разве это доступно белому свету?!

Поэтому Лао-цзы говорит: «Самое нежное в Поднебесной побеждает самое крепкое».

Бай-гун Шэн замыслил смуту, распустил двор, встал на престол. Однажды, нечаянно повернув к себе острием палку, которой пришпоривают лошадей, поранил щеку. Кровь стекала на пол, а он не замечал.

Отсюда видно, что если дух устремлен вовне и мысли клубятся внутри, то нельзя не утратить контроль над телом. Когда дух занят далеким — упускается близкое.

Поэтому Лао-цзы говорит: «Чтобы знать Поднебесную, не надо выходить со двора; чтобы видеть небесное дао — не надо выглядывать из окна; чем дальше идешь, тем меньше знаешь».

Завладев Поднебесной, циньский Хуан-ди боялся ее не удержать. Он создал пограничные гарнизоны, построил

Великую стену, привел в порядок заставы и мосты, установил преграды и заграждения, завел почтовые станции, поставил пограничные посты, — но род Лю забрал все это с легкостью, с какой поворачивают ключ в замке.

Некогда У-ван пошел походом на Чжоу и разбил его при Муе. После этого насыпал могильный холм над могилой Би Ганя, восстановил селение Шан Юна, взял под защиту людей Цзи-цзы, стал вести царские приемы в храме Чэн Тана, открыл склады с зерном у моста Цзюй, раздал богатства башни Лутай, разбил барабаны, поломал барабанные палочки, расслабил луки, порвал тетиву. Покинул дом, ночевал в поле. Снял меч и повесил на пояс дощечку для письма — чтобы показать, что нет у него врагов и что он ищет мира. Тогда Поднебесная возликовала и воспела его, ко двору явились с данью чжухоу, и его потомки удерживали власть в течение тридцати четырех поколений.

Лао-цзы говорит: «Кто умеет закрывать — и без замка закрывает так, что не открыть; кто умеет завязывать узел — и без веревки завязывает так, что не развязать».

Некий Цы Фэй из Цзин добыл драгоценный меч в Ганьсуре и, возвращаясь домой, переправлялся через реку. Когда лодка достигла середины течения, Ян-хоу поднял волны и два водяных дракона закружили лодку.

— Случалось ли раньше кому-нибудь остаться при этом в живых? — спросил лодочника Цы Фэй.

— Никогда не слышал, — отвечал лодочник.

Тогда Цы Фэй, сощури в ярости глаза, взмахнул рукавами и выхватил меч.

— Воину пристало рассуждать о ритуале и добродетели, а не грабить и отнимать. Бросай меч, речная падаль! Не жди пощады от меня!

С этими словами он прыгнул в воду, пронзил мечом драконов и отрубил им головы. Ветер и волны успокоились, все, кто был в лодке, остались живы.

За этот подвиг цзинцы пожаловали ему титул «державший нефритовый жезл».

Поэтому Лао-цзы говорит: «Тот, кто не цепляется за жизнь, мудрее ценящего свою жизнь».

Цисец Чуньюй Кунь обсудил с вэйским ваном план действий, и ван одобрил его. Снарядили десять колесниц, с которыми Чуньюй Кунь должен был отправиться в Цзин. Он простился и уже собрался в путь, как нашелся кто-то, кто посчитал его план ненадежным и так же красноречиво

выступил с другим планом. Тогда вэйский ван отставил поездку Чуньюй Куня, а его самого отдалил. В результате ван отказался от одного плана, но ничего не достиг и с помощью другого. Так и должно было быть.

В словах есть корень, в делах — основа. Будь сколь угодно разнообразны умения и способности, они не стоят ничего, если не знать, в чем корень.

Поэтому Шэнь-цзы говорит: «Плотник, который делает дверь, еще не знает, что такое дверь. Чтобы узнать это, надо ее закрыть».

Среди моистов был некий Тянь Цзю. Он стремился попасть на аудиенцию к циньскому вану. Снарядил колесницы, приехал в Цинь и остался там жить. Но в течение целого года не мог добиться встречи с ваном. Нашелся некий гость, который рассказал об этой истории чускому вану, и тот пригласил Тянь Цзю к себе. Благосклонно принял, вручил ему верительную дщицу полководца и отправил с нею в Цинь. Циньский ван принял его и был с ним приветлив. Выйдя с царского двора, Тянь Цзю сказал своим людям:

— Три года я прожил в Цинь, но так и не удостоился приема, и не знал, что путь к этому лежит через Чу.

Среди вещей поистине есть такие, которые кажутся близкими, а далеки, кажутся далекими — а близки.

Некогда джаоский Вэнь-цзы спросил у Шу Сяна:

— Из шести цзиньских полководцев кто погибнет первым?

— Чжунхан и Чжи.

— Почему?

— Потому что мелочную придирчивость они считают требовательностью, нажим — умелым руководством, жестокость — проявлением преданности, множество планов — заслугой. Это все равно что тянуть кожу — тянуть-ся-то она тянется, да скоро лопнет.

Лао-цзы говорит: «Когда правление великодушно — народ прост; когда правление докучливо — народ изворотлив».

Цзин-гун спросил своего Главного гадателя:

— Что может твое искусство?

— Может поколебать землю.

Потом к гуноу пришел на аудиенцию Янь-цзы, и гун ему сказал:

— Я спросил Главного гадателя, что может его искусство, он ответил, что оно способно поколебать землю. Может земля поколебаться?

В Янь-цзы промолчал, ничего не ответил. Выйдя от гуна, он прошел к Главному гадателю:

— Ночью я видел,— сказал он,— что звезда Крюк заняла положение между созвездиями Покои и Сердце. Это поколеблет землю?

— Да,— ответил гадатель.

Янь-цзы ушел, а гадатель направился к гуно.

— Я не могу поколебать землю,— сказал он гуно,— но земля непременно поколеблется.

Тянь Цзыян, услышав эту историю, сказал:

— Янь-цзы потому промолчал и не отвечал, что не хотел смерти Главного гадателя; а пошел к нему потому, что не желал, чтобы гун был обманут. Янь-цзы можно назвать преданным высшим и милостивым к низшим.

Лао-цзы говорит: «Острый, а не колет; имеет углы, а не ранит».

Вэйский Вэнь-хоу угощал дафу в Цюйяне. Порядочно опьянели, и Вэнь-хоу, вздохнув, сказал:

— Разве только у меня нет в слугах Юй Жана?!

Цзянь Чжун, подняв чашу и передавая ее Вэнь-хоу, воскликнул:

— Штрафная, государь!

— За что?

— Я слышал, что счастливые родители не ценят почтительного сына, а праведный правитель — верного слугу. Разве не таков был господин Юй Жана?

Вэнь-хоу принял кубок и осушил его, не передавая дальше.

— Не стало таких слуг, как Гуань Чжун и Баошу Я, потому и Юй Жан уже славен.

Лао-цзы говорит: «Когда государство в смуте, появляются верные слуги».

Осматривая храм Хуань-гуна, Конфуций заинтересовался сосудом, который назывался юджи.

— Как хорошо, что мне довелось увидеть этот сосуд! — воскликнул Конфуций. И, обернувшись к ученикам, добавил: — Принесите воды.

Когда сосуд наполнили до половины — он стоял прямо, когда же налили доверху — перевернулся.

— Прекрасно! Да ведь он держит полноту! — изумленно воскликнул Конфуций.

Стоявший рядом Цзыгун спросил его:

— Позвольте узнать — что значит «держит полноту»?

— Прибавь — и нанесешь ущерб.

— Что значит — «прибавь — и нанесешь ущерб»?

— Упадок начинается с расцвета, высшее наслаждение переходит в скорбь, солнце в зените — значит, начинает садиться, полнолуние ведет к ущербу. Поэтому мудрость сохраняется глупостью, образование и красноречие — невежеством, сила и мужество — страхом, богатство и преуспеяние — экономией, благодеяния и раздачи — воздержанием от них. Благодаря этим пяти вещам прежние ваны хранили Поднебесную и не утрачивали ее; пренебрежение же ими ведет к краху.

Поэтому Лао-цзы говорит: «Верные этому пути избегают полноты; ведь изнашиваться, не превращаясь в нечто новое, может только неполный».

ИЗ ГЛАВЫ «ДЕЛА ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ»

Сила мысли — вот что заставляет человека высоко ставить свое достоинство и воздавать себе хвалу; но мысль же виновна в том, что человек унижается и клеветает на себя.

Слово, слетевшее с уст, не поймать; дело трудно завершить, но легко проиграть; славу трудно добыть, но легко потерять. Тысячемильная плотина истачивается муравьями; дом высотой в сто суней сгорает из-за щели в дымоходе.

Люди пренебрегают мелочами, а потом раскаиваются. Беда приходит — и только тогда задумываются. Словом, ищут хорошего лекаря, когда болезнь уже приняла опасный поворот. И тут хоть обладай искусством Бянь Цюэ и Юй Фу — мертвого не оживить. Пришло несчастье — человек сам его породил, пришло счастье — человек сам его вырастил. У несчастья и счастья одни двери, польза и вред — соседи.

Вот почему, берясь за дело, заранее все изучи, проверь, оцени, а уж потом принимай решение. А принесет оно пользу или вред — зависеть будет от твоего ума или глупости. Ум же — это понимание естественного хода вещей. Если бы все знали, в чем истина — дела шли бы как по маслу и не заходила бы в тупик Поднебесная.

Ныне же Поднебесную подтачивают три зла: порочные — пользуются большими милостями; малоталантливые занимают высокое положение; не имеющие заслуг — получают щедрое жалованье.

Бывает так, что убыток оборачивается прибылью, а прибыль — убытком.

Некогда чуский Чжуан-ван одержал в Хэюне победу над Цзинь. Возвратившись из похода, он пожаловал Суньшу Ао надел, но тот отказался его принять. Уже будучи при смерти, Суньшу Ао сказал своему сыну:

— Как только умру, ван непременно пожалует тебе надел. Не бери жирные и плодородные земли, а бери каменные и песчаные. Вот холмы Юцинь: земля там бесплодная, известна как дурное место. Она никому не нужна.

Суньшу Ао умер, и ван действительно хотел пожаловать его сыну жирные и плодородные земли. Однако тот отказался их принять и попросил юциньские холмы. По обычаю, в царстве Чу всякому, кто имел заслуги в двух поколениях, давали жалованье и надел. И только один Суньшу Ао сумел сохранить и то и другое. Вот случай, когда убыток оборачивается прибылью.

Что же тогда называется «получить прибыль, а на самом деле потерпеть ущерб»?

Некогда цзиньский Ли-гун ходил походом на юг — на Чу, на восток — на Ци, на запад — на Цинь, на север — на Янь. Его войска бесчинствовали по всей Поднебесной и все склоняли пред ним головы. Самодовольный и исполненный гордыни, Ли-гун стал без меры предаваться излишествам, разбойничать и истязать простой народ, казнить старших чиновников и приближать к себе льстецов. Чжухоу отказались его поддерживать, и не было у него верных слуг, могущих помочь ему советом. И вот на следующий год он отправился во владения Цзянли, где был схвачен Луан Шу и Чжунхан Янем и заточен в тюрьму. Среди чжухоу не нашлось никого, кто выручил бы его, а среди простого народа — кто оплакал бы. Через три луны он умер.

Военные победы, трофеи, расширение земель, почетное имя — все это прельщает людей в Поднебесной. Когда же все это кончается не только собственной гибелью, но и гибелью государства, — то это называется «приобретя — потерять». Так, Суньшу Ао, взяв каменные земли юциньских холмов, сохранял их в течение многих поколений. Цзиньский же Ли-гун созвал чжухоу в Цзялине — а в результате погиб во владениях Цзянли.

Простолюдины знают, что выгода — это выгода, а ущерб — это ущерб, и только мудрецу ведомо, когда

ущерб обращается в выгоду, а выгода — в ущерб. У дважды плодоносящего дерева непременно поранены корни; в семье, извлекающей сокровища из могилы, непременно кто-нибудь погибнет. Иной раз кажется, речь идет о большой выгоде — оборачивается же она вредом.

Чжан У подстрекал Чжи-бо отнять земли Хань и Вэй — в результате Чжи-бо был схвачен в Цзиньяне. Чуский Чжуан-ван по наущению Шэньшу Ши дал надел потомкам рода Чэнь — и стал баваном в Поднебесной.

Хочешь принести пользу — она оборачивается вредом; хочешь нанести вред — он оборачивается пользой. Поистине: переходы пользы и вреда, границы счастья и несчастья неуловимы.

Ян Ху поднял мятеж в Лу. Луский правитель велел закрыть городские ворота, пообещав тому, кто схватит Ян Ху, щедрую награду, а тому, кто упустит — жестокое наказание. Окруженный тройным кольцом, Ян Ху уже поднял меч, собираясь заколоться, как вдруг стражник у городских ворот остановил его:

— Поднебесная велика! Я выпущу тебя!

Тогда Ян Ху бросился на окружение и, прокладывая себе дорогу мечом, скрылся. Стражник выпустил его из ворот, но вдруг тот вернулся и, притянув стражника за рукав, ранил его подмышку. В гневе стражник воскликнул:

— За что ты ранишь меня?! Разве не я, рискуя жизнью, помог тебе освободиться от врагов?!

Услышав, что Ян Ху скрылся, луский правитель пришел в великий гнев и велел схватить стражника, подумав, что если он ранен, то получит награду, а если нет — то подвергнется тяжкому наказанию.

Это и называется нанести вред, а извлечь пользу.

Что же тогда называется «хотеть принести пользу, а нанести вред»?

Чуский Гун-ван имел сражение с цзиньцами в Яньлине. В разгар битвы он был ранен и остановил бой. Сыма Цзыфань, мучимый жаждой, попросил пить. Мальчик-слуга Ян Гу поднес ему вина. Отведав сладость вина, Цзыфань уже не мог оторваться от ковша и, в конце концов опьянев, заснул. Между тем Гун-ван решил продолжить бой и послал за Сыма Цзыфанем. Тот же отказался, сославшись на боль в сердце. Тогда ван поехал взглянуть на него, вошел в шатер, почуял запах вина и пришел в великий гнев:

— В нынешней битве я, несчастный, ранен. Единствен-

ная опора — Сыма, а Сыма — вот каков! Гибнут чуские алтари, и не с кем мне, несчастному, продолжить бой.

И, отведя войска, он казнил Сыма Цзыфаня как потерявшего честь.

Итак, поднося вино, Ян Гу вовсе не хотел навлечь на Цзыфаня несчастье — он искренне любил его и хотел доставить ему удовольствие, однако привел только к гибели. Это и называется «хотеть принести пользу, а нанести вред».

Больной ревматизмом старается больше есть, а страдающий лихорадкой — пить холодное. Простолудин считает это здоровым, а хороший врач — вредным. Глупец думает — все полезно, что радует глаз и сердце; мудрец же избегает этого. Мудрец сначала противится, а потом соглашается, толпа же сначала соглашается, а потом противится. Всяк стремится к заслугам, и все страшатся наказаний. Но бывает, имеющий заслуги навлекает на себя подозрение, а свершивший преступление вызывает к себе доверие. Порою тот, кто имеет заслуги, забывает об отеческой любви и долге, а тот, кто свершит преступление, остается верен чувству милосердия.

Когда вэйский полководец Юэ Ян атаковал Чжуншань, сын его был в плену у чжуншаньцев и находился внутри города. Враги подвесили его так, чтобы он был виден Юэ Яну.

— Долг слуги — прежде отцовского долга! — вскричал Юэ Ян и еще ожесточеннее атаковал Чжуншань.

Тогда чжуншаньцы отрубили его сыну голову и послали ее Юэ Яну. Идя за послом, несшим голову, Юэ Ян, плача, восклицал:

— Это мой сын!

Вернувшись в Чжуншань, посол доложил:

— Этот человек умрет, исполняя долг. Его не разжалобить!

И чжуншаньцы сдались. Благодаря Юэ Яну вэйский Вэнь-хоу расширил земли, однако стал с этого времени меньше доверять ему. Это и называется «иметь заслуги, а быть на подозрении».

Что же тогда называется «совершить проступок и тем усилить к себе доверие»?

Мэнсунь на охоте добыл олененка и велел Цинь Сиба приготовить его к обеду. Цинь Сиба направился домой, а мать олененка шла следом и плакала. Не в силах этого

вынести, Цинь Сиба отдал ей малыша. Вернувшийся с охоты Мэньсунь потребовал оленины.

— Его мать шла следом и плакала,— ответил Цинь Сиба.— Я не мог вынести этого и отдал ей его.

Мэньсунь разгневался и прогнал Цинь Сиба со службы; однако через год он взял его наставником для сына.

— Цинь Сиба виновен перед вами, вы же делаете его наставником сына! — сказали приближенные.

— Если уж он пожалел олененка,— отвечал Мэньсунь,— то что тогда говорить о людях?!

Это и называется «совершить проступок и тем усилить к себе доверие». Вот почему, делая что-либо, нужно быть осмотрительным.

Так, Гунсунь Ян был обвинен Цинями в преступлении и не смог войти в Вэй. И хоть заслуги его были немалы, недолжный поступок стал причиной того, что в трудный момент ему некуда было поставить ногу.

Случается, захватишь что-либо, а на поверку окажется — отдал, или отдал что-либо, а потом окажется — получил.

Чжи-бо потребовал земли у вэйского Сюань-цзы; тот не хотел отдавать. Тогда Жэнь Дэн сказал:

— Могущество Чжи-бо наводит трепет на всю Поднебесную. Если не отдадим земли, которые он требует, — навлечем на чжухо несчастье.

— А если он возьмет земли и не успокоится, тогда как? — возразил Сюань-цзы.

— Отдадим ему земли,— продолжал Жэнь Дэн,— он на радостях вновь потребует. Тогда вся Поднебесная объединится и разработает план. И то, что мы получим от этого единства, намного превзойдет то, что мы сейчас потеряем.

И вэйский Сюань-цзы отрезал земли и отдал Чжи-бо. Чжи-бо тотчас потребовал земель от ханьского Кан-цзы, и тот не посмел не дать. И вновь потребовал земель Чжи-бо — теперь от чжаоского Сян-цзы; но Сян-цзы не дал. Чжи-бо повел на него войска и, взяв с собою войска Хань и Вэй, окружил Сян-цзы в Цзиньяне. И тогда Хань, Вэй и Чжао сговорились, схватили Чжи-бо, а земли его поделили между собой.

Это и называется «захватить, а самому оказаться захваченным». А что тогда называется «отдать, а на самом деле взять»?

Желая попросить проезда у Юй, чтобы напасть на Го, цзиньский Сянь-гун послал в подарок юйскому гуну диск

из нефрита Чуйцзи и упряжку, запряженную цюйчаньскими конями. Юйский гун соблазнился подарками и решил дать им дорогу. Гун Чжици, увещевая его, сказал:

— Их нельзя пропускать. Ведь Юй и Го — что повозка и колеса: колеса поддерживают повозку, повозка опирается на колеса. Сила Юй и Го — во взаимной поддержке. Если дать цзиньцам дорогу, Го погибнет утром, а Юй вечером.

Юйский гун не послушался увещеваний и дал дорогу. Сюнь Си повел войска на Го и покорил его, а на обратном пути напал на Юй и взял его.

Это и называется «отдать, а на самом деле взять».

Горы достигают высоты — и поднимаются облака; воды достигают глубины — и рождается водяной дракон; благородный муж достигает пути — и к нему приходят счастье и почет. Кто не ищет благодарности за благодеяния — обязательно бывает награжден; кто живет, не требуя признания своей праведности, обязательно будет прославлен.

В древности канав не прорывали, дамб не строили, и воды наносили людям вред. Юй прорыл Драконовы ворота, вскрыл Ицюэ, выровнял землю, упорядочил воды, и люди стали жить на суше. Родственных чувств простой народ не знал, пять норм отношений не соблюдал. Ци научил порядку отношений между господином и слугой, между отцом и сыном, между мужем и женой, между старшими и младшими. Поля еще не возделывались, пищи людям не хватало. Тогда Хоуцзи научил людей расчищать земли, поднимать новь, унавоживать почву, сеять зерно. И то, что после трех владык — Юя, Ци, Хоуцзи — ничего не осталось неупорядоченным — следствие бескорыстия их благой деятельности. Когда же Чжоу ослабели, ритуал и нормы отношений пришли в упадок, тогда Конфуций стал проповедовать миру путь Трех владык. И то, что их потомки до сих пор преемствуют друг другу, — результат его подвижнического труда.

Циньский царь поглотил Поднебесную и потерял ее, Чжи-бо завоевал чужие земли и тоже погиб, Шан Ян был четвертован, Ли Сы разорван колесницами. Три династии правили, возвращая добро, а циский Хуань-гун прервал род и стал баваном. Но посеявший просо — не пожнет гаоляна, посеявший ненависть — не пожнет добра.

В семье одного сунца, известного в течение трех поколений своим добролюбием, без всякой на то причины

родился белый теленок от черной коровы. Сунец обратился к гадалею.

— Это к счастью,— сказал гадалец.— Принесите теленка в жертву духам.

Прошел год, и его отец ослеп, а корова снова родила белого теленка. Тогда отец стал посылать сына к гадалею, но сын возразил:

— Мы прежде послушались его, и ты ослеп. Зачем же снова посылать за ним?!

Но отец настаивал:

— Словам мудрецов сначала противятся, а потом с ними соглашаются. Дело еще не кончено. Пойди и снова спроси — что бы это значило.

— Это к счастью,— сказал гадалец.— Принесите еще раз жертву духам.

Сын вернулся домой и передал слова гадалея отцу.

— Поступай как сказал учитель,— ответил отец.

Через год внезапно ослеп и сын. А после этого Чу напало на Сун и окружило город. Все молодые и сильные погибли, а старые, больные и дети были на стенах, крепко держали оборону и не сдавались. Когда город пал, чуский ван в сильном гневе велел перебить всех его защитников. И спаслись только отец и сын: из-за слепоты они не были на стенах. Когда осада была снята и войска распущены, они оба прозрели.

Так, сменяя друг друга, счастье и несчастье вращаются по кругу, и трудно уловить их переходы.

У одного добродетельного человека из пограничной полосы вдруг пропала лошадь. Все стали выражать ему сочувствие. А его отец сказал:

— Как знать — не обернется ли это счастьем?

Через несколько лун лошадь пришла, приведя с собою хусского рысака. Люди наперебой поздравляли этого человека, а его отец сказал:

— Как знать — не обернется ли это несчастьем?

Дом был богатый, кони хорошие, сын любил скакать верхом, и вот однажды упал и сломал себе бедро. Все выражали ему соболезнование, а отец сказал:

— Как знать — не обернется ли это счастьем?

Прошел год, хусцы глубоко вторглись в пределы пограничной полосы. Молодые и сильные взяли луки и устремились в бой. Из каждых десяти погибло девять. И только этот человек по причине хромоты остался жив. Так счастье оборачивается несчастьем, а несчастье — счастьем.

А как бывает, когда прямыми речами нельзя помочь делу? Собравшись строить дом, Гао Янтуй спросил совета у плотника.

— Рано, — отвечал тот, — дерево еще живое, насыпешь на него земли — оно обязательно прогнется. Если на сырой материал навалить тяжелую землю, он когда-нибудь обрушится.

— Нет, — возразил Гао Янтуй, — когда дерево сохнет, оно становится прочнее, когда глина подсыхает, она становится легче. У нас же легкая глина окажется над крепким деревом. Поначалу будет вроде и плохо, зато потом хорошо.

Исчерпав все доводы, плотник выстроил дом, как приказал Гао Янтуй, и дом вскоре обрушился. Это и называется «слова прямы, но бесполезны».

А как бывает, когда совершил преступление, а достоин награды? Или имеешь заслуги, а достоин наказания?

Симэнь Бао правил в Е. В амбарах не имел запасов зерна, в казне — денег, в арсеналах — оружия, чиновников не собирал для отчета. Люди жаловались на него Вэнь-хоу. В конце концов Вэнь-хоу сам поехал к нему в уезд — все оказалось так, как говорили люди. Тогда Вэнь-хоу сказал Симэнь Бао:

— Ди Хуан поручился за тебя, а ты, управляя Е, все развалил. Есть что сказать — говори, а нет — велю тебя казнить.

— Я слышал, — отвечал Симэнь Бао, — что для вана главное — рост населения, для бавана главное — рост вооружения, а в гибнущем царстве главное — богатые арсеналы. Ныне ван желает стать баваном, поэтому я и стремлюсь к тому, чтобы у народа был запас продовольствия. Прошу разрешить подняться на стены и ударить в барабан. Латы, оружие, зерно, рис — все немедленно будет здесь.

Симэнь Бао поднялся на стены и ударил в барабан. При первом же ударе люди надели латы и, взяв кинжалы и самострелы, вышли из домов. При следующем ударе барабана они уже прибыли, ведя за собой волов, груженных зерном.

Симэнь Бао продолжал:

— У меня с народом уговор: не иметь в государственных амбарах запаса зерна ни на день. Раз обманешь — потом уж не поверят. Янь постоянно вторгается в города Вэй. Прошу позволить атаковать Янь — с тем, чтобы вернуть отторгнутые земли.

Получив дозволение, он атаковал на севере Янь и, подняв войска, вернул захваченные земли.

Это и называется «свершить преступление, а быть достойным награды».

Будучи правителем Восточного надела, Цзе Бянь подал доклад, в котором говорилось, как можно поднять доход государства в три раза. Имеющий отношение к этим делам чиновник просил наградить Цзе Бяня. Но Вэнь-хоу сказал:

— Земли мои не расширяются, население не множится — как же поднять доход государства?

— Зимой,— отвечал Цзе Бянь,— можно заготавливать лес, а весной — сплавливать его по реке и продавать.

Вэнь-хоу возразил:

— Весной народ все силы отдает пахоте, летом — прополке, осенью — жатве, зимой же у него дел нет. Заготавливать зимой лес — означает использовать народ, не давая ему отдыха. Люди надорвутся, и, хотя доход и будет увеличен в три раза — зачем он будет нужен тогда?

Это и называется «иметь заслуги, а быть достойным наказания».

Мудрый правитель не прельщается неправым приобретением, преданный слуга не ищет неправой выгоды. Добродетельный не ранит жизнь страстями, знающий не жертвует долгом ради выгоды. Мысли мудреца простираются далеко, а мысли глупца — коротки.

Преданный слуга стремится возвысить добродетели своего господина, а лицемерный — расширить его земли. Достигший вершин славы — погибает, исчерпавший человеческие возможности — терпит поражение.

ИЗ „БАО ПУ-ЦЗЫ”

Книга «Бао Пу-цзы» — «Учитель, объявший Безыскусное» — принадлежит кисти Гэ Хуна (ок. 250—330 гг.), одного из поздних классиков даосизма, оказавшего немалое влияние на развитие учения даосов не только в Китае, но и в сопредельных странах. Гэ Хун жил в смутное время Шести династий, когда Китай страдал от бесконечных междоусобных войн, заговоров и мятежей, от страшных нашествий кочевников. Он родился в эпоху Троецарствия и умер при династии Цзинь (265—420 гг.), на сравнительно недолгий срок объединившей страну перед тем, как произошло великое переселение народов и весь север Китая был завоеван кочевниками.

Гэ Хун происходил из старинного знатного рода, но когда тринадцать лет он лишился отца, бедность стала уделом его семьи. В своем послесловии к «Бао Пу-цзы» автор пишет о лишениях юности, может быть несколько преувеличивая их: мы узнаем, что ему приходилось страдать от голода и холода, самому пахать землю, вставать при звездах, писать при лучине, рубить и продавать дрова, чтобы купить бумагу и кисти. Да еще бесконечные нашествия солдат, грабивших жителей и сжигавших их дома, утрата драгоценного семейного наследия — старинных книг... С большими трудами и не сразу удалось будущему мыслителю овладеть необходимой книжной премудростью. Правда, уже в юные годы мысль Гэ Хуна шла не только проторенными путями конфуцианской учености, но — не без влияния семейных традиций — пыталась проникнуть и в тайные знания даосов. В его труде мы найдем упоминание о почти трехстах даосских книгах: большинство их ныне нам не известно, да и тогда имело скрытое хождение, попадая только в руки избранных.

«Я в молодости любил искусство магии и предпринял путешествие, чтобы спрашивать об учении у знающих людей и учиться у них, — пишет Гэ Хун. — Я не боялся больших расстояний и всякий раз бывал рад, когда слышал нечто необычное. Хотя порой я встречал насмешки и хулу, они меня не огорчали. Я знал, что будущее не сравнится с нынешним днем.

Поэтому я написал это сочинение, чтобы открыть то, что знаю... Я хочу, чтобы этот труд стал известен потомкам, и верю, что он в конце концов распространится по свету». Однако он считал, что истинное знание доступно не каждому. «Ведь даже расцвет Ян не может заставить цвести прах и гниль. Даже наивысшая мудрость не сможет исправить низких и глупых. Книги передаются лишь понимающими, дела ценятся только знающими. А простой крестьянин будет алым ритуальным луком прогонять птиц с полей, южные варвары станут в ритуальном облачении собирать хворост», — эти вещи не для них.

Гэ Хун интересовался так называемой внутренней алхимией, в процессе которой многократно проходящий по каналам человеческого тела жизненный эфир в конце концов претерпевает нужные превращения и сообщает телу бессмертие. Но, подобно другим средневековым алхимикам, всему прочему он предпочитал трансмутации золота и ртути, видя в них высший путь обретения бессмертия. Причем все это не обходилось без «призывания духов Неба и демонов Земли» — китайская алхимия сохраняла все атрибуты «тайных наук». Легенды утверждают, что Гэ Хуну не удалось вознестись на небеса, однако, благодаря приобретенному искусству, смерти он избежал. Все это, естественно, относится уже к области народной фантазии. Нам же он интересен тем, что оставил огромное философско-литературное наследие, не полностью сохранившееся, но сконцентрировавшее в себе богатейшую даосскую философию своего времени. О многом мы никогда не узнали бы, не будь Гэ Хун — например, о замечательном философе Бао Цзинъяне, о котором читатель прочтет в одной из «внешних», «профанических» глав «Бао Пу-цзы».

Трактат «Бао Пу-цзы» никогда не переводился у нас раньше, фрагменты, публикуемые в переводе Е. А. Торчинова, — это первая попытка заполнить пробел. А с увлекательными, мастерски написанными Гэ Хуном «Жизнеописаниями святых и бессмертных», в которых автор видит жизнь как постоянное чудо, читатель может познакомиться в сборнике «Пурпурная яшма» (М., Художественная литература, 1980, с. 87—132).

ИЗ ГЛАВЫ «ОПРОВЕРГАЮ БАО ЦЗИНЪЯНЯ»

Господин Бао, по имени Цзинъянь, любит сочинения Лао-цзы и Чжуан-цзы и весьма сведущ в искусстве красноречия. Он считает, что древние превосходили современных людей, так как у них не было государей. В его произведении мы читаем: «Конфуцианцы говорят: «Небо породило народ, а затем насадило государей». Державное Небо или же люди, заинтересованные в таком положении вещей, произносят подобного рода речи? Известно ведь: сильные подчиняют себе слабых — и слабые покоряются им, а мудрые обманывают глупых — и глупые служат им. Потому и возник путь государей и подданных и оказался управляемым лишенный мощи народ. Стало быть, господство и подчинение возникают из борьбы между могущественными и слабыми и из противостояния мудрых и глупых. И синее Небо не имеет к этому никакого отношения.

Если ободрать коричневое дерево и срезать кору с лакового, то это не пойдет им на пользу. Если вырвать перья у фазана и лишить зимородка его красоты, то это вряд ли будет приятно птицам. Природе лошади противно понуждение ее уздой и удилами, и ярмо, взваленное на буйвола, отнюдь не доставляет ему радости. Сила, противостоящая истине, порождает ложь. Подрывать корни жизни ради бесполезных украшений, отлавливать крылатые существа для изысканных забав, проделывать в носу животных искусственные отверстия и связывать ноги тварей, созданных Небом свободными, — разве это не противно природе и стремлениям всех существ? Простой народ работой своей и повинностями кормит чиновников, однако он голоден и нищ, а аристократия счастлива и сыта.

Когда в Поднебесной смута — появляются «гуманность и справедливость»; когда шесть родственников не пребывают в согласии — появляются «сыновняя почтительность и материнская любовь». Прежде, в древние времена, не было ни государей, ни подданных. Люди рыли колодцы и пили из них, возделывали поля и тем добывали себе пропитание; солнце вставало — шли работать, солнце садилось — отдыхали. Лишенные оков и оружия, они никого не боялись и не ведали ни славы, ни позора. В горах не было троп, в реках — лодок, потоки и долины были неизведаны, люди не объединялись и военных походов не замыслили.

Гнезда на деревьях не разорялись, глубокие водоемы не иссякали. Фениксы гнездились прямо во дворах людских жилищ. Драконы и цилини стаями бродили в садах и обитали в водоемах. На голодного тигра можно было наступить, ядовитую змею взять в руки. Когда люди переходили вброд реку, чайки даже не взлетали, а когда входили в леса, зайцы и лисы не пугались. Сила и выгода не применялись, городские стены не строились, мириады вещей покоились в сокровенном единении, и все пребывало в Дао-Пути. Моры и поветрия не распространялись, и люди доживали до преклонных лет. Они были чисты, и хитрость не рождалась в их сердцах. Они находили себе пропитание и жили в мире, насыщались и путешествовали. Их речи не были цветисты, поступки не были порочны. Разве можно было тогда отнять у народа его богатства или бесчинствовать, расставляя капканы и ловушки?

Когда эта эпоха пришла в упадок, появились знания и мудрость, прибегающие к искусным уловкам. Дао-Путь и Дэ-Благодать оказались отброшены, а почтение и презрение обрели свой порядок. Живущие в роскоши и избытке еще более возвысились, а неимущие потеряли и последнюю свою выгоду.

Появляются чиновничьи пояса, шапки и императорские ритуальные шелковые одежды для почитания Неба и Земли. Сооружаются дворцы, касающиеся небес, строятся здания с киноварно-красными и зелеными балками и перекладинами, стоящие в тени утунов и платанов. Богачи самозабвенно копят драгоценности и собирают извлекающийся из бездн морской пучины жемчуг. Что до яшмы, то ее у них так же много, как деревьев в лесу, но все мало, чтобы насытить их алчность; и горы собранного золота не в состоянии покрыть их мотовство. Пр

ваясь в опустошенных ими землях разврату и беззакониям, они восстают против Великого Начала. Умножая излишества, все дальше уходят от дней предков и отворачиваются от первозданной простоты.

Не возвышай они «мудрецов» — не восставал бы народ против «славы»; не накопи знать огромных богатств — не появились бы воры и разбойники. Ведь от одного взгляда на желанные вещи доброе сердце приходит в смятение, а когда душевные силы направлены на получение выгоды, человек вступает на стезю бесчинств и насилий. Создание изощенного оружия влечет новые войны и сражения. И вот уж все обеспокоены, что старые самострелы бессильны будут в битве, броня уступит в крепости, копья не принесут былой пользы, а щиты окажутся недостаточно прочными для оружия противника. Не будь бесчинств и насилий — не понадобилось бы оружие. Если белый нефрит не обработать — можно ли из него сделать скипетр? Если б не были отброшены Дао-Путь и Дэ-Благодать — могли бы появиться «гуманность и справедливость»?

С тех пор как разделился народ на государей и подданных, он все больше страдает от растущего зла и своеволия властей, пытающихся сломить его колодками и наручниками, хотя он и так томится и мучается в грязи и угольной пыли. Укрощать народ ритуалом, «исправлять» его казнями — все равно что выпустить на свободу половодье Небесного источника и, оказавшись на пути потока, всю мощь которого нельзя даже и представить, попытаться преградить ему путь горсточкой плодородной земли!»

Бао Пу-цзы отвечает на это: «Лишь только услышал я незрелые и темные речи его, как сразу же замыслил их опровергнуть.

Мутное и порочное опускается вниз, чистое и ясное — возвышается. Возвысившееся пребывает наверху — достаточно взглянуть на него, чтобы увидеть, как покрывает оно все куполом своим. Все прочее внизу: голову склони и увидишь, как покоится оно. Небо и Земля утвердились и, в отдалении, породили все сущее. Небо почитают, Землю презирают, и это отразилось в отношениях людских. Внизу, на Земле, оформились люди, возникли перправители и их верные помощники, наметился порядок деления на государей и подданных. Таким путем пришел конец череде злодейских убийств.

О В порядке определенном лето сменяет зиму, распределены все сущее по их непреложным местам. Мудрый ми-

нистр упорядочивает дела современников, умело назначает чиновников и распределяет должности. И таков порядок и в мире, и во вселенной. Установлены нормы знатности и ничтожества — люди ищут наград и страшатся наказаний. Силы людей равны — и, не страшась тирании, они вступают в соперничество друг с другом. Так появляются совершенномудрые, которые, следуя велению Неба, изобретают сети для охоты и рыбной ловли и орудия для добывания огня; испробовав разные растения, избирают зерновые для употребления в пищу и строят дома, чтоб было где укрыться; удаляясь от зла и радуясь успеху, готовят много разнообразных вещей и преподносят их людям. Народ ликует и чтит их, превозносит и преклоняется перед ними. Так и появляется на свет путь государей и путь подданных. Откуда же тогда взяться законопорядку, при котором обманывают глупых и притесняют слабых?

Три государя и пять царей, сменяя друг друга, установили порядок: поощряли одно и пресекали другое. Сочинялись дивные, просветленные песни, широко и величаво свершались изменения. Великой основой было благоденствие. Во времена семи правлений голоса птиц, звучащие в листве утунов, встречали солнечное утро, пробуждая спящих. Цилини были довольны, их души радостны, драконы и черепахи выплевывали водоросли на пологих речных берегах. Величавые старцы приумножали славу, продвигаясь по дороге, предуказанной Небом. Опасное оружие хранилось под замком, и царственный ветер веял над девятью областями. И произошло все это благодаря следованию ритуалу; государь был спокоен, радость царицы вокруг, а все наказания были оставлены.

И уж если мотовство, разврат и буйство коренятся в людях — то неужели же не коренится в них необходимость в государе? Лишь один господин Бао утверждает, что власть монарха возникла по вине пришедших в упадок поколений. Говоря так, он не вникает в смысл верховного правления. Ведь в отдаленной древности первозданная простота еще не претерпела изменений, народ был уважаем, и к детям относились как это должно по молодости их. Лукавые помыслы не появлялись, отцы ставились детям и внукам в пример, и мудрость не извращалась. О недолжном знали, но недолжного не совершали; умели и желать, и терпеть. Если же человек с человеком начнут бороться за право владения травой и сорняком, семья с семьей затеют тяжбу из-за земель с гнездами

и норами, а наверху не будет чиновника, выпрямляющего искривленное, тогда как внизу будут могущественные клики, — то их борьба между собой перейдет во всеобщую войну, люди заострят палки и камни, дабы могли они служить оружием в боях, поля же покроются рядами трупов, и кровь обagrит дороги. И если долго не будет государя, то погибнут и оставшиеся в живых.

Итак, почтенный господин, если бы неупорядоченный хаос был прекрасен, то Небо и Земля не смогли б разъединиться! Так неужели же творенье мира было заблуждением и мрак скрывается в сиянии небес?!

Древние при жизни не обитали в домах, а после смерти не покоились на кладбищах. Весел тогда не знали и по рекам не плавали, а на суше не использовались телеги, запряженные лошадьми. В те времена люди могли невзначай проглотить яд, этот огонь, сжигающий все внутренности, и погибнуть от него в жестоких муках. Болезни тогда не лечили — ведь искусство врачевания было неизвестно. Смерть от пустых причин была обыкновением и уносила бесчисленное множество жизней. В последующие эпохи совершенномудрые исправили это положение и передали плоды своей мудрости потомкам. И поныне люди ценят их несравненное милосердие и получают выгоду от искусных орудий, изобретенных ими.

Сейчас вы, почтеннейший господин, живы, и вас не гонят в презренные гнезда и норы, а умрете — и тело ваше не бросят среди поля. Ныне и воды умили, и по каналам можно путешествовать, и даже безбоязненно странствовать в горах с ношей, так как освоены и горы.

Пренебречь котлами — и питаться протухшим мясом; отказаться от иглоукалывания и лекарственных минералов — и страдать от посылаемых природой недугов; считать наготу украшением — и не носить одежду, встретить женщину — и вступить с ней в брак без посредничества свахи — все, к чему вы, почтенный господин, призываете, совершенно невозможно! И уж тем более нельзя обойтись без государя!

Если из-за желудей и камней люди спорят и борются между собой, то уж употребление в пищу лебеды и ботвы гороха способно породить насилия и грабежи. Такова природа желаний и страстей: в день, когда пробудился дух вождения и впервые возникло стремление к богатству, началась и череда убийств, насилий, жестоких злодейств. И происходит это, пока возлагают надежды лишь на одну природу естества. Так в чем же наилучший прин-

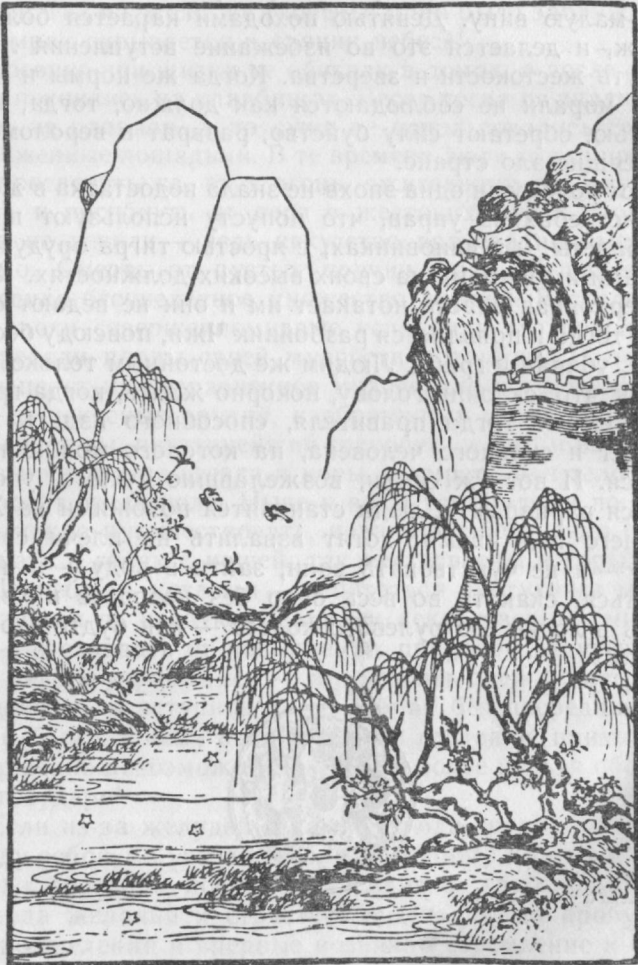
цип, вовсе исключаящий смуту? Когда царствует просвещенный монарх, весь народ соблюдает установления, до утра пребывает в покое, а перед рассветом вкушает свою пищу. Отбрасывает в сторону клевету и злословие и продвигается вперед, обретая заслуги. Несет ответственность за пополнение храмового имущества и внимает звукам народных песен, слагающихся в разных провинциях. Чистый ветер сметает грязь мерзости, утверждаются высокие устои, и смертью наказуются преступления даже за самую малую вину. Девятью походами карается большой мятеж, и делается это во избежание вступления людей на путь жестокости и зверства. Когда же нормы и принципы морали не соблюдаются как должно, тогда, к несчастью, обретают силу буйство, разврат и вероломство, наносящие зло стране.

Вот почему ни одна эпоха не знала недостатка в жестоких ястребах из управ, что попусту используют пращи и арбалеты, и в чиновниках, с яростью тигра орудующих палками и секирами на своих высоких должностях. Когда же верховная власть потакает им и они не ведают страха — тогда и появляется разбойник Чжи, повсюду бесчинствуя, убивая и грабя. Людям же достойным только и остается, что, склонив голову, покорно ждать, когда грянет беда. И нет тогда правителя, способного издать указ, как нет и сильного человека, на которого можно положиться. И вот уж семьи, возжелавшие чужого, уподобляются варварам, а люди становятся похожими на Хуэя, жившего под ивами: хотят взвалить на плечи свиную тушу — и не чувствовать вони, зайти в воду — и не замочиться, скакать во весь опор без поводьев и узды и плыть в лодке без рулевого колеса — как будто это возможно!»

ИЗ „ГУАНЬ ИНЬ-ЦЗЫ”

Книга «Гуань Инь-цзы» — «Учитель Инь с заставы» — названа по имени легендарного древнего мудреца Инь Си (или Гуань Инь-цзы) — того самого, что последним вел беседы с Лао-цзы, прежде чем патриарх даосизма покинул Срединные царства. Далеко продвинувшийся по пути духовного совершенствования, Инь Си якобы по колебанию эфира, по фиолетовой дымке определил приближение человека необыкновенного и оказал ему радушный прием, а после упросил написать «Даодэ-цзин», чтобы мудрость Лао-цзы не была утеряна для Китая безвозвратно. По одной версии, Инь Си последовал за Лао-цзы в его путешествии на запад; по другой — остался в Срединных царствах и имел учеников. Само существование книги «Гуань Инь-цзы», где собраны его изречения, предполагает именно второй вариант. Небольшая книжечка состоит из девяти глав с очень характерными названиями: «Столп», «Предел», «Талисман», «Зерцало», «Эликсир» и т. д. Древний библиограф Лю Сян в своем предисловии называет ее «тайной книгой», повествуя о том, как некогда она была захоронена вместе с другими драгоценными предметами при погребении первого министра древнего удела Цао, как затем некий маг преподнес ее увлекавшемуся даосизмом ханьскому императору У-ди и как она попала, наконец, в библиотеку князя Лю Аня — составителя философского компендиума «Хуайнань-цзы». Отец Лю Сяна, занимавшийся делом мятежного князя, привез ее к себе домой, где она стала одной из любимых книг юного Лю Сяна. Тот сразу подметил ее отличие от других творений древнего даосизма: человеческой душе она «сообщает прохладу и легкость, не делая ее безумной».

К сожалению, уже в средние века текст «Гуань Инь-цзы», да и предисловие, приписываемое кисти знаменитого Лю Сяна, вызывали у знатоков большие сомнения. И дело не только в отличии языка «Гуань Инь-цзы» от языка Лао-цзы и Чжуан-цзы, в явно более поздней лексике и грамматике, но и в том влия-

нии буддийского мировоззрения, которое ощущается в этом памятнике. Конечно, известно, что при династии Поздняя Хань, во II в., в столице Китайской империи уже существовала довольно значительная буддийская община, и предания рассказывают о еще более раннем проникновении буддизма в Китай. Но влияния на развитие древней классики буддизм оказать не смог — он еще только накапливал силы, оставаясь в сфере идеологии аутсайдером. Положение в корне изменилось в эпоху Южных и Северных династий (IV—VI вв.) и тем более в эпоху Тан (VI—IX вв.) — обычно к этому времени и относят «Гуань Инь-цзы» (не позднее VIII в.) — своеобразный сплав даосизма с буддизмом. Быть может, «Гуань Инь-цзы» действительно поздняя подделка, заимствовавшая название у древнего сочинения, что упоминается еще в первой китайской библиографии, в «Истории династии Хань». А может быть, что-то сохранилось здесь и от древнего «Гуань Инь-цзы»... Во всяком случае, художественные достоинства этого памятника несомненны, мысль своеобразна, и мы представляем несколько фрагментов из него на суд читателя — тем более что на русский язык «Гуань Инь-цзы» никогда не переводился.

Гуань Инь-цзы сказал: «Без Дао-Пути нельзя было бы говорить, но то, о чем нельзя сказать, и есть Дао-Путь; без Дао-Пути нельзя было бы мыслить, но то, о чем нельзя помыслить, и есть Дао-Путь. Небо и все сущее под ним кружится в бурлящем водовороте, люди и дела их переплетены и смешаны; все находится в непрестанном коло-вращенье и взаимопроникновении — кажется, вот оно, но вот уже и исчезло. Говорить о нем — дуть на отражение, думать о нем — резать пылинки. То, что нельзя со-деять и разделить, называют Небом, судьбой, духом, из-начальным, все же вместе — Дао-Путем.

Один гончар может изготовить мириад кувшинов, но никогда не будет ни одного кувшина, который мог бы из-готовить гончара или повредить гончару. Один Дао-Путь может создать мириад существ, но никогда не будет ни одного существа, которое могло бы создать Дао-Путь или повредить Дао-Пути.

Если люди ищут Дао-Пути посредством слова, дейст-вий, учения и познания, то они лишь будут пребывать в постоянном коловращении и никогда не обретут его. Знай, что слова подобны журчанию источника; что дей-ствия подобны полету птиц; что учение подобно попытке схватить отражение; что познание подобно размышлениям во сне. Зная это, не успеешь и вздохнуть, как наступит единение с Дао-Путем.

Среди живущих в мире людей иные умирают в первый день жизни, иные на десятом году, иные на сотом. Умер-шие в первый день жизни сразу же обретают Дао-Путь,

умершие на десятом или сотом году жизни обретают Дао-Путь как бы через промежуток времени. Те, что еще не умерли, хотя и действуют разумно и мудро, связали свою славу со славой жизни, а не со славой смерти. Те, кто еще не обрел единение с Дао-Путем, хотя и действуют мудро и разумно, связали свою славу со славой дел, а не со славой Дао-Пути.

Когда сходятся два стрелка из лука, они смотрят, кто из них искусен, а кто неумел. Когда сходятся два игрока в шашки, они смотрят, кто выиграл, а кто проиграл. Когда же сходятся два человека, обретшие Дао-Путь, то им нечего смотреть друг у друга. У тех, кому нечего смотреть друг у друга, нет ни искусства, ни неумения, ни победы, ни поражения.

Гиря ничтожного человека тянет его ко злу, гиря благородного мужа склоняет к тому, что нельзя обрести. Только то, что нельзя обрести, и может привести к Дао-Пути.

Мой Дао-Путь подобен мечу. Если его лезвием рассекать вещи — будет польза; если же хвататься за лезвие рукой — только порежешься.

Смена мороза и зноя, холода и жары — того же рода, что черепица и камни: разведешь огонь — они нагреваются, польешь водой — охлаждаются. Выдыхаешь воздух — он теплый, вдыхаешь воздух — он холодный. Именно по этой причине внешние вещи то появляются, то исчезают, словно те черепица и камни. Реальность же, напротив: не появляется и не исчезает. Тому пример — отражение в воде, которое может то исчезать, то появляться. Если же говорить о самой воде, то в ней поистине ничто не появляется и ничто не исчезает.

Не оценивай совершенных мудрецов по их делам — ведь Дао-Путь бессловесен. Не оценивай совершенных мудрецов по их возможностям — ведь Дао-Путь пребывает в недеянии. Не оценивай совершенных мудрецов по их внешности — ведь Дао-Путь не имеет облика.

Следуя за науками, совершенномудрый человек устанавливает прядение и ткачество; следуя за сусликами, создает ритуал; следуя за боевыми муравьями, приводит в порядок войска. Все люди следуют за мудрецами, мудрецы следуют за совершенномудрыми, совершенномудрые следуют за всем сущим. Только совершенномудрые пребывают в единстве с сущим и потому у них нет «Я».

Если рыба хочет покинуть стаю, она выбрасывается на берег и погибает. Если тигр хочет покинуть стаю, он спускается с гор и входит в город, где его и ловят. Совершенные мудрецы не покидают людскую толпу, и потому другие существа не могут схватить их.

Если человеку, играющему на цитре, грустно, звуки его музыки печальны; если он задумчив, звуки его музыки медленны; если обижен — широки; целеустремлен — протяжны. Потому и говорится, что печаль, задумчивость, обида и целеустремленность не сводятся к руке, бамбуку, струнам или тунговому дереву. В единство с рукой приходит душа человека, в единство с инструментом — рука. У людей есть лишь Дао-Путь, и нет ничего, не исшедшего из Дао-Пути.

Мудрецы пекутся о возвышенном и забывают о низменном. Толпа печется о низменном и забывает о возвышенном. Только совершенномудрые равно пронизывают и возвышенное, и низменное. Так не удалиться ли от мудрецов и толпы — ведь кроме них есть еще и совершенномудрые!

Навозный жук скатывает шарик из навоза. Когда шарик готов, жук погружается в сосредоточенное созерцание его. Вскоре внутри шарика появляется белый шевелящийся червячок. Внезапно он выходит из оболочки наружу и становится цикадой. Не размышляй навозный жук — как бы побелел шевелящийся червячок?

Повар варит крабов и случайно забывает одну ножку краба на столе. Крабы уже сварились, а оставшаяся ножка все еще дергается. Это значит, что нет ни абсолютной жизни, ни абсолютной смерти,— а люди в неведении говорят о них.

Иные люди в момент смерти стоят, иные сидят, иные лежат. Одни умирают от болезней, другие от злоупотребления лекарствами, но между разными видами смерти нет никакой разницы. Ученый муж, постигший Дао-Путь, не смотрит на жизнь и потому не видит смерти.

Есть люди, гнушающиеся жизнью и смертью и благодаря этому возвысившиеся над ними. Разве это не великое горе! Разве такие люди не похожи на призраков, созданных искусством магии? Вот почему человека, гнушающегося жизнью и смертью и возвышающегося над ними, именуют «нечистью-яо».

Из тех, кто рассуждает о жизни и смерти, одни говорят: «Смерть есть»; другие говорят: «Смерти нет»; третьи говорят: «Смерть есть и вместе с тем ее нет»; прочие говорят: «Ее нет и вместе с тем она не отсутствует». Иные говорят: «Надо радоваться ей»; другие говорят: «Надо нести ее бремя»; прочие же говорят: «Надо возвыситься над нею». Разве вам неизвестно, что на жизнь и смерть я смотрю как на руку у коня или на крылья у буйвола? В самой основе мира нет ни наличия сущего, ни тем более отсутствия сущего. Вот пример: вода и огонь. Намереваясь повредить им, никто не сможет ни сжечь их, ни утопить.

Плывущее — это лодка. Но плывет она не сама по себе, а благодаря воде. Движущееся — это телега. Но движется она не сама по себе, а благодаря буйволу. Мыслящее — это сердце. Но мыслит оно не само по себе, а благодаря наличию смысла. Не знаю, почему это так, но это так. Это то, о чем я не знаю, почему оно таково, но оно таково. Оно приходит из ниоткуда и уходит в никуда. Приходя из ниоткуда и уходя в никуда, оно становится единоначальным с Небом и Землей, для которых нет ни прошедшего, ни настоящего.

— То, что видят во сне ночью, возвращено ночью. Для сердца же нет времени. Родившийся в Ци, видит в сердце своем царство Ци. Но тут сновидение переносит его в Сун, Чу, Цзинь или Лян. То, что видится сердцем, разнится одно от другого, сердце же — беспредельно. ;

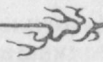

Умеющий стрелять учит искусству стрельбы из лука, но не учит, как стать стрелком И. Знающий судовождение учит корабельному делу, но не учит, как стать силачом Ао. Умеющий владеть своим сердцем учит умению владеть сердцем, но не учит, как стать совершенномуудрым.

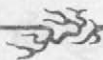
Мудрость, глупость, правда и ложь зависят от сознания или бессознательного. Хотя в объективном мире есть мудрость, глупость, правда и ложь, но то, что называют мудростью, глупостью, правдой и ложью, в действительности связано с моим сознанием. Если ты понял, что все это создано твоим сознанием, то даже то, что тебе покажется истиной, сочтешь за плод заблуждения».

ИЗ „ШЭНЬ-ЦЗЫ”

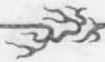

ИЗ КНИГ МЫСЛИТЕЛЕЙ

«Шэнь-цзы» — книга, названная по имени общественно-политического деятеля древности, представителя школы «законников», Шэнь Бухая (IV в. до н. э.). Возвысившийся из низов до звания канцлера царства Хань, Шэнь Бухай настолько успешно претворял в жизнь принципы своей школы, что «за все пятнадцать лет его пребывания у власти ни одно из соседних государств не осмелилось напасть на Хань». Считается, что свои идеи он изложил в этом небольшом трактате из двух глав.

Когда Шан Жун занемог, Лао-цзы спросил его:

— Не будет ли у вас, Учитель, какого наставления — дабы завещать его ученикам?

Жун широко разинул рот и спросил:

— Язык мой цел?

— Цел, — ответил Лао-цзы.

— А зубы целы?

— Нет, — ответил Лао-цзы.

— Ну, так понял теперь?

— Уж не значит ли это, — сказал Лао-цзы, — что твердое гибнет, а мягкое — остается?

— Именно так, — ответил Жун. — И на этом держится все в Поднебесной!

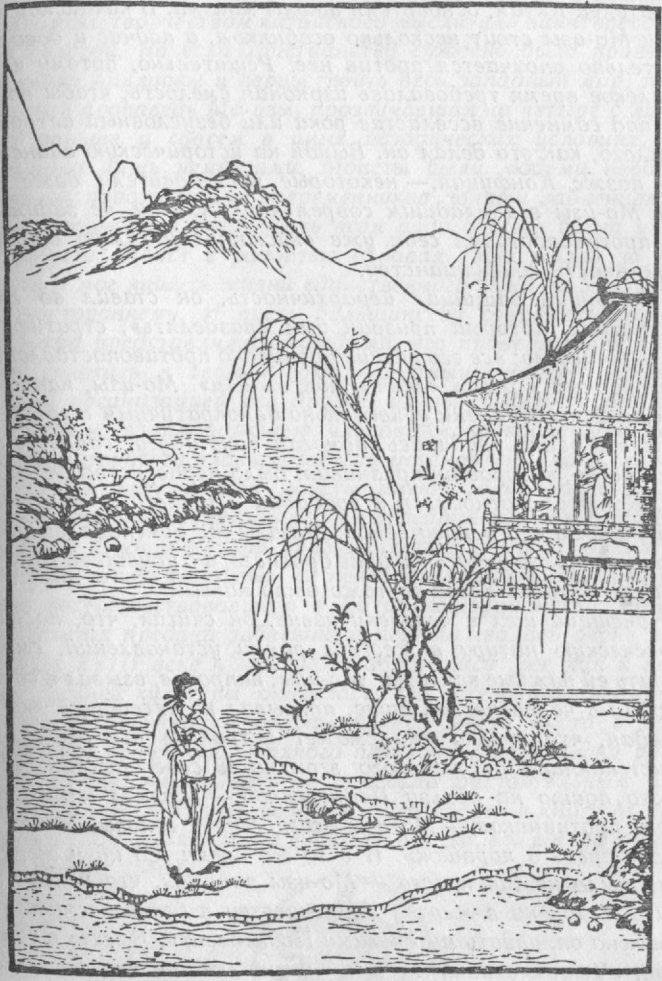
ИЗ КНИГ
МЫСЛИТЕЛЕЙ
РАЗНЫХ
ШКОЛ

ИЗ „МО-ЦЗЫ”

Книга «Мо-цзы» названа по имени философа Мо Ди (или Мо-цзы; ок. 468—376 гг. до н. э.), одного из самых оригинальных мыслителей Китая, основателя школы моизма. В китайской традиции Мо-цзы стоит несколько особняком, а подчас и довольно решительно ополчается против нее. Решительно, потому что в то далекое время требовалась изрядная смелость, чтобы поставить под сомнение всевластие рока или безусловный авторитет прошлого, как это делал он. Выйдя на историческую авансцену чуть позже Конфуция,— некоторые исследователи даже считают Мо-цзы его младшим современником,— он, не задумываясь, противопоставил себя уже снискавшему самую широкую популярность конфуцианству.

Конфуций защищал иерархичность, он ставил во главу угла ритуал, который призван был «разделять», стратифицировать общество; все его учение пронизано противопоставлением «благородных мужей» «людям ничтожным». Мо-цзы, напротив, был для своего времени удивительно демократичным и требовал, чтобы все равно трудились, помогая друг другу; единственное неравенство, которое он признавал, было неравенство способностей. Конфуций относился к традиции с трепетным почтением, усматривая в ней основу основ; Мо-цзы же осмеливался утверждать, что новое ничуть не хуже древнего, и с усмешкой замечал, что само древнее когда-то тоже было новым.

Конфуций шел к человеку извне, он считал, что, поставив человеческую натуру в жесткие рамки установлений, сможет придать ей нужные качества. Мо-цзы, напротив, взывал к самому доброму в человеческой душе, призывал ко «всеобщей любви», убеждая, что только она сможет устранить все беды мира, проистекающие от людского эгоизма и своекорыстия. «Если бы это пошло на пользу Поднебесной,— признал как-то один из его противников,— Мо-цзы всего себя с головы до пят дал бы растереть в порошок». И в то же время его идея жертвенности была не так проста — Мо-цзы понимал, что нельзя приносить Человека в жертву Человечеству и бесчеловечность невозможно оправдать интересами Поднебесной. Вместе с тем его слова: «Чужую страну и семью чужую любить, как свои, к другим относиться, как к себе самому» — звучали в век клановой замкнутости как ниспровержение основ, они пугали и шокировали. Призыв Мо-цзы «отказаться от нападений» и решать

все конфликты мирными средствами, равно как и требование «за усилия в труде прославлять, наделять жалованьем согласно заслугам», можно по достоинству оценить разве что в наше время. Неожиданными для древнего китайца были и некоторые более отвлеченные идеи Мо-цзы — например, его теория познания или теория «договорного происхождения государства», по аналогии воскрешающая в памяти более поздние концепции Руссо.

Идеал «всеобщей любви», провозглашенный Мо-цзы, очень напоминает христианскую заповедь о любви к ближнему — недаром же творчеством китайского мыслителя заинтересовался Лев Толстой. Но если христианству суждено было привести в движение миллионы и переустроить весь западный мир, то утопическая проповедь Мо-цзы, прозвучавшая на четыре с лишним века раньше и совсем в иных исторических условиях, была услышана лишь немногими. Моисты были людьми необыкновенными, поражавшими современников полным забвением личного, готовностью жертвовать всем ради общего блага и справедливости. Моист с радостью отдавал свою жизнь за главу школы и мог лишиться жизни единственного сына за зло, содеянное постороннему. И пусть большинству современников идеи философа представлялись чуждыми, его приверженцев они сумели сплотить в тесный союз единомышленников, превосходивший организацией все другие школы. Своей дисциплиной, аскетизмом, взаимопомощью членов, беспрекословным подчинением авторитету главы, особыми установлениями и, наконец, увлечением математикой моисты имеют только одно соответствие в истории древнего мира — пифагорейский союз, существовавший в Южной Италии приблизительно в это же время. Впоследствии книга «Мо-цзы», не пользовавшаяся симпатией идеологов восторжествовавшего в Китае конфуцианства, была на тысячелетия предана забвению и переписывалась очень редко. Когда в XVIII веке к ней вновь обратились уже как к памятнику древней культуры, оказалось, что восемнадцать глав безвозвратно утеряны, а сохранившиеся места часто с трудом поддаются прочтению. Полного перевода «Мо-цзы» на русский язык, к сожалению, нет, но с весьма обстоятельным анализом его учения читатель может познакомиться в книге М. Л. Титаренко «Древнекитайский философ Мо Ди, его школа и учение» (М., Наука, 1986).

ИЗ ГЛАВЫ «ПОЧИТАНИЕ ЕДИНСТВА»

Мо-цзы сказал: «Чтобы навести порядок в стране, необходимо знать причину беспорядков. Если знаешь причину беспорядков, то, устранив ее, приведешь страну к процветанию и спокойствию; если же не знаешь причины беспорядков, то не сможешь навести порядок в стране...

Когда проникаешь в истоки беспорядков, видишь, что они возникают там, где люди не любят друг друга, а слуга и сын непочтительны к государю и отцу. В чем же суть беспорядка? Она в том, что сын любит себя, но не любит отца и готов ради своей выгоды нанести ему ущерб; она в том, что младший брат любит лишь себя и, не любя старшего брата, наносит ущерб брату своему, дабы обеспечить выгоду себе...

Ныне правителям введомая любовь лишь к своему царству, и, не любя другие царства, они изыскивают любой предлог для нанесения удара по ним. Ныне почтенным отцам введомая любовь лишь к своей семье, и, не любя другие семьи, они не брезгают ничем, чтобы разграбить всей семьей семью ближнего...

Если между людьми отсутствует взаимная любовь, непременно появляется взаимная ненависть; если правитель и его подчиненные не питают взаимной любви, им не следует ждать милости и верности; если между отцом и сыном нет взаимной любви, то нет речи и о почитании родителей; если между братьями нет взаимной любви, то между ними нет и согласия; если же между людьми Поднебесной не будет взаимной любви, то сильный непременно подчинит слабого, богатый оскорбит бедного, знатный станет кичиться перед простолюдином, хитрый обманет простодушного...»

ИЗ ГЛАВЫ «ВСЕОБЩАЯ ЛЮБОВЬ»

Мо-цзы сказал: «Всеобщую или отдельную любовь питают злые люди Поднебесной? Конечно же, отдельную любовь. Именно они, сторонники отдельной любви, и порождают великое зло в Поднебесной. Вот почему следует отвергнуть отдельную любовь...

Только всеобщая выгода и всеобщая любовь принесут Поднебесной большую пользу; отдельная же корыстная выгода, за счет общей выгоды, принесет Поднебесной лишь большое зло. Во всеобщей пользе лежит истина... Отдельную любовь и корыстную выгоду необходимо заменить всеобщей любовью и взаимной выгодой... Долг человекалюбивого — приносить Поднебесной пользу и уничтожать в Поднебесной зло...»

ИЗ ГЛАВЫ «ПРОТИВ НАПАДЕНИЙ»

Мо-цзы сказал: «Решать политические споры между государствами с помощью войны — все равно что заставить всех людей Поднебесной пить одно лекарство от разных болезней; полезным оно может оказаться разве что для трех-пяти человек...»

Армия нападающей стороны вторгается на землю другого государства, вытаптывает его хлеба, вырубает леса, разрушает города и поселения, загрязняет пруды и водоемы, угоняет и убивает скот, оскорбляет его родовые кумирни, принуждает работать на себя, измывается над иноплеменными старцами и женщинами, вывозит его богатства, убивает его подданных...

Многочисленные армии уходят в поход и не возвращаются назад. Тысячи семей лишаются опоры, жены становятся вдовами, дети сиротами, служилые отвыкают от государственных дел, земледельцы покидают свои поля, простолюдины нищают...

За бесчисленные смерти простолюдинов и страшные бедствия, которые война несет как знати, так и народу, нападающее царство получает пустующие земли, для заселения коих нет у него уже людей. Стало быть, теряет то, в чем нуждалось, и получает то, в чем и до этого был избыток...

Небу угодна справедливость и ненавистна несправедливость. Вести народ Поднебесной на свершение справедливых дел — это и значит делать то, что угодно Небу. Если я делаю для Неба то, что оно любит, то и Небо делает для меня то, что я люблю. Что же я люблю и что ненавижу? Я люблю счастье и ненавижу несчастье...

Небо не хочет, чтобы большое царство нападало на малое, сильная семья притесняла слабую, хитрый обманывал наивного, знатный кичился перед простолюдином. Все это противно воле Неба. Небо желает, чтобы люди помогали друг другу, учили друг друга, делили имущество друг с другом. Небо также желает, чтобы верхи хорошо управляли страной, а низы были усердны в делах. Если верхи умелы в управлении, в стране царит порядок; если низы усердны в делах, в стране достаток и пищи и предметов. Если в стране царит порядок и достаток, то для свершения жертвоприношения Небу всегда найдутся чистое вино и ритуальная посуда, а для подарков соседям с четырех сторон — яшмовые круги, жемчуг и нефрит.

Следовать воле Неба — значит следовать всеобщей любви и взаимной выгоде между людьми. Кто следует воле Неба, тот непременно получит вознаграждение. Тот же, кто поступает против воли Неба, сеет взаимную ненависть и побуждает людей ко взаимному злу, непременно понесет наказание...

ГЛАВА «ГУНШУ БАНЬ»

Некто Гуншу Бань соорудил для царства Чу снасть для взятия городских стен под названием «облачные лестницы», чтобы напасть на царство Сун. Учитель Мо прослышал об этом и тотчас же покинул царство Лу. Он шел десять дней и десять ночей. На ногах у него выступили кровавые волдыри, но он шел, не ведая отдыха. В изодранной одежде и сношенной обуви он прибыл в чускую столицу Ин и разыскал там Гуншу Баня.

— О чем Учитель хочет поведать? — спросил Гуншу Бань.

— На севере объявился человек, меня оскорбивший. Хочу просить вас пойти и убить его, — сказал Мо-цзы.

Гуншу Бань помрачнел.

— Я дам вам за это десять мер золота! — сказал далее Мо-цзы.

— Я блюду закон нравственности и не убиваю людей понапрасну, — ответил Гуншу Бань.

Тогда Мо-цзы поднялся и, совершив двойной поклон, сказал Гуншу Баню:

— Дозвольте мне пояснить. Когда я был на севере, до меня дошли слухи, что вы соорудили «облачные лестницы», дабы напасть на царство Сун. Но чем провинилось Сун? Ведь в Чу и так избыток земли и не хватает людей. Убивать то, в чем и так недостаток, и домогаться того, что и так в избытке, — можно ли это назвать целесообразным? И потом, царство Сун не совершило никаких злодеяний, однако на него нападают, — можно ли это назвать человеколюбивым? Понимать это и не отговорить от этого правителя, — можно ли это назвать преданностью? Если же ты пытался отговорить его, но переубедить не смог — значит, ты не силен в искусстве спора. Блюсти закон нравственности, отказываться убить одного, но готовить убийство многих, — можно ли это назвать разумным?

Гуншу Бань не знал, что ответить.

— Итак, отступаете ли вы от своего намерения? — спросил Мо-цзы.

— Я не в силах, — ответил Гуншу Бань. — Я уже твердо обещал это правителю Чу.

— Ну что ж, тогда отведите меня к правителю Чу, — сказал Мо-цзы.

Увидев правителя, Учитель Мо сказал:

— Некий человек отказывается от резной колесницы, но жаждет украсть разбитую повозку соседа; отказывается от длиннополой одежды из расшитой парчи, но желает заполучить короткую войлочную накидку соседа; не ест собственного отборного проса и мяса, но хочет украсть и съесть мякину и отруби у соседа. Что это за человек?

— Да ведь это большой жаждою воровства! — сказал правитель.

Учитель Мо продолжал:

— Царство Чу растянулось на пять тысяч ли и поперек, и вдоль, а Сун — всего лишь на пятьсот. Это все равно что резная колесница и разбитая повозка. В Чу есть озеро Юньмын, в котором полно носорогов, вокруг озера бродят олени стада, реки Янцзы и Хань кишат всевоз-

можной рыбой, черепахами и крокодилами, то есть всем, в чем заключено богатство Поднебесной. А в Сун даже нет фазанов, зайцев и лисиц. Это все равно что отборное просо и мясо — и мякина и отруби. В Чу есть леса, где растут высокие сосны, катальпы и другие большие деревья. В Сун же больших деревьев нет. Это все равно что расшитая парча — и грубая войлочная накидка. Мне кажется, подготовка вашими слугами нападения на Сун подобна поступкам того больного жаждою воровства. Полагаю, если князь пойдет войною на Сун, он не только не оправдает ее никакими доводами, но и не добьется успеха.

— Искусная речь! — сказал правитель. — Однако Гуншу Бань уже соорудил для нас «облачные лестницы», и мы непременно захватим Сун.

Тогда Учитель Мо оборотился к Гуншу Баню и, сняв свой пояс, разложил его на земле: он должен был служить ему городской стеной, а дощечки для письма — орудием нападения и обороны. Девять способов приступа применил Гуншу Бань, однако Мо-цзы всякий раз отбивал их. Когда Гуншу Бань исчерпал все способы приступа, но города не взял, у Мо-цзы в запасе еще оставались способы обороны.

Тогда потерпевший поражение Гуншу Бань воскликнул:

— Я знаю, как побороть тебя, но не скажу!

— И я знаю способ, каким ты хочешь выиграть у меня сражение, и тоже не скажу, — ответил Мо-цзы.

Чуский правитель спросил пояснений.

— Мысль Гуншу Баня не идет далее того, чтобы убить меня, — сказал Мо-цзы, — ибо он думает, что, убив меня, лишит Сун возможности обороняться. Но мой ученик Цинь Гули с тремястами подручных, вооруженных моими орудиями обороны, уже стоят на сунских стенах и ждут врагов из Чу. Так что, если вы и убьете меня, победы вам все равно не добиться.

— Прекрасно! — сказал правитель. — Повелеваю отменить поход на Сун!

И Мо-цзы отправился обратно. Когда он проходил через Сун, полил сильный дождь. Мо-цзы хотел было укрыться от дождя в крепостных воротах, но стражник преградил ему дорогу. Вот почему говорится: «Толпа не ведает о заслугах тех, кто делает стройным свой дух, но хорошо знает о тех, кто домогается громкой славой».

ИЗ „СУНЬ-ЦЗЫ”

Книга «Сунь-цзы» («Учитель Сунь»), названная по имени того, кому приписываются собранные в ней мысли и изречения, принадлежала к довольно распространенному в Древнем Китае жанру сочинений о воинском искусстве. В ханьскую эпоху в императорской библиотеке насчитывалось более полусотни таких трактатов, и интерес к ним нетрудно понять — ведь вся история Древнего Китая состояла из цепи бесконечных войн. Не удивительно, что искусство полководца и искусство ведения войны в целом ценилось так высоко: от них постоянно зависели жизнь и смерть сотен тысяч людей, гибель и процветание целых царств и областей.

Правда, по прошествии веков среди многочисленных военных трактатов время произвело свой отбор: многие из них исчезли, а в традиции утвердилось классическое «Семикнижие», вобравшее в себя квинтэссенцию китайской военной мысли. Однако книга «Сунь-цзы» по-прежнему продолжала оставаться одной из самых популярных: она формировала основу военных доктрин Китая и Японии.

Трактат «Сунь-цзы» невелик — всего тринадцать небольших глав, — но в них древний полководец как бы исчерпывает основные проблемы стратегии и тактики, причем его мысли порой звучат очень современно. Он призывает выигрывать войну «еще до ее начала», уделяет немалое внимание моральной подготовке солдат, подробно разбирает преимущества и недостатки различного рода местностей, роль маневра. Сунь-цзы предостерегает от промедления: его можно было бы считать автором концепции молниеносной войны, если бы сама эта идея не была стара, как мир. Впрочем, он далеко не догматик и главное для него — «следовать изменением». «Бывают дороги, по которым не идут, — утверждает он, — армии, на которые не нападают, крепости, из-за которых не борются, повеления государя, которые не выполняют!» Этому человеку была чужда сентиментальность: главное для него — поставить солдата в столь безвыходное положение, чтобы заставить его сражаться до последней капли крови; однако он понимает, что о солдате надо заботиться и завоевать его расположение. В целом же для Сунь-цзы «война — путь обмана», где хитрость, умение

ввести в заблуждение противника или, напротив, разгадать его замыслы имеют первостепенную роль.

Не следует думать, что книга «Сунь-цзы» сугубо прагматична: в самой ее прагматичности выражен определенный взгляд на мир, а концепции стратегические четко увязываются с положениями древнекитайской натурфилософии, со взглядами даосизма, с понятиями Инь и Ян, с теорией круговорота пяти первоэлементов. Книга не случайно включена в знаменитое «Собрание трудов китайских мыслителей» — перед нами проза настоящего философская, каждое слово которой к тому же предельно взвешено и отточено.

Традиция считает автором книги знаменитого полководца Сунь У (VI в. до н. э.), современника Конфуция. Именно его победы над соседями укрепили некогда полуварварское царство У, расположенное в нижнем течении реки Янцзы, и ввели его властителя в круг самых могущественных царей Поднебесной. О жизни самого Сунь У мы знаем очень мало, если не считать знаменитого анекдота о строевых учениях, которые тот устроил в царском гареме, дабы продемонстрировать свое умение управлять войском. Красавицы, увы, никак не могли запомнить, где лево, где право, без конца сбивались, раздражались непочтительным смехом — и тогда Сунь-цзы повелел обезглавить двух любимых наложниц царя, стоявших во главе отрядов. Напрасно обеспокоенный царь, наблюдавший за маневрами с возвышения, прислал к нему гонца, уверяя, что без этих прелестниц «пища не будет ему сладка», — Сунь-цзы оставался неумолим. «Я удостоился от государя звания полководца, а полководцу в действующей армии даже государь не указ!» — отвечал он гонцу. После казни двух наложниц оставшиеся сто семьдесят восемь красавиц стали выполнять все команды безукоризненно, но государь не пожелал продолжать учения и отослал Сунь-цзы одерживать победы на дальних окраинах царства. Поводом же для столь печально закончившегося эпизода послужило как раз знакомство царя с книгой «Сунь-цзы» — ему захотелось убедиться, как ее теоретические построения выглядят на практике...

На русском языке существуют два полных перевода трактата, вышедших в 1950 и 1955 гг. Ниже мы даем фрагменты из «Сунь-цзы» в переводе академика Н. И. Конрада.

ИЗ ГЛАВЫ «ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РАСЧЕТЫ»

1. Сунь-цзы сказал: «Война — великое дело для государства; это корень жизни и смерти, путь существования и гибели.

2. Поэтому в основу ее кладут пять явлений:

3. Первое — Дао, второе — Небо, третье — Земля, четвертое — полководец, пятое — закон.

Дао — это когда мысли народа одинаковы с мыслями правителя и народ, не зная страха и сомнений, готов вместе с ним жить и умереть.

Небо — это свет и мрак, хлад и жар; это порядок времени.

Земля — это далекое и близкое, неровное и ровное, широкое и узкое, смерть и жизнь.

Полководец — это ум, беспристрастность, человеколюбие, мужество, строгость.

Закон — это воинский строй, командование и снабжение.

Нет полководца, который не слышал бы о пяти этих явлениях; побеждает же тот, кто усвоил их; тот же, кто их не усвоил, не побеждает.

4. Поэтому войну взвешивают семью расчетами:

Кто из государей обладает Дао? У кого из полководцев есть таланты? Кто использовал Небо и Землю? У кого выполняются правила и приказы? У кого сильнее войско? У кого офицеры и солдаты лучше обучены? У кого правильно награждают и наказывают?

По этому всему я узнаю, кто одержит победу и кто потерпит поражение.

5. Если полководец станет применять мои расчеты, усвоив их, — непременно одержит победу. Если полководец станет применять мои расчеты, не усвоив их, — непременно потерпит поражение.

6. Война — путь обмана. Поэтому, если что-нибудь и можешь — покажи противнику, будто не можешь; если чем-нибудь пользуешься — покажи, будто не пользуешься; если ты близко — покажи, будто далеко; если далеко — покажи, будто близко; заманивай его; выгодой; приводи в расстройство, а уж затем бери; если он силен — уклоняйся от сраженья; если силы его свежи — утоми его; если ряды дружны — разъедини; нападай, когда он не готов; выступай, когда не ожидает.

7. Путь этот обеспечивает воителю победу; однако преподавать наперед ничего нельзя.

8. У того шансов много, кто еще до сраженья все точно рассчитал; у того шансов мало, кто еще до сраженья не победил расчетом. Есть шанс — победишь; нет шансов — проиграешь. Лишь при взгляде на это я решаю, что ждет полководца — победа или поражение».

ИЗ ГЛАВЫ «ВЕДЕНИЕ ВОЙНЫ»

Сунь-цзы сказал: «Правило ведения войны таково:

1. Если победа в войне затягивается — острия обламываются и оружие притупляется; если долго осаждают крепость — силы подрываются; если войско надолго оставляют в поле — государственные средства истощаются.

2. Когда же оружие притупится и острия обломаются, силы подорвутся и средства иссякнут, тогда соседние цари, воспользовавшись твоей слабостью, поднимутся на тебя. И пусть тогда у тебя будут умные слуги — ничего не сможешь поделать.

3. Только быстрота обеспечивает на войне успех, даже при неискусности ее ведения; затяжные же действия приводят к поражению в войне, даже при искусности ее ведения.

4. Долго продолжающаяся война никогда не бывает выгодна государству. Посему тот, кто не понимает до конца всего вреда от войны, не может до конца понять и всю выгоду от нее.

5. Умеющий вести войну два раза набора не производит, три раза провианта не грузит; снаряжение берет в своем государстве, провиант же — у противника.

6. Когда провиант во время войны привозят издалека — беднеет и народ и государство.

7. Привозной провиант истощает народные средства; когда же средства истощаются, народу трудно выполнять повинности.

8. Силы подрываются, средства иссякают, дома пустеют; имущество народа уменьшается на семь десятых, а имущество правителя — боевые колесницы, кони, шлемы, панцири, луки, стрелы, рогатины, пики малые и большие, щиты, волы и повозки — уменьшается на шесть десятых.

9. Поэтому умный полководец старается кормиться за счет противника: убивает его с яростью, захватывает его богатства с жадностью.

10. Война любит победу и не любит продолжительности.

11. Поэтому понимающий войну полководец — властитель судеб народа, хозяин безопасности государства».

ИЗ ГЛАВЫ «СТРАТЕГИЧЕСКОЕ НАПАДЕНИЕ»

1. Сунь-цзы сказал: «Ведя войну, наилучшее — сохранить государство противника в целости, на втором месте — сокрушить его. Наилучшее — сохранить армию противника в целости, на втором месте — разбить ее. Сто раз сразиться и сто раз победить — не лучшее из лучшего; лучшее из лучшего — покорить чужую армию, не сражаясь.

2. Наилучшая война — разбить замыслы противника; на следующем месте — разбить его союзы; вслед за этим — разбить его войска. Наихудшее — осаждать крепости. Осада должна производиться лишь тогда, когда это неизбежно. Подготовка больших щитов, осадных колесниц, возведение насыпей, заготовка снаряжения — все это требует не менее трех месяцев; однако полководец, не будучи в состоянии преодолеть нетерпение, посылает своих солдат на приступ, словно муравьев; при этом треть войска оказывается убитым, а крепость остается не взятой. Таковы гибельные последствия осады.

3. Поэтому умеющий вести войну покоряет чужую армию, не сражаясь; берет чужие крепости, не осаждая; сокрушает чужое государство, не затягивая время. Сохраняет все в целости и этим оспаривает власть в Поднебесной. Не притупляя оружия, добивается выгоды, ибо следует правилам стратегического нападения.

4. Правило ведения войны гласит: «Если сил у тебя в десять раз больше, чем у противника, — окружи его со всех сторон; если в пять раз больше — раздели его на части; силы равны — сумей с ним сразиться; меньше сил — сумей оборониться; если в чем-то уступаешь — уклонись от сраженья. Упорствующие же с малыми силами становятся пленниками сильного противника».

5. Полководец для государства — что крепление для повозки: пригнуто плотно — сильно государство, разошлось — непременно ослабнет.

6. Страдает же армия от своего государя в трех случаях:

когда он приказывает ей выступить — а ей не должно выступать; когда он приказывает ей отступать — а ей не должно отступать; это означает связывать армию;

когда он, не зная армии, управляет ею так же, как и государством, приводя военачальников в растерянность;

когда он, не зная военной тактики и стратегии, назначает военачальников так же, как и государственных чиновников, приводя полководцев в смятение.

7. Когда же армия расстроена — жди беды от соседних царей. Это означает расстроить армию и отдать победу противнику.

8. Побеждают же в пяти случаях: если знают, когда можно сражаться, а когда нельзя; когда умеют пользоваться и большими и малыми силами; когда высшие и низшие имеют одни и те же желания; когда сами осторожны и выжидают неосторожности противника; когда полководец талантлив, а государь не руководит им. Эти пять положений и есть путь познания победы.

9. Поэтому и говорится: «Знаешь противника и знаешь себя — победа будет за тобой; знаешь себя, а его не знаешь — один раз победишь, на другой потерпишь поражение; не знаешь ни себя, ни его — каждый раз будешь терпеть поражение».

ИЗ „ХАНЬ ФЭЙ-ЦЗЫ”

Книга названа по имени ее автора, Хань Фэй-цзы («Отрицающего Учителя из царства Хань»; 288—233 гг. до н. э.), жившего на рубеже эпохи Враждующих царств и эпохи Империи, самого яркого представителя общественно-философской мысли своего времени. В юности Хань Фэй-цзы вместе с будущим первым министром императора Цинь Ши-хуана Ли Сы (280—208 гг. до н. э.) обучался у последователя Конфуция, знаменитого философа Сюнь-цзы (ок. 313—235 гг. до н. э.). Однако, поскольку юноша был заикой, возможность непосредственного применения своих знаний на политическом поприще оказалась для него закрытой, и он все свои силы отдал написанию книги, пронесшей его имя через века. Видимо, учитель не сумел привить Хань Фэй-цзы почтение перед конфуцианскими ценностями, и тот стал в конце концов приверженцем школы «законников» (или «легистов»), видя наиболее верное средство управления людьми в четкой регламентации наград и наказаний. Однако немалое влияние оказала на него и даосская философия: в частности, две главы своего труда он посвятил толкованию «внешней», «профанической» части книги Лао-цзы, трактующей проблемы манифестации Дао в мире форм; этот комментарий к «Даодэцзину» является самым древним из ныне существующих. Впрочем, связь воззрений Хань Фэй-цзы с философией даосов может быть достаточно сложной: старые авторы не раз указывали на генетическое родство школы даосов и школы законников, считая, что последняя лишь трансформировала некоторые общеизвестные положения первой. Так, проповедь абсолютной свободы и отрицание «вульгарного» знания у даосов постепенно превратились в идеологическое обоснование тирании и ниспровержения культурного наследия у легистов — история полна парадоксов!

Хань Фэй-цзы писал о том, что волновало людей его времени: о применении законов и о значении личных заслуг, об использовании талантливых людей на государственной службе и о их

посмертной славе, о преданности подданного государю и чувстве почтительной любви сына к отцу, о тщете убеждения и о силе наказаний. Что-то в его труде было адресованно всем, что-то только посвященным в особое знание, людям «внутреннего круга». Но какой бы ни была тема рассуждений философа — мы всегда слышим взволнованный голос человека неравнодушного, слышим слова, исполненные негодования, ропота и печали. К несчастью, Хань Фэй-цзы хорошо усвоил кредо своего учителя Сюнь-цзы об изначальном зле, заложенном в человеческой природе, об абсолютной эгоистичности всех человеческих побуждений, будь то откровенная жажда власти или самая нежная любовь. Оттого-то так прагматичны его рецепты и, быть может, так трагична его собственная судьба.

Хань Фэй-цзы принадлежал к роду правителей царства Хань, располагавшегося в среднем течении реки Хуанхэ, почти в самом центре тогдашнего Китая. Царство это было слишком слабым, чтобы применить на практике политические концепции Хань Фэй-цзы и создать мощную централизованную державу, — зато у будущего императора Цинь Ши-хуана, случайно познакомившегося с книгой философа, ее положения вызвали неподдельный восторг: Цинь Ши-хуан даже напал на маленькое Хань и добился, чтобы ему выдали полюбившегося автора. К сожалению, вскоре выяснилось, что друзья познаются не только в беде, но и в удаче; точнее, они порой способны превратить одно в другое. Бывший соученик философа, канцлер Ли Сы, обеспокоенный его неожиданным фавором, стал убеждать самодержца не слишком доверять чужестранцу, к тому же родственнику ханьского царя, преследующему неведомо какие цели... Печальный финал этой истории читателю уже известен из вступительной статьи. Что же до текста книги «Хань Фэй-цзы», то он был переведен на русский язык А. Ивановым (Материалы по китайской философии. Введение. Школа Фа. Хань Фэй-цзы. Перевод. СПб., 1912) и с тех пор публиковались лишь его фрагменты.

ИЗ ГЛАВЫ VI

Закон не должен потворствовать знатным, отвес не должен подделываться под кривизну. Там, где действует закон, умный не может его обойти, храбрый не смеет ему противиться; наказания за проступки не минуют и сановников, награды за добрые дела не обходят и простолюдинов. Вот почему ничто не сравнится с законом, когда надо исправить проступки знати и покарать преступления простолюдинов, усмирить мятеж и осудить заблуждение, избавиться от излишеств и устранить нелепость, установить единые правила для всего народа. И ничто не сравнится с наказаниями, когда надо подхлестнуть чиновников и утратить народ, искоренить разврат и леность, пресечь ложь и коварство. Когда наказания суровы — знать не смеет обижать простолюдинов, когда законы в почете — знать уважают и не посягают на ее права. Когда знать уважают и не посягают на ее права, тогда и положение государя прочно и он располагает должной властью. Вот почему прежние государи почитали законы и передавали их один другому. Когда же государь отбрасывает законы и действует по собственному произволу — исчезают различия между верхами и низами.

ИЗ ГЛАВЫ XII

Некогда чжэнский князь У-гун задумал напасть на Ху. И вот, желая расположить к себе хуского государя, первым делом отдал за него дочь. После чего стал совещаться с приближенными:

— Хочется пустить в ход оружие. На кого бы напасть?

Сановник Гуань Цисы предложил:

— Можно напасть на Ху.

Государь разгневался и строго его отчитал:

— Ху — братское княжество, а ты предлагаешь на него напасть. Как это понимать?!

Хуский государь, прослышав о том, решил, что Чжэн и впрямь дружественная страна, и перестал ее остерегаться. А чжэнцы внезапно напали на Ху и завладели им.

Жил в Сунском царстве один богатей. И вот как-то раз, после сильного ливня, рухнула стена, которой был обнесен его дом.

— Если ее не отстроить, — сказал сын богача, — нас непременно ограбят.

То же сказал и старик сосед.

В ту же ночь их и впрямь ограбили дочиста. И вся семья хвалила сына за прозорливость. Старика же соседа заподозрила в грабеже...

Мицзы Ся был любимцем вэйского государя. А в Вэйском царстве был закон: тому, кто самовольно запряжет царскую колесницу, отрубали ноги. И вот однажды у Мицзы Ся захворала мать, и некий человек поспешил прибежать к нему ночью, чтобы сообщить об этом. И тогда Мицзы Ся, сославшись на мнимый царский приказ, отправился к матери на царской колеснице. Государь же, услышав о том, пришел в восхищение и сказал так:

— До чего же он почителен! Ради матери забыл, что ему могли отрубить ноги!

А еще как-то раз, прогуливаясь с государем в саду, Мицзы Ся сорвал персик. И до того был он сладок, что любимец, не доев, предложил полперсика государю. И государь сказал:

— Как же он меня любит! О себе забывает — лишь бы меня попотчевать!

Когда же прелесть Мицзы Ся увяла, государь к нему охладел — и впал он в немилость. И теперь уже государь говорил:

— Каков! Ведь он пошел на обман — дабы воспользоваться моей колесницей. Да еще угощал меня недоеденным персиком!

Некий Бянь Хэ, что жил в Чу, нашел в тамошних горах неотделанную яшму и с благоговением преподнес ее царю Ли-вану. Государь приказал ювелиру оценить ее. А тот сказал:

— Это простой камень.

Царь посчитал Бянь Хэ обманщиком — и повелел отрубить ему левую ногу.

После смерти Ли-вана на престол взошел У-ван. И Бянь Хэ почтительно преподнес свою яшму новому государю. Государь приказал ювелиру оценить ее. Тот же снова сказал:

— Это простой камень.

И царь, посчитав Бянь Хэ обманщиком, повелел отрубить ему правую ногу.

Когда У-ван умер, на престол взошел Вэнь-ван. А Бянь Хэ, взяв свою яшму, отправился к подножию Чуских гор, сел там на землю и заплакал. Плакал три дня и три ночи. Когда слезы иссякли — заплакал кровью.

Царь, услышав о том, послал к нему человека — узнать, в чем дело.

— В Поднебесной полно безногих, — сказал царский посланец, — стоит ли так убиваться?!

— Скорблю не об отрубленных ногах, — ответил ему Бянь Хэ, — скорблю о том, что драгоценный камень сочли простым булыжником, а преданного мужа — обманщиком. Вот отчего убиваюсь!

И тогда царь повелел ювелиру отделать этот камень как подобает — и получилась драгоценность, которую так и называли «Яшма Хэ».

ИЗ ГЛАВЫ XXI

Дамба в тысячу чжанов может рухнуть, если в ней заведутся муравьи; дом в сотню чи может загореться из-за трещины в дымоходе. Потому и говорят: «Когда Бай Гуй был смотрителем дамбы, он заделывал в ней муравьиные ходы; старик, опасаясь пожаров, замазывал трещины в дымоходе». Вот почему у Бай Гуя никогда не бывало наводнений, а у старика не бывало пожаров: и тот, и другой

остерегались легкого — дабы избежать тяжкого, были осмотрительны в малом — и тем отвращали большое.

Бянь Цюэ встретился как-то с цайским князем Хуань-гуном и, взглянув на него, сказал:

— У вас заболевание кожи. Если не взяться за лечение — боюсь, как бы не стало хуже.

— Нет у меня никакой болезни, — ответил князь. Когда же Бянь Цюэ удалился, заметил:

— Врачи любят лечить здоровых — дабы этим нажить себе славу!

Десять дней спустя Бянь Цюэ вновь встретился с князем и сказал ему:

— Ваша болезнь уже проникла под кожу. Если не взяться за лечение — она обострится.

Князь промолчал. Но когда Бянь Цюэ вышел — призадумался.

Еще через десять дней Бянь Цюэ снова встретился с князем и сказал ему:

— Болезнь перешла в кишки и желудок. Если не взяться за лечение — будет совсем плохо!

И опять Хуань-гун промолчал. Но когда Бянь Цюэ удалился — опечалился.

А еще через десять дней Бянь Цюэ только взглянул на князя издали — и пустился бежать. Хуань-гун послал вдогонку человека, чтобы узнать — в чем дело. И Бянь Цюэ ответил так:

— Пока болезнь на поверхности кожи, с нею можно справиться с помощью снадобий и растираний. Когда она проникает под кожу, с нею можно управиться с помощью игл из металла и камня. Когда проникает в кишки и желудок, ее можно еще одолеть с помощью жаропонижающих средств. Но если она добралась до костного мозга — то уже подлечит ведению Судьбы, и медицина здесь бессильна. Ныне же болезнь проникла в костный мозг.

Прошло пять дней — и Хуань-гуну стало совсем плохо. Он послал за Бянь Цюэ — но тот уже сбежал в Цинь. Так князь и умер.

Недаром ведь хороший лекарь, чтоб исцелить больного, берется за болезнь, пока она еще на поверхности, — борется с нею, пока она мала. У счастья и несчастья тоже есть своя «поверхность». Потому-то и говорят: «Мудрый берется за дело вовремя»!

Некий простолюдин из Сунского царства нашел необработанную яшму и преподнес ее Цзыханю. Но тот отказался ее взять.

— Эта драгоценность, — сказал простолюдин, — достойна того, чтобы вырезать из нее чашу для благородного мужа. Я же, ничтожный, ее не стою.

— Для тебя драгоценна яшма, — ответил Цзыхань. — Мне же дорого то, что я от нее отказался.

Чжаоский государь Сян-цзы учился у Ван Цзыци искусству править лошадьми. И вот однажды, состязаясь с ним, трижды менял лошадей — и трижды оставался позади.

— Ты не до конца открыл мне тайны мастерства, — сказал царь.

— Я открыл вам все тайны, — сказал Ван Цзыци, — только вы их еще не постигли. Главное в искусстве возничего — чтоб колесница была удобна для коня, а помыслы возницы согласовались с бегом коня; только тогда побежит он и быстро, и далеко. Вы же, отстав от меня, помышляли лишь о том, как бы меня догнать, а обогнав, боялись, как бы я не догнал вас. Но ведь, состязаясь, всегда будешь либо впереди, либо позади соперника. И если будете при этом помышлять лишь о сопернике — как же вы согласуете свои мысли с бегом коня? Поэтому и отстаете.

Когда Чжоу-ван завел себе палочки для еды из слоновой кости, министр его Цзи-цзы был крайне этим встревожен. И рассуждал он так:

— Такими палочками не станешь есть из глиняной миски — для них нужна посуда из нефрита и носорожьего рога. Такими палочками и из такой посуды не станешь есть бобы и гороховую ботву — для них нужны изысканные яства. Но ведь изысканные яства не будешь есть в простой сермяге, в лачуге, крытой камышом, — для них нужны наряды из парчи на девяти подкладках, просторные хоромы и высокие башни. Боюсь, что он плохо кончит, — потому и встревожен тем, как он начинает.

Уже через пять лет Чжоу-ван завел у себя Мясной сад, поставил Большие жаровни, насыпал холм из Винной гуши, прогуливался у Винного озера... И тем навлек на себя погибель.

Когда чуский царь Чжуан-ван собрался напасть на Юэ, Ду-цзы, желая его от этого отговорить, спросил:

— Почему вы хотите напасть на Юэ?

— Там слабое войско и расстроенное правление,— ответил царь.

— А я так вот, по глупости своей, опасаюсь этого нападения,— сказал Ду-цзы.— Ведь разум наш подобен глазу: способен разглядеть, что творится за сто шагов, а собственных ресниц — не видит. Ваше войско, государь, уже потерпело поражение от Цинь и Цзинь, и вы лишились нескольких сот ли земли — вот вам слабое войско. В ваших владениях разбойничает Чжуан Цзюэ, и чиновники ваши не в силах с ним справиться — вот вам расстроенное правление. Войско ваше не менее слабо, а правление не меньше расстроено, чем в Юэ. Вы же собираетесь напасть на Юэ — это ли не пример того, что разум подобен глазу!

И царь отказался от своей затеи.

Цзыся встретился с Цзэн-цзы, и тот спросил:

— Отчего ты так располнел?

— Победил в нелегкой борьбе,— ответил Цзыся.— Оттого и располнел.

— Что это значит? — спросил Цзэн-цзы.

И Цзыся ответил так:

— Пока я был дома, я постигал учение древних государей — и пришел в восхищение. Когда же пустился странствовать, то увидел радости богатых и знатных — и тоже пришел в восхищение. Две истины вступили в схватку в моей груди, я не знал, какая из них одолеет, а какая уступит,— и оттого исхудал. Ныне же путь древних государей одержал во мне верх — вот я и располнел!

ИЗ ГЛАВЫ XXII

Однажды Си-цзы пришел к Тянь Чэн-цзы в гости, и они вместе поднялись на его башню и стали оттуда смотреть на все четыре стороны. С трех сторон все было открыто, посмотрели на юг — деревья, что росли у дома Си-цзы, закрывали обзор. Тянь Чэн-цзы ничего не сказал.

А Си-цзы, вернувшись домой, повелел немедленно срубить деревья. Но не успели порубщики и несколько раз ударить топором, как Си-цзы приказал им остановиться.

— Почему вы вдруг передумали? — спросил его домоправитель.

— Есть древняя пословица, — ответил Си-цзы: — «Увидишь рыбу в омуте — накличешь на себя беду». Тянь-цзы задумал большое дело, и покажи я ему, что читаю его мысли, — мне несдобровать! Если не срублю деревья — никакой моей вины не будет. А вот разгадать то, о чем человек умалчивает, — это уже вина, и большая! Вот я и решил их не рубить.

Чжи-бо потребовал земель у вэйского Сюань-цзы — но тот ответил отказом.

— Почему вы ему отказали? — спросил Жэнь Чжан.

— Он требует земель без всяких на то оснований, — сказал государь, — вот я и отказал.

— Если он требует земель без всяких оснований, — сказал Жэнь Чжан, — это должно испугать соседние княжества. И чем ненасытней он будет в своих желаниях, тем больший страх это вызовет в Поднебесной. Если же вы дадите ему землю, Чжи-бо возгордится и исполнится презрения к врагам — а соседние княжества, утрашившись, вступят друг с другом в союз. И если объединенные их силы выступят против удела, правитель которого недооценивает врагов, — этот Чжи-бо недолго протянет. В «Истории Чжоу» сказано: «Если хочешь кого одолеть — сперва уступи ему. Если хочешь у кого взять — сперва дай ему». Так что уж лучше ему дать — дабы он возгордился еще пуще. Да и стоит ли допускать, чтобы Поднебесная оставила свои замыслы в отношении Чжи-бо, а наше княжество стало единственной его мишенью?

— Ты прав, — сказал князь. И пожаловал Чжи-бо удел в десять тысяч дворов. Чжи-бо возликовал — и тут же потребовал земель у царя Чжао. Тот отказал ему — и Чжи-бо осадил Цзиньян. И тогда княжества Хань и Вэй двинули на Чжи-бо свои силы, царь Чжао к ним присоединился — и Чжи-бо был сокрушен!

Цзыюй представил Конфуция сунскому министру. Когда Конфуций удалился, Цзыюй вошел к министру — узнать его мнение о госте.

— После того как я увидел Конфуция, — сказал министр, — вы уже кажетесь мне крошечным — как вошь или блоха. Я сегодня же представлю его государю.

И тогда Цзыюй, опасаясь, что государь слишком возысит Конфуция, сказал министру:

— Когда государь увидит Конфуция, вы тоже покажетесь ему вошью или блохой!

И министр отказался от своего намерения.

Когда озеро пересохло, жившие там змеи решили перебраться в другое место. И маленькая змейка сказала большой змее:

— Если вы поползете первой, я же следом за вами, люди подумают: «Вот ползут две змеи» — и уж кто-нибудь из них непременно вас убьет. Лучше будет, если вы потащите меня на спине — прихватив зубами. Тогда они подумают, что я — змеинная богиня.

И большая змея, прихватив маленькую зубами и взвалив ее на спину, поползла с ней через дорогу. А люди и впрямь обходили их стороной и говорили:

— Это змеинная богиня!

Некий человек преподнес в дар чускому царю лекарство от смерти, и привратник понес его в царские покои. Лучник, стоявший на страже, спросил у привратника:

— А есть это — можно?

— Можно, — ответил привратник.

И лучник взял пригоршню пилюль — и съел.

Царь пришел в ярость — и повелел казнить лучника. Тот же попросил передать царю так:

— Я ведь только спросил у привратника — и он сказал, что есть это — можно. Ну, я и съел. Так что не я виноват, а привратник. И опять же: государю подарили лекарство от смерти — а я его принял. И если он теперь меня казнит, то и получится, что лекарство-то это — смертельное, а государя просто-напросто надули. Так что чем казнить невинного и признавать тем самым, что тебя же и надули, уж лучше меня помиловать.

И царь не стал его казнить.

Когда луский царь Му-гун задумал послать своих сыновей на выучку в Цзинь и Чу, Ли Чу сказал ему:

— Это то же самое, что послать за помощью в Юэ, чтобы спасти упавшего в воду ребенка: хотя юэсцы отличные пловцы, ребенку этому — не жить. Или же, в случае пожара, послать за водой к морю: воды в море много, да только огонь ею не потушишь — ибо дальняя вода не спасет от близкого огня. Цзинь и Чу сильны — зато Ци находится рядом. И случись беда, боюсь, они нас не спасут!

Во время охоты Мэн Сунь изловил олененка и повелел Циньси Ба, чтоб тот отнес его к себе домой. Олениха бежала следом и жалобно стонала. И Циньси Ба, не выдержав, отдал ей олененка. Мэн Сунь же, вернувшись с охоты, пришел за ним к Циньси Ба.

— Я не выдержал, — сказал Циньси Ба, — и отдал его матери.

И Мэн Сунь в гневе прогнал его прочь. А через три месяца снова призвал к себе — и назначил наставником к сыну.

— Еще недавно вы обвинили его в проступке, — сказал Мэн Суню возникший, — зачем же теперь призвали и назначили наставником?

— Он пожалел олененка, — сказал Мэн Сунь, — может, пожалеет и сына?

Однажды Чжоу-ван устроил многодневную попойку — при свечах и закрытых окнах. И так одурел от веселья, что не знал уже — какой нынче день. Спросил у приближенных — не знали и те. Послал спросить у Цзицзы. А тот сказал своим близким:

— Правит Поднебесной, а никто в столице не знает, какой нынче день, — значит, плохи дела Поднебесной. Но если никто не знает, а я один буду знать, — тогда плохи мои дела!

И сославшись на то, что и сам пьян, сказал, что не помнит.

Один житель Лу умел хорошо плести обувь, жена же его искусно ткала шелковые ткани. Решили они перебраться в Юэ. И кто-то сказал мужу:

— Вы там непременно разоритесь.

— Почему же? — спросил лусец.

И человек тот пояснил:

— Обувь нужна, чтоб ходить в ней, — а юэсцы ходят босиком. Из шелка делают шляпы — а юэсцы ходят простоволосые. Если вы со всем вашим умением переберетесь туда, где нет в нем нужды, то уж как ни старайтесь — а разорения вам не миновать!

Когда Чэнь Чжэнь удостоился милости вэйского царя, Хуэй-цзы сказал ему:

— Умейте услужить и приближенным. Взгляните на тополь: посади его вкось — будет жить; посади вверх ногами — будет жить; посади от него черенок — все равно будет жить! Но пусть хоть десять человек сажают тополя, стоит кому-то одному выдернуть саженцы с корнем — и им уже не жить. Отчего же десяток человек, посадивших живучее дерево, не одолеют одного? Оттого что растить трудно, а выдернуть — легко. И хоть вы и сумели укорениться в сердце государя — слишком много найдется таких, что захотят вас оттуда изгнать. Так что будьте осторожны!

Некий житель Вэйского царства, выдавая дочь замуж, наставлял ее:

— Постарайся побольше накопить. Ведь жен часто прогоняют — мало кому удастся дожить вместе с мужем до старости.

И дочь принялась копить. Свекровь же ее, полагая, что невестка слишком уж о себе заботится, прогнала ее из дома. И дочь привезла домой вдвое больше, чем увезла когда-то приданого. Отец же ее и не думал себя упрекать за дурной совет — напротив, считал себя мудрецом, ибо удалось приумножить богатство семьи.

Ныне те, что занимают чиновничьи должности, поступают подобным же образом.

Лу Дань трижды подавал советы чжуншаньскому князю — но тот им не внимал. Тогда, потратив пятьдесят золотых, он подкупил его приближенных. И при первой же встрече государь, без лишних слов, усадил его за пиршественный стол.

Выйдя из дворца, Лу Дань не стал даже заезжать в гостиницу, а поспешил немедленно уехать.

— Сегодня вас впервые приняли с почетом, — сказал ему возница. — Зачем же вы покидаете княжество?

— Князь оказал мне почет с чужих слов, — ответил Лу Дань. — Так же, с чужих слов, обвинит и в преступлении.

И впрямь: не успели они достигнуть границ княжества, а уж кто-то из княжеских сыновей стал хулить Лу Даня:

— Он приехал сюда шпионить за нами по наущению чжаоского царя.

И чжуншаньский князь повелел начать розыски Лу Даня — дабы привлечь его к ответственности.

ИЗ ГЛАВЫ XXIII

Бо Лэ обучал двух конюхов, как распознать коня, который любит лягаться. Повел их на конюшню Чжао Цзянь-цзы — посмотреть лошадей. Один из учеников тут же отыскал лягающегося коня. Другой подошел к нему сзади, трижды огладил круп — но конь не взбрыкнул. Первый конюх решил, что ошибся. Но другой ему сказал:

— Ты не ошибся. Только у этого коня вывихнуто плечо, а колени на передних ногах — опухли. Лягаясь, конь взбрыкивает задними ногами, а на передние — опирается. Но если колени его опухли, он не может уже опереться на передние ноги — а потому не может взбрыкнуть и задними. Ты уже способен распознать, какой конь лягается, — да только не научился еще замечать опухшие колени!

Некий Цзянь Чжи-цзы, богатый сунский купец, торгуясь с соперниками за неотделанную яшму, что стоила сто золотых, выронил ее — будто бы нечаянно — из рук и разбил. И дабы возместить убыток, тут же уплатил за нее сотню золотых. После же, поправив ее и отделав, выручил за нее вдесятеро больше!

Один человек, что жил по соседству с буйным нахалом, решил продать дом и уехать. Кто-то ему посоветовал:

— Погодите — дайте уж ему натешиться досыта.

— Боюсь, что тешиться он будет за мой счет, — ответил человек. И уехал.

Недаром говорят: «Когда грозит беда — не стоит мешкать!»

Цзиньский Чжунсин Вэнь-цзы, спасаясь от гибели, проезжал через уездный городок.

— Здешний начальник, — сказал ему кто-то из спутников, — старый ваш друг. Почему бы вам не отдохнуть в его доме? Заодно бы дождались, пока подъедут отставшие колесницы.

— Когда-то любил я музыку, — сказал Вэнь-цзы, — и этот человек подарил мне прекрасную цитру. Любил подвески из нефрита — и он же подарил мне нефритовые кольца. Ища моего расположения, он потворствовал моим слабостям. Боюсь, как бы теперь, помогаясь расположением других, он не пожертвовал мною.

И поспешил уехать. А начальник тот и впрямь задержал две отставшие колесницы Вэнь-цзы и передал их новому правителю.

Когда чуский царь напал на царство У, усцы послали в чуское войско Цзюй Вэя и Цзюэ Жуна — чтоб те подпоили солдат.

— Свяжите их, убейте и кровью смажьте барабаны! — приказал чуский полководец.

И вот воины спросили пленников:

— Перед тем, как отправиться к нам, вы гадали?

— Гадали, — ответили пленники.

— Ну и как, удачным ли было гадание?

— Удачным, — ответили пленники.

— А мы вот сейчас смажем вашей кровью барабаны — что вы на это скажете? — спросили чусцы.

— Это лишь подтвердит, что гадание было удачным, — ответили пленники. — Нас ведь затем сюда и послали, чтобы разведать — каков у чусцев полководец. Если свирепый — значит, рвы надо рыть поглубже, а валы насыпать — повыше. А если мягкий — мы бы только расслабились... Теперь же, когда ваш полководец нас казнит, жители У повысят бдительность и укрепят оборону. Ведь гадали-то мы не о себе — о царстве. Нас казнят, а царство спасется — разве это не удача?! К тому же, если мертвые

ничего уже не сознают, мазать нашей кровью барабаны — бесполезно. А если сознают — то мы-то уж во время битвы заставим ваши барабаны замолчать!

И чусцы не стали их убивать.

ИЗ ГЛАВЫ XXX

Мицзы Ся, пребывая в милости у вэйского Лин-гуна, хозяйничал в царстве как хотел. И вот однажды некий карлик, явившись к государю, сказал ему:

— Сон мой сбылся!

— Что же тебе приснилось? — спросил государь.

— Приснился очаг, — ответил карлик, — и вот я увидел вас.

— Я слышал, — сказал государь в гневе, — что перед тем как лицезреть монарха, видят во сне солнце. Отчего же ты, перед тем как нас увидеть, видел во сне лишь какой-то очаг?!

— Солнце, — сказал карлик, — озаряет всю Поднебесную — и нет ничего, что могло бы надолго его заслонить. Государь озаряет все царство — и нет никого, кто мог бы надолго его заслонить. Потому-то перед тем, как его лицезреть, и видят во сне солнце. Если же кто-то один греется у очага — остальным огня уже не видно. Вот кто-то и вас заслонил от всех остальных — так что, может, не зря мне приснился именно очаг?

Шусунь, что был первым министром в Лу, был из знатного рода и обладал огромной властью. А некий Шу Ню был его любимцем и, прикрываясь именем Шусуня, своевольничал как хотел.

У Шусуня был сын, звали которого Жэнь. Шу Ню, ему завидуя, хотел его погубить и повез с этой целью в царский дворец. Государь пожаловал Жэню кольцо из нефрита — тот почтительно его принял, но на пояс надеть не решился и хотел через Шу Ню испросить на то разрешения отца. А Шу Ню, желая его обмануть, сказал:

— Я уже спрашвал. Отец разрешил тебе носить кольцо.

Лишь после этого Жэнь надел кольцо на пояс. Шу Ню же сказал Шусуню:

— Отчего бы вам не замолвить за Жэня словечко перед государем?

— Он совсем еще ребенок, — возразил Шусунь. — Как можно говорить о нем с государем?

— Но он уже не раз бывал при дворе, — сказал Шу Ню, — и государь пожаловал ему кольцо из нефрита. Он уже носит его на поясе.

Шусунь повелел позвать Жэня и увидел, что тот и вправду носит на поясе кольцо. И отец, впав в ярость, убил сына.

У Жэня был старший брат, звали которого Бин. Шу Ню, ему завидуя, замыслил погубить и его. Однажды Шусунь повелел отлить для сына колокол. Когда колокол был готов, Бин не посмел в него ударить, но послал Шу Ню к отцу — испросить на то дозволения. Шу Ню же не стал спрашивать дозволения и, желая обмануть Бина, сказал ему:

— Я уже спрашивал. Отец разрешил тебе ударить в колокол.

И Бин ударил. Шусунь же, услышав, сказал:

— Не спросив разрешения, самовольно ударил в колокол!

И в гневе прогнал сына прочь. Бин уехал в Ци. Через год Шу Ню выпросил для него прощение — и Шусунь послал его за сыном. Но Шу Ню и не подумал предложить Бину вернуться домой. Отцу же доложил так:

— Звал я его. Только сын ваш очень уж рассержен и домой возвращаться не хочет.

И Шусунь, впав в ярость, послал в Ци людей с приказом убить сына.

И вот, когда оба сына Шусуня погибли, а сам он заболел, Шу Ню стал ухаживать за ним в одиночку. Он удалил от больного всех приближенных и никого к нему не подпускал, объяснив это так:

— Шусунь не хочет слышать человеческого голоса!

Он перестал его кормить — и уморил голодной смертью. Когда же Шусунь скончался, Шу Ню никому о том не сказал и, обобрав его сокровищницу дочиста, бежал в Ци.

Пан Гун, отправляясь вместе с наследником престола заложником в Ханьдань, сказал вэйскому царю:

— Если бы нынче кто-то сказал, что на рынке объявился тигр, — вы бы этому поверили?

— Не поверил бы, — сказал царь.

— А если бы два человека сказали, что на рынке объявился тигр,— вы бы поверили этому?

— Не поверил бы,— сказал царь.

— А если бы три человека сказали, что на рынке объявился тигр,— тогда бы вы поверили?

— Тогда бы поверил,— сказал царь.

— Ведь ясно же,— сказал Пан Гун,— что нет на рынке никакого тигра. Но если три человека скажут, что он есть,— он появится! А ведь Ханьдань будет подальше от вэйского царства, чем рынок от вашего дворца, и людей, что захотят меня очернить, будет побольше, чем трое. Надеюсь, что вы, государь, примете это во внимание.

И что же? Когда Пан Гун вернулся из Ханьдани — царь не пожелал его видеть!

Дун Яньюй был правителем Нагорной области в Чжао. Однажды, проезжая по горам Шишань, он увидел там ущелье в сотню жэней глубиной, с крутыми, как стены, склонами. И спросил у жителей окрестных селений:

— Люди когда-нибудь туда спускались?

— Нет, никогда,— ответили жители.

— Может, спускались туда несмышленные дети? Помешанные? Слабоумные?

— Нет, никогда,— ответили жители.

— А может, спускались коровы, лошади, свиньи, собаки?

— Нет, никогда,— ответили жители.

И Дун Яньюй, глубоко вздохнув, сказал:

— Вот теперь я могу управлять. Если мои законы будут столь же безжалостны, как это ущелье, где каждого смельчака ждет гибель,— никто не посмеет их нарушать. Почему бы тогда и не править?!

Цзычань был чжэнским первым министром. Тяжело больной и будучи при смерти, он призвал к себе Ю Цзи и сказал ему:

— После моей кончины ты станешь управлять Чжэнским царством. С людьми обходись построже: огонь жесток — и оттого люди редко обжигаются; вода мягка — и оттого они часто тонут. Ужесточи наказания — чтоб никто не тонул из-за твоей мягкости.

Но когда Цзычань умер, Ю Цзи не захотел ужесточать наказания. И чжэнская молодежь, собравшись в шайки, занялась разбоем. Укрывшись на Камышовом озере, разбойники стали угрожать самому государству. Пришлось Ю Цзи, возглавив конное войско, вступить с ними в сражение. Сражение длилось целый день и целую ночь — лишь тогда удалось их осилить. И Ю Цзи сказал, глубоко вздыхая:

— Послушайся я вовремя советов Учителя — не пришлось бы теперь сожалеть, что дело зашло так далеко!

Вэйский царь Хуэй-ван как-то спросил Бу Пи:

— Не слышал ли — какая идет про меня слава?

— Я слышал, — ответил Бу Пи, — что царь у нас добрый и щедрый.

— Если так, — сказал обрадованный царь, — каковы же будут мои заслуги?

— Вы приведете царство к гибели, — ответил Бу Пи.

— Но доброта и щедрость — прекрасные качества, — сказал царь. — Как же можно, обладая ими, привести царство к гибели?!

— Добрый лишен строгости, — сказал Бу Пи, — а щедрый любит одарять. Если лишен строгости — значит, не наказывает провинившихся. Любит одарять — значит, награждает не по заслугам. Но если виновных не наказывают, а недостойных награждают — разве не кончится это гибелью царства?!

Юэский царь Гоу Цзянь, увидав на дороге лягушку, что напыжилась в гневе, оперся на передок колесницы и почтительно склонил пред нею голову.

— Зачем вы воздаете почести лягушке? — спросил возница.

— Если она такая храбрая, — ответил царь, — как же ее не почтить?

А воины и народ, услышав о том, говорили:

— Царь даже лягушке воздает почести — за храбрость. Что же он скажет об истинных храбрецах?!

И тогда же нашлись такие, что перерезали себе горло, завещав свою голову государю.

Ханьский князь Чжао-хоу велел припрятать свои поношенные штаны.

— Вы не великодушны, государь,— сказал слуга.— Прячете свои штаны, вместо того чтоб подарить кому-нибудь из приближенных.

— Ничего ты не понимаешь,— сказал князь.— Я вот слышал, что мудрый государь скупится даже улыбнуться лишний раз или нахмурить брови. А если уж улыбнулся или нахмурился — так, значит, есть тому причина. А тут — штаны, а не какая-нибудь там улыбка или нахмуренная бровь! Штанам совсем другая цена! Вот и хочу дожидаться человека, который их заслужит. Пока же такого нет — лучше их припрятать.

Циский царь Сюань-ван, желая послушать игру на свирели, непременно требовал, чтоб играли сразу триста музыкантов. Некий отшельник из южного предместья тоже вызвался играть для государя. Царь благосклонно внял его просьбе и назначил ему содержание, как и прочим. Когда же Сюань-ван скончался, на престол вошел Минь-ван. Тот любил сольные выступления. И отшельник поспешил удрать.

Сунский первый министр послал как-то раз одного из приближенных на городской рынок и, когда тот вернулся, спросил:

— Ну, что же ты видел на рынке?

— Да ничего особенного,— ответил посланец.

— И все-таки — что же?

— За южными воротами,— сказал посланец,— полно коров и повозок, с трудом удалось проехать.

— Никому не говори, о чем я тебя спрашивал,— сказал министр. А затем, вызвав к себе рыночного надзирателя, сделал ему замечание:

— Почему у рыночных ворот столько навоза?

И надзиратель, пораженный, что министр так быстро про это узнал, стал исполнять свою службу с трепетом

Яньский житель Ли Цзи любил дальние путешествия. Тем временем жена его тайно сошлась с женщиной. Как-то раз Ли Цзи вернулся неожиданно — и любовник был еще в доме. Жена перепугалась. Но служанка сказала:

— Пусть молодой господин выскочит как есть: голый и с распущенными волосами. Мы же сделаем вид, что ничего не видали.

И любовник, послушавшись ее совета, стремглав выбежал из дверей.

— Кто это такой? — спросил Ли Цзи.

— А никого и не было, — дружно ответили домашние.

— Уж не привидение ли я увидел? — спросил Ли Цзи.

— Так оно и есть, — сказала жена.

— Что же мне теперь делать?

— Взять навоз от пяти разных животных и омыться в нем, — сказала жена.

— Ну, так уж и быть, — согласился Ли Цзи. И омылся в навозе!

Жили в Вэйском царстве муж и жена. И вот как-то раз стали они молиться об удаче.

— Ах, как бы нам вдруг, ни с того, ни с сего, получить сто связок монет! — воскликнула жена.

— Почему же так мало? — спросил муж.

— Боюсь, если выпросим больше, ты купишь наложницу! — ответила жена.

Однажды вэйский царь подарил чускому царю красавицу, которая очень тому полюбилась.

Жена царя, царица Чжэн Сю, узнав, что государь полюбил красавицу, тоже ее полюбила — и даже еще пуще. Чего, бывало, та ни пожелает — будь то наряды или украшения — все ей дарила.

— Супруга моя поняла, как я люблю молодую жену, — сказал государь, — и полюбила ее даже пуще, чем я. Именно так почтительный сын должен угождать родителям, а верноподданный — служить государю!

Царица же, убедившись, что царь не считает ее ревнивицей, сказала как-то молодой жене:

— Государь от тебя без ума — но терпеть не может твоего носа! Поэтому, когда видишься с ним — прикрывай нос, и государь всегда будет к тебе благоволять.

Молодая жена послушалась ее совета и стала, при каждой встрече с царем, прикрывать нос.

— Почему это молодая жена всякий раз, при виде меня, прикрывает нос? — спросил государь супругу.

— Сама не знаю, — ответила царица. Когда же тот стал настаивать, сказала:

— Она мне как-то призналась, что не выносит вашего запаха.

— Так отрезать ей нос! — воскликнул разгневанный царь.

А царица успела уже перед тем наказать царскому слуге:

— Как только государь что прикажет — немедленно исполнить!

И слуга тут же выхватил нож и отрезал красавице нос.

Случилось это при цзиньском Вэнь-гуне: повар послал на княжеский стол жаркое — а к мясу прилип волосок. Князь велел позвать повара и стал строго ему выговаривать:

— Ты что же — хочешь, чтоб я поперхнулся?! Зачем ты это сделал?

А повар, дважды поклонившись князю до земли, сказал так:

— Я трижды заслуживаю смерти. Сначала, взяв точило, я заточил нож так, что стал он острым, как знаменитый меч Ганьцзян. Порезал им все мясо — а с волоском не справился: вот первая моя вина. Потом взял палку, нанизал на нее куски мяса — волоска же опять не приметил: вот вторая моя вина. Потом принес жаровню и раскалил все угли докрасна; мясо зажарилось — а волосок так и не сгорел: вот третья моя вина. Да уж нет ли при вашем дворе человека, что тайно меня ненавидит?

— Ты прав, — сказал князь. Позвал приближенных — и каждого по очереди строго допросил. Все так и оказалось. И князь казнил истинного виновника.

ИЗ ГЛАВЫ XXXII

Малые дети, играя, из пыли могут сварить кашу, из грязи — похлебку, а кусочки дерева сойдут у них за мясо. Но вечером все они возвращаются домой и там уже едят

по-настоящему: ибо в кашу из пыли и похлебку из грязи можно играть — но есть их нельзя. Так и с теми, кто превозносит древность: слова их красноречивы, но доверия не заслуживают. Толкуют о человечности и справедливости древних государей, а государством управлять не умеют: ибо во все это тоже можно только играть, а на деле применить нельзя!

Некогда циньский князь отдавал свою дочь за циньского княжича. Отправляя ее в Цзинь, велел снарядить для нее богатое приданое и послал вместе с дочерью семьдесят разнаряженных служанок. Когда же прибыли они в Цзинь, жених влюбился в одну из этих служанок — а княжной пренебрег.

Можно сказать, что этот циньский князь сумел просватать служанку — но не сумел просватать дочь!

Некий житель Чу приехал в Чжэн, чтобы продать там дорогую жемчужину. Он изготовил для нее футляр из редкостного дерева, окурил его душистым перцем и корицей, отделал жемчугом и яшмой, украсил красным камнем, а внутри выстлал перьями зимородка. И какой-то чжэнец купил у него этот футляр — а от жемчужины отказался.

Можно сказать про этого чусца, что футлярами торговать он умеет — а жемчуг продавать еще не научился.

Мо-цзы смастерил деревянного коршуна. Трудился над ним три года — а тот только день полетал и сломался.

— Ваше мастерство, Учитель,— сказал ученик,— дошло до того, что вы заставили летать даже деревянного коршуна!

— Моему мастерству,— ответил Мо-цзы,— далеко до мастерства того, кто делает простые скрепы для оглобель: берет кусочек дерева и трудится всего какое-нибудь утро — а повозка с его скрепами везет поклажу в тридцать даней. И везет далеко, и силы сберегает, и служит много лет. Я же трудился над своим коршуном целых три года — а он только день полетал и сломался!

Сунский царь, враждуя с Ци, решил построить крепость для обучения войск. Певца Гуя пригласили петь во время

строительных работ — и прохожие останавливались, а строители не знали усталости. Царь, прослышав о том, призвал к себе певца и одарил его.

— Мой учитель Шэ Цзи,— сказал Гуй,— поет еще лучше.

Царь пригласил Шэ Цзи и поручил ему петь для строителей. И прохожие уже не останавливались, а строители — уставали.

— Прохожие больше не останавливаются, а строители устают,— сказал царь Гую.— Почему же его пение так уступает твоему?

— А вы попробуйте сравнить результаты,— сказал Гуй.

И оказалось: когда пел Гуй, вал обшивали лишь в четыре слоя досок, когда же пел Шэ Цзи — в целых восемь! Попробовали вал на плотность — и что же? Участок, насыпанный при Гую, уминался на целых пять цуней, а насыпанный при Шэ Цзи — только на два!

Яньский царь был большой охотник до всяких тонких поделок. И некий вэйский житель вызвался вырезать для него мартышку из кончика терновой колючки. Царь пришел в восторг — и тут же пожаловал мастеру для прокормления надел в пять чэнов земли.

— Хотелось бы взглянуть на мартышку, которую ты вырезаешь из колючки,— сказал однажды царь.

— Если вы, государь, желаете ее увидеть,— сказал мастер,— вы целых полгода не должны входить в женские покои, пить вино и есть мясо. И лишь затем, на рассвете после дождя, можете взглянуть на нее в темном месте. Только так вы сумеете ее разглядеть.

И царь продолжал кормить пришельца — хотя и в глаза не видал его мартышки.

Как-то раз кузнец, что жил в Чжэнском царстве, в Тайся, сказал царю:

— Я делаю резцы. Ведь никакую тонкую вещь без резца не вырежешь. А то, из чего вырезают, уж непременно должно быть толще, чем острие резца. Но если это острие не умещается на кончике колючки — как же вырежешь им мартышку? Вы, государь, взгляните на его резец — и вам станет ясно: можно им вырезать мартышку или нельзя.

— Прекрасно,— сказал царь. И спросил мастера:

— Чем же ты вырезаешь свою мартышку?

— Резцом,— ответил пришелец.

— Хотелось бы на него взглянуть,— сказал царь.
— Позвольте, я только схожу за ним,— сказал пришелец. И поспешил удрать.

Эр Юэ из Сунского царства был искусный спорщик: утверждая, что «белая лошадь — не лошадь», сумел переспорить даже спорщиков из Цзися. Когда же, сидя на белой лошади, проезжал через заставу — уплатил налог за конный проезд. В пустых речах мог справиться с целым царством — но не мог обдурить того, кто знает дело!

Некий пришелец взялся обучить яньского царя, как стать бессмертным. Царь послал к нему человека — чтоб тот перенял его искусство. Но не успел человек этот выучиться, как учитель умер. Царь пришел в ярость — и казнил посланца. Так он и не понял, что пришелец тот его обманывал, и лишь понапрасну казнил человека, обвинив его в тупости и медлительности!

Два жителя царства Чжэн принялись спорить — кто из них старше.

— Я ровесник Яо,— сказал один.

— А я одногодок старшего брата Хуан-ди,— сказал другой.

Спорили, спорили — никак не могли друг друга переспорить. И победил тот, кто выбился из сил последним.

Какой-то пришелец подрядился нарисовать для чжоуского царя картину на кожице бобового стручка. Трудился над ней три года. Государь взглянул: стручок как стручок, только будто лаком покрыт. И разгневался.

— Прикажите построить стену в два чжана высотой,— сказал ему мастер,— и прорубить в ней окно в восемь чи. При первых лучах восходящего солнца положите стручок на окно — и посмотрите.

Государь так и сделал. И увидел, что весь стручок сплошь разрисован драконами и змеями, птицами и зверями, конями и колесницами. И все представлено с такими подробностями, что государь пришел в восторг.

Работа эта была, конечно, и трудной, и кропотливой. А пользы от нее — как от лакированного стручка!

Один заезжий художник рисовал для царя Ци.

— Кого труднее всего рисовать? — спросил царь.

— Труднее всего — собак и лошадей, — ответил художник.

— А кого легче всего?

— Легче всего — духов и бесов. Ведь собак и лошадей всякий знает, каждый что ни день видит их перед собой. Их кое-как не нарисуешь — оттого-то и трудно их рисовать. А духи и бесы вида определенного не имеют, да и видеть-то их никто не видел — потому и рисовать легко.

Жил в Ци отшельник Тянь Чжун. Сунец Цюй Гу как-то раз посетил его. И сказал так:

— Наслышан о ваших убеждениях — кормиться, не полагаясь на других. Есть у меня здоровенная тыква-горлянка — толстая, твердая как камень, а внутри — плотная. Хотел бы преподнести ее вам.

— Тыква-горлянка, — сказал Тянь Чжун, — ценится за то, что из нее можно сделать черпак. А ваша тыква толстая и плотная — значит, черпака из нее не сделаешь. Да еще и твердая как камень — значит, ее и не разрежешь. На что она мне нужна?

— В таком случае я ее выкину прочь, — сказал Цюй Гу. — Только ведь и вы, что кормитесь, не полагаясь на других, так же бесполезны для людей и для царства, как эта твердая тыква!

Один уездный житель из царства Чжэн попросил жену сшить ему штаны.

— А как же тебе их сшить? — спросила жена.

— Да наподобие моих старых, — пояснил муж.

И жена понаделала на новых штанах дыр и насажала заплат — чтоб походили на старые!

Один инский житель писал как-то письмо первому министру царства Янь. Дело было ночью, света не хватало, и он сказал слуге, что держал свечу:

— Держи свечу повыше!

И по рассеянности написал эти же слова и в письме — хотя письмо его было совсем не о том.

А яньский министр, получив письмо, принялся разгадывать его смысл:

— «Держи свечу повыше» — это, видимо, значит: «больше цени свет знаний». А «больше цени свет знаний» — это, конечно же, значит: «возвышай таланты и привлекай их на службу».

Министр доложил об этом царю — и тот пришел в восторг. А в Яньском царстве после этого наступило процветание.

Наступить-то оно наступило — да только письмо-то было вовсе не о том! А ведь многие из нынешних ученых, что толкуют древние книги, поступают точь-в-точь как тот министр.

Один чжэнский житель, собравшись как-то купить себе туфли, загодя снял с себя мерку — и положил на лавку. Когда же отправился на рынок, забыл захватить ее с собой. И вот уже присмотрел себе туфли — и вдруг вспомнил:

— Забыл захватить мерку!

И отправился домой — за меркой. Когда же вернулся с ней на рынок — все уже разошлось. Так он и не купил себе туфли.

— Почему же ты не примерил их прямо по ноге? — спросил его кто-то.

— Лучше поверить мерке, чем собственным ногам, — ответил чжэнец.

Циский князь Хуань-гун любил ходить во всем лиловом. И все его княжество поголовно тоже стало ходить в лиловом. Дошло до того, что за пять кусков белого шелка давали меньше, чем за кусок лилового. Озабоченный этим, князь сказал как-то Гуань Чжуну:

— Я люблю одеваться в лиловое — хотя лиловый шелк и дорог. Но и жители княжества все как один стали ходить в лиловом — и конца этому не видать. Что же теперь делать?

— Если хотите положить этому конец, — сказал Гуань Чжун, — почему бы вам самому не попробовать перестать носить лиловое? И приближенным своим скажите: «я не терплю даже запаха лилового шелка». И если кто из них зайдет к вам в лиловом, так ему и скажите: «посторонитесь-ка — ведь я не терплю даже запаха лилового шелка!»

— Так и быть, — сказал князь. И в тот же день никто

уже из придворных не ходил в лиловом. На другой день лиловое перестала носить столица. А на третий — от лилового отказалось все княжество!

Циский князь Цзин-гун совершал путешествие по берегам Малого моря, когда прибыл к нему из столицы конный вестовой и доложил:

— Ин тяжело заболел, вот-вот умрет, опасается, что уже не застанете его в живых.

Князь вскочил на ноги, — а тут с той же вестью уже примчался новый вестовой.

— Немедленно запрягите лучшего коня, — приказал князь, — а возничим поставьте Хань Шу!

Промчались лишь несколько сотен шагов — и князю показалось, что возница погоняет слишком медленно. Он выхватил вожжи и стал погонять сам. Промчались еще каких-нибудь несколько сотен шагов — и князю уже показалось, что и конь бежит медленно! И он, соскочив с колесницы, помчался бегом.

Вот ведь как: мчался на лучшем коне, с искуснейшим возницей — а предпочел соскочить с колесницы и побежать!

Жена Цзэн-цзы собралась на базар — а малолетний ее сын с плачем увязался за ней.

— Ступай домой, — сказала мать. — Вот вернусь с базара — заколю для тебя свинью.

Когда жена вернулась, Цзэн-цзы собрался уже изловить и заколоть свинью. Но жена его удержала:

— Я ведь только пошутила.

— Не стоит шутить с ребенком, — сказал Цзэн-цзы. — Он еще мало что понимает и всему учится у отца с матерью, во всем их слушается. Обманешь его — и он научится обманывать. А если мать обманывает ребенка, а ребенок не верит матери, — это уже не воспитание!

И тут же заколол и сварил свинью.

Чуский царь Ли-ван, в случае тревоги, должен был, ударив в барабан, известить о том народ и отправиться с ним на защиту границы. Как-то раз, сильно напившись, царь нечаянно ударил в барабан. Народ переполошился — и пришлось рассылать вестников, чтоб задержать людей и разъяснить им:

— Государь был пьян и, развлекаясь с приближенными, нечаянно ударил в барабан.

Люди разошлись. А несколько месяцев спустя случилась настоящая тревога. Царь ударил в барабан — и никто уже к нему не явился. Пришлось менять сигнал — чтобы народ поверил.

ИЗ ГЛАВЫ XXXIII

Симэнь Бао, управляя областью Е, был честен и справедлив, ревностен в делах и неподкупен. Но к приближенным князя относился без всякого уважения — и те сговорились очернить его перед государем. И когда он год спустя стал докладывать князю о положении дел, тот потребовал у него печать.

— До сих пор я не знал, как нужно управлять, и только теперь понял, — сказал Симэнь Бао. — Прошу вернуть мне печать и назначить на ту же должность. Не справлюсь — голову готов сложить на плахе!

Князь не смог ему отказать — и вернул печать. А Симэнь Бао принялся теперь всячески притеснять народ и всемерно потакать и угождать княжеским приближенным. И когда через год представил князю свой доклад — тот сам поспешил ему навстречу и принял самым любезным образом.

— Прежде, — сказал Симэнь Бао, — я управлял областью, заботясь о ваших интересах — и вы отобрали у меня печать. Теперь управляю ею в угоду вашим приближенным — и вы расточаете мне свои милости. Я так больше не могу!

И, вручив князю печать, хотел уйти. Но князь отказался ее принять и сказал так:

— Я вас прежде не знал — узнал лишь теперь. Прошу вас и впредь служить мне со всем усердием.

И так и не принял его отставки.

Некий чжэнский деревенщина продавал поросенка. Спросили его о цене.

— Возвращаться мне далеко, а солнце уж садится, — ответил чжэнец. — Некогда болтать о пустяках!

Князь Хуань-гун спросил своего министра Гуань Чжуна:

— Когда вы управляете государством — что доставляет вам наибольшие хлопоты?

— Мыши в храмах Земли и Злаков, — ответил Гуань Чжун.

— Чем же так досаждают эти мыши? — спросил князь.

— А видели вы, как воздвигают эти храмы? — спросил Гуань Чжун. — Кладут бревна, обмазывают их глиной. А мыши, проникнув вовнутрь, прогрызают там норы и в них поселяются. Если попробовать их выкурить — так боязно: как бы не случился пожар. Попробовать залить водой — опять же боязно: как бы не отвалилась глина. И потому никак до этих мышей не доберешься. Вот так же и ваши, государь, приближенные: за пределами вашего двора, пользуясь своей властью, притесняют народ, а при дворе сговариваются, как бы выгородить друг друга перед вами. Выведывают и разглашают ваши тайны, везде и во всем друг другу потакают. А судебные чины со всем этим мирятся: ведь не накажи их — нарушишь закон, а накажи — подвергнешь опасности жизнь государя! Оттого их и терпят. Это те же мыши — только в государственном масштабе!

Тан Си-гун сказал князю Чжао-хоу:

— Предположим, что есть у вас нефритовый кубок ценою в тысячу золотых — да только без донышка. Можно ли налить в него воды?

— Нельзя, — сказал Чжао-хоу.

— А если это всего лишь простая глиняная кружка, которая не протекает, — можно ли налить в нее вина?

— Можно, — сказал Чжао-хоу.

— Глиняная кружка, — сказал Тан Си-гун, — ничего не стоит, но если не протекает — в нее можно налить вина. А нефритовый кубок, что стоит тысячу золотых, пусть он и дорог, но если нет у него дна — в него не нальешь и воды. Так кто же решится что-то в него налить? Когда государь разглашает слова своих подданных — он уподобляется этому нефритовому кубку, что не имеет дна. И будь он даже мудрецом, он не сумеет в полной мере проявить свои таланты — а все оттого, что разглашает тайны!

— Ты прав,— сказал Чжао-хоу. И отныне перед принятием важных решений, касающихся Поднебесной, всегда спал один — боясь и во сне проговориться о своих замыслах.

Жил в Сунском царстве один виноторговец: товар отпускал без обману, с покупателями обходился уважительно, и качество вина было отменное, и флаг над его лавкой висел высоко — а вино расходилось туго и оттого скисало. Не зная, в чем тут причина, решил он спросить о том старого Ян Цянь, что жил на той же улице.

— А собака у тебя злая? — спросил Ян Цянь.

— Собака-то злая,— ответил торговец,— да только при чем тут моя плохая торговля?

— А при том, что люди боятся твоей собаки,— сказал Ян Цянь.— Иной и послал бы к тебе за вином ребенка с деньгами и кувшином — так ведь она бросится на него и укусит. Оттого-то и киснет твое вино, и не находит сбыта.

А ведь есть такие собаки и при дворе. И когда достойный муж, преисполненный благих замыслов, пожелает просветить государя, то сановники его, подобно злым собакам, бросаются на этого мужа и кусают его. Оттого-то государь и пребывает в опасном неведении, а достойные мужи не находят себе применения!

ИЗ ГЛАВЫ XXXV

Гунсунь И в бытность свою первым министром царства Лу пристрастился к рыбе. И все в царстве наперебой покупали рыбу, чтобы преподнести ему — но он решительно отказывался ее брать.

— Отчего же вы, Учитель, при всей вашей любви к рыбе, никогда не принимаете подношений? — с укором спросил ученик.

— Оттого и не принимаю, что люблю,— ответил Гунсунь И. — Ведь если буду их принимать — неизбежно начну приспособливаться к другим. Приспособливаясь к другим, стану нарушать законы, а нарушая законы, потеряю должность. И уж тогда-то, как бы ни любил я

рыбу, никто мне ее не поднесет — да и у меня не будет уже возможности часто ее покупать. Отказываясь от подношений, я сохраню свою должность — и долго еще смогу покупать себе рыбу!

ИЗ ГЛАВЫ XXXVI

Некий чусец продавал щит и копье. И, расхваливая свой щит, говорил:

— Мой щит такой крепкий, что ничем его не прошибешь!

А расхваливая копье, говорил:

— Копье мое такое острое, что прошибет все, что угодно!

Кто-то спросил его:

— А что же будет, если твоим копьем да ударить по твоему щиту?

И чусец ничего не смог ответить. Ибо не могут существовать одновременно щит, который ничем не прошибешь, и копье, которое прошибет все, что угодно!

ИЗ ГЛАВЫ XXXVII

Когда Хуань-гун был князем в Ци, прибыл к нему гость из Цзиньского царства, и кто-то из министров спросил государя — как следует его принять?

— Доложите об этом Чжунфу, — сказал Хуань-гун. И повторил это трижды. А какой-то актер, смеясь, заметил:

— Легко же быть государем! Знай себе повторяй: «доложите об этом Чжунфу», «доложите об этом Чжунфу»!

— Я слышал, — сказал Хуань-гун, — что труд государя — в том, чтоб находить людей. А используя их — он отдыхает. Найти Чжунфу было непросто — зато теперь, когда я его нашел, мне и впрямь стало легко!

Чжэнский сановник Цзычань выехал как-то утром из дома и, проезжая мимо чьих-то ворот в Восточном переулке, услышал женский плач. Он схватил возницу за руку — и прислушался. А затем послал чиновника — чтоб тот задержал эту женщину и допросил. И оказалось: женщина эта собственноручно удавила мужа.

— Как же вы, Учитель, об этом узнали? — спросил его как-то возница.

— В ее голосе был страх, — ответил Цзычань. — Ведь каждый человек, который любит своих близких, если они захворают — их жалеет, когда они при смерти, — страшится за них, а после их смерти — по ним убивается. Она же, плача об умершем, не убивалась — а только боялась. И я понял, что она притворяется.

ИЗ ГЛАВЫ XL

Если властью наделен мудрый — в Поднебесной царит спокойствие. Если ею наделен глупец — в Поднебесной начинается смута. Природа людей такова, что мудрых среди них — мало, а гупцов — множество, и если полностью власти наделяют гупца, способного возмутить мир, то много бывает таких, что используют эту власть, дабы внести в Поднебесную смуту, и мало таких, что используют власть, дабы дать Поднебесной мир и порядок. Ведь, пользуясь властью, легко навести порядок — но легко и вызвать смуту. Потому-то и сказано в «Чжоуских писаниях»: «Не привязывай тигру крылья — он полетит в селения, будет хватать людей и пожирать их». Допускать гупцов к власти — то же, что привязывать тигру крылья. Цзе и Чжоу воздвигали высокие башни, рыли глубокие пруды — и тем доводили людей до изнурения, сооружали жаровни — и подвергали людей мучительной казни. Они могли бесчинствовать вволю, ибо царская власть была для них то же, что крылья для тигра. А будь они простолюдинами — их казнили бы за первое же преступление!

В древние времена чжоуский Вэнь-ван, пребывая в Фэн и Хао, земли имел сотню ли вдоль и столько же — поперек. Поступая в соответствии с человечностью и справедливостью, он умиротворил западных жунов — и стал владыкой Поднебесной. Сюйский Янь-ван, пребывая к востоку от реки Хань, земли имел пятьсот ли вдоль и столько же — поперек. Поступая в соответствии с человечностью и справедливостью, он наделял своей землей вассалов — и тридцать шесть князей являлись к нему на прием. Но чуский Вэнь-ван, опасаясь, что Сюйское царство причинит ему вред, поднял войска, напал на него и уничтожил. Так чжоуский Вэнь-ван, поступая в соответствии с человечностью и справедливостью, стал владыкой Поднебесной, а сюйский Янь-ван, поступая подобным же образом, лишился царства. А все оттого, что человечность и справедливость были действены в древности и недейственны ныне. Потому и говорят: другие времена — другие и дела. Во времена Шуня племя юмяо не пожелало покориться — и Юй собрался пойти на него войной. Но Шунь сказал: «Нет, так не годится! Поднимать оружие на тех, кто мало почитает добродетель — противно Пути». И он целых три года умягчал их нравы, приказав своим воинам плясать перед ними со щитами и секирами в руках. И юмяосцы покорились. Когда же попробовали сделать то же самое во время войны с гунгунами — то те из воинов, чьи копья были коротки, были побиты, а те, чей панцирь был некрепок, — ранены. Ибо пляска со щитами и секирами была действена в древности и недействена ныне. Потому и говорят: другие дела — другие и способы. В древности состязались в добродетели, в средние века соперничали в хитроумных замыслах, а ныне меряются силой!

ИЗ „ЛЮЙШИ ЧУНЬЦЮ”

«Люйши чуньцю» — «Весны и осени Люй Бувэя» — обширный синкретический памятник, созданный при дворе князя Вэньсинь-хоу, более известного в истории под своим настоящим именем Люй Бувэя (? — 235 гг. до н. э.).

Люй Бувэй был личностью необыкновенной, умом выдающимся. Сколотив огромный капитал презренным по тем временам занятием — торговлей, он сумел сойтись с отцом будущего императора Цинь Ши-хуана, когда тот бедствовал на чужбине в качестве заложника при одном из царских дворов. Приняв совет Люй Бувэя и немалые деньги, принц обещал разделить с ним будущую власть на родине — и действительно, вскоре наследовал престол, который ранее ему даже не снился. Так торговец Люй Бувэй стал канцлером самого могущественного в Поднебесной государства, получив в свое кормление сто тысяч дворов — не все цари древности имели столько подданных! — княжеское звание и от малолетнего Цинь Ши-хуана почтительное наименование «второго отца». Кстати, молва утверждала, что Люй Бувэй действительно был отцом первого императора, поскольку его мать была прежде наложницей Люй Бувэя и попала в царский гарем уже беременной... Если это действительно так, то будущий деспот стал прежде всего проклятием собственных родителей. Дело в том, что овдовевшая царица продолжила свою незаконную связь с Люй Бувэем, который, впрочем, несколько этим тяготился, и вскоре сосватал ей «фальшивого евнуха». Когда преступная связь раскрылась, евнух, его родня и двое незаконных детей, прижитых вдовствующей царицей, были казнены, сама она сослана, а Люй Бувэй, страшая казни, покончил с собой.

Однако все это случилось, когда Люй Бувэй находился в весьма преклонных годах; до тех пор он долгие годы наслаждался богатством, властью и всем тем, что они давали. Более трех тысяч «гостей» кормилось при его блестящем дворе, и лучшие умы стекались к нему со всей Поднебесной. Они-то и создали

по его приказу «Весны и осени», представив в сжатом виде все позитивное знание тогдашнего мира, «объяв небо, землю и тьму вещей, дела древности и нынешних дней». Объем произведения был по тем временам внушительным — текст состоял из двухсот тысяч слов!

«Весны и осени Люй Бузэя» не были летописью, подобно «Веснам и осеням» Конфуция или историческим хроникам, что велись при царских дворах, однако в литературном и философском плане они претендовали на многое. Как дань привычному пониманию термина в них существует определенная привязка материала ко времени, хотя не ко времени историческому. Произведение состоит из «Двенадцати описаний», где изложение идет по месяцам и временам года, «Восьми обзрений» и «Шести рассуждений»; каждое из них, в свою очередь, делится на главы и главки. «Весны и осени Люй Бузэя» — труд поистине энциклопедический, в его составлении принимали участие представители всех главных школ и уроженцы разных царств; особенно же заметно здесь присутствие ученых из славного приморского царства Ци, в столице которого у городских ворот когда-то существовала своеобразная академия. Редактором этого труда обычно считают самого Люй Бузэя. До сих пор на русском языке публиковались только отдельные главы этого произведения — сейчас к ним добавляются новые переводы Г. А. Ткаченко.

Во времена Шан бытовало такое присловье: «Если уж небо ниспосылает несчастье или одаривает счастьем, на это всегда есть причины». Так же и государство: находится в состоянии внутренней смуты — непременно навлечет на себя и нападение извне. Если же внутренняя смута сама по себе и не приведет к гибели, то в сочетании с навлекаемым ею нашествием сделает дальнейшее существование государства невозможным.

Ибо, вообще говоря, войной идут либо ради выгоды, либо ради восстановления справедливости. Когда нападают на царство, охваченное смутой, его легко одолевают, и нападающий без труда завладевает трофеями. На фоне творящихся в таком царстве смут нападающий выглядит справедливым, благодаря чему и обретает славу. Трофеи же и слава в состоянии подвигнуть к решительным действиям не только мудрого правителя, но и властителя средней руки. Вот почему ни земельные уступки, ни дорогие подношения, ни униженные мольбы, ни изъявления покорности не в состоянии защитить царство от вторжения. Уберечь его может только твердый порядок внутри самого государства.

При твердом внутреннем порядке можно не опасаться ни нашествия алчущих выгоды, ни нападения искателей славы — ибо все нашествия и нападения предпринимаются если не ради выгоды, то ради славы. Если бы они не приносили ни того, ни другого, к ним не прибегало бы ни одно государство, сколь бы могущественным оно ни было.

В Чжу было в обычае скреплять пластины панцирей простой шелковой нитью.

— Не лучше ли воспользоваться крученой нитью? — предложил Гунси Цзи чжускому правителю. — Ведь прочность панциря зависит от плотности скрепления пластин. Сейчас прочность составляет лишь половину возможной,

если же воспользоваться крученым шелком, она будет пол-ной.

— Но где же нам взять крученный шелк? — спросил чжуский правитель.

— Народ должен производить то, в чем нуждаются правители, — ответил Гунси Цзи.

— Отлично! — сказал чжуский правитель и повелел использовать при изготовлении панцирей крученный шелк.

Узнав, что его предложение принято, Гунси Цзи велел всей своей родне заняться изготовлением крученого шелка. Кое-кому это не понравилось, и люди стали поговаривать, что Гунси Цзи для того понадобилось сшивать панцири крученым шелком, что его семейство производит много этого товара.

Недовольный этим, чжуский правитель отдал новое повеление, в котором чинам предписывалось при изготовлении панцирей не пользоваться крученым шелком.

Так чжуский правитель оказался в плену предубеждений. Ибо если использование этого материала при изготовлении панцирей дело само по себе хорошее, то как ему могла повредить семья Гунси Цзи? Если же затея с шелком была неразумной...

Здесь стоит заметить себе, что наличие или отсутствие крученого шелка у Гунси Цзи не могло служить основанием для суждения о ценности его предложения.

В царстве Лу был некий урод. Будучи как-то вне дома, его отец повстречал красавца Шан До. По возвращении домой он сказал своему соседу: «Нет, этому Шан До все же далеко до моего сына!» В действительности же его сын был крайне безобразен, а Шан До изумительно красив, но из-за предубеждения, проистекавшего из любви к своему ребенку, отец поставил уродца сына выше признанного красавца! Так что верно судить о красоте и уродстве может лишь тот, кому дано видеть уродство в том, что мило его сердцу, и красоту в том, к чему оно не лежит.

Ныне мир пришел к упадку, путь мудрых властителей предан забвению. Властители века нынешнего заботятся лишь о собственных удобствах и развлечениях, заняты лишь тем, чтобы увеличить размеры своих колоколов и барабанов, изукрасить свои террасы и павильоны, сады и парки. Ради этого они готовы лишать людей их достоинства

и, чтобы дать выход своему гневу, не задумываясь, предадут их смерти. Старые и слабые до срока умирают от голода и холода, сильные и способные разоряются, нищают и впадают в жалкое состояние. А тут еще плен и гибель, походы на ни в чем не повинные государства с целью отторжения их земель, истребление безвинного люда ради умножения выгод...

И при этом еще хотят, чтобы храм предков пребывал в безопасности и алтари оставались незабываемыми! Что может быть труднее этого?! Ведь если, положим, о некоем человеке станут говорить: «У такого-то полно всякого добра, стены его дома прогнили от дождей, сторожевой пес издох — самое время его ограбить», — с ним, скорее всего, это и случится. И если кто-то думает, что когда о каком-либо государстве говорят: «Там сейчас голод, стены и валы невысокие, средства обороны незначительны — самое время напасть на них и покорить», — и с ним такого не сделают, тот, конечно же, просто не понимает, что и в том, и в другом случае речь идет об одном и том же!

Властителям свойственно ошибаться не в том, относительно чего у них имеются сомнения, а в том, относительно чего сомнений у них нет; не в том, что они полагают неизвестным, а в том, что они полагают совершенно очевидным. А посему надлежит исследовать всеми доступными способами, измерить всеми доступными мерами и исчислить со всевозможной точностью и то, в чем нет сомнений, и что совершенно известно — только тогда можно избежать упущений в определении истинного и ложного и ошибок в наградах и карах.

Сумел же Яо отыскать мудрейшего в Поднебесной и поручить дела Шуню! Сумел же Шунь отыскать мудрейшего в Поднебесной и поручить дела Юю! А ведь в своих суждениях они полагались исключительно на собственный слух. Поистине, лишь тот, кто, полагаясь на собственный слух, способен вынести правильное суждение, может быть назван познавшим сущность жизни и судьбы.

Нынче же те, кто ослеплен, не только не в состоянии познать сущность жизни и судьбы — они не в состоянии познать, из чего происходили свершения пяти предков и трех царей. Не подозревают они и насколько дурны нынешние времена, и насколько неспособны они сами!

Нет ничего выше знания. Когда чего-то не знаешь, об этом можно спросить; когда чего-то не умеешь, этому можно научиться. Чжоуская поговорка гласит: «Человек, осознавший, что ему нужно учиться, еще не упустил

время». Поэтому желающему научиться мудрости прежде всего следует поинтересоваться, отчего преуспели три первых династии. Тот же, кто, ничего не зная, полагает себя знающим, пребывает у корня всех несчастий.

Слава сама по себе не приходит, великие дела сами собой не свершаются, государство само по себе не стоит: для этого нужны мудрецы. Если мудрец и появляется, к речам его невнимательны. Речи же, не доходящие до сознания, не откладываются и в памяти. А между тем нет большего несчастья, чем невнимание к речам мудрецов.

Там, где правитель разумен, в мире царит порядок и мудрец занимает высокое положение. Там, где правитель неразумен, в мире царит смута и мудрец занимает низкое положение. Вот почему там, где мудрец занимает высокое положение, ни одно желание правителя не остается неисполненным, ни одно намерение — неосуществленным.

В нынешние времена стремление к занятию должностей влечет подданных к смутам и беспорядкам, а жажда богатства делает их необузданными. Стоит им приблизиться к правителю, как они тут же стремятся использовать это к собственной выгоде; столкнувшись же с необходимостью управлять людьми, медлят и трусят. При этом они еще дерзают рассчитывать на щедрость властителя!

Предположим, некто станет пристально следить за своими поступками и всячески избегать позора, но при этом в делах денежных любой ценой обращать все к своей пользе. Ясно, что ему удастся приобрести богатство не иначе как сделавшись разбойником.

Слава и богатство появляются не сами собой — им предшествуют служба и заслуги. При незначительной службе и ничтожных заслугах желать большого почета — низость. Желать же богатства и славы при полном отсутствии трудов и заслуг — наглость. Путь низости и наглости не к лицу благородному мужу.

Меж тем нынче часто приходится слышать: «Взяли бы на службу меня — и страна не знала бы забот». Однако, возьми такого на службу, и еще неизвестно, что будет. Ведь такой явно считает себя добродетельным, хоть сам еще от забот не освободился. Попади такой на государственную службу — и где гарантия, что он сумеет освободить

от забот государство? Оставляя самого себя, то есть то, что ему доступно, он берется за то, что ему недоступно, — а это явное неразумие. Прежде чем браться за наведение порядка в государстве, ему следовало бы навести порядок в отношениях с родственниками и друзьями. Если же в отношениях с родными он проявляет непочтительность, а в отношениях с друзьями — ненадежность, то о каких его умениях вообще можно говорить?

Поэтому судить о человеке следует не по тому, чего он намерен достичь, а по тому, чего он уже достиг. Именно так было в старину: те, кто шел на службу к правителям, сначала непременно показывали, на что они способны, а уж затем получали назначение; сначала делом доказывали свою силу и лишь потом начинали получать жалованье.

Конфуций рассказывал: «Свили ласточки себе под крышей уютное гнездышко и зажили там. Молодые и старые кормили друг друга из клюва и весело щебетали, считая себя в полной безопасности. Даже когда дымовая труба дала трещину и огонь стал лизать стропила, хорошее настроение не покидало их. Отчего? Да просто невдомек им было, что скоро беда коснется и их самих».

Среди служилого люда мало кто превосходит разумием таких вот ласточек. Продвигаясь в рангах и жалованье, приобретая богатство и знатность, служилые собираются в одном государстве — отцы и сыновья, старшие и младшие братья, прочая родня — и весело щебечут вместе, не замечая, что родовые алтари уже под угрозой. И хотя дымовая труба уже готова дать трещину — они до последнего момента не сознают этого, ибо рассудок их ничем не отличается от рассудка ласточек.

Поэтому и говорится: когда в мире великая смута — ни одно государство не может оставаться в безопасности; когда смутой охвачено целое государство — ни в одной семье не будет покоя; когда смута в семье — ни один ее член не может быть безмятежным. Поэтому и говорят: чтобы привести в порядок малое, нужно сначала добиться порядка в большом, а чтобы обезопасить большое, прежде нужно обратиться к малому. Лишь когда большие и малые, благородные и худородные не забывают друг о друге, наступает радость для всех. Однако, чтобы утвердиться в малом, необходимо всегда помнить о первостепенной важности большого.

Если и существует некое умение, с помощью которого можно достичь любого блага, устранить любое зло и привести в покорность весь мир, — то это, конечно, сыновняя почтительность. А посему, вынося суждение о человеке, нужно обращать внимание и на то, как он относится к своим ближайшим родственникам, и на то, как относится он к дальней родне, — то есть смотреть, каково его отношение к тем, кто для него важнее всего, и к тем, кто для него менее важен. И если, положим, некто с полной почтительностью относится к важнейшим для него ближайшим родственникам и в то же время без непочтительности относится к менее важным дальним, то о таком можно сказать, что он проявляет серьезное отношение к дао сыновней почтительности. Именно благодаря этому сумели привести к порядку Поднебесную первые цари.

Ибо кто любит своих — не станет ненавидеть и чужих; и кто с почтением относится к собственной родне — не станет презирать родню чужую. Таким образом, любовь и уважение, оказываемые самым близким родственникам, прославляют и освещают весь народ.

Цзэн-цзы говорил: «Тело человека — это то, что оставлено ему в наследство родителями; кто же посмеет без уважения относиться к родительскому наследству?» Между тем отсутствие благоговения перед местом, где живешь, — непочтительность; нарушение верности повелителю, коему служишь, — непочтительность; исправление должности без усердия — непочтительность; неискренность в отношениях с другом — непочтительность; малодушие на поле сражения — непочтительность. Любой из пяти проступков этих влечет беды для ближайших родственников провинившегося; кто же посмеет без уважения относиться к своему долгу?

Как-то раз Юэчжэн Цзычунь спускался по лестнице и повредил ногу. После выздоровления он в течение нескольких месяцев все еще никуда не выходил и выглядел весьма опечаленным. Слуги его забеспокоились:

— Вы, господин, вот уже сколько месяцев, как залечили ногу, а все никуда не выходите. Позвольте узнать также, отчего вы так мрачны видом?

Цзычунь отвечал им:

— Хорошо, что спросили об этом. Как я слышал от

Цзэн-цзы, а тот, в свою очередь, от Конфуция, наше тело, достигающее нам в целостности при рождении от родителей, точно так же в целостности и должно быть возвращено им нами. Поэтому лишь тот, кто не наносит ущерба своему телу и не повреждает своей плоти, может быть назван почтительным сыном. Благородный муж шагу не ступит без памятования об этом. Я же забыл о дао сыновней почтительности, потому и опечален.

Посему и говорится: тело не принадлежит нам в качестве собственности, — оно лишь наследство, полученное от предков и родителей. Следовательно, главное, в чем необходимо наставлять народ, — это в сыновней почтительности. Проявляется же почтительность в кормлении престарелых. Для кого кормление престарелых представляется естественным, трудность заключается в том, чтобы оставаться при этом почтительным. Для кого при этом естественно быть почтительным, трудность заключается в том, чтобы всегда сохранять спокойствие. Кому удастся сохранить спокойствие, труднее всего сохранить его до конца. Но лишь тот может считаться полностью постигшим сыновний долг, кто и после смерти родителей не бросает на их доброе имя ни малейшей тени.

Когда в стремлении достичь чего-либо начинают с корня — желаемого достигают через десяток дней; когда же в стремлении к чему-либо начинают с верхушки — только напрасно тратят силы. Ибо достижение славы и успеха зависит от правильно выбранного пути, который в состоянии подсказать только мудрец. Без мудрого же не может быть и речи о верной постановке дела. Поэтому и говорится: корень всякого дела — в обретении мудреца.

Некогда девица из рода Юсинь, собирая тутовые листья, нашла в дупле дерева грудного младенца. Она преподнесла его в дар правителю, а тот велел повару его выкармливать. Когда затем справились о происхождении младенца, выяснилось, что его мать жила у реки И и, будучи беременной, имела во сне видение, в котором дух-шэнь повелел ей: «Когда увидишь, что из каменной ступки выступает вода, иди на восток и не оборачивайся».

На другой день девица увидела, что в каменной ступке появилась вода, рассказала соседям о своем сне и пустилась в путь. Отойдя на восток десять ли, она оглянулась: все ее селение скрылось под водой. Сама же она за непослушание превратилась в полое тутовое дерево.

Узнав об этом, правитель повелел назвать младенца И Инем.

И Инь вырос и стал известен своей мудростью. Когда об этом прослышал Тан, он послал человека к главе рода Юсинь с просьбой отпустить к нему И Иня, но тот не согласился. Между тем сам И Инь стремился на службу к Тану, и тогда тот решил взять в жены одну из дочерей главы рода Юсинь. Глава был польщен и послал И Иня сопровождать невесту.

Ибо нет ничего, чего не совершил бы мудрый властитель, когда он стремится заполучить на службу мужа, владеющего дао, как нет ничего, чего не совершил бы владеющий дао муж в стремлении попасть на службу к мудрому властителю. Лишь обретая друг друга, могут они пребывать в радости.

Мудрец ведет дела так, будто никуда не спешит, но он везде поспевает. Кажется, что он медлит, но он всегда достаточно быстр, чтобы не упустить нужный момент.

Некий моист, по имени Тянь Цзю, желал непременно встретиться с циньским царем Хуэй-ваном. Три года прожил он с этой мыслью в Цинь, но случая так и не представилось. Тогда один знакомый упомянул о нем в разговоре с чуским царем, и моист направился в Чу. Он понравился чускому царю, и тот, присвоив ему ранг военачальника, отправил с поручением в Цинь. Таким образом, он наконец прибыл в Цинь и увиделся там с царем Хуэй-ваном.

— И кто бы мог подумать, что путь в Цинь лежит через Чу? — отозвался он затем об этих событиях в кругу приближенных.

Так что поистине бывает: что близко одному — далеко другому. Так же бывает и со временем.

Если некто, обладающий мудростью У и Тана, живет не во времена Цзе и Чжоу, ему невозможно преуспеть; так же, впрочем, как ничего нельзя поделывать во времена Цзе и Чжоу, если нет таких мудрецов, как Тан и У. Поэтому мудрец должен следовать за временем, как тень следует за путником, не отставая ни на шаг. Так же и муж, владеющий дао, должен скрываться дожидаясь своего часа.

Когда же приходит время, простой человек в холщовой одежде становится Сыном Неба, а повелитель всего лишь одной тысячи колесниц становится хозяином Поднебесной. Люди самого низкого происхождения становятся советни-

ками трех великих царей, и обыкновенный простолудин сводит счеты с могущественнейшим из властителей.

Поэтому мудрый ничто не ценит так высоко, как время. Ибо когда холод сковывает землю, даже Хоу Цзи не сможет ничего посеять, не дождавшись весны. И как бы ни был умен человек, он ничего не добьется, если время его не пришло.

Когда леса покрываются пышной листвой — можно рвать ее горстями хоть до вечера, не боясь, что это будет заметно. Но стоит выпасть осеннему инею — и леса стоят голыми.

Так же и трудность любого дела определяется не его сложностью, но выбранным для него временем.

Цзы-яна из царства Чжэн прикончили, когда гнались за бешеным псом: Гао Го из царства Ци расстался с жизнью, когда ловили убежавшего вола. Причиной их гибели стала слепая толпа. Если при случае пес или вол увлекают за собой огромные толпы людей — что уж говорить о человеке!

И в то же время целая конюшня голодных лошадей не заржет, пока не завидит сена; и свора голодных собак не зайдется в лае, пока не завидит костей. Но стоит им почуять сено или кости — и никому не удержать их порыва.

Так и народ: во времена смуты хранит молчание, пока не завидит мудреца. Но стоит народу узреть мудрого — и он потянется к нему в своих помыслах...

Посему мудрые властители и выдающиеся государственные мужи, желающие облагодетельствовать «черно-головых», лучше всего могут преуспеть в этом во времена смуты. Небо дважды не предоставляет случая. Удобный момент краток, но искусный мастер не медлит: правильно улавливает его.

Некогда цзиньский Вэнь-гун вознамерился сразиться с чусцами при Чэнпу. Призвав к себе Цзюфаня, он обратился к нему за советом:

— Как быть — ведь чусцев много, а наши войска малочисленны?

Цзюфань сказал в ответ:

— Я, ваш слуга, слышал, что тому, кто любит церемонии, недостаточными кажутся любые украшения, а тому, кто любит воевать, — слишком простыми все мыслимые хитрости. Нужно их просто обмануть, вот и все!

Когда Вэнь-гун сообщил его решение советнику Юн Цзи, тот сказал:

— Конечно, если спустить пруд, рыбы наловишь много. Только вот беда, на следующий год ее не будет вовсе. И если выжечь чащобу, можно славно поохотиться; зато на следующий год там не возьмешь ни одного зверя. Таков уж закон обмана и лихоимства. Если один раз и удастся что-либо урвать, то уж повторить не надейся — близорукий расчет!

Вэнь-гун все же использовал замысел Цзюфаня и нанес поражение чусцам при Чэнпу. Но когда по возвращении из похода он раздавал при дворе награды, высшую из всех получил Юн Цзи.

— Как же так, — заговорили справа и слева, — разве победа при Чэнпу была одержана не в соответствии с замыслом Цзюфаня? Как могло случиться, что, воспользовавшись его планом, наш господин обошел его при награждении?

— Речи Юн Цзи будут обладать ценностью и через сто поколений, — ответил на это Вэнь-гун. — Совет же Цзюфаня мог быть употреблен лишь однажды. Так неужели же совет, который может быть использован один-единственный раз, выше речи, значение которой не исчезнет и через поколения?

Конфуций, узнав об этом, сказал: «Что ж, в момент опасности прибегнул к обману, чтобы одержать победу над врагом, а по возвращении почтил мудрого, чтобы доказать всем свою приверженность добродетели...»

Туда, где умеют щедро вознаграждать, всегда стекается народ. Кто сумеет привлечь народ, тот сумеет добиться успеха. Однако если успех достигнут мошенничеством, он непрочен и скоро оборачивается крахом. В Поднебесной многие добивались побед; среди них мы находим и Вэнь-гуна, понимавшего, каким образом закрепляются победы. Те же, кто просто побеждает, но не знает, каким способом закрепить победу, все равно как и не одерживали побед. Так, циньцы победили жунов, но проиграли битву при Сяо; чусцы выиграли сражение при Чжуся, но потерпели поражение при Боцзюй. Между тем достаточно было узнать об этом У-вану, как он сумел одной-единственной победой обеспечить себе власть над всей Поднебесной.

В царстве Юэ случился великий голод. Обеспокоенный,

царь Юэ призвал к себе Фань Ли и обратился к нему за советом.

— Государю не о чем беспокоиться,— сказал тот.— То, что у нас сейчас голод,— удача для Юэ, хотя и несчастье для царства У. Известно, что царство У очень богато. Правитель там молодой. Знаний у него немного, способности не успели развиться. Он так стремится к славе, что неспособен задумываться о последствиях своих действий. Если вы, царь, пошлете ему богатые подарки и смиренно попросите помощи зерном, мы не останемся без пропитания. Если же у нас будет продовольствие, то когда-нибудь мы, конечно же, овладеем царством У. О чем же государю беспокоиться?

— Отлично! — сказал юэский царь и послал в У посольство с просьбой о продовольственной помощи. Уский правитель уже было хотел предоставить такую помощь, когда к нему явился У Цзысуй и стал всячески отговаривать:

— Нельзя им ничего давать. Известно, что земли У и Юэ соприкасаются, граница у них общая, сообщение удобное, люди то и дело переезжают из одного царства в другое. Вот почему эти царства всегда будут враждебны друг другу. Если У не покончит с Юэ, то Юэ покончит с У. Такие царства, как Янь, Цинь, Ци, Цзинь, не в счет,— все они в горной местности, на возвышенностях; чтобы напасть на У, им пришлось бы преодолеть пять озер, девять рек, семнадцать естественных преград. Поэтому я и говорю: если У не покончит с Юэ, то рано или поздно Юэ покончит с У. Если теперь обеспечить их продовольствием — это будет означать, что мы оказываем помощь сопернику и пособничаем врагу. Наши собственные запасы уменьшатся — а это вызовет недовольство среди народа. Раскаиваться же потом будет поздно. Нужно не помощь им оказывать, а немедленно напасть на них,— вот единственно правильное решение! Именно таким образом сумел добиться гегемонии ваш царственный предок! К тому же известно: голодные годы следуют за урожайными, подобно тому как горы сменяют равнины. В каком государстве их не случается!

— Нет и еще раз нет! — воскликнул уский царь.— Я слышал о другом: войско справедливого не нападает с целью покорять; тот, в ком есть человечность, не отказывает в еде голодающему! Ныне они сами покорны нам, и если я двину на них войска, это будет несправедливой войной; ныне они голодают, и если я откажусь их на-

кормить, это будет крайней бесчеловечностью. Творить же несправедливые и бесчеловечные деяния я не стану и ради десяти таких царств, как Юэ!

И он оказал юэцам помощь продовольствием.

Не прошло и трех лет, как случился голод в У. Отправили посольство с просьбой о продовольствии в Юэ, но юэский царь в просьбе отказал, а затем двинулся походом на У. Тогда то и был пленен усский царь Фу-ча.

Чуский царь пожелал захватить царства Си и Цай. С этой целью он сначала сблизился с цайским правителем и стал как бы советоваться с ним:

— Хотелось бы мне овладеть Си. Как бы это сделать?

— Жена правителя Си — сестра моей жены, — сказал цайский правитель. — Я мог бы пригласить вас отправиться вместе со мною на праздник, который я уговорю правителя Си и его жену устроить для нас. Таким образом, вы сможете застать их врасплох.

— Договорились, — сказал чуский царь.

Он действительно отправился вместе с цайским правителем на праздник, устроенный для них в Си, и захватил это царство. На обратном пути он остановился в Цай и захватил его тоже.

Когда чжаоский Цзянь-цзы занемог, он послал за наследником — старшим сыном Сян-цзы.

— Когда я буду мертв, — сказал он, — ты совершишь обряд погребения, облачишься в траурные одежды, поднимешься на вершину горы Сяу и посмотришь окрест.

Сян-цзы почтительно согласился и, когда отец умер, совершил обряд погребения, облачился в траур и, призвав придворных, сообщил:

— Я собираюсь нынче подняться на гору Сяу и полюбоваться открывающимся оттуда видом.

— Если вы предпримете восхождение на гору Сяу, — заговорили придворные, — это будет похоже на развлекательную поездку, тем более что вы собираетесь любоваться видами. Такое путешествие в траурном облачении... Как можно!

— Такова воля покойного правителя, — сказал Сян-цзы, — и я не могу ею пренебречь.

Придворные почтительно согласились. Сян-цзы совер-

шил восхождение на гору Сяу и, взглянув окрест, увидел земли Дай. Пораженный их необычайной красотой, он сказал:

— Безусловно, мой покойный отец желал, чтобы это послужило мне наставлением.

Вернувшись из путешествия, он только и думал о том, как бы заполучить земли Дай, и стал заигрывать с тамошним правителем. Дайский правитель любил женщин, и Сян-цзы предложил ему в жены свою младшую сестру. Стоило тому согласиться, как сестра Сян-цзы уже отправилась в путь; и это был лишь один из тысячи способов, которыми Сян-цзы стремился угодить ему.

В свою очередь, дайский правитель решил подарить Сян-цзы лучшего скакуна из славившегося прекрасными конями округа Мацзюнь. По этому случаю Сян-цзы нанес визит дайскому правителю и пригласил его отпраздновать это событие в округе Мацзюнь, дабы там и покончить дело, поскольку он уже заранее послал туда танцоров, числом сто человек, с оружием, спрятанным среди перьев их костюмов, а также приказал доставить туда огромный железный ковш.

Когда дайский правитель, прикинув к ковшу, пил и него вино, Сян-цзы вдруг резко вырвал его и расколол им дайскому правителю голову. В тот же миг танцоры выхватили спрятанное оружие и перебили всю свиту дайского правителя до последнего человека.

Затем Сян-цзы на колеснице дайского правителя отправился навстречу его жене, но та, поняв, какой оборот приняло дело, вытащила острую шпильку и закололась. По этой причине у чжаосцев до сих пор в ходу в качестве эмблемы острая шпилька, и каждому там понятно, что значит «вырвать ковш».

И великие дела, и громкая слава — все зависит от Неба. Однако отрицать при этом заслуги людей тоже было бы неверно.

Когда не настало еще время Байли Си, ему пришлось бежать из Го и терпеть плен в Цзинь. В Цинь, куда он был продан, как говорят, за пять бараньих шкур, он кормил волов, пока его не нашел там Гунсунь Чжи, который страшно обрадовался, что встретил такого человека. Он представил его Му-гуну, а еще через три дня уже просил позволения передать ему бразды правления. Му-гун тогда сказал:

— Этого человека купили за пять бараньих шкур, вы же предлагаете вручить ему бразды правления. Не станут ли в Поднебесной над нами смеяться?

Гунсунь Чжи ответил ему так:

— Если некто обладает истинной мудростью и правитель берет его на службу, — это свидетельствует о ясном уме правителя. Если подданный, видя, что некто обладает большими способностями, чем он сам, уступает ему первенство, — это свидетельствует о бескорыстии подданного. Если же правитель обладает ясным умом, подданный бескорыстен, а взятый на службу в самом деле мудр — то в пределах страны все будут изъявлять покорность, а враждебные государства пребывать в страхе. Кто же в таком случае осмелится смеяться?

Му-гун взял Байли Си на службу, и советы его были всегда дельными, а начинания неизменно завершались успехом. А между тем он был ничуть не мудрее, чем раньше. Остается предположить, что, при всех своих способностях, Байли Си остался бы неизвестен нам, если бы не встретил в своей жизни Му-гуна. Как знать, нет ли такого же Байли Си и среди людей нашего времени?

Некий чужестранец явился к царю Юэ, чтобы показать ему свое искусство игры на флейте. Все пять нот — юй, цзюэ, гун, чжи и шан — звучали в его исполнении безупречно, но юэскому царю его музыка не понравилась, так как он любил только простые деревенские песни. То же бывает и с речами, в которых возвещается истина.

Родителям одной молодой женщины, бывшей в замужестве, некто стал советовать:

— Замужество еще не означает обеспеченности на всю жизнь. Лучше бы ей припрятать на черный день платье и вещи...

Родители сочли это разумным и велели дочери припрятать свои вещи где-нибудь вне дома. Это заметили свекор и свекровь и стали возмущаться:

— Живет у нас в невестках, а помыслы у нее о другом... Нечего ее держать в доме!

И выгнали ее вон. Родители же этой женщины думали, что некто, давший им такой совет, по-настоящему им предан, и до конца своих дней хорошо к нему относились.

Жил некогда человек, от которого исходил столь дурной запах, что его близкие, братья, жены и знакомые просто не могли рядом с ним находиться. Он и сам так страдал от этого, что поселился в одиночестве на берегу моря. Меж тем жителям побережья понравился исходящий от него запах, и он никак не мог от них отделаться — ни днем, ни ночью.

Когда У-ван разгромил иньцев, он решил лично допросить двух пленных и обратился к ним с вопросом:

— Не было ли в вашем царстве зловещих предзнаменований?

— Да, были, — отвечал один из пленных. — Среди белая дня видны были звезды, с неба падал кровавый дождь — такой ужас!

— Да, все так, — заговорил другой пленный, — но не это было самым ужасным из предзнаменований, а то, что сыновья перестали слушать отцов, младшие братья — старших, и никто не выполнял повелений правителя — вот это действительно был ужас!

У-ван встал со своей циновки и поклонился им дважды, но не из почтения к пленным, а из почтения к сказанному.

Когда Гуань Чжун заболел, Хуань-гун пришел навестить его и спросил:

— Поскольку болезнь у вас, Отец Чжун, серьезная — что бы вы мне сказали в поучение?

— У простаюдинов в Ци есть такая поговорка: «Здесь себя не обременяй, туда же и вовсе ничего не бери», — ответил Гуань Чжун. — Я уже собрался в дальний путь, и ничего не осталось, о чем стоило бы меня спрашивать.

— И все же хотелось бы, Отец Чжун, чтобы вы не отказывали мне в этом, — попросил Хуань-гун.

И Гуань Чжун заговорил:

— Что ж, мое желание состоит в том, чтобы вы, правитель, удалили от себя повара И Я, евнуха Шу Дао, колдуну из Чан и вэйского княжича Ци Фана.

— И Я, чтобы доставить мне удовольствие, зажарил собственного сына, — сказал Хуань-гун, — как же я могу сомневаться в нем?

— Разве в природе человека — не любить собственного сына? — отвечал ему Гуань Чжун. — И если уж человек

способен подвергнуть мучительной смерти собственное чадо — на что же он способен по отношению к своему правителю?

— Шу Дао оскотил себя, чтобы иметь возможность приблизиться ко мне, — сказал Хуань-гун. — Как я могу в нем сомневаться?

— Разве в природе человека — не любить собственное тело? — отвечал Гуань Чжун. — Если уж человек решается искалечить собственное тело — на что же он решится в отношении своего правителя?

— Колдун из Чан владеет секретами жизни и смерти, он способен излечить любую душевную болезнь, как же не доверять ему? — настаивал Хуань-гун.

— Жизнь и смерть зависят от судьбы, душевные болезни — от недостатков характера, — сказал Гуань Чжун. — Кель скоро вы, правитель, не желая положиться на судьбу и позаботиться об исправлении собственного характера, ждете помощи от какого-то там колдуна из Чан, то уж он, воспользовавшись этим, сотворит с вами все, что ему заблагорассудится.

— А вэйский княжич Ци Фан? — воскликнул тогда Хуань-гун. — Ведь он служит мне уже пятнадцать лет, и даже когда умер его отец, он не поехал на родину, чтобы его оплакать, — в нем-то уж невозможно сомневаться?

— Разве в природе человека — не любить своего отца? — сказал Гуань Чжун. — Если уж человек пренебрегает собственным родителем — чего же ждать от него?

— Обещаю, — сказал Хуань-гун и, когда Гуань Чжун умер, отослал их прочь.

Вскоре он потерял аппетит, дворец его пришел в запустение, его вновь охватила тоска, двор утратил былой блеск. Так прошло три года, и наконец он сказал:

— Нет, все же Отец Чжун зашел слишком далеко в своих суждениях. Да и кто сказал, что он ни в чем не мог заблуждаться?

И Хуань-гун вновь призвал тех четверых ко двору.

В следующем году Хуань-гун заболел, и колдун из Чан, появившись из внутренних покоев, объявил, что смерть правителя последует в такой-то день. После чего И Я, Шу Дао и он сам, сговорившись между собой, подняли смуту и, запечатав дворцовые ворота, окружили дворец высокой стеной. За стену же никого не пускали под тем предлогом, что такова воля правителя.

Между тем одна из жен правителя сумела перебраться через стену и проникла в покои, где лежал Хуань-гун.

— Хочется есть, — проговорил он.

— Мне негде взять еды, — сказала жена.

— Хочется пить, — попросил Хуань-гун.

— И питья достать негде, — повторила женщина.

— Что же происходит? — спросил правитель.

— Колдун из Чан, выйдя от вас, объявил, что вы, правитель, скончаетесь в такой-то день, — стала рассказывать женщина. — Потом они, сговорившись с И Я и Шу Дао, подняли смуту, заперли дворцовые ворота, выстроили вокруг высокую стену и никого не пропускают. Поэтому я не могу вам ничего принести. А княжич Ци Фан уже успел передать царству Вэй сорок ваших поселений.

Тогда Хуань-гун глубоко вздохнул, заплакал и сказал:

— Увы мне! Как же далеко способен видеть мудрец! Если после смерти придется свидетелься — какими глазами посмотрю я в лицо Отцу Чжуну?

Затем он закрыл лицо руками и навсегда отбыл во дворец долголетия.

Как-то раз вэйский Сян-ван сидел за вином в окружении своих приближенных. Несколько захмелев, он поднял тост за присутствующих:

— Пусть исполнятся желания всех моих подданных!

Тогда встал Ши Ци и сказал:

— Среди подданных есть умные и глупые. Хорошо, если исполнятся все желания умных; но что будет, если исполнятся также и желания глупых?

— Ну хорошо, — сказал Сян-ван. — Пусть тогда исполнятся желания только таких замечательных подданных, как Симэнь Бао.

— Что касается Бао, — продолжал Ши Ци, — то у нас в Вэй существует правило: при обложении земель налогом начинать счет с полей размером в сто му, и только в местности Е — с двухсот, так как земля там плохая. Между тем рядом там протекает река Чжан. Если Симэнь Бао не знал, как использовать это обстоятельство, тогда он просто глуп, но если знал и ничего не сказал об этом, тогда он не предан вам. Так или иначе — едва ли он может считаться идеальным подданным.

Сян-ван промолчал, но на следующий день призвал Ши Ци и спросил:

— А что — водами реки Чжан действительно можно оросить поля в местности Е?

Ши Ци ответил утвердительно, и Сян-ван спросил:

— Отчего бы вам тогда не сделать этого для меня?

— Боюсь, что вы, правитель, не сумеете удержаться в вашем намерении до конца, — ответил Ши Ци.

— Если вы и впрямь способны сделать это для меня, — сказал тогда Сян-ван, — обещаю во всем слушаться вас.

Ши Ци почтительно согласился и заговорил с царем о деле:

— Как только я начну осуществлять мой план, народ непременно ополчится на меня. В худшем случае меня убьют, в лучшем — ввергнут в узы. Однако, буду ли я казнен или в узах, в любом случае прошу вас послать тогда вместо меня другого, чтобы он продолжил мое дело.

Царь обещал и отправил его управлять областью Е. Однако стоило Ши Ци прибыть туда и взяться за дело, как тамошний народ возмутился и решил предать его суду. Дело дошло до того, что Ши Ци не смел появляться на людях, и ему пришлось скрыться. Тогда царь послал вместо него другого человека, дабы тот продолжил начатое дело.

И только когда вода пошла на поля, народ почувствовал, какая в этом заключается выгода, и даже сложил в честь Ши Ци песню.

Конечно, если бы сам народ мог знать, что выполнимо, а что нет, — ни к чему были бы и мудрецы. Мудрые властители и верные подданные, если они не в состоянии наставить глупых и обучить неразумных, не оставят потомству ни славы, ни великих свершений. Ши Ци, конечно, понимал, что подобные замыслы легко не осуществляются, однако сознательно шел на все из верности правителю. В свою очередь, вэйский Сян-ван, можно сказать, проявил настоящую твердость в осуществлении доброго дела.

Ибо тот, кто искренне стремится к свершению добрых дел, не должен отступать, невзирая на ропот толпы. Именно толпа стоит на пути великих дел. Из-за нее случается гибнуть целым государствам. Средний правитель, столкнувшись с непониманием толпы, способен отказаться от благого намерения; но мудрый и среди криков толпы продолжает делать свое дело.

В царстве Чу был приграничный город под названием Бэйлян. Некая девица из этого города собирала туговые листья вместе с другой девицей из приграничного города, принадлежавшего царству У. Дело было на самой границе.

Забавляясь, девица из Бэйляна каким-то образом поранилась. Тогда люди из Бэйляна обвинили в этом девушку из У и ее родителей. Те извинились, но, видимо, недостаточно вежливо. И тогда разгневанные чусцы убили их.

Усцы отправились мстить в Чу и уничтожили там всю семью чуской девицы. Это привело в ярость бэйлянского правителя: «Да как смеют эти усцы нападать на мой город!» Он поднял войска, повел их в ответный поход на тот город в царстве У и истребил там всех от мала до велика.

Узнав про это, разгневался усский царь И Мо. Во главе своих войск он захватил пограничный город чусцев, сровнял его с землей, а затем отступил в свои пределы. С той поры царства У и Чу стали непримиримыми врагами.

В конце концов наследник Гуан из царства У вновь пошел войной на чусцев, что и привело к битве при Цзифу. Там он нанес царству Чу сокрушительное поражение, пленил трех полководцев, а затем привел войска под стены чуской столицы Ин, где захватил и увел с собой жену царя Пин-вана. Вот отчего произошло знаменитое сражение при Цзифу.

Инь Вэнь предстал пред циским царем.

— До чего же люблю государственных мужей! — сказал ему царь.

— Хотелось бы услышать — какого мужа вы называете государственным? — спросил Инь Вэнь.

Царь не знал, что ответить.

— Положим, — заговорил тогда Инь Вэнь, — некто почтителен с родственниками, верен в службе правителю, надежен в дружбе и уживчив с соседями. Можно ли назвать государственным мужем того, у кого в характере присутствуют эти четыре качества?

— Именно такого мужа я и называю государственным мужем! — воскликнул циский царь.

— А если бы вы сумели заполучить такого человека, сделали бы вы его своим приближенным? — спросил Инь Вэнь.

— Весьма охотно, — сказал царь, — только где найти такого?

— Теперь предположим, — продолжал Инь Вэнь, — что такой человек во время официальной встречи был бы кем-нибудь глубоко оскорблен, однако не вступил бы с обидчиком в поединок. Оставили бы вы его в числе приближенных?

— Конечно нет,— сказал царь.— Если дафу оскорбляют, а он не вступает в поединок — он опозорен. Того же, кто опозорен, я не потерплю в числе приближенных!

— Однако же,— возразил Инь Вэнь,— то, что этот человек подвергся оскорблению и не вступил в поединок с обидчиком, не означает, что он утратил качества характера, о которых вы говорили ранее. А коли он не утратил эти четыре качества,— значит, не утратил ни одного из свойств, благодаря которым мог бы стать вашим приближенным. Невзирая на это, вы все же не считаете для себя возможным по-прежнему видеть его среди своих приближенных. Кого же тогда считать, по-вашему, государственным мужем?

Царь ничего не ответил.

— Предположим теперь,— продолжал Инь Вэнь,— что некто, управляя царством, станет наказывать и тех, кто поступает незаконно, и тех, кто поступает по закону, и равно будет карать тех, на ком есть вина, и тех, на ком вины нет. Будет ли он при этом вправе жаловаться на то, что народом трудно управлять?

— Конечно нет,— сказал царь.

— Мне все же кажется,— сказал Инь Вэнь,— что некоторые мелкие чиновники в Ци управляют именно таким способом.

— Если мое правление и впрямь таково,— отвечал царь,— тогда мне, конечно, не приходится жаловаться на народ; однако, кажется, до этого еще не дошло.

— Раз уж я заговорил об этом,— продолжал Инь Вэнь,— не хочется оставлять что-то недосказанным; позвольте объяснить, что я имею в виду. Ваш царский указ гласит: «Тот, кто убил, должен быть предан смерти; кто нанес увечье, должен быть подвергнут пытке». Таким образом, те из ваших подданных, кто трепещет перед царским указом, даже если и подвергнутся оскорблению, ни за что не посмеет вступить в поединок, так как для них превыше всего исполнение царской воли. Между тем, вы говорили: «На того падет позор, кто, будучи оскорблен, не вступит в поединок». И получается, что вы караете того, на ком нет вины.

Циский царь не знал, что сказать.

Гуань Чжун обратился к Хуань-гуну с докладом:

— В том, что касается расширения городов, обработки земли и сева зерновых,— мне не сравниться с Нин

Су. Поэтому прошу вас назначить его министром земледелия. В том, что касается вежливых речей, входа в зал и выхода из него, знания, когда выступить вперед, когда отступить назад, когда оставаться в неподвижности, когда же, напротив, поспешить,— мне далеко до Си Пэна. Поэтому прошу вас назначить его главным церемониймейстером. В том, чтобы раньше всех являться на службу; а покидать присутствие последним, по выражению лица определять настроение властителя и всегда оставаться преданным и честным в докладах, пусть бы это грозило смертью, и равнодушным к чинам и богатству,— в этом мне не сравниться с Дунго Я; а потому прошу вас назначить его главным цензором. Рассчитать все так, чтобы на равнине и в поле боевые колесницы не сцеплялись осями, бойцы не наступали друг другу на пятки, а боевой дух был такой, чтобы каждый в армии был готов погибнуть без рассуждений,— в этом мне не сравниться с княжичем Чэн Фу; поэтому прошу вас назначить его главнокомандующим. Разбирать судебные дела, так соблюдая законность, чтобы не казнить ни одного невиновного и не опозорить ни одного честного,— в этом мне не сравниться с Сюань Чжаном, и потому прошу вас назначить его верховным судьей. Если вы, правитель, желаете привести страну к порядку, а войско сделать сильным — пяти этих мужей будет достаточно. Если же желаете стать гегемоном — присоедините к ним еще и меня.

— Отлично! — сказал Хуань-гун и повелел пяти мужам вступить в указанные должности под началом Гуань Чжуна. В последующие десять лет ему девять раз удавалось собрать под своим началом чжухоу и держать в руках всю Поднебесную,— и все это благодаря способностям Гуань Чжуна и пяти его министров!

Гуань Чжун был всего лишь подданным и потому не полагался на свои силы в том, к чему не чувствовал себя способным. Напротив, он старался полностью использовать способности пяти своих министров. Каждый из них был прилежно занят своим делом, надеясь этим заслужить себе почет, а в результате — слава каждого соответствовала его действительным заслугам. Именно это и называется познанием дао.

Если в повозку, запряженную четверкой лошадей, посадить четверых и дать каждому по кнуту — они не сумеют выехать за ворота. Вот что такое отсутствие единства!

Как-то чуский царь спросил у Чжань Хэ об управлении царством.

— Я знаю, как управлять собой, но не знаю, как управлять царством,— ответил тот.

Конечно же, Чжань Хэ не хотел этим сказать, что царством можно и не управлять. Он хотел сказать, что основа управления любым царством — в умении управлять самим собой. Когда все в порядке с самим человеком — в порядок приходит и его семья. Когда семья в порядке — приходит к порядку и царство. Когда царство в порядке — порядок устанавливается и по всей Поднебесной. Потому и говорится: «Занимайся собой, чтобы послужить семье; семьей, чтобы послужить царству; царством, чтобы послужить Поднебесной». Ибо хотя эти три установления различны по форме, они едины по сути.

У Ци спросил у Шан Вэня:

— Неужели и впрямь продвижение по службе зависит лишь от судьбы?

— Что вы имеете в виду? — поинтересовался Шан Вэнь.

— Если внутри государства необходимо установить порядок, устроить школы и улучшить нравы, чтобы правитель и подданный знали свои обязанности, а отец и сын — свои права, — кто сумеет лучше справиться с этим: вы или я? — спросил У Ци.

— Вы справитесь лучше меня,— ответил Шан Вэнь.

— Теперь предположим,— сказал У Ци,— что некто приносит вступительные дары, и сразу же после занятия им должности его властитель ощущает успокоение; но стоит ему в один прекрасный день вернуть свою печать и оставить должность, как его властитель тут же чувствует сильнейшее беспокойство,— про кого это: про вас или про меня?

— Это про вас,— согласился Шан Вэнь.

— Далее,— сказал У Ци,— предположим, что войска выстроились в боевом порядке на поле брани пред лицом грозного неприятельского войска. Кто сумеет сделать так, чтобы при первом же ударе в барабан все войско кинулось в бой, как будто бы его ждет не смерть, а спасение,— вы или я?

— Вы,— сказал Шан Вэнь.

— Итак,— заключил У Ци,— как вы и сами признали, ни в одном из трех случаев вы не могли бы дей-

ствовать лучше меня; однако же положение, которое вы занимаете, значительно выше моего. Потому я и говорю: случай, и больше ничего,— вот единственная причина продвижения на службе у нашего правителя!

— Что ж, вы спрашивали меня; теперь позвольте и мне спросить вас,— сказал Шан Вэнь.— Когда обстановка неопределенна, правитель еще юн, в придворной клике грызня, а народ неспокоен — кому лучше доверить судьбу страны: мне или вам?

Некоторое время У Ци пребывал в безмолвии. Затем признал:

— Вам.

— Вот поэтому мое положение и выше вашего,— заключил Шан Вэнь.

Чжаоский Хуэй-ван обратился за советом к Гунсунь Луну:

— Вот уже десять лет, как я, недостойный, стремлюсь к разоружению, но не преуспел в этом. Может быть, дело это вообще невозможное?

— Стремление к разоружению проистекает из всеобъемлющей любви к людям,— сказал ему Гунсунь Лун.— Однако любовь к людям не должна оставаться пустым названием,— ее нужно доказывать делами. Между тем, когда два ваших владения, округá Нин и Лиши, вошли в состав царства Цинь, вы, правитель, помнится, облачились в траурное платье и траурную головную повязку. Когда же ваши войска нанесли удар восточному соседу, царству Ци, и захватили там город, вы устроили пир. Выходит, что, когда выигрывает Цинь — вы облачаетесь в траур; когда же проигрывает Ци — у вас праздник. Что-то не похоже это на всеобъемлющую любовь к людям. По этой причине и с разоружением ничего не получается. Ведь это все равно как если бы грубиян и нахал требовал к себе уважения, а интриган и себялюбец — исполнения своих капризов, или кто-нибудь то и дело менял бы порядки и при этом желал в стране спокойствия. Да ведь тут и у самого Хуан-ди ничего бы не вышло!

Когда циский Хуань-гун собирал при дворе чжухоу, вэйский правитель опоздал. Посовещавшись с Гуань Чжуном, Хуань-гун принял решение покарать Вэй. Когда,

по окончании совета, он возвращался к себе, одна из его жен, родом из Вэй, задержала его у входа. Дважды поклонившись, она стала упрашивать его не карать вэйского правителя за его проступок.

— У меня нет никаких намерений в отношении Вэй, — сказал Хуань-гун. — Непонятно, почему вы просите за них?

— Я видела, как вы входили, — пояснила жена. — Шаг у вас был широкий, вид решительный. Так бывает, когда вы собираетесь в поход. Когда же, увидев меня, вы изменились в лице, мне стало ясно, что вы собираетесь покарать Вэй.

На следующий день, приняв прибывших ко двору, Хуань-гун пригласил к себе Гуань Чжуна.

— Вы, господин, оставили свои планы в отношении Вэй? — сразу же спросил Гуань Чжун.

— Как вы догадались, Отец Чжун? — удивился Хуань-гун.

— Приветствуя прибывших ко двору, вы, господин, были спокойны и ласковы с ними, — сказал Гуань Чжун. — Но, увидев меня, пришли в замешательство, и мне стало ясно, в чем дело.

— Отлично! — сказал Хуань-гун. — Пока вы, Отец Чжун, следите за внешним, а моя жена — за внутренним, мне, несчастному, по крайней мере, не грозит превратиться в посмешище для чжухоу!

Цзиньский Сян-гун отправил посланника к чжоускому двору. Прибыв, тот выступил со следующей речью: «Наш властитель почувствовал себя плохо и слег. Гаданье на черепащем панцире показало, что болезнь вызвана неблагорасположением духа горы Саньту. Наш правитель послал меня, недостойного, испросить разрешения на свободный проезд через чжоуские земли, дабы принести умиловляющие дары».

Сын Неба дал соответствующее разрешение и удостоил посланника приема при дворе. По окончании дела, когда гость отправился в дальнейший путь, Чан Хун обратился к Лю Кан-гуну:

— Ехать с умиловляющими дарами к горе Саньту и по пути быть принятым самим Сыном Неба, — разве это не приятные дела? Между тем вид у нашего гостя суровый. Боюсь, у него иные намерения. Лучше бы вам подготовиться ко всяким неожиданностям.

Тогда Лю Кан-гун повелел держать наготове оружие,

колесницы и войска. Впоследствии оказалось, что цзиньцы действительно посылали того человека, чтобы, воспользовавшись этим, Ян-цзы во главе 120-тысячного войска мог перейти брод Цзи и, напав на Ляо, Юань и Лянмань, уничтожить эти три царства.

Когда Цзычань стал управлять царством Чжэн, Дэн Си намеренно воспротивился наведению порядка. Вступив в сговор с теми, кто судился, он стал брать за ведение крупного процесса верхнюю одежду, за ведение малого — куртку и штаны. Народ понес ему штаны и куртки, чтобы научиться у него сутяжничеству, — от желающих не было отбоя. Ложь выдавали за правду, правду выставляли ложью — невозможно стало определить, где правда, а где — ложь, а понятия о дозволенном и недозволенном менялись что ни день. Стоило Дэн Си пожелать, чтобы истец выиграл процесс — и тот его выигрывал; стоило захотеть, чтобы обвинили ответчика — и того обвиняли. Все царство Чжэн было охвачено смутой, народ только и знал, что разглагольствовать.

Страдая от этого, Цзычань казнил Дэн Си и выставил его останки на всеобщее обозрение. И народ покорился в сердце своем. Правда и ложь получили определенность, законы и распоряжения стали выполняться беспрепятственно. Между тем, желая навести порядок у себя в стране, люди нашего времени не решаются для начала казнить таких, как Дэн Си. От этого все их усилия по наведению порядка приводят лишь ко все большей и большей смуте.

У одного служилого мужа в царстве Ци погиб господин, но он не последовал за покровителем в смерти. Некоторое время спустя один из старых знакомых, встретив его на улице, осведомился:

— Ты что же это — все еще живой?

— Именно, — ответил служилый. — Ведь я служу ради выгоды, в смерти же — какая выгода?

— И как же ты сможешь людям в глаза смотреть? — продолжал знакомый.

— А что, по-твоему, если бы я умер — тогда, что ли, смог бы им в глаза смотреть?

Сунец Чэн-цзы потерял как-то свое черное одеяние и отправился по улице его искать. Там ему встретилась женщина в черном платье. Он схватил ее и никак не хотел отпускать,— пусть, мол, вернет его одежду. При этом он приговаривал:

— Потерял нынче черное платье!

— Может, вы, господин, и впрямь потеряли черное платье,— отбивалась женщина,— но это платье я сшила собственными руками!

— Тем более скорее давай его сюда,— кричал Чэн-цзы.— Платье, что я потерял, было совсем новое, черное, а твое, хоть и черное, да какое-то блеклое... Отдашь мне это, линялое, взамен того, нового,— тебе же еще и выгода!..

Сунский правитель обратился к своему советнику — министру Тан Яну:

— Сколько народу казнил — а в моих подданных все нет надлежащего трепета. Не знаю — в чем тут дело.

— Обычно вы казните только действительных злодеев,— объяснил Тан Ян,— а когда казнят настоящих злодеев, людям невинным не из-за чего особенно беспокоиться. Если вы, господин, хотите, чтобы ваши подданные трепетали по-настоящему, вам надо время от времени казнить кого-нибудь просто так, не разбирая — виновен он или нет. Вот тогда все задрожат!

Через некоторое время сунский правитель казнил самого Тан Яна.

Хуэй-цзы создал новые законы для вэйского Хуэй-вана. Когда проект был готов, он был представлен на всенародное рассмотрение, и народ его одобрил. Когда после этого проект был подан Хуэй-вану, он, также его одоблив, ознакомил с ним Ди Цзяня. Тот также нашел, что проект куда как хорош.

— Будем проводить в жизнь? — осведомился Хуэй-ван.

— Ни в коем случае,— отвечал Ди Цзянь.

— Вы же сами говорите — проект хорош,— удивился ван.

— Вы, господин, видали когда-нибудь, как тащат огромное бревно? — спросил Ди Цзянь.— Передние гаркнут «ух-ху», а задние в ответ подналягут. Так вот, для

перетаскивания бревен такое «ух-ху» лучше песен царств Чжэн и Вэй, как они ни прекрасны сами по себе. А государство... — это такое же бревно!

Царства Ци и Цзинь воевали. Некий солдат, родом из Пинъэ, что в Ци, утратил на поле брани свою секиру, но захватил неприятельское копье. Возвращаясь в подавленном настроении, солдат обратился по дороге к встречному путнику с вопросом: правильно ли он поступил.

— То — оружие, и это — оружие, — сказал прохожий. — Так что ты приобрел то, что потерял, — можешь ступить домой на побывку.

Воин побрел дальше, но на душе у него было по-прежнему скверно, и когда на пути ему встретился дафу из Гаотана по имени Шу Усунь, он преградил путь его коню и спросил:

— Сегодня в бою я потерял свою секиру и захватил неприятельское копье — можно мне теперь в отпуск?

— Копье — не секира, а секира — не копье, — сказал ему Шу Усунь. — Как ты смел подумать, что, потеряв одно, а добыв совсем другое, ты выполнил свой долг?

Солдат из Пинъэ глубоко вздохнул и вернулся в бой. Он храбро сражался, но отличиться больше не удалось — он погиб.

Узнав об этом, Шу Усунь сказал:

— Я слышал, что благородный муж должен разделить участь того, кто пострадал по его вине.

Стегнув коня, он ринулся в бой и также был убит.

Во времена циского Чжуан-гуна жил некто по прозвищу Бинь Бэйцзюй. Как-то раз во сне ему привиделся статный муж в шапке из белого шелка с красными завязками, в зеленом платье, новых туфлях и с мечом в черных ножнах на боку. Подойдя, незнакомец грубо обругал его и плюнул в лицо. Тут Бинь Бэйцзюй очнулся и понял, что это был всего лишь сон. Однако уснуть уже не удалось и до самого утра он был весьма опечален.

Утром он отправился к своему другу, все ему рассказал и пожаловался:

— Смолоду я ценил мужество и, дожив до шестидесяти лет, ни разу ни от кого не потерпел оскорбления. Нынешней же ночью меня опозорили. Буду искать обид-

чика: найду — хорошо, не найду — останется только умереть.

С того дня он каждое утро выходил в сопровождении своего друга на перекресток и весь день стоял там в ожидании обидчика. Через три дня, так и не встретив того человека, он вернулся домой и покончил счеты с жизнью.

Жун И покинул Ци и направился в Лу. На дворе было свежо, а городские ворота, когда они с учеником достигли их, были уже заперты, так что им пришлось ночевать под городской стеной. Ночью Жун И совсем озяб и сказал ученику:

— Если отдашь мне свою одежду, я останусь в живых. Если я тебе отдам свою — ты останешься в живых. Я — муж государственный, моя жизнь нужна стране, так что мне умирать негоже. А ты — человек заурядный, и твоя смерть — событие небольшое. Так что лучше бы ты мне отдал свою одежду.

— Если я человек заурядный, — ответил ученик, — то с какой стати стану я отдавать свою одежду государственному мужу?

Глубоко вздохнув, Жун И сказал:

— Увы! Не утвердить мне истины в этом мире!

С этими словами он снял с себя одежду и отдал ее ученику. Среди ночи он умер, ученик же его остался жив.

Во время инспекционной поездки по южным землям Юй плыл по реке Цзян. Неожиданно из воды показался Желтый дракон и подхватил лодку на спину. Люди на палубе пришли в замешательство. Тогда Юй поднял глаза к небу, глубоко вздохнул и сказал:

— Небо избрало меня — и я делаю все, что в моих силах, чтобы прокормить свой народ. Рождение человека — от природы, смерть его — от судьбы. Так стоит ли бояться драконов?

Покорно прижав уши и опустив хвост, дракон удалился.

Когда Ши Иньчи был посланником от царства Чу в царство Сун, он был принят тамошним начальником земельных работ Цзыханем. Во время приема Ши Иньчи

обратил внимание, что у соседа начальника с южной стороны стена дома совсем покосилась, а от соседа с западной стороны вода стекает прямо во двор к начальнику. Он осведомился о причинах такого положения.

— Мой сосед с южной стороны — ремесленник, шьет сапоги, — сказал ему начальник. — Я хотел переселить его подальше, но его отец пришел ко мне и сказал: «Мы занимаемся сапожным ремеслом на протяжении жизни трех поколений. Если вы теперь переселите нас, сунцы не будут знать, куда им идти за сапогами, и нам нечего будет есть. Просим начальника не отнимать у нас заработок». Поэтому я не стал его наказывать. Что касается западного соседа, то его дом стоит выше моего, и после ливней вода стекает ко мне — с этим уж ничего не поделаешь!

Ши Иньчи вернулся в Чу как раз когда там поднимали войска, чтобы идти походом на Сун.

— На Сун нельзя нападать, — предостерег Ши Иньчи чуского вана. — Правитель там добродетелен, министр милостив. А народ любит добродетельных и послушен милостивым. Если мы на них нападём, выгоды не будет никакой, зато опозоримся перед целым светом.

Чусцы оставили Сун в покое и напали на царство Чжэн.

Сюань-ван из Ци задумал построить огромный дворец, площадью в сто му, чтобы зал мог вместить сразу триста семейств. Со всего царства были собраны лучшие мастера, строительство шло уже три года, но конца так и не было видно. Никто из подданных не решался выступить перед правителем с увещеваниями. Тогда перед Сюань-ваном предстал Чунь Цзюй.

— Чуский правитель решил отказаться от обрядов и музыки древних, находя, что музыка — нечто неважное. Осмелюсь спросить — можно ли после этого считать, что в Чу есть правитель? — спросил он.

— Нет у них правителя, — ответил Сюань-ван.

— Есть в Чу и несколько тысяч подданных, однако ни один не смеет выступить перед правителем с увещеванием, — можно ли считать, что в Чу есть преданные подданные? — продолжал Чунь Цзюй.

— И преданных подданных там нет, — сказал правитель.

— Ныне вы, государь, строите огромный дворец, — продолжал Чунь Цзюй, — на целых сто му, чтобы собирать

там сразу по триста семейств во время приемов. Собрали лучших мастеров по всему Ци, прошло уже три года, а дворец все еще не готов. Из подданных же никто не решается выступить перед вами с увещеванием. Позвольте осведомиться — есть ли у вас, господин, верные подданные?

— Нет у меня верных подданных, — ответил Сюань-ван.

— Разрешите удалиться, — сказал Чунь и направился к выходу.

— Мастер Чунь, мастер Чунь, вернитесь! — закричал вслед ему Сюань-ван. — Что же вы так поздно обратились ко мне? Я, недостойный, тут же распоряжусь о прекращении строительства.

Затем, обращаясь к записывавшим, сказал:

— Я, недостойный, утратил добродетель, пристрастился было к гигантским сооружениям, но мастер Чунь поправил меня, недостойного.

Утопив своего подданного Луань Цзяо в Желтой реке, чжаоский Цзянь-цзы сказал:

— Я любил красивых женщин — и Луань Цзяо поставлял мне их. Мне нравились дворцы, залы и террасы — и Луань Цзяо заботился о том, чтобы все это у меня было. У меня был вкус к хорошим скакунам и красивым колесницам — и Луань Цзяо мне их охотно добывал. Но, помимо всего этого, мне нравились также и настоящие государственные мужи, а вот их-то мне за шесть лет Луань Цзяо не представил ни одного. От этого мои ошибки умножились, а сильные стороны ослабли.

Царство Чу воевало с царством У. Перед сражением оказалось, что чусцев меньше, чем усцев. Тогда чуский военачальник Цзынан сказал: «Если я вступлю сейчас в бой с усцами — мы непременно потерпим поражение. Но если я приведу войско своего государя к поражению, покрою имя правителя позором и утрачу наши земли — для меня, как верного подданного, это будет непереносимо».

И он покинул поле боя, даже не послав донесения правителю. Только достигнув столичного пригорода, отправил он гонца, чтобы тот известил властителя: «Ваш подданный просит разрешения умереть».

То, что вы вернулись, заслуживает всяческого поощрения, — сказал при встрече ван. — Если же вы заслуживаете поощрения, то к чему вам подвергать себя смерти?

— Если того, кто отступает без приказа, не считать преступником, сказал Цзынан, — то в будущие времена все ваши подданные, беря с меня же пример, станут отступать под любым предлогом и царство Цзинь в конце концов придет в полный упадок в Поднебесной.

С этими словами он лег на свой меч и закололся.

— Что ж, надо подумать о верности других военачальников, — сказал ван и велел похоронить Цзынана в простом гробу из тунга всего трех цуней толщиной, а внутрь в знак осуждения положил плаху

Глава школы моистов, по имени Мэн Шэн, водил дружбу с правителем города Янчэн в царстве Чу Тот поручил Мэн Шэну управление своей областью и, в подтверждение этого сломав яшмовое кольцо, отдал ему половину, оговорив при этом такое условие:

— Если тебе когда-нибудь предъявят вторую половину кольца и края его совпадут, ты должен будешь послушаться этого человека во всем

Когда чуский ван умер, правители областей решили напасть на царство У Войска собрали как раз в том месте, где происходили похороны. Янчэнский правитель также был среди них. Чусцы обвинили его в некоем преступлении, он бежал, чусцы захватили его область.

— Мне дали в управление область, — рассудил Мэн Шэн, — и передать ее я имею право лишь тому, кто предъявит полномочия. Полномочия мне не предъявлены, но и сил оказать сопротивление у меня нет. Остается лишь принять смерть.

— Если бы от вашей смерти был хоть какой-нибудь прок для янчэнского правителя, — стал уговаривать его один из младших моистов, по имени Сюй Жо, — в ней был бы смысл. Однако пользы не будет никакой, зато школа моистов потерпит ущерб, потеряв вас, — как можно помышлять о смерти!

— Нет! — ответил Мэн Шэн. — По отношению к янчэнскому правителю я или учитель, или друг, или, по крайней мере, подданный. Если я не умру — к моистам впредь перестанут обращаться в поисках суровых наставников, мудрых друзей или верных подданных. Если же я умру — все увидят, как моисты относятся к своему долгу, и

дело наше от этого только выиграет. А дела школы я передам сунскому главе моистов Тянь Сян-цзы — он человек мудрый, и мне нечего будет опасаться, что наше дело потерпит ущерб.

— Если вы так решили, — сказал тогда Сюй Жо, — позвольте мне умереть первым, чтобы приготовить вам путь.

Он отступил на шаг и на глазах Мэн Шэна отсек себе голову. Тот, отправив двух других учеников оповестить Тянь Сян-цзы о том, что дела школы переходят к нему, также покончил с собой. Вместе с ним добровольно расстались с жизнью еще 183 ученика.

Двое посланных, побывав у Тянь Сян-цзы, также решили вернуться в Чу, чтобы принять там смерть вслед за Мэн Шэном. Тянь Сян-цзы стал было удерживать их, указывая на то, что сам Мэн Шэн сделал его главой школы, однако они не послушали его и, вернувшись обратно, покончили с собой.

Цзиньский Вэнь-гун осаждал город Юань. Перед этим он обещал своим войнам, что дело будет сделано за семь дней. Однако прошло семь дней, а Юань так и не пал. Тогда он отдал приказ снять осаду. Некто из военного совета возразил:

— Юань должен скоро пасть. Мы, воинские начальники, просим еще повременить.

— Вера в слова главы государства — великое сокровище, — сказал Вэнь-гун. — Взять какой-то Юань ценой утраты его — это не по мне.

И он отступил. На следующий год Юань был осажден вновь, и Вэнь-гун обещал своим войнам, что вернется, лишь только город будет взят. Когда же юаньцы услышали об этом — они сдались сами.

Ханьцы обносили новой стеной свою столицу, определив срок завершения всех работ в пятнадцать дней. Смотрителем был назначен Дуань Цяо. Одна из строительных команд опоздала на два дня, и Дуань Цяо велел начальника этой команды заключить под стражу.

Тогда сын арестованного пришел к начальнику пограничной стражи Цзы Гао.

— Только вы, прежде рожденный, можете спасти моего

отца от смерти, — сказал он. — Прошу вас взяться за это дело.

Цзы Гао согласился, отправился с визитом к Дуань Цяо и в его сопровождении поднялся на новую стену. Взглянув налево и направо, он восхитился:

— Какая великолепная стена! Поистине — это великий труд. Вы, несомненно, будете за него щедро вознаграждены. Подумать только — ведь никому еще с древности и до наших дней не удавалось проделать такую огромную работу и при этом не предать казни ни одного человека!

В ту же ночь Дуань Цяо повелел освободить арестованного от пут и потихоньку выпустить.

У Ци управлял землями к западу от Желтой реки, когда Ван Цо оклеветал его перед вэйским Ухоу, и тот послал людей, чтобы принять у него дела. Оставив свой пост, У Ци доехал до Аньмэня, где сошел с колесницы отдохнуть. Взглянув на свои западные земли, он зарыдал так, что слезы полились потоками.

— Насколько я понимаю, — сказал ему слуга, — для вас расстаться с Поднебесной все равно что расстаться с парой старых сапог. Отчего же вы рыдаете, расставшись всего лишь с западными землями?

— Ты не понял меня, — ответил У Ци, утирая слезы. — Если бы правитель знал, что я за человек, и позволил мне исполнить мои намерения, царство Цинь, возможно, было бы низложено, а к западу от Желтой реки утвердилось бы правление истинного вана. Но правитель слушает речи низкого клеветника и отвергает меня — так что западные земли скоро попадут в руки циньцев, а царство Вэй начнет клониться к упадку.

Затем У Ци покинул Вэй и отправился в Чу, а земли к западу от Желтой реки оказались в конце концов у циньцев. Вэй день ото дня слабело, Цинь день ото дня крепло, — именно это предвидел У Ци и потому плакал.

Фу Цзыцзянь управлял областью Даньфу. Он пел и играл на цине, даже не покидая зала совета, — а область Даньфу пребывала в порядке и спокойствии. Сменивший его Ума Ци вставал с последними звездами, а возвращался — с первыми, во все вникал сам, не знал отдыха ни

днем ни ночью — и в области Даньфу по-прежнему царили порядок и спокойствие.

Наконец Ума Ци решился спросить об этом Фу Цзы-цзяня.

— Я полагаюсь на людей, — ответил ему мастер Фу, — а вы — на собственные силы. У того, кто полагается только на свои силы, всегда будет много забот; тот же, кто полагается на людей, может найти отдохновение.

Чжоуский Ли-ван жестоко обращался со своим народом, и народ роптал. Тогда Шао-гун обратился к царю с речью:

— Народ больше не в силах терпеть; вы же, господин, через своего вэйского колдуна еще выискиваете крамолу. Тех, на кого он указывает, предают смерти, так что люди теперь даже слово сказать боятся — на дорогах, встречаясь, лишь смотрят друг на друга.

Речь Шао-гуна очень обрадовала царя.

— Наконец-то я пресек крамолу! — вскричал он.

— Помешать — еще не значит пресечь, — сказал Шао-гун. — Закрывать уста народу — опаснее, чем запруживать реку. Если прорвет запруду — многие пострадают!

Лецин Цзыгао пользовался расположением циского Минь-вана. Будучи франтом, он любил наряжаться в зеленые одежды, белые шляпы и остроносые сапоги. Но однажды шел сильный дождь, и он появился при дворе, осторожно ступая и придерживая подол руками.

— Как я выгляжу? — обратился он к людям из своего окружения.

— Прекрасно, прекрасно, — заверили они его.

Цзыгао подошел к колодцу и погляделся в него: вид был как у мужлана.

— Льстят мне мои люди, — вздохнул он. — И все из-за того, что я пользуюсь расположением нашего вана. Как же они должны льстить тому, чье расположение заставляет их льстить мне?

Гоу Чэн-цзы отправился послом из царства Лу в царство Цзинь. Когда он проезжал царство Вэй, тамошний сановник Юцзай Гучэнь задержал его у себя. На приеме присутствовали музыканты, но хозяин велел им хранить

молчание. Позже, за вином, он, растрогавшись, преподнес гостю драгоценную яшму. Однако на обратном пути, возвращаясь после завершения миссии через Вэй, Гоу Чэн-цзы не заехал к нему попрощаться.

— Недавно вы, господин, как будто остались довольны приемом, оказанным вам Юцзай Гучэнем — сказал Чэн-цзы его слуга. — Отчего же не заехали к нему на обратном пути?

— То, что Гучэнь принимал меня у себя — знак его благорасположения ко мне, — ответил Гоу Чэн-цзы. — То, что он пригласил музыкантов, но не позволил им играть — знак его тайной печали. Когда же, растрогавшись за вином, он подарил мне драгоценную яшму, — мне стало ясно, что царство Вэй находится на пороге внутренних потрясений.

Не успели они удалиться от пределов Вэй на тридцать ли, как их настигло известие о том, что Нин Си поднял мятеж и Юцзай Гучэнь погиб при исполнении долга.

Развернув свою колесницу и трижды оплакав убитого, Гоу Чэн-цзы продолжил свой путь. Вернувшись, он послал за женой и сыном погибшего, отделил им под жилье часть своего дома и позаботился о том, чтобы они ни в чем не нуждались. Когда сын погибшего вырос, Чэн-цзы вернул ему драгоценную яшму.

У чжоусцев неподалеку от границы с жунами были дворцы в Фэн и в Хао. По соглашению с местными чжухоу они воздвигли там высокие сторожевые башни с барабанами наверху. Их бой был слышен по всей округе, и, в случае появления жунов, войска чжухоу по этому сигналу должны были спешить на выручку к Сыну Неба.

Как-то раз разбойники-жуны действительно появились. Ю-ван велел бить в барабаны, и войска чжухоу быстро прибыли. Между тем барабанный бой очень понравился любимой жене Ю-вана, Бао Сы. Желая позабавить ее, Ю-ван несколько раз приказывал бить в барабаны, когда никаких жунов и в помине не было, и каждый раз войска чжухоу исправно прибывали.

Наконец жуны и впрямь напали. Ю-ван велел тотчас бить в барабаны, однако на сигнал тревоги никто не появился, и Ю-ван, на потеху всей Поднебесной, расстался с жизнью у подножия горы Ли.

Как-то циский Хуань-гун, Гуань Чжун, Бао Шу и Нин Ци сидели за вином. Когда все пришли в хорошее расположение духа, Хуань-гун обратился к Бао Шу:

— Почему бы вам не поднять кубок за наше долголетие?

Выйдя вперед с кубком в руках, Бао Шу сказал:

— Пусть наш правитель никогда не забывает, что некогда ему пришлось искать убежище в Цзюй; Гуань Чжун всегда помнит о путях царства Лу, а Нин Ци постоянно держит в памяти то время, когда он кормил вола и жил под колесницей!

Встав с циновки, Хуань-гун дважды поклонился и сказал:

— Если я и мои друзья всегда будем помнить то, о чем вы сказали, алтари Земли и Злаков в Ци никогда не подвергнутся опасности!

ИЗ „ГОЮЯ”

В отличие от большинства древнекитайских книг, название этого памятника переводится вполне однозначно: «Речи царств». Перед нами записи, или скорее вольные изложения речей выдающихся государственных деятелей Древнего Китая, живших и действовавших в царстве Чжоу и в восьми главных уделах, на которые оно раскололось в VIII в. до н. э. По преданию, когда Конфуций создал свой летописный труд «Весны и осени», его лапидарный стиль оказался трудным для восприятия неподготовленным читателем — и тогда один из последователей Учителя, Цзоцю Мин, собрав старые записи, написал своеобразный комментарий, где каждое событие получило свое описание и пояснение. Однако строгие законы жанра позволили ему использовать далеко не все собранные материалы: яркие и образные речи древних государственных деятелей, дипломатов и полководцев, как бы хороши они ни были, остались за пределами летописи, вместившей только канву событий. И тогда Цзоцю Мин решил объединить эти речи в особую книгу, сгруппировать их по тем царствам, где жили и действовали ораторы, — так якобы родились «Речи царств», состоявшие, как и ныне, из двадцати одной главы, или свитка. Многие века они считались как бы «внешним комментарием» летописи Конфуция, делающим ее доступным пониманию профанов. Самую древнюю из речей памятника традиция датирует 967 г. до н. э., самую позднюю — 453 г. до н. э.

Трудно сказать, действительно ли этот памятник создал Цзоцю Мин — современная наука склонна датировать его появление более поздним временем. Не возьмемся также утверждать, существовало ли в Древнем Китае ораторское искусство как самостоятельный вид словесного творчества. Бесспорно лишь одно: устное выступление перед правителем и его окружением в момент кульминации событий играло огромную роль в политической жизни того времени, оно записывалось логографами и передавалось стоустой молвой, а книга «Речей царств» сохранила

для нас лучшее из того, что было сказано. Устное слово тогда казалось бесценным — исторгнутое из сердца, оно рождалось там прикосновением к бестелесному Пути — Великому Дао, сути и двигателю всякого бытия, являлось выражением сокровенного.

С самого начала публичное выступление мыслилось как предостережение от нарушения благого порядка и как средство пресечения смуты: возникла смута — и «появилось оружие, чтобы карать, снаряжение для походов, указы для устрашения смутьянов, красноречие для обвинений», — читаем мы уже на первых страницах «Речей царств». Устное слово представлялось естественным проявлением движения мировых сил, к нему следовало прислушиваться и не пытаться его пресечь, иначе правителя ждали неисчислимые бедствия. «Тот, кто имеет дело с рекой, открывает ей путь, чтобы текла по руслу; тот, кто имеет дело с народом, призывает его говорить», — читаем мы там же. Можно разослать повсюду доносчиков и казнить каждого хулителя, как сделал это в свое время царь Ли-ван, при котором подданные осмеливались при встрече только обмениваться многозначительными взглядами. Но что это сулит в будущем?! «Теперь не смеют болтать!» — радовался недалёковидный царь, гордый тем, что он один сумел прекратить злословие. Однако минуло всего три года — и он бежал, спасаясь от народного гнева, прорвавшегося, как река в половодье.

Каждая из речей, включенных в книгу, приурочена к какому-то событию и сама полна исторических примеров и аналогий, выражает определенный взгляд на мир и на ход истории. К сожалению, до сих пор полный перевод «Речей царств» на русском языке не публиковался; отдельные фрагменты из этого памятника мы даем в переводе М. В. Крюкова.

ИЗ ГЛАВЫ I

Во второй год правления Ю-вана в районе трех рек в Западном Чжоу произошло землетрясение.

— Чжоу накануне гибели! — сказал Бо Янфу. Это светлое начало Ян не может выйти наружу, потому что темное начало Инь подавляет его и не дает подняться вверх — отсюда землетрясение. Если светлое начало находится ниже темного, иссякают источники рек. А когда источники иссякают, государство погибает. Ибо если вода и земля взаимодействуют — народ обеспечен всем необходимым. Когда же вода и земля не взаимодействуют — народ страдает от нехватки продовольствия и близок к гибели.

В древности высохли реки И и Ло — и династия Ся пала. Высохла Хуанхэ — и пала династия Шан. Ныне и жизненная сила Чжоу на исходе, к тому же иссякают источники рек...

Существование государства зависит от гор и рек. Если горы рушатся, а реки высыхают — жди гибели государства. Когда высохнут реки — неизбежно обрушатся горы. До гибели государства осталось не более десяти лет, — ибо небо отворачивается от людей именно раз в десять лет.

Со временем три реки в Западном Чжоу высохли, а гора Цишань обрушилась. И вот в одиннадцатый год Ю-ван потерпел поражение, а столица Чжоу была перенесена на восток.

ИЗ ГЛАВЫ VI

— Каким образом следует организовать занятия народа? — спросил Хуань-гун.

— Необходимо, чтобы каждое из четырех сословий

жило отдельно, дабы их речи были достойными, а занятия не менялись,— сказал Гуань-цзы.

— Как же тогда следует поселять их? — спросил Хуань-гун.

— В древности мудрые правители поселяли людей просвещенных в уединении, ремесленников — поблизости от казны, торговцев — на рынке, земледельцев — в полях.

Если люди просвещенные будут жить вместе, но при этом отдельно от других сословий, то отцы смогут говорить друг с другом о долге, дети — о почтении к старшим, служащие правителю — об уважении к вышестоящим, юные — о братской любви. Сердца их будут спокойны, ибо, не зная иной жизни, они не будут к ней стремиться. Поучения отцов и старших братьев будут естественными, а стремление сыновей и младших братьев к учению без труда увенчается успехом. По этой причине дети людей просвещенных также станут людьми просвещенными.

Если ремесленники будут жить вместе, то смогут, учитывая времена года, выбирать для своих поделок подходящий материал, тщательно определять его достоинства и недостатки, обрабатывать его день-деньской и с выгодой для себя распространять повсюду. Поучая детей и младших братьев, говорить о своем деле, выказывая мастерство и демонстрируя результаты своего труда. Сердца их будут спокойны, ибо, не зная иной жизни, они не будут к ней стремиться. Поучения отцов и старших братьев будут естественными, а стремление сыновей и младших братьев к учению без труда увенчается успехом. По этой причине дети ремесленников также станут ремесленниками.

Если торговцы будут жить вместе, то смогут, учитывая времена года, обеспечивать рынок товарами; переносить товары на себе или запрягая в повозки быков и лошадей, способствовать их распространению; меняя то, что имеют, на то, чего не имеют, покупать по низкой цене и продавать по высокой; поучая детей и младших братьев, говорить о выгоде и показывать друг другу барыши, дабы преуспеть в торговле. Сердца их будут спокойны, ибо, не зная иной жизни, они не будут к ней стремиться. Поучения отцов и старших братьев будут естественными, а стремление сыновей и младших братьев к учению без труда увенчается успехом. По этой причине дети торговцев также станут торговцами.

Если земледельцы будут жить вместе, то смогут, учитывая времена года, тщательно выбирать орудия — сохи, мотыги, серпы; глубоко пахать и хорошо размельчать

почву, дожидаясь поры дождей; расстегнув грубые одежды, с соломенными шляпами на головах, потные, босые, полуобнаженные, с утра до вечера работать в поле, отдавая ему все свои силы. Сердца их будут спокойны, ибо, не зная иной жизни, они не будут к ней стремиться. Поучения отцов и старших братьев будут естественными, а стремление сыновей и младших братьев к учению без труда увенчается успехом. По этой причине дети земледельцев также станут земледельцами.

ИЗ ГЛАВЫ XVI

— Ждет ли Чжоу гибель? — спросил чжэнский Хуань-гун.

— Почти неизбежно! — ответил Ши Бо. — В «Тай ши» сказано: «Небо всегда следует тому, чего хочет народ». Ныне государь удаляет от себя мудрых и выдающихся и благоволит к посредственным и невежественным; питает неприязнь к одаренным и знающим и приближает к себе тупых и недалеких; отказывается от взаимодополняющего и предпочитает совпадающее.

Между тем взаимодополняющее — источник вещей, а совпадающее — источник гибели. Взаимодополнение — это выравнивание непохожего похожим. Именно поэтому оно может расти и процветать, именно поэтому все живое следует ему. Если же добавлять подобное к подобному — в конце концов оно иссякнет.

Вот почему древние правители совмещали землю с металлом, деревом, водой, огнем, и тем самым возникало все сущее. По этой причине яства, дополняющие друг друга по вкусу, приятны рту, шесть гармонирующих музыкальных тонов радуют слух, а приведенные в соответствие семь органов чувств служат сердцу.

Во всех вещах существует либо взаимодополняющее, либо совпадающее. Один звук не услышишь, один зигзаг не составляет узора, одну вещь не сопоставишь с другими. А между тем государь собирается отказаться от взаимодополняющего и отдать предпочтение совпадающему. Не иначе как небо лишило его мудрости.

Можно ли в этом случае избежать гибели?

На третий год после восшествия на престол юэский правитель Гоу Цзянь вознамерился пойти походом на У. Фань Ли принялся отговаривать его:

— Любые события в государстве могут быть отнесены к одной из трех категорий — сохранение благополучия, устранение опасности, воздержание от деяний.

— И как же надлежит поступать в каждом из этих случаев? — спросил правитель.

— Сохраняя благополучие, следуй Небу, — ответил Фань Ли, — устраняя опасность, полагайся на людей; воздерживаясь от деяний, следуй Земле. Вы, о государь, не спрашивали меня об этом, и я не осмеливался говорить. Путь Неба состоит в том, что, будучи полным, оно не переливается через край. Преисполненное силы, оно чуждо сомнения. Непрерывно двигаясь, не стремится преувеличить свои деяния. Совершенноумудрый человек всегда действует, сообразуясь со временем, Небесное время не настало — не становись незванным гостем. События не развернулись — не начинай их сам.

Ныне, мой государь, вы поступаете таким образом, что еще неполное уже переливается через край, не набравшееся силы уже преисполнено сомнения, не имеющее заслуг уже преувеличивает свои деяния. Небесное время еще не настало, а вы первым хотите напасть на других. События не развернулись, а вы сами их начинаете. Это противоречит пути Неба и не соответствует желаниям людей. Если, мой государь, вы не измените своего решения, это причинит ущерб государству и повредит его правителю.

Правитель не прислушался к предостережению, и тогда Фань Ли вновь стал увещевать его:

— Храбрость противоречит добродетели; оружие — это орудие убийства; соперничество — последнее из человеческих деяний. Замышлять тайные планы, действовать вразрез с добродетелью, применять орудия убийства, первому выступать против других — не значит ли это в конце концов быть уничтоженным другими?!

— Довольно возражений, — отвечал Гоу Цзянь. — Решение принято!

И он действительно двинул войска и напал на У. Проиграв сражение близ Пяти озер, правитель укрылся в горах Гуйцзи и призвал к себе Фань Ли.

— Я не послушался вас, и вот результат; что же теперь предпринять?

— Разве вы, мой государь, забыли: «Сохраняя благополучие, следуй Небу; устрояя опасность, полагайся на людей; воздерживаясь от деяний, следуй Земле».

— Но как же мне сейчас полагаться на людей? — спросил правитель.

— Быть скромным в речах, тщательно соблюдать этикет, захватить с собой драгоценности и красавиц, употреблять при обращении почтительные выражения. Если же цель не будет достигнута, то самому остаться у них.

— Пусть будет так, — ответил правитель и приказал сановнику Чжуну взять с собой священные сосуды и отправиться в У для заключения мира.

Однако люди У не приняли его предложений. Сановник Чжун вновь отправился в У.

— Наш государь просит разрешения стать подданным вашего государства в качестве простого музыканта, — сказал он правителю У. — Он постоянно будет следовать за вами, а вы, о государь, — распорядиться его судьбой.

И тогда люди У ответили согласием.

Отправляясь в У, правитель наказал Фань Ли управлять за него государством.

— В делах управления народом в пределах страны, — отвечал тот, — мне не сравниться с сановником Чжуном. В делах же, требующих принятия важных решений в отношении враждебных государств, Чжуну не сравниться со мной.

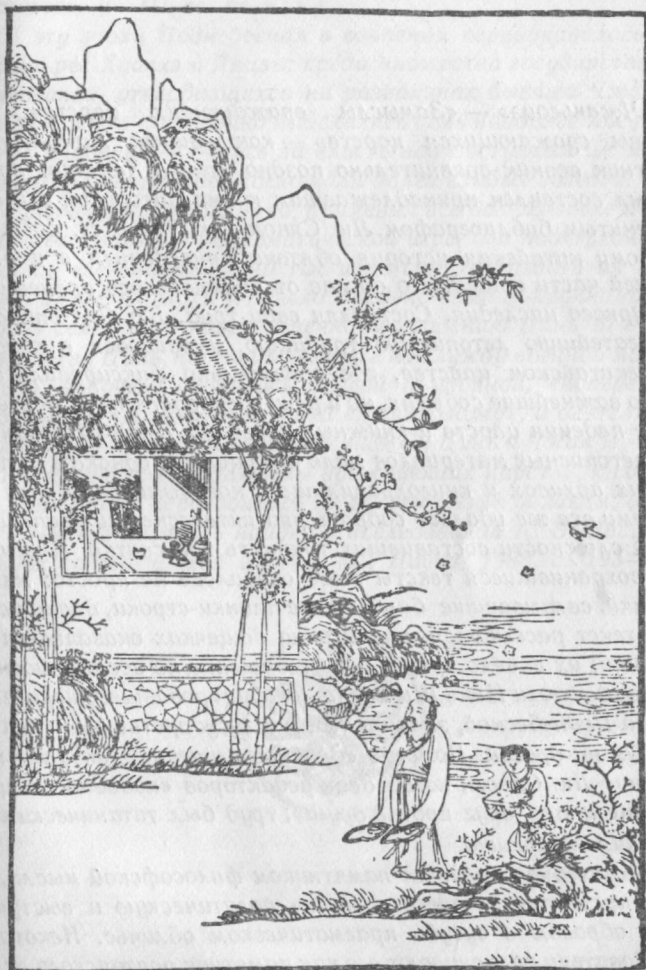
— Согласен, — отвечал правитель и приказал сановнику Чжуну управлять страной, а сам вместе с Фань Ли отправился в У, чтобы служить там в качестве раба.

Прошло три года, и люди У отпустили их. Когда они вернулись к себе, правитель Юэ спросил у Фань Ли:

— И как же следует воздерживаться от деяний?

— Воздерживаясь от деяний, — отвечал Фань Ли, — следуй Земле. Лишь Земля способна объединить все живое. Совершая все в надлежащее время, она порождает все сущее, творит птиц и животных и делит с ними приносимую ими пользу. Нужно дожидаться того, что приходит, и только тогда исправлять его; устанавливать что бы то ни было в зависимости от подходящего времени; уравнивать труд мужчин и женщин, устранить вред, причиняемый народу; исходить из постоянных законов Неба и Земли, — только тогда можно будет достичь успеха в Поднебесной. Пока же дела не претерпели изменений, а время не совершило круговорота, следует заботиться о народе и, в ожидании этого, соблюдать все поучения.

ИЗ „ЧЖАНЬГОЦЭ”

«Чжаньгоцэ» — «Замыслы враждующих царств», или «Планы сражающихся царств» — как единый литературный памятник возник сравнительно поздно, уже в Ханьское время. Он был составлен принадлежавшим к императорской фамилии знаменитым библиографом Лю Сяном (ок. 77—6 гг. до н. э.), которому китайская история обязана приведением в порядок большей части дошедшего до нас от доимперского времени литературного наследия. Составляя свой труд, Лю Сян опирался на богатейшую летописную традицию, имевшуюся в каждом древнекитайском царстве, где обязательно фиксировались не только важнейшие события, но и речи государственных деятелей. После падения царств и книжных аутодафе Цинь Ши-хуана из этих летописных материалов мало что уцелело, однако в императорских архивах и книгохранилищах, которыми заведовал Лю Сян, ему все же удалось собрать ряд интереснейших записей, в общей сложности составивших тридцать три свитка. Пустить в дело сохранившиеся тексты тоже оказалось не просто: многие ремешки, связывавшие бамбуковые планки-строки, давно истлели, и текст рассыпался, надписи на дощечках оказались полустертými; их изъело время, а в довершение ко всему, писанные задолго до эпохи Цинь Ши-хуана, унифицировавшего иероглифы по всей Поднебесной, знаки в каждом государстве были непохожи один на другой. Помогло «двойное сличение», впервые примененное Лю Сяном, когда двое редакторов «подобно соперникам, выступали друг против друга»; труд был титаническим, но завершился успешно.

«Чжаньгоцэ» является памятником философской мысли, которая претворяется здесь в мысль политическую и выступает таким образом в сугубо прагматическом обличье. Некоторые исследователи расценивают его как памятник ораторского искусства, поскольку в нем представлены речи различных государственных деятелей, произнесенные ими по случаю тех или иных дел «большой международной политики». Китайская же тради-

ция всегда относила «Замыслы...» к исторической литературе, причем к литературе второй категории, именуемой «разными сочинениями». Однако в любом случае перед нами книга, донесшая живое дыхание того удивительного времени, которым были недовольны все его лучшие умы и которое тем не менее оставило Китаю ни с чем не сравнимые сокровища культуры, времени междоусобной раздробленности и поисков единства, времени жестокой борьбы за власть и отрицания этой власти — словом, всего, что характеризует эпоху Враждующих царств (эпоха «Чжаньго», V—III вв. до н. э.).

В эту эпоху Поднебесная в основном ограничивалась бассейнами рек Хуанхэ и Янцзы; среди множества государственных образований, утвердившихся на развалинах бывшей Чжоуской державы, здесь постепенно выделились семь наиболее могущественных владений, — борясь за власть над доступным им миром, эти царства постепенно поглощали более слабых соседей. Вступая в разного рода коалиции, применяя все дозволенные и недозволенные приемы в дипломатической игре, они поочередно становились «гегемонами», но так и не сумели создать из Китая единое целое. Сделать это было суждено самому крупному хищнику из семерых, — наследственному владению Цинь Ши-хуана государству Цинь, поставившему все на службу военной машине. Борьба, впрочем, оказалась долгой и упорной, «поперечный» союз царств противостоял в ней «продольному», и деятельность дипломатов — таких, как герои книги Су Цинь и Чжан И, — сыграла немалую роль. «Замыслы враждующих царств», к сожалению, никогда не переводились на русский язык целиком; однако часть текстов читатель найдет в исследовании К. В. Васильева (Планы сражающихся царств. М., Наука, 1968, с. 193—230).

ИЗ ГЛАВЫ «ЗАМЫСЛЫ ЗАПАДНОГО ЧЖОУ»

Чуский житель Ян Юцзи отлично стрелял из лука: стреляя по листику ивы на расстоянии в сотню шагов, попадал в ста случаях из ста. Все, кто был рядом, восторгались.

А какой-то прохожий сказал:

— Неплохо стреляешь — самое время тебя и поучить.

— Все только восторгаются, — сказал Ян Юцзи, — ты же говоришь: самое время меня и поучить. А ну-ка возьми да постреляй вместо меня!

— Я не берусь тебя научить, как держать лук левой рукой и как сгибать правую, — ответил прохожий. — Но если ты, стреляя по листику ивы и попадая в цель в ста случаях из ста, не сможешь вовремя остановиться, то вскоре сила твоя пойдет на убыль, лук дрогнет в твоей руке и стрела полетит вкось. А стоит тебе лишь раз промазать — и вся твоя слава пойдет прахом!

ИЗ ГЛАВЫ «ЗАМЫСЛЫ ЦИНЬ»

ЧАСТЬ I

У некоего чусца было две жены. Один человек стал заигрывать с его старшей женой — и та его отругала. Тогда начал он приставать к его младшей жене — и та была с ним ласкова.

Вскоре двоеженец тот умер. И кто-то спросил человека, который приставал к его женам:

— Какую из них думаешь взять замуж — старшую или младшую?

— Думаю взять старшую, — ответил тот.

— Да ведь она же тебя отругала — а с младшей вы поладили. Зачем же ты хочешь взять старшую?

И человек этот ответил так:

— Когда жила она с мужем, я тщетно добивался ее ласки. Теперь же надеюсь, что, став моей женой, из верности ко мне будет столь же сурова с другими!

ИЗ ГЛАВЫ «ЗАМЫСЛЫ ЦИНЬ»

ЧАСТЬ 2

Однажды два тигра сцепились в схватке из-за человека. Гуань Чжуан-цзы хотел уже броситься на них, чтобы прикончить, но Гуань Юй его удержал.

— Тигр — лютей зверь, — сказал он, — а человек — любимое его лакомство. И вот теперь два тигра сцепились в схватке за человечину — тот, что послабей, конечно же, погибнет, а тот, что посильней, наверняка будет сильно изранен. Дождись, когда он весь изойдет кровью — тогда и прикончишь. И одним ударом получишь в добычу сразу двух тигров. Не потратив сил и на одного, прослывешь убийцей двоих!

Знаменитый лекарь Бянь Цюэ как-то раз посетил циньского царя У-вана. Тот поведал ему о своей болезни — и Бянь Цюэ тут же вызвался ее излечить.

— Ваша болезнь, государь, — сказал кто-то из приближенных, — засела где-то перед ушами и ниже глаз. Если взяться ее лечить, то еще неизвестно, наступит ли улучшение — зато можно лишиться и зрения, и слуха.

Государь передал эти слова Бянь Цюэ. А тот в гневе швырнул свои иглы наземь и сказал так:

— Вы, государь, обсуждали этот вопрос с человеком сведущим — и позволили испортить все дело невежде! Если будете подобным же образом вести и дела государственных, то можете вот так же, одним махом, загубить и собственное царство!

Цзэн-цзы жил некогда в Ми. И вот некий его тезка и однофамилец, что проживал там же, убил человека. И кто-то сказал матери Цзэн-цзы:

— Цзэн Шэнь убил человека!

— Мой сын не мог убить, — сказала мать Цзэн-цзы — и продолжала спокойно ткать. А тут еще пришел кто-то и сказал:

— Цзэн Шэнь убил человека!

Мать Цзэн-цзы продолжала ткать как ни в чем не бывало. Но вот еще кто-то пришел и сказал:

— Цзэн Шэнь убил человека!

И тут уже мать Цзэн-цзы перепугалась не на шутку. Бросила наземь свой челнок, перелезла через забор — и убежала.

А ведь Цзэн-цзы был человеком высоких достоинств, и мать верила ему во всем. Но стоило троим посеять в душе ее сомнение — и разуверилась даже родная мать!

ИЗ ГЛАВЫ «ЗАМЫСЛЫ ЦИ»

ЧАСТЬ I

Циский царевич Цзинго-цзюнь задумал построить крепость на своих землях в Се. Многие из тех, кто к нему приходил, его от этого отговаривали. И Цзинго-цзюнь сказал привратнику:

— Ни о ком мне больше не докладывай!

И все же один цисец стал проситься к царевичу:

— Прошу разрешения сказать ему только три слова, — сказал он. — Если еще хоть слово добавлю — можете сварить меня живьем!

Царевич его принял. А гость торопливо к нему подошел и сказал:

— Рыба в море!

Повернулся и бросился бежать.

— Прошу тебя остаться! — сказал ему царевич.

— Ничтожный ваш слуга не смеет шутить собственной жизнью! — ответил гость.

— Не бойся и продолжай говорить, — сказал царевич.

— Вы не слыхали о большой рыбине? — спросил гость. — Ее не могли изловить сетями, не могли удержать

на крючке. Но стоило ей опростачливо выбраться на берег — и ею вволю полакомились муравьи и медведки. Царство Ци для вас — та же вода, вы всегда находитесь под его защитой. Зачем же вам строить крепость в Се? Ведь если покинете Ци, то пусть ваша крепость подымется хоть до небес — проку от нее не будет!

— Ты прав! — сказал царевич. И отказался от своей затеи.

Цзоу Цзи ростом был в восемь чи с лишком и к тому же весьма пригож. Как-то утром, надев платье и шапку и поглядевшись на себя в зеркало, он спросил у жены:

— Кто красивей — я или Сюй-гун из Северного предместья?

— Ты очень красив, — сказала жена. — Разве может Сюй-гун с тобой сравниться!

А этот Сюй-гун из Северного предместья был известный на все царство Ци красавец. И потому Цзоу Цзи не поверил жене и решил спросить у наложницы:

— Кто из нас красивей — я или Сюй-гун?

— Разве может Сюй-гун сравниться с вами! — сказала наложница.

В тот же день пришел к нему гость, и они, усевшись, принялись беседовать. И Цзоу Цзи спросил у гостя:

— Кто же из нас красивей — я или Сюй-гун?

— Сюй-гуну далеко до вас! — ответил гость.

А на другой день и сам Сюй-гун явился к нему в гости. И Цзоу Цзи, внимательно к нему приглядевшись, сам понял, что уступает ему в красоте. А поглядевшись после того еще и в зеркало, убедился, что уступает значительно. И вечером, ложась спать, подумал:

— Жена считает меня красавцем — оттого что любит. Наложница — оттого что боится. А гость — оттого что во мне нуждается.

И вот, явившись ко двору, Цзоу Цзи сказал царю Вэй-вану:

— Достоверно знаю, что в красоте уступаю Сюй-гуну. Но жена моя любит меня, наложница — боится, а гость — во мне нуждается, и оттого все трое уверяют, будто я красивей Сюй-гуна. Царство Ци простирается на тысячу ли вдоль и на тысячу ли поперек, имеет сто двадцать городов. И все ваши наложницы и приближенные вас любят, все ваши слуги вас боятся, и все, кто проживает в

пределах четырех границ вашего царства, в вас нуждаются. Отсюда видно, как сильно они вас обманывают.

— Ты прав,— сказал царь. И тут же издал указ:

«Те из придворных, чиновников и простого народа, кто сможет мне прямо в лицо указать на мои недостатки, получат высшую награду. Те, кто пришлет мне обличительные письма, получат среднюю награду. А те, кто сможет осудить меня публично, но так, чтоб это до меня дошло, получат низшую награду».

И едва он издал свой указ, как все его подданные так и ринулись выступать с обличениями — и дворец уподобился шумному рынку. Но уже через несколько месяцев обличения стали поступать заметно реже. А через год иной и рад бы высказаться — да только уж не к чему было придрасться! А правители царств Янь и Чжао, Хань и Вэй, узнав об этом, все как один явились к цискому двору. Вот так-то циский царь, что называется, «одержал победу, не выходя из дворца»!

ИЗ ГЛАВЫ «ЗАМЫСЛЫ ЦИ»

ЧАСТЬ 2

Некий чусец, совершив жертвоприношение, пожаловал своим нахлебникам кувшин вина. А те, посовещавшись, сказали:

— На несколько человек все равно не хватит, а одному — хватит с избытком. Пусть каждый нарисует по змее — кто первый закончит, тому и достанется.

И вот один человек разделался со своей змеей раньше всех и уже собрался выпить — взял в левую руку кувшин, а правой продолжая рисовать, сказал:

— Я еще могу подрисовать ей ножки!

Не успел их закончить, как кто-то другой, завершив свой рисунок, выхватил у него кувшин и сказал:

— Нет у змеи никаких ног! Как же ты можешь их ей подрисовывать?!

И осушил кувшин до дна. А тот, что вздумал подрисовать змее ножки, так и остался ни с чем.

На берегу реки Цзышуй истукан, что вылеплен был из глины, беседовал с другим — вырезанным из ствола персикового дерева. И деревянный истукан сказал глиняному:

— Ты всего-навсего глиняный ком с западного берега Цзышуя. Вот взяли этот ком и слепили человека. А наступит восьмая луна, польют дожди, Цзышуй выйдет из берегов — ты и развалишься!

— Так да не так, — ответил глиняный истукан. — Пусть я и глина — но, развалившись, снова вернусь на свой западный берег. А вот ты деревянный обрубок из восточных краев: взяли тебя — и вырезали человека. Польют дожди, Цзышуй выйдет из берегов и подхватит тебя волнами — и куда-то они тебя унесут?!

Как-то раз Чуньюй Кунь за один только день представил царю Сюань-вану семерых достойных мужей.

— А ну-ка подойди поближе, — сказал ему царь. — Я вот слышал: если на тысячу ли найдется лишь один достойный муж — это уже все равно как если б они стояли толпой, подпирая друг друга плечами; если на сто поколений родится один сверхмудрец — это уже все равно как если б они являлись один за другим, наступая друг другу на пятки. Ты же за одно лишь утро представил мне сразу семерых — не многовато ли?!

— Отнюдь, — ответил Чуньюй Кунь. — Ведь птицы одной породы держатся стаями, а звери бродят стадами. Если целебные травы чайху и цзегэн искать в сырой низине — их не отыщешь там и за несколько жизней. Но стоит лишь подняться на северный склон гор Ишу и Лянфу — и можно возить их оттуда возами! Ибо всякая вещь живет семьей. Вот я, Кунь, принадлежу к семье достойных. И когда вы, государь, спрашиваете меня о достойных мужах — это все равно что черпать воду из реки или высекать огонь из кремня. Я буду и впредь представлять вам достойных мужей — неужто же их наберется только семеро!

Хань Цзылу был лучшим гончим псом в Поднебесной, а Дунго Цюнь — самым увертливым зайцем среди четырех морей. Гоняясь однажды за Дунго Цюнем, Хань Цзылу

трижды обежал кругом горы, пять раз взбегал на нее, пять раз с нее сбегал. И вот, наконец, заяц изнемог от бега, а пес от погони, оба отдали все силы без остатка — и каждый издох где он был.

А какой-то мужик увидал, без труда подобрал их обоих — и унес как добычу!

ИЗ ГЛАВЫ «ЗАМЫСЛЫ ЦИ»

ЧАСТЬ 4

Циский царь Сюань-ван сказал отшельнику Янь Чу:
— Хотел бы попросить дозволения стать вашим учеником. Вы, господин Янь, будете проводить время со мной, питаться — одними яствами, ездить — только в колеснице, а ваша супруга будет ходить в нарядных платьях.

Янь Чу ответил отказом, сказав при этом так:

— Яшма рождается в горах. Шлифуя, ее только калечат: она не утратит своей цены — но лишится цельности. Ученый живет в глуши. Можно продвинуть его и сделать чиновником: он не утратит достоинства — но дух его и тело также лишатся цельности. Хочу вернуться домой. Поздняя трапеза заменит мне мясо, неторопливая прогулка — колесницу. Сознание невиновности заменит знатность, а чистота и прямота будут моей отрадой. Вернусь к естеству, обрету простоту — и до конца своих дней не буду знать бесчестья.

Один цисец, явившись к Тянь Пяню, сказал ему:

— Наслышан о ваших высоких устремлениях — ведь вы заявили, что в чиновники идти не собираетесь, а намерены трудиться бескорыстно.

— Откуда ты про это знаешь? — спросил Тянь Пянь.

— Да надоумил меня пример соседской дочки, — ответил цисец.

— Что это значит? — спросил Тянь Пянь.

— Дочь моего соседа, — сказал цисец, — заявила, что замуж она не пойдет. И вот в свои тридцать лет уже имеет семерых детей. Не пойти-то она не пошла — да только переплюнула замужних! Вот и вы заявили, что служить не собираетесь, — а имеете тысячу чжунов жа-

лованья и сотню человек прислуги. Не служить-то вы не служите — да только богатством превзошли любого чиновника!

И Тянь Пянь поспешил с ним распрощаться.

Некий цисец, по имени Фэн Сюань, по бедности не мог себя содержать и попросил доложить Мэнчан-цзюню, что хотел бы пойти к нему в нахлебники.

— А что ему нравится? — спросил Мэнчан-цзюнь.

— Ничего не нравится, — ответил посланец.

— А что он умеет?

— Ничего не умеет.

— Ну, так уж и быть! — сказал Мэнчан-цзюнь, рассмеявшись, — и велел принять его в нахлебники.

А приближенные Мэнчан-цзюня, посчитав, что господин их относится к Фэн Сюаню с презрением, стали кормить его грубой пищей.

И вот однажды Фэн Сюань, прислонясь к колонне и аккомпанируя себе на собственном мече, запел:

— Длинный мой меч, не вернуться ли нам?
Рыбы мне здесь совсем не дают!

Приближенные доложили об этом Мэнчан-цзюню — и тот приказал:

— Кормить его, как остальных моих нахлебников!

Прошло немного времени — и Фэн Сюань опять запел, аккомпанируя себе на мече:

— Длинный мой меч, не вернуться ли нам?
Выехать в город не на чем мне!

Приближенные рассмеялись и доложили Мэнчан-цзюню.

— Дать ему колесницу, как всем моим конным нахлебникам! — распорядился Мэнчан-цзюнь.

И вот Фэн Сюань уселся в свою колесницу, высоко поднял меч и, приехав к другу, сказал ему:

— Мэнчан-цзюнь взял меня к себе в нахлебники!

Прошло еще немного времени — и Фэн Сюань, аккомпанируя себе на рукоятке меча, опять запел:

— Длинный мой меч, не вернуться ли нам?
Нечем родню мне прокормить!

И тут уже приближенные вознегодовали, сочтя, что он жаден не в меру.

— А что, у господина Фэна есть родные? — спросил Мэнчан-цзюнь.

— Есть старуха мать, — ответили ему.

Мэнчан-цзюнь приказал дать ей пропитание — чтоб не знала нужды. И больше Фэн Сюань уже не пел.

А вскоре Мэнчан-цзюнь повелел вывесить послание, в котором обращался к своим нахлебникам с вопросом: *«Кто из вас силен в счетоводстве и сможет собрать для меня недоимки в моем уделе Се?»*

— Я смогу, — сказал Фэн Сюань — и поставил свою подпись.

— Кто это? — удивленно спросил Мэнчан-цзюнь.

— Да тот самый, который все распевал: «Длинный мой меч, не вернуться ли нам?» — ответили приближенные.

— А он ведь и вправду сможет! — сказал Мэнчан-цзюнь, рассмеявшись. — А я виноват перед ним — даже ни разу еще его не принял.

И, пригласив к себе Фэн Сюаня, сказал, извиняясь: — Устал от дел, одурел от забот... К тому же еще вял и медлителен по природе — и по уши увяз в государственных делах. Оттого и проявил к вам непочтительность. И вы, не оскорбившись этим, хотите собрать для меня недоимки?

— Да, хочу, — сказал Фэн Сюань. И тут же заложил колесницу, уложил в нее долговые бирки, погрузил свои вещи и собрался в путь. А прощаясь, спросил:

— Если соберу все долги сполна — чего вам на них купить?

— А вы сами посмотрите — чего еще не хватает в моем доме, — ответил Мэнчан-цзюнь.

Прискакав в Се, Фэн Сюань приказал местным чиновникам созвать всех должников — и чтобы каждый захватил с собой свою бирку. Когда же все бирки совпали, встал и, будто бы по приказанию свыше, простил народу его долги и бросил все бирки в огонь.

— Да живет Мэнчан-цзюнь десять тысяч лет! — воскликнул народ.

А Фэн Сюань, нигде не останавливаясь, на рассвете прискакал в Ци — и тут же попросил у Мэнчан-цзюня аудиенции. Тот, удивившись, что он так скоро обернулся, принял его в парадном одеянии и шапке и сразу же спросил:

— Ну как, собрали все недоимки сполна? Почему так быстро?

— Все собрал сполна, — ответил Фэн Сюань.

— И что же вы на них купили?

— Не вы ли мне сказали, чтоб я сам посмотрел, чего не хватает в вашем доме? — ответил Фэн Сюань. — Вот я и позволил себе принять в соображение, что дворцы ваши полны сокровищ, что собаки и кони заполняют даже дальние ваши конюшни, а красавицы теснятся даже в задних рядах. Единственное, чего вам не хватает — это справедливости. Вот я и взял на себя смелость купить для вас справедливость.

— Что это значит — купить справедливость? — спросил Мэнчан-цзюнь.

— Вы владеете крохотным уделом Се, — сказал Фэн Сюань. — Однако обходитесь с его жителями не как подобает любящему отцу — но обираете их, как барышник. Вот я и позволил себе, будто бы по вашему приказанию, простить людям их долги и сжег их долговые бирки. И весь народ воскликнул: «Да живет Мэнчан-цзюнь десять тысяч лет!» Вот так я купил для вас справедливость.

— Ну что же, — сказал Мэнчан-цзюнь с неудовольствием, — видно, уж так тому и быть!

А через год циский царь сказал Мэнчан-цзюню:

— Не смею больше почитать слуг покойного государя собственными слугами!

И Мэнчан-цзюнь отправился в свой удел Се. До города оставалась еще сотня ли — а уж весь народ, и стар и млад, вышел ему навстречу. И Мэнчан-цзюнь, оглянувшись на Фэн Сюаня, сказал:

— Только теперь вижу — что вы для меня купили!

— У хитрого зайца, — сказал Фэн Сюань, — всегда три норы: только так удастся ему избежать гибели. У вас же пока — всего одна, и вы еще не можете спать спокойно. Позвольте вырыть для вас еще две!

Мэнчан-цзюнь дал ему пятьдесят колесниц и пятьсот цзиней золота, и Фэн Сюань отправился на запад — в Вэйское царство.

— Царство Ци, — сказал он царю Хуэй-вану, — изгнало своего сановника Мэнчан-цзюня за пределы страны. Тот из государей, что примет его первым, разбогатеет и будет иметь сильную армию.

И вэйский царь поспешил освободить для Мэнчан-цзюня высший после себя пост в государстве — а прежнего первого министра поставил главнокомандующим. После чего направил к Мэнчан-цзюню посланца с тысячей цзиней золота и сотней колесниц — пригласить его на

должность. Но Фэн Сюань его опередил — дабы остеречь Мэнчан-цзюня:

— Тысяча цзиней — щедрый подарок, а сотня колесниц — почетный эскорт. И в Ци, надо думать, про это уже знают!

Вэйский посланец трижды приезжал к Мэнчан-цзюню — но тот наотрез отказывался ехать.

А циский царь и его приближенные, прослышав о том, перепугались. И царь послал к Мэнчан-цзюню великого наставника — дабы преподнести ему в дар тысячу цзиней золота, две четверки коней с расписными колесницами и меч для ношения на поясе. И еще направил запечатанное письмо с извинениями:

— Не умею править, и предки ниспослали мне наказание: я окружен льстецами и угодниками и провинился перед вами. Не стою того, чтоб вы мне служили, — и все же хотел бы просить вас взять на себя попечение над храмом моих предков, хотя бы на время вернуться в страну и взять на себя управление народом.

А Фэн Сюань дал Мэнчан-цзюню совет:

— Почему бы вам не попросить у царя утварь для жертвоприношений, что осталась от прежних государей, и не поставить этот храм в своем уделе Се?

Когда же храм был готов, явился к Мэнчан-цзюню и доложил ему:

— Вот теперь у вас есть три норы: можете спать спокойно и со всеми удобствами!

После этого Мэнчан-цзюнь несколько десятков лет был в царстве Ци первым министром и не имел за это время никаких неприятностей. И все благодаря расчетам Фэн Сюаня!

Циский царь направил к чжаоской государыне Вэйхоу посланца — справиться о здоровье. Та же, прежде чем вскрыть царское письмо, спросила посланца:

— Хорош ли у вас нынче урожай? Благополучен ли народ? Здоров ли государь?

— Я удостоился от государя поручения быть к вам посланным, — сказал посланец с неудовольствием, — вы же, прежде чем справиться об его здоровье, спрашиваете меня об урожае и народе... Возможно ли сперва осведомиться о вещах ничтожных и лишь потом — о самом драгоценном?!

— Ты не прав,— сказала царица.— Если не будет урожая — чем будет жить народ? А не будет народа — чем будет жить государь? Так можно ли, забыв о корнях, спрашивать о макушке?!

И, подойдя к нему ближе, спросила:

— Есть у вас в Ци отшельник по имени Чжунли-цзы — как его здоровье? Ведь это какой человек? Есть у кого хлеб, нет ли — всегда накормит; есть у кого одежда, нет ли — всегда оденет. Он помогает государю кормить народ — так отчего же до сих пор не состоит у него на службе? А здоров ли Шэян-цзы? Ведь это какой человек? Жалеет вдовцов и вдов, печется о сирых и одиноких, поддерживает нищих и убогих, выручает нуждающихся... Он помогает государю сохранять народ — так отчего же до сих пор не служит? А здорова ли Инэрцзы, что из рода Бэйгун? Отдала свои кольца и серьги, до старости лет так и не вышла замуж — и все ради того, чтоб прокормить отца и мать. Явила народу пример дочернего благочестия — так отчего же она до сих пор не приглашена ко двору? Если два таких мужа не состоят у вашего государя на службе, а такая женщина не принята при его дворе — то какой же он царь и отец своему народу?! Ну, а Цзычжун из Улина — этот жив еще? Ведь что это за человек? Государю не служит, с семьей управиться не может, с князьями дружбы не водит... Только являет народу пример никчемности. И его до сих пор не казнили?!

ИЗ ГЛАВЫ «ЗАМЫСЛЫ ЦИ»

ЧАСТЬ 5

Су Цинь, увещевая циского царя Минь-вана, говорил ему так:

— Я слышал, что нападение и война — не лучший путь и не стоит ему подражать. Даже с миллионной армией можно помериться силой в парадном зале. Даже полководцев, подобных Хэ Люю и У Ци, можно взять в плен во дворце. Стены в тысячу чжанов преодолеваются за ниршественным столом. Боевые колесницы в сотню чи рушатся на спальном циновке. Потому-то и говорят: когда Шан Ян принялся строить планы вместе с циньским царем, он составлял договоры, не вставая с циновки, обговари-

вал их между чашей и блюдом и завершал свои замыслы в парадном зале. А в итоге — вэйские полководцы попали в плен к цисцам, и циньский царь, не двинув ни единой боевой колесницы, получил земли за рекой Сихэ!

ИЗ ГЛАВЫ «ЗАМЫСЛЫ ЧУ»

ЧАСТЬ 1

Тигр охотился на разных зверей и пожирал их. И вот как-то раз поймал лису.

— Только не вздумай меня съесть! — сказала лиса. — Небесный Владыка прислал меня сюда начальницей над всеми зверями. Сожрешь меня — нарушишь его волю. А если не веришь — давай я пойду впереди, а ты ступай следом. Сам увидишь — посмеют ли звери, при виде меня, не разбежаться!

Тигр ей поверил — и пошел следом. Все звери, завидев их, разбегались кто куда. Невдомек было тигру, что звери разбегаются из страха перед ним, и он решил, что они и вправду боятся лисы!

ИЗ ГЛАВЫ «ЗАМЫСЛЫ ЧУ»

ЧАСТЬ 2

Су Цинь, явившись в Чу, только на третий день добился приема у царя. Побеседовал с ним, простился и направился к выходу.

— Вы для меня — как древний мудрец, — сказал царь. — И вот нынче, не посчитав тысячу ли за расстояние, приехали ко мне. И вдруг не хотите остаться. Хотел бы узнать о причине.

— У вас в Чуском царстве, — ответил Су Цинь, — продовольствие дороже яшмы, а дрова дороже коричневого дерева. Встретиться с вашим церемониймейстером так же непросто, как увидеть привидение. А уж встретиться с вами, государь, так же трудно, как с Небесным Владыкой. И вы хотите, чтоб я питался яшмой и готовил еду на

огне из корицы, а ради встречи с вами — сносился с привидениями!

— Ступайте в свои покои,— сказал царь.— Ваши слова для меня — как приказ.

ИЗ ГЛАВЫ «ЗАМЫСЛЫ ЧУ»

ЧАСТЬ 4

Чжуан Синь, покинув Чу, отправился в Чжао и пробыл там пять месяцев. А тем временем Циньское царство захватило чуские земли и города Янь, Ин, У, Чэнь и Шанцай. Чуский царь Сян-ван бежал в Чэньян и пребывал там в бедственном положении. И тогда он отправил в Чжао конного вестового — за Чжуан Синем.

— Хорошо, я приеду,— сказал Чжуан Синь.

Когда же он приехал, Сян-ван сказал ему:

— Не сумел воспользоваться вашими советами — и вот до чего дошло... Как теперь быть?

— Слышал я поговорку,— ответил Чжуан Синь: — «Если увидел удирающего зайца — еще не поздно спустить на него собак. Если потерял овцу — еще не поздно заделать дыру в хлеву».

Было это давно. Стрелок Гэн Лэй и вэйский царь стояли вдвоем под высокой террасой и, запрокинув голову, смотрели на пролетающих птиц.

— Чтоб вас потешить,— сказал Гэн Лэй,— могу натянуть и спустить тетиву без стрелы — и птица упадет сама!

— Возможно ли подобное мастерство? — спросил царь.

— Возможно,— ответил Гэн Лэй.

И вот, через мгновение, с востока показался гусь. Гэн Лэй спустил пустую тетиву — и птица упала камнем.

— Возможно ли подобное мастерство! — воскликнул царь.

— Это был подранок,— пояснил Гэн Лэй.

— Как ты про это узнал? — спросил царь.

— Летел он медленно,— сказал Гэн Лэй,— кричал тоскливо. Летел медленно — оттого что ныла старая рана. Кричал тоскливо — оттого что давно отбился от стаи. Рана еще толком не затянулась, а страх еще не прошел. Едва услышал звон тетивы — из последних сил рванулся ввысь. Рана открылась — и он камнем упал на землю.

Тысячеверстный скакун, состарившись, тащил вверх по горной дороге воз с солью. Копыта его скользили и разъезжались, колени подкашивались, хвост растрепался, шкура протерлась, слюна и пот текли ручьем. На полдороге он и вовсе встал: дергал, дергал оглобли — и не мог даже стронуться с места.

А мимо проезжал Бо Лэ. Он соскочил с коляски, погладил коня — и заплакал. Снял с себя холщовое платье и укрыл им коня. И тот склонил перед ним голову — и фыркнул. И тут же ее вскинул — и заржал. И ржанье его, подобное звону металла и камня, донеслось до небес...

Почему он заржал? Потому что увидел: Бо Лэ понимает — кто он такой!

ИЗ ГЛАВЫ «ЗАМЫСЛЫ ВЭЙ»

ЧАСТЬ 1

Гора из перьев потопит корабль. Куча легких вещей переломит тележную ось. Тьма людских языков расплавит металл.

ИЗ ГЛАВЫ «ЗАМЫСЛЫ ВЭЙ»

ЧАСТЬ 2

Лянский царь Хуэй-ван задал пир для князей на башне Фаньтай. И когда гости захмелели, предложил лускому государю поднять чашу и провозгласить тост. Луский царь поднялся, сошел с циновки и, собравшись с мыслями, сказал так:

— В старину государева дочь повелела И Ди приготовить сладкое вино — и поднесла его Юю. Юй испил — и вино показалось ему восхитительным. И тогда он удалил от себя И Ди и вовсе отказался от сладкого вина, сказав при этом так:

— Среди последующих государей непременно найдутся такие, что из-за вина погубят свое царство!

Циский князь Хуань-гун как-то раз среди ночи почувствовал голод. И вот его повар И Я принялся для него жарить и парить, тушить и томить, смешивать сладкое с горьким, соленое сдабривать кислым и острым — и преподнес все это князю. А тот наелся до отвала и проспал беспробудно до самого утра, после чего сказал:

— Среди последующих государей непременно найдутся такие, что из-за яств погубят свое царство!

Цзиньский князь Вэнь-гун получил в подарок красавицу Наньчживэй — и на целых три дня забросил государственные дела. После чего распрощался с красавицей и удалил ее от себя, сказав при этом так:

— Среди последующих государей непременно найдутся такие, что из-за женской прелести погубят свое царство!

Чуский царь поднялся однажды на башню Цянтай полюбоваться горою Бэншань: по левую руку была Янцзы, по правую — озеро... И, прохаживаясь по башне, он в восторге забыл обо всем. А затем тут же, на башне, поклялся никогда на нее больше не подниматься, сказав при этом так:

— Среди последующих государей непременно найдутся такие, что из любви к горам и водам погубят свое царство!

А ныне в вашей кубке, государь, вино — как у И Ди, а в ваших яствах — приправы самого И Я. По левую руку от вас — Бай Тай, по правую руку — Люй Суй, прекрасные, как Наньчживэй. Там, впереди, — роща Цзялинь, а позади — башня Ланьтай, способные вызвать такой же восторг, как виды с башни Цянтай. И одного из этих соблазнов довольно, чтоб загубить царство, — вы же владеете сразу четырьмя! Как можно быть таким неосторожным?!

Лянский царь так и рассыпался в похвалах.

Вэйский царь собрался в поход на Ханьданы. Цзи Лян услышал о том — и с полдороги повернул обратно. Не разгладив измятого платья, не вытряхнув пыль из волос, явился к царю и сказал:

— Когда я нынче ехал к вам, встретил я по дороге человека, который направлялся на север. И он мне говорит: «Я еду в Чу». — «Если вы направляетесь в Чу, — говорю я ему, — зачем же едете на север?» А он мне отвечает: «У меня добрые кони». — «Пускай у вас добрые кони, — говорю я ему, — только эта дорога ведет не в Чу». А он мне в ответ: «У меня куча денег на путевые расходы». — «Пусть у вас куча денег, — говорю я ему, — да дорога-то эта ведет не в Чу!» А он мне в ответ: «У меня искусный возница!» Но ведь чем лучше у него кони и чем больше денег, чем искусней его возница — тем дальше он будет от Чу! Вот и вы, государь, во всех своих делах и помышлениях стремитесь стать первым среди царей и обрести доверие Поднебесной. Сами же, пользуясь тем, что царство у вас большое, а войско отборное, хотите пойти на Ханьданы — дабы еще больше расширить пределы царства и тем прославиться. Но чем чаще вы станете действовать подобным образом — тем дальше будете от того, чтоб стать владыкой Поднебесной. Ведь это то же самое что, направляясь в Чу, ехать на север!

Синьлин-цзюнь убил Цзинь Би, избавил Ханьданы от вражеской осады, разбил циньское войско, спас царство Чжао — и чжаоский царь вышел из города, чтоб его встретить. Но Тан Цзюй сказал Синьлин-цзюню так:

— Слышал я: есть вещи, о коих не следует знать, и вещи, о коих нельзя не знать; есть вещи, о коих нельзя забывать, и вещи, о коих не следует помнить.

— Как это все понимать? — спросил Синьлин-цзюнь.

— Если меня кто ненавидит, — ответил Тан Цзюй, — об этом нельзя не знать. Если же я кого ненавижу — нельзя, чтоб он об этом знал. Если кто оказал мне услугу — об этом нельзя забывать. Если же я кому оказал услугу — об этом не следует помнить. Вот и вы убили Цзинь Би, избавили Ханьданы от осады, разбили циньцев, спасли царство Чжао — все это великие заслуги. И сам чжаоский царь вышел сегодня из города — чтоб

встретить вас. Но если вы еще когда его увидите — надеюсь, вы забудете о ваших заслугах!

— Я крепко-накрепко запомню ваше наставление, — сказал Синьлин-цзюнь.

Циньский царь направил к Аньлин-цзюню посла, поручив ему сказать следующее:

— Хотел бы обменять ваш Аньлин на пятьсот ли земли. Надеюсь, государь мне это позволит?

— Великий царь так милостив, что большее меняет на меньшее — и это прекрасно, — ответил послу Аньлин-цзюнь. — Но земля эта досталась мне от моих предков, и я хотел бы сохранить ее до конца своих дней — а потому не решусь ее обменять.

Циньский царь выразил неудовольствие. И тогда Аньлин-цзюнь послал к нему Тан Цзюя.

— Я предлагаю за Аньлин пятьсот ли земли, — сказал Тан Цзюю циньский царь. — Отчего же Аньлин-цзюнь не соглашается на обмен? Ведь Циньское царство уничтожило Хань и покончило с Вэй, а ваш государь со своими пятьюдесятью ли земли уцелел: из уважения к нему я оставил его в покое. Теперь я предлагаю ему вдесятеро больше — дабы расширить его владения, а он упрямится. Да уж не пренебрегает ли он мною?!

— Нет, это не так, — сказал Тан Цзюй. — Аньлин-цзюнь унаследовал эту землю от предков и потому ее бережет. Он и на тысячу ли ее не променяет — не то что на пятьсот!

И тогда циньский царь, побагровев от гнева, спросил Тан Цзюя:

— Слышал ли ты, как гневается Сын Неба?

— Нет, не доводилось, — ответил Тан Цзюй.

— Когда Сын Неба в гневе, — сказал царь, — трупы валяются сотнями тысяч, кровь течет — на тысячи ли!

— А слышал ли великий царь, как гневается простолюдин? — спросил Тан Цзюй.

— Когда простолюдин разозлится, — сказал царь, — он лишь сорвет с себя шапку и обувь, да еще колотится головой о землю — только и всего!

— Это гнев заурядного человека — но не ярость героя, — сказал Тан Цзюй. — Когда Чжуань Чжу задумал убить Ван Ляо — комета затмила луну; когда Не Чжэн собрался убить Хань Гуя — белая радуга пронизала солнце; когда Яо Ли замыслил убить Цин Цзи — седой ястреб гря-

нулся о кровлю дворца. И все трое были простолюдинами. Гнев их, бывало, еще не успеет прорваться наружу — а уж с неба нисходит знамение. Теперь, вместе со мной, их станет четверо. Когда муж отваги разгневан не на шутку — на землю лягут лишь два трупа и кровь потечет только на пять шагов. А в траур оденется — вся Поднебесная. И этот день настал!

И, выхватив меч, Тан Цзюй вскочил с циновки.

Циньский царь побелел от страха, привстал на циновке и сказал, извиняясь:

— Прошу вас, сядьте — ну, зачем же так? Теперь я понял, как удалось Аньлин-цзюню уцелеть на своих пяти десятках ли, в то время как Ханьское и Вэйское царства погибли. Лишь потому, что у него есть вы!

ИЗ ГЛАВЫ «ЗАМЫСЛЫ ЯНЬ»

ЧАСТЬ I

Один человек служил где-то в дальних местах, а тем временем жена его завела себе любовника. И вот случилось так, что муж этой женщины должен был вскоре вернуться, и любовник ее был очень этим встревожен. А женщина ему сказала:

— Не беспокойся. Я уже приготовила отравленное вино — чтоб попотчевать муженька!

И вот через два дня муж ее вернулся — и жена велела служанке поднести ему бокал с вином. Служанка знала, что вино это — отравленное: если поднести его хозяину — он умрет, а если рассказать ему все как есть — хозяйку прогонят из дома. И она, притворившись, что оступилась, пролила вино на пол. Хозяин же страшно разгневался — и велел ее высечь.

А ведь в сущности-то служанка эта, оступившись и пролив вино, спасла этим хозяину жизнь, а хозяйку избавила от изгнания. Была такой преданной — а порки не избежала: именно верностью своей и преданностью и навлекла на себя хозяйский гнев!

В старые времена один государь готов был отдать тысячу золотых за тысячеверстного скакуна — и за три года так и не смог его купить.

— Позвольте поискать мне, — сказал один из сановников.

И государь отправил его за конем. Через три месяца сановнику удалось найти тысячеверстного скакуна — но тот, увы, уже издох. Тогда он купил его голову, отдав за нее пятьсот золотых, и, вернувшись, доложил обо всем государю.

— Мне нужен живой конь! — сказал государь в великом гневе. — На что мне дохлый?! Да еще выбросить за него пятьсот золотых!

— Если вы даете пятьсот золотых за дохлого коня, — сказал сановник, — то сколько же дадите за живого?! Теперь-то уж вся Поднебесная поймет, что вы настоящий покупатель, — и нынче же приведет вам коня.

И впрямь: и года не прошло — а царю уже предложили троих тысячеверстных скакунов!

ИЗ ГЛАВЫ «ЗАМЫСЛЫ ЯНЬ»

ЧАСТЬ 2

Один человек продавал скакуна: три утра подряд стоял с ним на рынке — и никто не сумел разобраться в коне. Тогда человек этот пришел к Бо Лэ и сказал ему:

— Есть у меня добрый конь, хочу его продать. Три утра подряд стою с ним на рынке — никто даже не спросит о цене. Вот если бы вы прошлись вокруг моего коня, да хорошенько его оглядели, а уходя — еще и оглянулись... А я заплачу вам за время, что вы на это потратите.

И Бо Лэ прошелся вокруг коня, и оглядел его со всех сторон, а уходя — еще и оглянулся. И цена, что за него предлагали, за одно только утро выросла вдесятеро!

Речная устрица вылезла погреться на солнышке — а птица-рыболов тут же ее и схватила. Но устрица успела сомкнуть створки раковины — и защемила птице клюв.

— Не будет дождя сегодня, не будет завтра — и ты подохнешь! — сказала птица.

— Не выпущу твой клюв сегодня, не выпущу завтра — и ты тоже подохнешь! — ответила ей устрица.

Ни та, ни другая не хотела отцепиться первой. Увидал их рыбак — и поймал обеих.

ИЗ ГЛАВЫ «ЗАМЫСЛЫ ХАНЬ»

ЧАСТЬ 1

Су Цинь, желая укрепить в интересах Чу Продольный союз, так вразумлял ханьского царя:

— Вы угождаете Циньскому царству — и оно непременно потребует у вас Иян и Чэнгао. Нынче уступите их — а через год Цинь потребует у вас новые земли. Дадите — так больше уж нечего будет давать. А не дадите — все прежние ваши уступки не в счет и вас ожидают еще горшие беды. Ведь землям вашим есть предел, а вожделения Цинь — беспредельны! И если будете пытаться своими землями, которым есть предел, удовлетворить беспредельные вожделения — этим лишь наживете вражду и напасти и без войны потеряете земли. Слыхал я пословицу: «Уж лучше быть куриным клювом, чем коровьим задом». Вы же теперь, обратясь лицом на Запад, покорствуете и угождаете Цинь. Чем же вы отличаетесь от коровьего зада?! С вашей-то мудростью да с вашим мощным войском — прослать коровьим задом... Мне стыдно за вас, государь!

Ханьский царь побагровел от гнева, засучил рукава, схватился за меч... И тут же, обратясь лицом к небу и негодуяще вздохнув, воскликнул:

— Пусть я умру — но Циньскому царству служить не буду!

ИЗ ГЛАВЫ «ЗАМЫСЛЫ ЧЖАО»

ЧАСТЬ 4

Едва успела вдовствующая чжаоская царица взять в свои руки дела правления, как Циньское царство поспешило напасть на Чжао. Чжаоский правящий дом обратился за помощью к Ци. Но циский царь сказал:

— Пусть Чанань-цзюнь будет у меня заложником — только тогда пришлю войска.

Государыня не соглашалась — и сановники всячески ее уговаривали. Наконец она заявила им со всей прямоотой:

— Если еще кто вздумает меня уговаривать, чтоб я послала Чанань-цзюня заложником — я, старуха, плюну ему в лицо!

И когда левый наставник Чу Чжэ пожелал увидеться с государыней, она, в ожидании его, так и кипела от раздражения. Он же, войдя в ее покои, с трудом заземенил к ней, подошел поближе и сказал, извиняясь:

— Ноги болят — никак не могу ходить быстро. Оттого и позволял себе так долго вас не видеть. И лишь из опасения, что вы, государыня, быть может, не совсем здоровы, попросил об аудиенции.

— Да, могу передвигаться только в паланкине, — сказала царица.

— А не ухудшился ли аппетит? — спросил Чу Чжэ.

— Питаюсь одной жидкой кашей, — ответила царица.

— А вот у старого вашего слуги, — сказал Чу Чжэ, — аппетит в последнее время совсем было пропал. Так я заставляю себя ходить пешком, каждый день по три-четыре ли — и аппетит стал чуть получше, и телу польза.

— Ну, уж это мне, старухе, не под силу, — сказала царица. И гневное выражение на ее лице слегка смягчилось.

— Мой недостойный младший отпрыск Шуци совсем еще бестолков, — сказал Чу Чжэ. — А я уже стар — и очень люблю его и жалею. Хотел бы, чтоб он пополнил ряды гвардейцев в черных одеждах и охранял государев дворец — и вот, рискуя головой, решаюсь вас о том попросить.

— Изволь! — сказала царица. — А сколько ему лет?

— Да только пятнадцать, — ответил Чу Чжэ. — Но, хоть он и мал, хотел бы, пока еще жив, поручить его вам.

— Выходит, и мужчины жалеют своих детей? — спросила царица.

— Даже больше, чем женщины! — ответил Чу Чжэ.

— Ну уж нет, — рассмеялась царица, — женщины жалеют сильнее!

— А мне вот кажется, — сказал Чу Чжэ, — что яньскую царицу вы любите больше, чем Чанань-цзюня.

— Ты ошибаешься! — ответила царица. — Люблю, но не так сильно, как сына.

— Любящие родители, — сказал Чу Чжэ, — всегда думают о том, как бы лучше устроить своих детей. Когда вы, госпожа, провожали яньскую царицу, вы, усадив ее в экипаж, все держались за ее пятку и плакали — скорбя и убиваясь, что она уезжает так далеко. Когда же она уехала, вы беспрестанно думали о ней и, совершая жертвоприношения, молились: «Только бы ее не вернули обратно!» Разве не строили вы дальних расчетов — мечтая,

чтоб сыновья ее и внуки, наследуя друг другу, были царями?!

— Да, это так,— сказала царица.

— Вот уже несколько поколений подряд,— сказал Чу Чжэ,— с той самой поры, как род Чжао стал царствующим домом, чжаоские государи жалуют своих детей и внуков титулами. А продолжают ли потомки тех, кто был пожалован, носить эти титулы?

— Нет,— сказала царица.

— И разве так обстоят дела в одном только Чжао? — сказал Чу Чжэ.— Разве в других царствах — по-другому?

— Не слыхала, чтоб было по-другому,— ответила царица.

— Ведь государи сами действуют себе во вред, да еще навлекают беду на детей и внуков. Разве их дети и внуки так уж малоспособны? А все оттого, что положение их высокое — а заслуг нет, жалованье обильное — а достается без труда, и дома их полны драгоценностей. Вот и вы, госпожа, высоко вознесли Чанань-цзюня, жалуете его тучными землями, щедро одаряете дорогой утварью — а до сих пор не позаботились о том, чтоб он имел заслуги перед царством. И когда однажды вас не станет — на что ему тогда опереться в чжаоском царстве? Вот и кажется мне, что не думаете вы всерьез об его будущем — потому и считаю, что любите его не так сильно, как яньскую царицу.

— Ну, так уж и быть,— сказала царица,— поступлю по твоему совету!

И приказала снарядить для Чанань-цзюня сто колесниц и отправить его заложником в Ци. А цисцы тут же прислали войска.

Цзы-и, услышав о том, сказал так:

— Дети государя — это плоть его и кровь. Но и они не могут занимать высокое положение, не имея заслуг, получать жалованье, не потрудившись,— да при этом еще собирать сокровища. А уж простые подданные — тем более!

ИЗ „ЧУЦЫ”

傲林良筆

рами?»

— Да, это так, — сказала царица.

— Вот уже несколько поколений подряд, — сказал Чу Чжао, — с той поры, когда Чжао стал царствующим домом, чжаоские гобудары жалуют своих детей и внуков титулами. А продолжают ли потомки тех, кто был пожалован, носить эти титулы?

— Нет, — сказала царица.

— И разве так обстоят дела в одном только Чжао? — сказал Чу Чжао. — В других царствах — по-другому?

«Чуцы» — «Чуские строфы» — собрание поэтических и прозаических произведений южного царства Чу (IV—III вв. до н. э.) и более поздних произведений, написанных в их стиле.

Один заезжий певец пел как-то раз на рыночной площади чуской столицы. Сперва спел песню «Сычуанец в деревне» — и ее тут же подхватили несколько тысяч человек из тех, что были на площади. Потом спел песню «Роса на листьях под ярким солнцем» — и ее подхватили уже только несколько сотен. Затем спел песню «Белый снег под весенним солнцем» — тут уже из всей толпы вторило ему лишь несколько десятков. Когда же начал песню с мелодией и тонкой, и глубокой, с изысканными модуляциями — ему подпевали лишь единицы.

Чем выше был напев — тем меньше ему вторили!

КОММЕНТАРИИ

Стр. 6. *Инь и Ян* — согласно представлениям древних философов, два мировых начала, возникших из изначального хаоса; два состояния мирового эфира. Инь — темное, земное, вещественное, «женское», мягкое, пассивное; Ян — светлое, небесное, духовное, «мужское», твердое, действенное. Ян стремится вверх, Инь стремится вниз.

Дао (букв. «Путь») — первопричина и двигатель Вселенной, обуславливающий ее возникновение и дальнейшую развертку в пространстве и времени. Дао — та пустота, которая содержит в себе первообразы всего сущего; он непостижим разумом, но к нему можно приобщиться сердцем.

ИЗ «ЛУНЬЮЯ»

В старом Китае было принято называть человека по-разному, в зависимости от обстоятельств, и на страницах литературных произведений герои появляются то под своим официальным, «чиновным» именем, которое дается уже при совершеннолети, то под своим «прозвищем», то под литературным «прозванием»; здравствующих персонажей часто величают по занимаемой должности или чину, умерших называют их почетным посмертным титулом... Впрочем, взаимоотношения персонажей «Суждений и бесед» далеко не всегда важны для понимания самих высказываний; поэтому в комментариях здесь и далее будет поясняться только самое основное.

Стр. 30. *Цзэн-цзы* («Учитель Цзэн») — под таким именем вошел в историю ученик Конфуция Цзэн Шэнь. Конфуций особо отличал его за чувство сыновней почтительности, в котором тот превзошел прочих. Цзэн-цзы приписывается составление «Сяоцзин» («Книги сыновней почтительности») — одного из конфуцианских канонов — и ряда сочинений по проблемам ритуала. В древности существовала книга «Цзэн-цзы», составленная его учениками.

Стр. 31. *Мэн И-цзы* (Мэн Сунь) — представитель одного из знатных домов царства Лу, где родился и долгое время жил Конфуций. Упомянутый далее Мэн У-бо — сын этого аристократа. Как видим, послушать слово поучения Конфуция приходили и отцы и дети.

Фань Чи (Фань Сюй) — один из молодых учеников Конфуция, постоянно следовавший за ним. По-видимому, стремления его имели сугубо практическую направленность, что вызывало неодобрение Учителя. «Мелкий человек этот Фань Сюй!» — высказался он как-то после просьб ученика научить его земледелию и огородничеству. Другие диалоги с ним смотри в переводах глав VI (§ 22) и XIII (§ 19).

Цзыю — один из ближайших учеников Конфуция, по словам Учителя, особо преуспевший в литературе и гуманитарном знании. Был моложе Учителя на целых сорок пять лет.

Цзыгун — «прозвание» Дуаньму Сы, одного из самых известных учеников Конфуция, прославившегося своим красноречием.

Ю — имя одного из старших учеников Конфуция, вошедшего в историю под своим «ученическим» прозвищем, Цзылу. Подробно о нем см. примеч. к с. 39.

Князь Ай-гун — правил в Лу в 495—467 гг. до н. э.; привлеченный громкой славой Конфуция, он не раз встречался с ним для беседы.

Стр. 33. *Нань Жун, Жань Юн, Цзай Юй* (Цзай Во) — имена учеников Конфуция. Последнего из них Учитель особо отмечал, как постигшего секреты красноречия, однако был огорчен, что тот не стал истинно человеколюбивым.

Стр. 34. *Цзычжан* (Чжуань Сунь-ши) — был моложе Конфуция на сорок восемь лет, однако весьма преуспел в учении. Предпоследняя глава «Суждений и бесед» названа его именем.

Ци — приморское царство, занимавшее территорию полуострова Шаньдун. Славилось богатством и культурой, в VII в. до н. э. стало первым «гегемоном», подчинившим своей воле другие китайские царства.

Стр. 35. *Янь Юань* (Янь Хуэй) — любимый ученик Конфуция, продвинувшийся, по словам Учителя, в самом главном — в добродетели. Он всегда был беден и умер всего двадцати девяти лет от роду, о чем Конфуций горько скорбел. То, как говорил о нем Конфуций, читатель может прочесть в переводах гл. VIII (№ § 20 и 21), гл. XI (§ 10).

Стр. 37. *Чжоу-гун* — символ добродетельного государственного деятеля и мудрого советника государя. Младший брат основателя Чжоуской династии У-вана (XI—X вв. до н. э.), он

немало сделал для упрочения и расцвета Чжоуской державы. Впоследствии, будучи регентом при малолетнем наследнике, проявил себя как верный подданный и блюститель законности.

Стр. 39. *Цзылу, Цзэн Си, Жань Ю и Гунси Хуа* входили в число ближайших учеников Конфуция. Отмечая тех, кто дальше других продвинулся в разных сферах учения, Конфуций особо выделил Цзылу и Жань Ю, как преуспевших в делах государственного управления. Первый из них погиб сравнительно рано, выполняя долг перед своим сюзереном. Человек «низкого» происхождения, он славился своей храбростью и мужественно сразился с врагами, замыслившими свергнуть его князя. Тяжело раненный окружившими его заговорщиками, он стал поправлять завязки своего головного убора, чтобы умереть достойно, и был изрублен в куски.

Другой любимый ученик, Жань Ю, впоследствии отличился как полководец, спасший царство Лу от врага. Когда царь спросил его, где он учился военному искусству, тот ответил, что у Конфуция, и благодаря этому философ на склоне лет смог наконец вернуться на родину, в царство Лу. Третий ученик, Гунси Хуа, был земляком Конфуция и снискал известность своим знанием ритуала, закрепляющего взаимоотношения государя и подданных.

Последний из перечисленных, Цзэн Си, приходился отцом знаменитому Цзэн-цзы (см. комм. к с. 33). В тексте эти ученики перечислены по фамилиям и «прозваниям», Конфуций же как старший называет их просто по именам (Цю, Чи и Дянь).

Стр. 41. *Чжунгун* — «прозвание» земляка и ученика Конфуция Жань Юна (см. комм. на с. 330), человека «низкого» происхождения, который остался в анналах конфуцианства как образец добродетели. Другой названный здесь ученик, Сыма Ню, известен мало — он был пришельцем из другого царства, сменившим свою фамилию и, по-видимому, имя. Цзи Кан-цзы — придворный советник.

Стр. 43. «*Триста песен*» — имеется в виду «Шицзин» («Книга песен», или «Поэтический канон») — собрание песенной поэзии, куда входили народные произведения, а также оды и гимны, создававшиеся на протяжении веков придворными поэтами. Уже в древности «Шицзин» считался средоточием высшей мудрости, его толковали и учили наизусть. «Если не учил стихов — стоишь как перед глухой стеной», — говорил сам Конфуций.

Стр. 44. *Вэй* — одно из крупнейших царств Древнего Китая, расположенное в среднем течении реки Хуанхэ. Упомянутый ниже его правитель Лин-гун (гл. XV) правил в нем с 534 по 492 гг. до н. э.

Стр. 43. *Цзыся* — под таким «прозвищем» вошел в историю ученик Конфуция Бу Шан. «С ним уже можно рассуждать о «Песнях!»» — одобрительно отозвался как-то о нем Конфуций, и это считалось немалой похвалой.

Стр. 46. *Бои* и *Шуци* — в течение многих веков оставались в китайской литературе олицетворением верности, честности и бескорыстия. Оба не пожелали принять наследственный удел, дабы не обездолить друг друга, и уступили его третьему брату. Когда в Поднебесной воцарилась новая династия Чжоу, они, сохраняя верность старому сюзерену, отказались ей служить и удалились в горы, питаясь дикими травами. Когда же им сказали, что отныне и травы Поднебесной принадлежат новому Сыну Неба, они вовсе отказались от пищи и умерли голодной смертью, не пожелав изменить своим принципам.

Стр. 48. *Чжунни* — второе имя Конфуция. Так же как и первое свое имя — Цю, Конфуций получил его от названия близлежащей горы Ницюшань. Поскольку у его престарелого отца и молоденькой матери долгое время не было потомства, супруги совершили молебствие духу горы, и когда их просьба была удовлетворена, назвали новорожденного в честь места обитания духа. Первый слог «чжун» означал, что Конфуций был у отца вторым сыном.

ИЗ «МЭН-ЦЫ»

Стр. 53. *Циский царь Сюань-ван спросил...* — Царство Ци, которым правил Сюань-ван в V в. до н. э., в то время уже миновало зенит своего могущества, хотя и оставалось одним из сильнейших в Китае. Расположенное на территории полуострова Шаньдун, оно со всех сторон омывалось морями, что давало ему определенные преимущества в торговле и в экономическом развитии. Его столица Линьцзы была одним из богатейших городов в Поднебесной, куда охотно приезжали не только купцы, но и ученые.

В нашем сборнике читатель далее не раз встретит имена царей с прилагательными: циский, уский, циньский и т. д., поэтому скажем несколько пояснительных слов, расшифровывающих значение этих географических названий. Если в VII в. до н. э., когда уже пала Западно-Чжоуская династия и власть Сына Неба стала номинальной, в Китае насчитывалось около трех с половиной десятков царств, то со временем их становилось все меньше — сильные поглощали слабых. Исключение составило крупное царство Цзинь — оно в результате внутренних междоусобиц разделилось на три части, все же остальные «укрупнились». Небольшие царства занимали бассейн реки

Хуанхэ, крупные лежали на полудиких окраинах. В центре оказались, таким образом, Сун, Лу, Чжоу, Вэй, Хань; на севере и северо-востоке — Чжао и Янь; на Западе — агрессивное царство Цинь; в бассейне Янцзыцзяна — могучее, но полуварварское Чу; на полуострове Шаньдун и в низовьях реки Янцзыцзян — приморские государства Ци и У; на самом юге — Юэ, культура которого очень отличалась от китайской. В III в. до н. э. последние из самостоятельных государственных образований на территории Китая были покорены царством Цинь и вошли в единую Китайскую империю, управляемую Циньской династией.

Стр. 53. *Парк Вэнь-вана простирался на семьдесят ли...* — Имеется в виду основатель Чжоуской династии, «Царь Просвещенный». При жизни Вэнь-ван носил пожалованный ему титул «Владыки Запада» и, хотя владел двумя третями Поднебесной, не решался выступить против жестокого, но законного иньского тирана Чжоу Синя (XI в. до н. э.). Вэнь-ван считается в конфуцианской традиции образцом добродетели. Под парком здесь подразумеваются его охотничьи угодья, которые, как и все в Древнем Китае, измерялись по периметру, т. е. считали, сколько ли («переходов», ныне около 0,5 км.) нужно сделать, чтобы весь его обойти.

Стр. 54. *Тан изгнал Цзе, а У-ван покарал Чжоу...* — Здесь фигурируют две пары царей: одна — добродетельная и потому одержавшая победу, другая — растратившая династийную энергию Дэ в кутежах и злодействах, а потому свергнутая. Добродетельные Чэн Тан и У-ван основали династии Инь и Чжоу, а на Цзе-ване и Чжоу Сине их династии (Ся и Инь) завершились.

Цзоу и Лу — соседние, но далеко не равновеликие царства; первое было много меньше.

Стр. 55. *Сунец* — житель небольшого царства Сун; рассказы о глупости сунцев часто встречаются в древней литературе.

Некий Сюй Син, что исповедовал учение Шэнь Нуна... — т. е. мифического Божественного пахаря, которому приписывались в древности некоторые труды по сельскому хозяйству. Под «учением Шэнь Нуна», по-видимому, имеется в виду учение так называемой школы «аграриев», входившее в число основных направлений древнекитайской философской мысли. Сюй Син был крупным представителем этой школы.

Тэнское государство — крохотное царство, вклинившееся между территориями могущественных соседей — южного царства Чу и восточного царства Ци (см. с. 331, 333). Тэнский царь Вэнь-гун был озабочен опасностью, грозившей ему с двух сторон, и не раз обращался за советом к Мэн-цзы.

Стр. 57. *Чжаоский царь Цзянь-цзы* (Чжао Ян) — крупный

вельможа в царстве Цзинь; впоследствии основал собственное небольшое царство. Би Си был его фаворитом.

Стр. 58. *Цзычань* (ок. 581—521 гг. до н. э.) — прозвание крупного вельможи царства Чжэн. Гуньсунь Цяо, он же Цзычань, внук одного из чжэнских царей, был первым министром государства. Увидев однажды зимой, как люди переходят реку вброд, он переправил их в своей собственной колеснице, и этот случай приводили всегда как пример его милостивого правления.

Благородный муж (букв. «господский сын») — человек добродетельных поступков и возвышенных мыслей, идеал, которому призывали следовать конфуцианцы. «Благородный муж» всегда противопоставлялся ими «человеку мелкому», т. е. низкому.

Стр. 60. *Гао-цзы* — философ Гао Бу-хай, ученик Мэн-цзы, который, однако, не смог правильно усвоить его учение о природе человека. Сам он учил, что человеческой природе изначально не свойственны ни гуманность, ни справедливость, и их необходимо ей привить.

Стр. 62. *Фу Юэ* — мудрый советник древнего государя Иньской династии, У-дина (1254—1195 гг. до н. э.). Согласно легенде, его образ явился царю в вешем сне, однако все попытки найти его наяву терпели неудачу, пока, наконец, его не разыскали где-то на дикой окраине страны, где он строил стену вместе с другими каторжниками.

Цзяо Гэ — советник последнего иньского Сына Неба, тирана Чжоу Синя (XI в. до н. э.). Только благодаря Цзяо Гэ и ему подобным развратный Чжоу Синь смог продержаться на престоле столь долго. Преемник Чжоу Синя, первый государь новой Чжоуской династии Вэнь-ван, по достоинству оценил заслуги Цзяо Гэ и приблизил его к себе.

Гуань Иу — знаменитый Гуань Чжун, или Гуань-цзы («Учитель Гуань»), видный политический деятель VIII—VII вв. до н. э., первый министр циского царя Хуань-гуна. О нем см. также с. 349.

Суньшу Ао — трижды становился первым министром могущественного чуского царя Чжуан-вана (613—591 гг. до н. э.) — и не выражал радости; трижды уходил в отставку — и не испытывал огорчения. В первом случае он знал, что заслужил свое назначение; во втором — что отставлен от дел несправедливо, по наговору.

Байли Си — был министром в малом уделе Юй (VII в. до н. э.). Когда этот удел потерпел поражение, не uznанный солдатами врага Байли Си был обменен ими на рынке на семь шкур (другой вариант: он сам продал себя в рабство, дабы попасть ко двору могущественного правителя циньского царства). Так или иначе, он сделал в циньском госу-

дарстве быструю карьеру, а своим мудрым управлением снискал такую любовь народа, что взрослые дружно оплакивали его кончину, юноши и девушки перестали петь песни и по всему царству на какое-то время затих шум жерновов.

ИЗ «ЧЖУАН-ЦЗЫ»

Стр. 83. *Лао Дань* — так звали философа Лао-цзы (см. с. 70—71). О Цинь И, который назван здесь его другом, ничего не известно.

Стр. 84. ...*Цзысы, Цзыюй, Цзыли и Цзылай*...— Не путать этих даосских мыслителей с учениками Конфуция, имевших те же «прозвания» (кроме прозвания Цзылай).

Великая Глыба обременила меня телом...— Здесь имеется в виду громада Мироздания.

Стр. 85. *Мо Е* (или *Мо Се*).— Когда хорошее железо и тем более сталь являлись в Китае еще большой редкостью, стальные клинки были окружены легендами, они носили собственные имена и казались если не одушевленными существами, то, во всяком случае, чудесными предметами, наделенными значительной жизненной энергией — ци. К таким удивительным мечам древности относился и меч *Мо Се*. Изготовлен он был по приказу могущественного царя государства У, что лежало в низовьях реки Янцзы, знаменитым мастером Гань Цзяном в самом конце VI в. до н. э. Уже сам исходный материал был необычен — легенда утверждала, что железо это родила царская наложница после того, как обняла железную колонну. Когда мастер варил из него сталь, плавка не получалась, и тогда жена его, по имени *Мо Се*, бросила в расплавленную массу свои волосы и ногти, отдав железу часть жизненной энергии человеческого тела (по другой версии, она бросилась в печь сама). Из этой стали мастер выковал два меча: меч-мужчину, в котором преобладала энергия Ян, отданная стали мастером, и меч-женщину, в котором преобладала энергия Инь его жены. Соответственно клинки получили и свои имена: один был назван по имени мастера, Гань Цзян; другой — по имени его жены, *Мо Се*. Последующие драматические коллизии, связанные с этими чудо-мечами, читатель узнает, если прочтет известную новеллу Лу Синя «Меч» («Старые легенды в новой редакции». — см.: Лу Синь. Повести и рассказы. М., Художественная литература, 1971, с. 383—400).

Бо Лэ — раб, возвысившийся до звания конюшего при дворе правителя могущественного царства Цинь, Мугуна (659—621 гг. до н. э.). В китайскую литературу он вошел как

образ замечательного знатока коней: в этом тексте он даже предстает как человек, впервые приручивший лошадь или хотя бы научивший ее ходить в боевом строю, хотя все это произошло задолго до Бо Лэ. В переводах из даосской книги «Ле-цзы» читатель встретит его имя в еще более красочной притче (см. с. 152—153).

Стр. 86. *Хэсюевы времена* — времена легендарного «золотого века», далекой древности, когда у народа «не было ни начальников, ни старших», и сам он «не ведал ни алчности, ни страстей». Хэ Сюя иногда отождествляют с мифическим Огненным владыкой, божеством Солнца и огня, который, в свою очередь, в ряде мифологических фрагментов предстает как Божественный землепашец, впервые научивший людей сеять злаки и собирать урожай. Огненный владыка также научил людей отличать ядовитые травы от полезных, изобрел солнечные часы, дабы люди вели счет времени, и впервые учредил рынки, чтобы они могли там выменивать вещи, в которых нуждались. Исходя из всего этого, «Хэсюевы времена» в китайской традиции — это не просто «золотой век» естественного состояния человека, но и легендарный переломный момент, когда появляются первые начатки цивилизации.

Стр. 87. *Яо и Шунь* — совершенномудрые государи далекой древности, якобы правившие Китаем приблизительно в XXIII—XXII вв. до н. э. Китайская традиция считала их образцом добродетели, благочестия и успешного осуществления принципа «недеяния» в государственном управлении. Их жизнь проходила в предельной простоте: они жили в хижинах, крытых камышом, одевались в пеньковое платье, ели из глиняных чашек. Во всех лишениях, выпадавших на долю их подданных, они винили только свое собственное нерадение. «Это я виноват, что он голоден!» — корил себя Яо, если кому-то из подданных его нечего было есть; «Я довел его до этого!» — говорил он, когда кто-либо из подданных совершал проступок. В отличие от узурпатора Тянь Чэн-цзы, упомянутого в тексте, Яо не только не дорожил своим престолом, но, напротив, постоянно искал более достойного преемника, которому он мог бы уступить власть. В конце концов, таким избранником стал добродетельный земледелец Шунь, не питавший злобы даже к своим обидчикам и превзошедший всех в сыновней почтительности и братской любви.

Стр. 88. *Лун Фэн был обезглавлен, у Би Ганя вынули из груди сердце, Чан Хуну выпустили кишки, тело Цзысюя бросили в реку...* — Перечисленные герои древних легенд фигурируют в китайской литературе как образцы добродетельных советников, невинно пострадавших от жестокости неправедных госуда-

рей. Первые два пытались наставить на путь истины погрязшего в разврате и злодействах последнего государя династии Инь Чжоу Синя (1098—1066 гг. до н. э.). Особенно настойчив был в своих наставлениях Би Гань, приходившийся старшим дядей идущему к неминуемой гибели деспоту и потому рассчитывавший на его почтительность. Однако, когда тому наскучили советы, он под хохот придворных решил проверить, «правда ли, что в сердце мудреца семь отверстий», и приказал вырвать сердце из груди Би Ганя. Чан Хун столь же неудачно пытался давать советы чжоускому царю Лин-вану (571—545 гг. до н. э.). Что же до Цзы-сюя, советника могущественного «гегемона» Фу Ча, царя восточного царства У (495—473 гг. до н. э.), то он сам покончил с собой по приказу прогневавшегося на него государя, но в погребенье ему было отказано, и тело его унесла речная стихия.

Разбойник Чжи.— В Древнем Китае его называли разбойником, пожалуй, в том же смысле, в каком называли воров Стеньку Разина. В действительности же он был предводителем многотысячной вольницы, которая не признавала властей предрежащих и нападала на города и царства, сея на своем пути смерть и ужас. Сам Чжи был, по-видимому, личностью исключительной, коль скоро из всех подобных атаманов один вошел в древнюю литературу. «Сердце его — будто бьющий фонтаном источник, мысль — будто смерч, силы хватит, чтобы справиться с любым врагом, а красноречия — чтобы приукрасить любое злодеяние», — так рисует его портрет не вошедшая в наш сборник 29 глава «Чжуан-цзы». Конфуций, мечтавший «упорядочить» Поднебесную, отправился было в его ставку с увещеваниями, но едва унес ноги. Охваченный страхом, философ «трижды ронял вожжи», глаза ему застлал туман, он побледнел, «словно угасший пепел». Ощущение было таким, как будто он «попытался, погладив тигра по головке, заплести ему усы и чуть было не угодил ему в пасть». Ему не удалось прельстить «разбойника» перспективой добропорядочного существования в качестве правителя удела — Чжи не устраивала вся система общественных взаимоотношений Древнего Китая, исполненная насилия, лжи и лицемерия. «Почему в Поднебесной разбойником зовут меня, Чжи, а не тебя, Конфуций?! — гневно бросил он в лицо философу. — Уходи — не то я добавлю твою печень к нашей сегодняшней трапезе!»

Стр. 88. *«Дрянным оказалось вино из Лу, а осаде подвергли Ханьдань».*— Старая китайская поговорка, аналогичная русской «в чужом пиру похмелье». Некогда на одном из съездов китайских царей чускому царю-«гегемону» виночерпий поднес дрянное вино из царства Лу под видом знаменитого вина из

царства Чжао. Результатом этой интриги явилось нападение разгневанного «гегемона» на Чжао и осада столицы этого государства, города Ханьдань.

Стр. 89. *...заткните уши слепцу Куану, залепите глаза Ли Чжу... переломайте пальцы Гун Чую... отбросьте деяния Цзэна и Ши, заткните рот Яну и Мо...* — Здесь названы имена «лучших в своем роде», имена легендарных и исторических личностей, являвшихся эталоном достижений древней культуры. Так, Ши Куан был слепым музыкантом с исключительно чутким слухом: по звучанию струн и барабанов он мог определять грядущую победу и поражение, а своей игрой способен был взволновать мировые стихии, вызвать дождь и ветер. Ли Чжу, якобы живший в мифические времена Желтого владыки — Хуан-ди, обладал исключительным зрением и мог разглядеть волосок за сто шагов; Гун Чуй — искусный мастер, легендарный изобретатель стрел; Цзэн-цзы был известным философом (см. комм. на с. 330), а Ши Ю — хронистом. Философы Ян Чжу и Мо-цзы хотя и считаются прямой противоположностью друг другу (первый как образец эгоизма, второй — альтруизма), однако оба отличались большой критической направленностью ума. Автор в их лице как бы осуждает «чемпионов» древней цивилизации, не позволяющих обычным людям раскрыть свои истинные способности.

Стр. 90. *Времена Жунчэна и Датина, Бохуана и Чжунъяна, Лилу и Лисюя, Сюаньюаня и Хэсюя, Цзуньлу и Чжунюна, Фу Си и Шэнь Нуна.* — Речь идет о «золотом веке» мифической древности, «Хэсюевых временах» (см. комм. на с. 337), и персонажи, здесь названные, — мифические. Часть из них обрела в китайской традиции статус божественных предков, например, Фу Си и Сюаньюань (другое имя Хуан-ди, Желтого владыки), часть сделалась их божественными помощниками. Подробнее о них будет сказано там, где эти имена будут более конкретно привязаны к тексту.

«...народ завязывал узелки на веревках...» — Есть предположение, что в глубокой древности иероглифическому письму в Китае предшествовало узелковое письмо, подобное перуанским кипу.

«...словесные выверты «о твердом и белом», «о тождестве и различии...» — Здесь Чжуан-цзы имеет в виду софистику так называемой школы номиналистов, которые, применяя в своих спорах об «именах» формальную логику, приходили к абсурдным выводам о том, что «белая лошадь — не лошадь» и т. п.

Стр. 91. *Три династии* — знаменуют собой начало китайской истории (правда, историчность первой из них пока достоверно не подтверждена). Согласно китайской традиции, это

династия Ся (приблизительно 2140—1711 гг. до н. э.), династия Инь (приблизительно 1711—1066 гг. до н. э.) и династия Западная Чжоу (1066—770 гг. до н. э.).

Хуан-ди (Желтый владыка) — мифический совершенно-мудрый государь древности и легендарный основоположник даосизма, «учения Хуан-ди и Лао-цзы». Согласно мифам, он прибыл из созвездия Сюаньюань (созвездие Льва на европейских звездных картах) и вместе со своими помощниками якобы научил предков китайцев делать лодки, запрягать волов в телеги, копать колодцы, изготавливать музыкальные инструменты, возводить крепостные стены, лечиться иглоукальванием, вести астрономические наблюдения, составлять календарь и т. п. Легенды изображали его магом и небожителем, постигшим Дао: он был способен преодолевать любые расстояния и странствовать в беспредельности. Хуан-ди изготавливал удивительные самодвижущиеся треножки и повозки, прозрачные металлические зеркала и многое другое. На горных вершинах Куэньлуня, как считают, была его земная резиденция.

Хуань-гун (685—643 гг. до н. э.) — могущественный правитель царства Ци, первый «гегемон» древнего Китая.

Стр. 92. *Си Ши* — знаменитая красавица древности, не так далеко отстоявшей от времени Чжуан-цзы (V в. до н. э.). Нежная и грациозная, она считалась олицетворением красоты, хотя, судя по тому, что говорит Чжуан-цзы, красота ее была болезненной. Относилась к тем женщинам, которые «губили царства». Когда правитель самого южного китайского царства Юэ потерпел поражение от царства У, он подарил ее своему победителю, и красавица привела того к гибели, заставив позабыть о государственных делах. Одержав наконец победу над своим главным соперником, царь Юэ утопил красавицу в озере, считая ее слишком опасным приобретением.

Стр. 99. *Линь Хуэй бросил драгоценную яшму...* — У Чжуан-цзы сказано, что Линь Хуэй бежал из некоего царства Цзя, видимо, когда оно подверглось нападению и разгрому. Под «драгоценной яшмой» имеется в виду кольцо из нефрита — ритуальный знак власти.

Стр. 100. *Ян-цзы* (Ян Чжу) — знаменитый философ-скептик даосского толка, оставшийся в истории как человек, «не желавший пожертвовать ни единым волосом на благо Поднебесной». Труды его не сохранились, однако изложение некоторых взглядов Ян Чжу читатель найдет в переводах гл. VII «Ле-цзы».

Ле Юйкоу — о нем см. книгу «Ле-цзы».

Стр. 101. *Желтый источник* — символ «нижнего мира», подземного царства.

Восемь оконечностей мира — внешние пределы земного мира,

замыкающие его по восьми направлениям (восток, юг, север, запад и промежуточные); расстояние до них древние китайцы исчисляли многими тысячами ли.

Стр. 102. *Небытие* — отсутствие форм, нечто недоступное чувственному восприятию. Вместе с тем именно оно является подлинным бытием, ибо из него выходит все сущее. Небытие является как бы синонимом Дао.

Некий инец — в данном случае имеется в виду житель столицы южного царства Чу, города Ин. Сунский царь Юань-гун правил в 591—516 гг. до н. э.

Стр. 104. *...собираюсь на юг, — к царям У и Юэ* — т. е. на самые дальние окраины тогдашнего Китая.

Стр. 105. *Царства Хань и Вэй* были соседями, располагавшимися на землях в среднем течении реки Хуанхэ: первое — на южном ее берегу, второе — на северном.

Чжаоси — по-видимому, Чжао-хоу, правивший в Хань с 358 по 333 г. до н. э.

Стр. 106. *Чжао-ван* — правил в царстве Чу с 515 по 489 г. до н. э.

Стр. 107. *Голос его, подобный звону камня и металла* — т. е. подобный звуку колокола, гудящий как колокол.

Му — мера площади, около 0,6 га.

Стр. 109. *Чжаоский царь Вэнь-ван* — возможно, Хуэй Вэнь-ван, правивший в северном царстве Чжао с 298 по 266 г. до н. э.

Стр. 110. *Цзинь и Вэй — его ребра и грани, Хань и Вэй — рукоять, а Сун и Чжоу — кольцо на эфесе.* — Чжуан-цзы называет древние царства и уделы, как бы смотря на карту и рисуя из территорий этих царств пространственный образ «меча Вселенной».

Стр. 113. *Нефритовыми бляхами* было принято украшать знатных покойников, причем иногда сшитыми вместе нефритовыми пластинами покрывали все тело умершего вместо савана. Здесь Чжуан-цзы хочет сказать, что местом его упокоения будет все гигантское Мироздание.

ИЗ «ЛЕ-ЦЫ»

Стр. 117. *Тайшань* («Великая») — главная из пяти священных гор Китая, расположенных по пяти сторонам света (Восток, Запад, Север, Юг и Центр). Находится на территории современной провинции Шаньдун, вблизи тех мест, где родился и Конфуций. Огромная, полторатысячметровая гора одиноко возвышается среди равнины и производит на путешественника внушительное впечатление. Тайшань всегда была в Китае символом величия. «Смерть одного — легковеснее лебяжьего пуха,

смерть другого — весомее горы Тайшань!» — писал во II в. до н. э. отец китайской историографии Сыма Цянь. Прогулка на Тайшань и в ее окрестностях приносит немалое эстетическое наслаждение и до сих пор. Здесь много живописных и памятных мест, беседок, павильонов, арок, а на вершину ведет лестница почти в шесть тысяч ступеней. Во времена Конфуция существовал особый культ горы Тайшань; позднее на ее вершине древние императоры совершали жертвоприношения Небу.

Стр. 121. *Чжоуский Сюань-ван* (827—782 гг. до н. э.) — предпоследний царь древней династии Западная Чжоу, владевший всем Китаем. Традиция рисует его могущественным властью, однако уже в его царствование проявились зловещие признаки скорого падения династии.

Стр. 126. *Хуа-цзы из Янли* — последователь древнего философа Ян Чжу, изложение взглядов которого мы найдем в VII главе «Ле-цзы». Имя Хуа-цзы дважды упоминается в притчах «Чжуан-цзы», где он убеждает правителей царств Хань и Вэй в относительной ценности всего сущего.

Стр. 127. ...*родившись в Яньском царстве, вырос в Чу* — т. е. жил очень далеко от места своего рождения, где ничто не напоминало ему родину. Чу было расположено на реке Янцзы и отличалось полудикой южной природой, Янь же находилось на берегу Желтого моря, занимая окрестности нынешнего Пекина и более северные районы. Царство Янь издревле окружали оборонительные стены; позднее часть их оказалась включенной в Великую китайскую стену, защищавшую весь Китай от набегов кочевников.

Стр. 129. *Ху Цю-цзы* («Учитель с Чаши-горы») — легендарный даосский мыслитель. Мы не раз найдем упоминание этого имени в «Ле-цзы» и «Чжуан-цзы», где он изображен более старым и авторитетным, по сравнению с Ле-цзы, и как бы его учителем. О взглядах Ху Цю-цзы может дать представление его высказывание, воспроизведенное уже на первой странице книги «Ле-цзы»:

«Существует рожденное и нерожденное, изменчивое и неизменное. Нерожденное способно породить рожденное, неизменное может изменить изменчивое. Рожденное не могло бы не родиться, изменчивое не могло не измениться... Рожденное и изменчивое всегда рождаются и всегда изменяются... Нерожденное — это как бы единственное в своем роде, оно неизменно пульсирует вперед — назад; время его бесконечно, а Путь — беспределен». Речь здесь идет, таким образом, об уже известном Дао и о порождаемом им мире форм.

Стр 132. *Простак с Северной горы* — притча о Простаке была издавна широко известна в Китае.

Стр. 133. *Бянь Цюэ* — легендарный лекарь древности, живший якобы в VII в. до н. э. Ему приписываются некоторые трактаты по медицине. Его сочинения о наружных и внутренних болезнях, упоминаемые в древних источниках, до нас не дошли, однако породили богатую медицинскую традицию. Считается, что Бянь Цюэ немало сделал в области травматологии, офтальмологии, ларингологии, педиатрии, гинекологии и в некоторых других областях медицины. Есть мнение, что свои методы он заимствовал у индийских врачей. Последние годы жизни Бянь Цюэ провел в царстве Цинь, где медицина была весьма развита.

Стр. 134. *Боя превосходно играл на цине, а Чжун Цзыци умел превосходно слушать.* — Эти два образа навсегда вошли в китайскую литературу, как образ человека искусства и образ его просвещенного ценителя, человека, «понимающего звучание». Согласно легенде, с тех пор, как умер Чжун Цзыци, Боя никогда уже больше не прикасался к своему инструменту, ибо ему не для кого было больше играть, а делать это для невежд он не хотел.

Стр. 135. *Шэнцзи* — любимая наложница легендарного царя Му-вана (X в. до н. э.).

Стр. 138. *Циский царь Цзин-гун* правил с 547 по 490 г. до н. э. Упомянутые ниже Лин-гун (581—554 гг. до н. э.) и Чжуан-гун (553—548 гг. до н. э.) — предшествовавшие ему правители, его дед и отец. Предками царя были также Хуань-гун (685—643 гг. до н. э.) — наиболее выдающийся представитель династии, при котором царство Ци добилось господства над всем Китаем, и Тай-гун (Цзян Тай-гун) — легендарный прародитель царского рода, мудрый советник основателей древней Чжоуской династии, У-вана и Вэнь-вана (XI—X вв. до н. э.). Чести служить при дворе он удостоился только на склоне лет — в китайской литературе был очень популярен рассказ о том, как, проезжая берегом реки, Вэнь-ван встретил простого старца-рыбака, который настолько поразил его своей мудростью, что царь сделал его первым министром — Тай-гуном. Из удела Тай-гуна впоследствии и образовалось могущественное царство Ци.

Янь-цзы (Янь Ци, Янь Пинчжун) — советник деда и отца циского царя Цзин-гуна; этот пост он сохранил и в его царствование. Янь-цзы — крупный мыслитель, иногда тяготеющий к монстам, иногда — к даосам или к конфуцианцам. Его жизнь и учение отражены в «Янь-цзы чуньцю» («Веснах и осенях Янь-цзы»).

Стр. 140. *Чжоу и Цзе* — Чжоу Синь (1098—1066 гг. до н. э.) и Цзе-ван (1768—1711 гг. до н. э.), последние государи династии Ся и династии Инь. В отличие от совершенномудрых Яо и Шуня, они выступают в китайской традиции в качестве отрицательного примера, как образы правителей, забывших о своем долге перед

народом и государством. Тираны и деспоты, предававшиеся разнузданному разврату и прославившиеся безудержной жестокостью, они понесли заслуженную кару, однако, как считает Ян Чжу (а вместе с ним и Ле-цзы), все это не имеет никакого значения.

Ян-цзы («Учитель Ян»). — Имеется в виду все тот же Ян Чжу.

Стр. 141. *Гуань Инь* — философ Гуань Инь-цзы, чьи изречения включены в наш сборник.

Стр. 142. *Мо Ди* — философ Мо-цзы; см. о нем дальше в нашем сборнике.

Великий Юй — мифический «усмиритель вод», основатель легендарной династии Ся. Конфуцианцы видели в нем совершенномудрого добродетельного государя древности, жившего в бедности и не щадившего сил, чтобы исполнить свой долг перед народом. Даосы воспринимали его как человека, проникнувшего в сущность бытия и овладевшего тайными силами, — именно это знание якобы помогло ему совершить удивительные подвиги, бывшие не под силу человеку обыкновенному. Даосские заклинатели, подражая ему, ходили особенной «походкой Юя». В данном случае Юя и Мо-цзы объединяет в пару их альтруизм, активная жертвенность, а Лао-цзы (Лао Даня) и Гуань Инь-цзы (Гуань Иня) — стремление к долголетию и бессмертию.

Трое владык... пять государей... — совершенномудрые государи древности, с которых последующие должны брать пример. Разные древние источники называют их в разных сочетаниях. В число «трех владык», например, входили такие пришельцы с небес, как Суйжэнь, научивший людей добывать огонь трением, Фу Си, научивший людей готовить пищу на огне, и Шэнь Нун, научивший их возделывать землю. Иногда в их число включали также богиню Нюй-ва, починившую небосвод, бога огня Чжу Юна и Хуан-ди (см. с. 343). «Пять государей» — тоже личности мифические, но уже относящиеся к следующему временному слою. И здесь в источниках царит разнобой — мы же перечислили их в том порядке, в котором их называют хронологические таблицы «Словаря Нового Китая» («Синьхуа цзыдянь», Пекин, 1962): Хуан-ди (2550—2450 гг. до н. э.), Чжуань Сюй (2450—2372 гг. до н. э.), Ди Ку (2372—2297 гг. до н. э.), Яо (2297—2179 гг. до н. э.) и Шунь (2179—2140 гг. до н. э.). Естественно, датировка здесь предположительная — тем более, что два первых «государя» — якобы пришельцы с небес.

Стр. 149. *Люй Шан* — другое имя Цзян Цзы-я.

Цзиньский царь Вэнь-гун (637—629 гг. до н. э.) — правитель огромного владения. Во времена его правления

власть Чжоуской династии лишь номинально распространялась на весь Китай — фактически же Сын Неба во всем зависел от своих вассалов. Вынужденный всячески интриговать и маневрировать, Сын Неба призвал в 634 г. до н. э. на помощь варваров, однако вскоре сам был вынужден бежать из столицы, которую захватили варвары ди. Спас его владения и другие уделы именно цзиньский правитель Вэнь-гун, которому все годы пришлось воевать с варварами; об одном из эпизодов этой борьбы, видимо, и идет речь в тексте.

Стр. 150 *Чжао Вэнь-цзы* — советник Дао-гуна, правившего в Цзинь с 573 по 559 г. до н. э.; об этом царе здесь и идет речь.

Жэнь — древняя мера длины, около 2,5 м.

Стр. 151. *Чжаоский Сян-цзы* (457—425 гг. до н. э.) — царь северного царства Чжао, граничившего со степью, где кочевали варвары ди. Ниже названы захваченные ими китайские города.

Стр. 152. *Гуншу Бань* — о нем см. в переводах из Мо-цзы, с. 210—212.

Стр. 153. *Цзюфан Гао* — как и Бо Лэ, был рабом-конюхом цинского царя Му-гуна (VII в. до н. э.).

...право приносить жертвы в храме Предков и на алтаре Земли и Злаков... — Первое говорит о том, что он стал главой рода, а применительно к владетельному роду — взошел на престол. Второе же показывает, что он стал независимым владыкой, царем, ибо право приносить жертвы Земле принадлежало только ему.

Стр. 154. *Суньшу Ао* — советник чуского царя Чжуан-вана. Рассказ о нем см. на с. 175.

Стр. 156. *Цзянь-цзы* правил в царстве Чжао с 517 по 458 г. до н. э.

Пять хлебов (или точнее — пять злаков) — основа пищи в древнем Китае. В их число, кроме пшеницы, ячменя и риса, включали также соевые бобы и кунжутное семя.

ИЗ «ХУАЙНАНЬ-ЦЗЫ»

Стр. 161. «*Отзвуки Дао*» — эта глава является своеобразным комментарием к книге Лао-цзы «Даодэцзин».

У и *Юэ* — южные приморские царства, жители которых славились как пловцы и мореходы.

Цзы и *Шэн* — небольшие речки, протекавшие в царстве Ци.

И Я — мастер кулинарного искусства, придворный цинского Хуань-гуна (VII в. до н. э.), известного гурмана.

...слова имеют основу... — то есть слова, как и любое действие, есть необходимая оболочка сути, но сама суть не имеет формы.

Знания, касающиеся формы, не глубоки, а истинное знание есть знание сути.

Песни *Чжэн* и *Вэй*, быстрые мелодии *Чу* — музыка южных царств — *Чжэн*, *Вэй* и *Чу*; характеризуется в древних памятниках как «волнующая», «переливчатая»; она звучала во время пиршеств. «...Плывут, волнуя, звуки чуских песен и светлые мелодии из *Чжэн* и *Вэй*», — писал ханьский поэт *Мэй Шэн* (? — 141 гг. до н. э.).

Стр. 162. *Шесть сторон света* — Восток, Юг, Запад, Север, зенит и надир.

Тянь Пянь ответил примером о древесном материале... — Здесь имеется в виду космическая Гармония, которая, как и *Дао*, рассматривается в «*Хуайнань-цзы*» в качестве порождающего мир начала. Вся цепочка: древесный материал — лес — дождь — *Инь-ян* — Гармония — *дао* — в схеме дает восхождение от материального мира к идеальному, от мира явлений к миру сущностей.

Цзин — древнее название царства *Чу*. *Бай-гун* узурпировал власть в *Чу*, поэтому и говорится, что имущество им несправедливо добыто.

Усюй — собственное имя будущего царя, *Сан-цзы*. Называя его просто по имени, говорящий выражает к нему крайнее пренебрежение.

...ради родных алтарей — т. е. ради своей страны и династии; ибо храм Предков государя олицетворял династию, а храм Земли и божества Злаков был самым священным местом царства.

Стр. 163. *Вэйский У-хоу* — царствовал в *Вэй* с 383 по 377 г. до н. э. *Ли Кэ* — его первый министр.

Стр. 165. Сложив почтительно руки и обратившись лицом к северу, *Цзы Пэй*, босой... — Быть босым — знак покорности; обращаться лицом к северу — знак признания своего места слуги по отношению к царю.

Стр. 166. *Дафу* — не очень высокого ранга придворная знать.

Стр. 167. *Гунсунь Лун* — один из близких учеников Конфуция. Происходил из южного царства *Чу*, был моложе учителя на пятьдесят три года, занимался теорией музыки.

Цзы Фа — полководец царства *Чу* в царствование *Сюаньвана* (369—352 гг. до н. э.). *Цай* — незначительное владение у северной границы царства *Чу*.

Цин — мера площади, около 6 га.

Стр. 174. *Бянь Цюэ* и *Юй Фу* — легендарные врачеватели.

Стр. 175. ...созвал чжухоу в *Цзялине*... — Раз он созвал царей (*чжухоу*), значит, стал «гегемоном», и вся Поднебесная не смела ослушаться его приказа.

Стр. 178. *Гунсунь Ян* — более известен в истории под именем Шан Яна (390—338 гг. до н. э.). Шан Ян был крупным государственным деятелем и реформатором, первым министром царства Цинь. В своей деятельности опирался на принципы, легшие в основу школы «законников», или «легистов». Ратовал за сильную царскую власть и ограничение прав аристократии, «опору государства видел в свободных землевладельцах», из которых набиралось войско. Поднимал целину на диких окраинах, старался привлечь переселенцев из других царств, предлагал продавать титулы, чтобы пополнить казну, предполагал установить государственную монополию на торговлю зерном и принять ряд мер, стабилизирующих цены. Критиковал конфуцианский идеал «гуманного правителя», поскольку считал, что тот будет не в состоянии навести порядок в стране. Шан Ян был сторонником «строгих законов», жестокого подавления «беспорядков» и апологетом политики завоеваний. Вызвавший всеобщую ненависть, Шан Ян был казнен после кончины своего патрона, царя Сяо-гуна (361—338 гг. до н. э.). Кисти Шан Яна принадлежит знаменитая «Книга правителя области Шан» («Шанцзюньшу»), которая считается классическим легистским сочинением.

В данном тексте имеются в виду последние дни Шан Яна, когда, спасаясь от неминуемой гибели, тот хотел бежать в соседнее царство Вэй, но Вэй отказалось его принять, поскольку он не только воевал раньше против него, но и совершил бесчестный поступок, обманом погубив царя Вэй.

Стр. 179. *Драконовы ворота* — место на Хуанхэ, где река течет между высокими берегами, образующими как бы ворота.

Ицюэ — название горы, которую мифический Юй, спасший Китай от потопа, якобы срыл, дав водам реки И течь на север.

Пять норм отношений — между отцом и сыном, между слугой и господином, между мужем и женой, между старшими и младшими по возрасту, между друзьями и товарищами.

Циньский царь поглотил Поднебесную и потерял ее... — Имеется в виду циньский царь Ин Чжэн, завоевавший все китайские царства и провозгласивший себя первым циньским императором — Цинь Ши-хуаном. Правил Поднебесной всего тринадцать лет.

Ли Сы — первый министр Цинь Ши-хуана; был казнен его преемником.

Циский Хуань прервал род. — Имеется в виду царь Ци, Хуань-гун, ставший первым «гегемоном» Китая, «баваном»; тем самым он как бы узурпировал власть законных Сынов Неба из династии Чжоу.

Стр. 223. *Чжэнский князь У-гун задумал напасть на Ху...*— Чжэн было очень незначительным владением, исчезнувшим в эпоху Враждующих царств, так что раздумья его правителя — «на кого бы напасть» — были вызваны не столько богатством выбора, сколько, напротив, ограниченностью возможностей. Однако по сравнению с Ху — маленьким городом-государством на территории нынешней провинции Хэнань — Чжэн было гигантом. Отсюда — естественный совет Гуань Цисы.

Стр. 225. *Ли-ван* — чуский царь, славившийся своей жестокостью, самодурством и недалковидностью. О нем см. также в «Предисловии», с. 21.

Яшма Хэ.— В другой главе Хань Фэй-цзы, возвращаясь к этой теме, говорит, что благородный муж должен проникать в сущность вещей и явлений, а не ограничиваться внешностью. Яшма Хэ (точнее — нефрит) не блистала пятью цветами, но по природе своей была столь прекрасна, что украшения ей были не нужны. Один Бянь Хэ видел это, а царь — нет. Не может быть прекрасной та вещь, которой нужны украшения. Потому-то так просты церемонии между родителями и детьми.

Стр. 226. *Бянь Цюэ встретился с цайским князем Хуань-гуном...*— Знаменитый врач древности и правитель небольшого царства жили в разное время; здесь, вероятно, ошибка переписчика.

Стр. 227. *Цзыхань* — ученик Конфуция, прославившийся своей добродетелью.

Стр. 228. *Чжоу-ван завел у себя Мясной сад...*— Не зная, как развлечься, распутный иньский владыка повелел соорудить «озеро, полное вина», развесить в окружавшем его саду разнообразные мясные закуски и вместе со своими приспешниками предавался там разнузданному разврату.

Стр. 238. *Юэский царь Гоуцзянь* был самым могущественным среди царей своего времени.

Стр. 241. *Случилось это при цзиньском Вэнь-гуне* — т. е. приблизительно в 637—629 гг. до н. э.

Меч Ганьцзян — о нем см. с. 336.

Стр. 244. *Чжан, чи...*— меры длины, китайские сажень и вершок; первая ровно в десять раз превосходила вторую (в новое время: 320 и 32 см).

Стр. 249. *Князь Хуань-гун спросил своего министра Гуань Чжуня...*— Эта пара вместе вошла в китайскую историю, поскольку могущественный первый «гегемон» древнего Китая во многом был обязан своей властью и славой мудрому первому

министру. Бывший раб, Гуань Чжун не только помог Хуань-гуну занять престол, но и в продолжение многих лет направлял всю политику его государства. Высказывания и мысли самого Гуань Чжуна (VII в. до н. э.) изложены в знаменитой книге «Гуань-цзы» («Учитель Гуань»), созданной уже значительно позднее учеными его родного царства Ци.

Храмы Земли и Злаков — символ государства, его независимости.

Стр. 252. «*Чжоуские писания*» — часть так называемой «Книги истории», или «Книги исторических преданий», — одной из главных составных частей конфуцианского канона.

ИЗ «ЛЮЙШИ ЧУНЬЦЮ»

Стр. 257. *Чжу* — незначительное царство периода Чуньцю (722—481 гг. до н. э.), расположенное в самом низовье Хуанхэ. *Гунси Цзи*, или Гунси Ван, — советник правителя.

Стр. 258. *Шан До*, или Шан Го (Шанго) — легендарный красавец древности.

Стр. 259. *Пять предков* (или «пять государей»)... — В «Люйши чуньцю» к ним относятся Тай-хао, Янь-ди, Хуан-ди, Шао-хао и Чжуань-суй, что не совпадает с принятым традиционной китайской историографией перечислением: Хуан-ди, Чжуань-суй, Ди Ку, Яо и Шунь.

Стр. 262. ...*Юэчжэн Цзычунь*... — Фамилия этого персонажа может быть истолкована и как звание — главный придворный музыкант.

Стр. 263. История девушки из рода *Юсинь* и *Ииня*, сподвижника первого иньского царя Чэн Тана, изложена также у Сыма Цяня в «Исторических записках» (М., т. 1, 1972, с. 166), где читатель может с ней ознакомиться.

Стр. 264. ...*человек в холщовой одежде*... — простого происхождения, незнатный, но добившийся положения в обществе благодаря личным качествам. Таковым был и сам Люй Бувэй.

Стр. 265. *Цзы-янь из царства Чжэн* — первый советник Сы Цзы-янь. Описываемые события относятся к 398 г. до н. э.

«*Черноголовые*»... — Так называли свободных общинников. Различные истолкования этого термина учитывали отрицательную окраску слов типа «чернь», «темный».

Цзиньский Вэнь-гун — правил с 636 г. до н. э. Битва под Чэнпу имела место в 632 г. до н. э.

Стр. 268. *Сян-цзы* правил в царстве Чжао с 457 г. до н. э.

Стр. 270. *Пять нот* — пять ступеней китайской гаммы.

Стр. 273. *Симэнь Бао* — чиновник из царства Вэй (IV в. до н. э.); прославился гидротехническими работами, а также борьбой с человеческими жертвоприношениями.

Стр. 275. *Инь Вэнь* (или Инь Вэнь-цзы) — знаменитый философ из царства Ци.

Стр. 278. *Чжань Хэ* — философ VII в. до н. э. В «Ле-цзы» приводится его диалог с чуским царем Чжуан-ваном, правившим с 613 г. до н. э.

Стр. 279. *Гунсунь Лун* — знаменитый философ из царства Чжао, живший около 325—250 гг. до н. э. Пользовался покровительством Пинъюань-цзюня, младшего брата чжаоского царя Хуэй Вэнь-вана, правившего с 298 г. до н. э.

Стр. 280. *Саньту* — горные хребты Тайханшань в провинции Шаньси.

Стр. 281. *Дэн Си* — философ из царства Чжэн, живший в 545—501 гг. до н. э. Известен как создатель законов. Конфуцианская традиция приписывает его казнь не Цзычаню, высшему сановнику в Чжэн, а другому лицу.

ИЗ «ЧЖАНЬГОЦЭ»

Стр. 302. Враждующие царства («Сражающиеся царства», «Борющиеся царства») — семь наиболее крупных царств, уцелевших в междоусобной борьбе к концу V в. до н. э. (не считая восьмого владения — домена номинальных владык Китая, чжоуских Сыновей Неба). Это — Цинь, Вэй, Хань, Чжао, Чу, Янь и Ци; их борьбой заполнен весь исторический промежуток V-III вв. до н. э., также носящий название периода Борющихся царств («Чжаньго»).

Стр. 315. *Су Цинь* — известный государственный деятель и дипломат, всеми силами старавшийся помешать завоевательной политике Циньского царствующего дома. Один из главных персонажей «Замыслов враждующих царств».

И. Лисевич

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. Лисевич. Слово мудрости</i>	5
---	---

ИЗ КНИГ МУДРЕЦОВ КОНФУЦИАНСКОЙ ШКОЛЫ

Из «Луньюя». Перевод В. Сухорукова	27
Из «Мэн-цзы». Перевод В. Сухорукова	50
Из «Лицзи». Перевод В. Сухорукова	64

ИЗ КНИГ МУДРЕЦОВ ДАОССКОЙ ШКОЛЫ

Из «Даодэцина». Перевод В. Сухорукова	69
Из «Чжуан-цзы». Перевод В. Сухорукова	79
Из «Ле-цзы». Перевод В. Сухорукова и С. Кучеры	114
Из «Хуайнань-цзы». Перевод Л. Померанцевой	158
Из «Бао Пу-цзы». Перевод Е. Торчинова	183
Из «Гуань Инь-цзы». Перевод Е. Торчинова	192
Из «Шэнь-цзы». Перевод В. Сухорукова	200

ИЗ КНИГ МЫСЛИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ ШКОЛ

Из «Мо-цзы». Перевод М. Титаренко	205
Из «Сунь-цзы». Перевод Н. Конрада	213
Из «Хань Фэй-цзы». Перевод В. Сухорукова	220
Из «Люйши чуньцю». Перевод В. Ткаченко	254
Из «Гоюя». Перевод М. Крюкова	293
Из «Чжаньгоцэ». Перевод В. Сухорукова	301
Из «Чуцы». Перевод В. Сухорукова	327
Комментарии И. Лисевича	330

